Н. М. ЯЗЫКОВ

Стихотворения

ACADEMIA

Н. М.
ЯЗЫКОВ

ACADEMIA

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Л. Б. КАМЕНЕВА

Н. М. ЯЗЫКОВ

1803—1846

ACADEMIA

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. М. ЯЗЫКОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
М. К. АЗАДОВСКОГО

ACADEMIA

1934

Фронтиспис, суперобложка и шмуцтитула
(гравюры на дереве) работы
П. А. Шиллинговского
Титула и переплет по его же рисункам

Н. М. ЯЗЫКОВ
1803—1846

ОТ РЕДАКТОРА

Полного собрания стихотворений Языкова до сих пор не было осуществлено ни разу. При жизни Языкова вышли последовательно три книги его стихов (в 1833, 1844 и 1856 гг). Полного же собрания или хотя бы сводной книги своих стихов он так и не успел сделать. Впервые попытка собрать воедино стихотворения Языкова была произведена в 1858 г. проф. Перевлесским, при содействии бывшего еще тогда в живых брата поэта, А. М. Языкова. Перевлесский проделал довольно большую работу, просмотрел обилие старых журналов и альманахов, внес кое-что из рукописного наследия, сопроводил издание указаниями на разночтения, сделал сводку критических отзывов, — и для своего времени его издание представлялось очень ценным и значительным. Но это издание, с одной стороны, было сознательно неполным, так как в него не были включены полемические послания, как еще не утратившие в некоторой степени своей злободневности; с другой стороны, редактор не использовал целого ряда старых журналов, где помещались произведения Языкова, — в том числе оказался даже и «Москвитянин», который после смерти поэта неоднократно публиковал материалы из его литературного наследия, — и таким образом выпала значительная серия стихотворений Языкова. Не было свободно это издание и от простых ошибок, опечаток, и даже просто небрежностей. Так, например, несколько стихотворений было напечатано дважды:

Наконец во многих случаях неточна устанавливаемая им хронология, причем иногда эта неточность принимает характер невероятно грубых, даже и для того времени, ошибок, как, например, датировка послания к Пушкину 1837 или к Воейковой — 1831 годом.

Издание Перевлесского возбудило вновь некоторый интерес к поэту. В журналах стали появляться, помимо статей о поэзии Языкова, и новые текстологические материалы; но новая попытка издания полного собрания стихотворений Языкова осуществилась только через сорок лет в «Дешевой библиотеке» Суворина. От издания Перевлесского это издание отличалось прежде всего большей полнотой, хотя и оно также не охватило всего журнального и альманашного материала. Не очень оно было исправно и в смысле точности передачи текстов (яркий пример — текст «Тригорского»).

Значительно оживились текстологические изучения Языкова в начале XX века. Был обнародован ряд публикаций, пустивших в оборот несколько десятков новых текстов, было опубликовано большое собрание писем Языкова, делались попытки составления полного собрания стихотворений, но все последние, по тем или иным причинам, не оказались доведенными до конца. Более всего было сделано в этом направлении А. С. Поляковым, работа которого была прервана его неожиданной и ранней смертью (1923); собранные же им материалы как-то рассыпались по частным рукам.[1]

Таким образом предлагаемое вниманию читателя издание является наиболее полным из всех существующих. Помимо опубликованных печатных текстов в него введен ряд стихотворений из старых журналов и альманахов, остававшихся до сих пор незамеченными, а также ряд новых

[1] Благодаря любезности В. В. Вересаева я имел возможность ознакомиться с находящимся в его библиотеке экземпляром первого тома стихотворений Языкова в изд. Перевлесского с различными рукописными пометками и замечаниями А. С. Полякова.

материалов из архивов Публичной библиотеки, библиотеки Академии Наук, Института русской литературы, Академии Наук, Всесоюзной библиотеки имени Ленина, Литературного музея и некоторых других. Кроме того, все издание выполнено на основании имеющегося и бывшего известного редактору рукописного материала.

В основу положены издания, вышедшие при жизни Языкова. Но так как основной целью нашего издания являлась задача установить подлинный исторический облик поэта, то были совершенно неизбежны в целом ряде случаев отклонения от этого основного принципа. Так, например, если было совершенно ясно, что текст печатного издания имеет изменения, вызванные, очевидно, какими-либо внешними причинами, мы отдавали предпочтение более раннему рукописному источнику. В тех случаях, когда какое-нибудь стихотворение не вошло в отдельное издание, а известно в рукописи или в печатном воспроизведении (в журнале или альманахе), мы всегда отдавали предпочтение первому, так как очень часто в журнальный текст вносились произвольные изменения (цензором или редактором). Конечно, и здесь возможны те или иные индивидуальные, каждый раз обоснованные особо, отклонения: они всюду оговорены в примечаниях. Тексты печатаются по новой орфографии; особенности языковской орфографии сохранены лишь в самой минимальной степени — только там, где это придает особую фонетическую окраску стиху. Точно так же сохранены не все особенности языковской пунктуации, часто к тому же объясняющейся простой небрежностью; поэтому ряд отклонений его от общепринятой пунктуации оставлен нами без внимания; но там, где эти отклонения имеют определенно эмоциональный характер и подчеркивают так или иначе своеобразие интонации (восклицательный знак, многоточие, тире), — они сохранены. Не воспроизводятся также и прописные буквы в словах: «Поэт», «Природа», «Гений», «Наука», «Муза».

Особо следует оговорить вопрос о заглавиях: последние несколько унифицированы. Среди пьес Языкова очень большое количество падает на долю различных посланий и посвящений. В издании 1833 г. адресаты языковских посланий обычно зашифрованы инициалами. В позднейших же изданиях мы имеем совершенно обратное явление: фамилии и имена не только не зашифрованы, но, наоборот, раскрыты со всеми подробностями. Если обычный тип заглавий в издании 1833 г.: «П—ру», «А. Н. В—у», «К. К. Я.» и т. д., то в издании 1845 г. приведены полностью не только фамилия, но и имя и отчество («Каролине Карловне Павловой», «графу Владимиру Александровичу Соллогубу», «Михайлу Петровичу Погодину» и т. д.). Мы позволили себе внести однообразие, расшифровав буквенные подписи издания 1833 г. и заменив инициалами полные имена и отчества издания 1845 г. (текст первоначального заглавия всюду указан в примечаниях).

Следует отметить еще одну особенность языковских текстов. Почти каждый имеет дату и обозначение места. По мысли Языкова, это, видимо, составляло вместе с заглавием одно целое. Но внимательная проверка этих обозначений обнаружила, что в значительном числе случаев они неправильны. Имела ли здесь место простая ошибка или некоторое сознательное нарушение истины — судить трудно; вернее, и то и другое вместе. Но, во всяком случае, оставить в таком виде эти указания было бы неправильно. Не считая возможным вносить какие-либо исправления в текст, мы вместе с тем не считали возможным и оставлять заведомо неверные указания, и потому тексты стихотворений воспроизведены без этих дат. Датировка же самого Языкова всюду сохранена в примечаниях.

Материал распределен нами по хронологическому принципу. Мы считаем, что в издании такого типа, как наше, цель которого дать полное представление об историческом облике поэта и его последовательном развитии,

такой принцип является наиболее удобным и законным. Поэтому мы включили в основной текст и такие пьесы, как стихотворные записки, альбомные шутливые записки, эротические шалости и не предназначавшиеся к печати пародии, как, например, «Валдайский узник».

Учитывая, что настоящее издание является первым опытом академического издания Языкова, мы старались собрать возможно полнее материалы по истории текста, включив их в примечания, которые, тем самым, принимают характер преимущественно текстологический, но вместе с тем в примечания введен и реально-бытовой комментарий, необходимый для понимания отдельных пьес Языкова, часто связанных с конкретными фактами его биографии, и, наконец, материалы, характеризующие отношение к творчеству Языкова современных читателей и критики. Общей же характеристике социальной сущности творчества Языкова посвящена вступительная статья.

При работе над подготовкой настоящего издания нам приходилось неоднократно пользоваться советами, указаниями и помощью целого ряда специалистов-литературоведов и сотрудников рукописных и книжных хранилищ, особенно помощью М. П. Алексеева, проф. W. Andersohn'а, А. А. Бескиной, Н. Ф. Бельчикова, П. Н. Беркова, Л. В. Брун, И. А. Бычкова, В. В. Вересаева, Г. А. Гуковского, Н. П. Киселева, М. К. Клемана, Е. Н. Коншиной, Н. О. Лернера, Л. Б. Модзалевского, Е. П. Населенковой, Ю. Г. Оксмана, В. Н. Орлова, С. А. Переселенкова, А. И. Перепеч, В. И. Срезневского, Т. Э. Степановой, Н. Н. Столова, Т. Н. Петуховой, И. М. Троцкого, А. Н. Турунова, Н. П. Чулкова, Д. И. Шаховского, К. Юновской и И. Г. Ямпольского. Всем им приносим глубокую благодарность.

Н. М. ЯЗЫКОВ

I

Совершенно своеобразно сложились в истории русской литературы судьбы изучений Языкова. Несмотря на то что имя его тесно связано с именем Пушкина и стоит в одном ряду с крупнейшими русскими лириками начала XIX века, Языков представляется одним из наименее изученных и исследованных поэтов. До сих пор нет ни критического полного собрания его произведений, ни исследовательски выполненной биографии, даже материалы представлены весьма скудно. Перед войной Академия Наук приступила было к публикации богатого эпистолярного наследия Языкова, но издание оборвалось на первом томе, охватив только — да и то не полностью — студенческий (дерптский) период жизни поэта. Наконец весьма скудна и посвященная ему исследовательская литература. Биографический очерк Шенрока (1897) да реакционная, и к тому же крайне наивная и беспомощная в научном отношении, монография Смирнова (1900), — вот, в сущности, и весь исследовательский фонд в сфере изучения Языкова.

Известные послания Языкова в 40-х годах, направленные против Чаадаева, Грановского и Герцена, — «поэтические доносы», как их охарактеризовал последний, — сделали надолго одиозной фигуру Языкова в передовых кругах русской историко-литературной науки и критики. Знаменитая статья Белинского, в сущности — ответ на

«Послание к Чаадаеву»; под этим же углом зрения рассматривала его и позднейшая критика. Так, например, весьма примечательна статья в «Московском обозрении» (1859), вызванная первым посмертным изданием стихов Языкова и озаглавленная «Лирическая поэзия последователей Пушкина», где представителем радикальной разночинной критики ставился, в сущности, вопрос о наследии Пушкина. Эта статья — решительная попытка отбросить от Пушкина правый фланг русской литературы, стремящийся всецело присвоить себе его наследство, и указать, *куда* пришли те, кто, отмежевываясь от современной поэзии, называли себя последователями Пушкина.

А когда от боевой критики к Языкову подошли авторы различных общих и итоговых статей, то в их распоряжении оказались только штампы, которые установились с самых давних времен и докатились до наших дней. Здесь — два основных штампа. Один изображает Языкова как поэта-эпикурейца, русского анакреонтика. Отчетливее всего это было сформулировано еще редактором первого издания его сочинений Перевлесским: «Что же и как пел Языков в своих лирических песнях? На эти вопросы, думаем, всего лучше отвечать его же собственными словами. Языков сам называл себя голосистым певцом пиров, хмеля, прелести сует, певцом вина, дружбы, прохлад и шалостей любви нескромной: действительно, больше всего и чаще всего он воспевал счастливыми стихами харит, вино, дружбу и покой». [1] Ту же формулировку немного в других словах и выражениях можно прочесть и у других авторов.

Но с этим анакреонтизмом и эпикурейством не совсем вязался образ Языкова как поэта религиозного пафоса и полемических посланий, — и тут был выдвинут другой

[1] Стихотворения Н. М. Языкова, ч. I, СПБ. 1858, стр. XI. См. также статью об Языкове в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Эфрон, в «Русском биографическом словаре», в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского и т. д.

штамп: его переход к новым темам объяснялся его болезнью, родственными и дружескими связями и т. д.

За этими штампованными оценками упускалось из виду одно: усвоение поэзии Языкова его современниками и ее значение для них. Было бы наивно думать, что современников пленяла только формальная сторона и техническое совершенство его поэзии. Было же что-то такое, что обусловливало усиленный интерес к нему и восторженные оценки. Более того, внимательно вглядываясь в отношение к Языкову современных критиков и читателей, можно заметить, что его творчество является как бы неким водоразделом, который определяет место различных литературных течений.

Совершенно понятно, что вокруг его имени шел определенный бой в 40-х годах — между «Отечественными записками», с одной стороны, и «Москвитянином» — с другой, т. е. между славянофилами и западниками. В эти годы поэзия Языкова принимает ярко-окрашенный, реакционный характер, и даже в среде, близкой славянофилам, происходит некоторое размежевание вокруг Языкова.[1] Для Белинского Языков был как бы символом и главным представителем славянофильства, славянофильского понимания народности, славянофильского восприятия мира. С наибольшей силой это выражено в статье, посвященной Крылову, написанной по поводу смерти баснописца. Правда, имя Языкова в этой статье ни разу не названо прямо, и только один раз цитируется отрывок из его стихов, но, в сущности, Белинский возвращается к нему беспрерывно, делая его центральной фигурой славянофильства. «После Пушкина — первого русского поэта, который был велик и национален, — после Пушкина все пустились в народность, все за нею гонятся, а достигают ее только те, которые о ней вовсе не заботятся, стараясь быть только самими собою. И чего ни делают эти рыцари народности.

[1] Например, Каролина Павлова. См. Приложения.

эти новые дон-Кихоты, которые затем, что им никогда не удавалось видеть в лицо дамы своего сердца, вместо нее поклялись в верности толстой простонародности — красно-щекой Дульцинее, — чего ни делают они, чтобы сорвать улыбку одобрения с жирных и неопрятных губ этой девы в кумачном сарафане, с засаленною косою... Бедные, они добровольно отрекаются в своих сочинениях от сословия, к которому принадлежат, от образованности, которою обязаны воспитанию, даже от той доли здравого смысла, которою не обделила их природа. Они тщательно прячут свой фрак под смурый кафтан и, поглаживая накладную бороду, взапуски друг перед другом копируют язык гостинодворцев, лавочных сидельцев и деревенских мужиков. «О, волны балтийские! — восклицает один из них: — важно и почтенно уважили вы меня, примчавши из немецкой нехристи к православным берегам пароход с моим другом». Другой восклицает к своему приятелю (называя его, ради народного эффекта, однокашником и однокорытником): «Молодец ты, братец ты мой, дока и удалец. Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине; мил ты мне, дока и буян вдохновенный».

«Третий идет дальше» и т. д. [1] Белинский объявляет всех их Лжедмитриями, которые «жалки и смешны не в одной политической истории, но и в летописях литературы». Он отрицает всю их — и главным образом Языкова — поэзию, утверждая, что во всех этих стихах «нет ни одного истинно-русского, живого, теплого слова, что в них все искусственно и поддельно и часто недостает смысла и что Русь в них показывается такой, какою она в действительности никогда не была и какою она существует только в маниловской фантазии сочинителя, в

[1] Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, т. XII. Гиз, 1926, стр. 486.

представлении которой и старое, и навсегда прошедшее смешивается с новым настоящим и неведомым будущим».[1]

Но бой вокруг Языкова шел не только в 40-х годах, когда уже так ярко и решительно обозначился реакционный характер его поэзии и когда совершенно четко определились политические очертания основных литературных течений и группировок, — спор за Языкова шел гораздо раньше. Уже начиная со второй половины 20-х годов и особенно в 30-х, его поэзия являлась резкой демаркационной линией в русской критике и читательских кругах. В то время как целый ряд журналов, от «Новостей литературы» и «Северной пчелы» до «Московского вестника» и «Литературной газеты», всецело и безоговорочно приемлет поэзию Языкова, а Пушкин объявляет его и Дельвига лучшими русскими поэтами, со страниц «Московского телеграфа» раздаются сначала предостережения, а потом и решительная критика во имя большей идейной ценности.

Ниже мы подробнее остановимся на тех линиях, по которым шел этот водораздел, и попытаемся вскрыть и осветить подлинный смысл всех этих оценок, пока же в целях дальнейшего анализа необходимо установить еще один существенный момент. «Вакхический», «хмельной» и тому подобные элементы поэзии Языкова обычно трактуются в узкобиографическом плане. За поэтическим образом в изображении биографов встает образ самого поэта. Об этом очень охотно и много писали прежде всего мемуаристы. Так, например, Д. Н. Свербеев, весьма близкий семье Языковых человек, свидетельствует: «Кроме страсти к женщинам, в полном смысле платонической, по примеру Анакреона и других эротических поэтов, имел он слабость к дарам Бахуса. Вино одушевляло его поэзию. Разгульная дерптская жизнь и гулявшее с ним и опивавшее его товарищество из русских дерптских студентов воспрепят-

[1] Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, т. XII, стр. 487.

Н. М. ЯЗЫКОВ
1822
Портрет Е. Эстеррейха

ствовали ему заниматься, как следует, в университете. Сладострастные грезы и частые возлияния во славу отчизны, женщин и поэзии скоро истощили его здоровье и заставили, не выдержав ни одного из студенческих экзаменов, переселиться в Москву под кров Елагиных и Киреевских». [1]

Суровый отзыв дает об Языкове знаменитый Н. И. Пирогов. «За исключением нас, присланных в Дерпт, уже по окончании курса в русских университетах, и двух-трех русских, всем прочим пребывание в Дерпте не пошло впрок. Карамзин Андрей, сын историка, и Соллогуб едва ли вынесли что-нибудь из дерптской научной жизни, кроме знакомства с разными студенческими обычаями; другие, как, например, Языков и приезжие из Москвы и Петербурга, полурусские и полунемцы сбивались с кругу и уезжали через несколько лет в весьма плохом виде». [2]

Из этих мемуаров и других аналогичных источников такие суждения перешли и в научно-биографическую литературу и сделались основой суждений об Языкове. Так, В. Шенрок говорит об отрицательном влиянии студенческой среды, о природной лени поэта как об основных факторах его биографии и творческой деятельности «поэта разгула и свободы», как именует он Языкова. [3] «Об увлечении беззаботным разгулом буршей» говорят и Морозов, и ряд других авторов, прикасавшихся к этой теме. [4] Но эту биографическую легенду о недоучившемся студенте-пьянице нужно решительно снять. Отчасти это уже сделано, хотя, быть может, еще недостаточно вошло в литературный оборот. Любопытно, что еще Геннади отме-

[1] Д. Н. Свербеев, Записки (1799—1826), т. II, М. 1899, стр. 92.
[2] Н. И. Пирогов, Вопросы жизни. СПБ. 1885, стр. 286.
[3] В. Шенрок, Н. М. Языков. «Вестник Европы» 1897, XI.
[4] Энциклопедический словарь Брокгауз-Эфрон, т. XLI; см. также статью Сербова (Русск. биограф. словарь).

чал несостоятельность таких утверждений: «Читая большую часть стихотворений Языкова, нужно думать, что его только и вдохновляли вино да девы (но не парнасские), да забубенные песни поэтов. Кажется, так. Но поэтам не всегда надо и можно верить... нам кажется, что, для того чтобы написать стихи складно и ладно, прежде всего надо быть *трезвым*. И когда *чудно* пьянствует поэт, он пишет не стихи, а вензеля...» [1]

Об этом же писали его друзья: Шевырев, Погодин; писали и современники из противоположного литературно-политического лагеря, даже упрекая Языкова в холодности и подчеркивая головной характер его поэзии. Наконец к этой теме можно привлечь ряд документальных материалов.

Опровержению этой легенды посвятил почти целиком свою работу об Языкове Е. Бобров. [2] На основании изучения архивных университетских материалов, он сумел достаточно отчетливо показать, что среди дерптских студентов Языков был скорее одним из наиболее передовых, много читающих и работающих. Помимо предметов своего факультетского отделения, [3] он прослушал еще целый ряд курсов, совершенно необязательных, что свидетельствует уже, конечно, о более повышенном студенческом интересе. Курсы эти были: философия религии, эстетика, теоретическая физика, история живописи и архитектуры, современное состояние европейских государств и проч. Да и самый аттестат, который получил Языков, в значительной мере должен, по мнению иссле-

[1] Геннади, Кое-что о русских поэтах. Сборник литературных статей в честь А. Ф. Смирдина, т. VI, стр. 114—115.

[2] Проф. Евгений Бобров, К биографии Н. М. Языкова. Сборник Учено-литературного о-ва при Юрьевском университете, т. XI, Юрьев 1907, стр. 18—58.

[3] Проф. Бобров указывает, что это отделение приблизительно соответствовало так называемому в русских университетах этико-политическому.

дователя, разрушить созданную легенду.[1] Возможно, что Е. Бобров, как часто бывает в таких случаях, несколько перегибает палку в другую сторону, невольно преувеличивая размеры и характер студенческих занятий Языкова и к тому же чересчур доверяясь официальным документам. Но в основном он, несомненно, прав. И для подтверждения этого имеется ряд материалов и документов другого типа. Такова прежде всего огромная переписка поэта, хранившаяся в Академии Наук (первый и единственный том этой переписки вышел в 1913 г. [2]) и с которой совершенно не был знаком Е. Бобров, когда писал свою статью.

Письма Языкова заставляют совершенно иначе взглянуть на общепринятое мнение о недоучившемся студенте, малообразованном кутиле и т. п. Его письма к братьям полны упоминаний о разного рода планах работы, о прочитанных и купленных книгах, просьбами о присылке книг, отчетами о прочитанном и т. п., словом, свидетельствуют о большой умственной работе поэта и о большой работе над собой. Молодой студент много работает и много размышляет. Характерно его письмо к брату, написанное в ответ на приглашение последнего принять участие в развитии одной из сестер: «Твое предложение мне писать к сестре о каком-нибудь предмете ее образования имеет следствием вопрос, сделанный мне самому себе: могу ли еще теперь об чем бы то ни было рассуждать и писать основательно и даже делать то понятным другому, что хотя сам понимаю. Для такого подвига должно бы более пожить в Дерпте и больше, нежели я имею времени, заниматься этими предметами. Впрочем, ежели это хотя чуть-чуть может быть полезно сестре, я решусь сказать ей

[1] Ibid., стр. 42.

[2] Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период (1822—1829). Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. Изд. Отд. русского языка и словесности Академии Наук. СПБ. 1913, стр. 26, 502.

сегодня то по-русски, что вчера читал на немецком и даже на русском. Таковы письма тем труднее, что их должно будет, как говорит Любарский или П. Сумароков, расцвечать шутками и прибаутками, ибо в противном случае они будут скучнее книги, место которой заступить должны... Для поэзии можно взять для примера какую-нибудь немецкую эстетику, а для истории довольно и Эверса — и даже Константинова. Эта переписка может быть и мне самому несколько полезна, потому что заставит думать о кое-чем таком, что еще не обдумано и не узнано мною в подробности и ясности». [1]

В Дерпте Языков много и усиленно работал по истории и эстетике. «Нельзя ли прислать мне Адама о римских древностях на русском языке, — пишет он брату, — теперь я прохожу историю искусств по Мейеру: говорят, он лучше Винкельмана».[2] Об этом же он вновь пишет, уже в 1828 г.: «Я тебе пришлю список книгам политическим и историческим, которые есть у меня, и ты напишешь мне, какие из них мы имеем оба — их можно будет здесь променять на нужнейшие... Винкельмана только и было у меня что две части, да ведь у нас есть Мейер, который, говорят, дельнее, торжественнее Винкельмана. Впрочем, и то сказать, что в историю искусства нам и не должно сильно втягиваться, зане план нашей будущей жизни не благоприятствует занятиям подобного рода: жизнь деревенская, друг мой, чрезвычайно отдалена, по существу своему, от возможности видеть собственными глазами даже кистей и резцов веков минувших и даже настоящего. Нам надобно знать по этой части настолько, сколько входит она в поэзию, политику, в историю человечества...». [3]

Не говоря уже о том, что Языков прекрасно знал всю современную русскую литературу и беспрерывно следил за ней, также внимательно следил он и за западно-евро-

[1] Языковский архив, стр. 97.
[2] Ibid., стр. 164.
[3] Ibid., стр. 369.

Н. М. ЯЗЫКОВ
1824—1825
Рисунок А. А. Воейковой

нейской литературой и превосходно знал ее. «О господи, как бы мне поскорее кончить изучение греческого и латинского языков, прочесть Шекспира, Кальдерона, Гете и еще раз Шиллера! Ich will kein Dichter sein, wenn ich kein grosser Dichter werden kann, — сказал Goethe, я с гордостью говорю то же...». [1]

В его письмах мы встречаем впечатления и суждения о прочитанных сочинениях Шекспира, Шиллера, Гете, Тасса, Ариосто, Байрона, Альфиери, Бенжамена Констана, Вальтер-Скотта, Иммермана, Кальдерона, Кернера, Лессинга, Мицкевича, Нодье, Стерна, Вергилия, Тибулла и т. д., и т. д. Причем некоторые суждения поражают своей глубиной и оригинальностью, смелостью оценок, так, например, замечание о Клингеровом Фаусте, который, как он пишет: «подействовал (на него) сильнее, чем Гетев».[2] Одновременно с этим и особенно усиленно занимается он историей. Чтение Карамзина волнует его, «доводит до слез». Тому же брату Александру он пишет по поводу всеобщей истории Ротека: «Я влюблен в него, несмотря на то, что он называет по неведению язык русский die Sprache der Knechtschaft. [3] Я и мой товарищ, которым я вовсе доволен, мы начали изучать эту историю grundlich, что называется с корню». [4] Что же касается истории Ливонии, то через несколько лет пребывания в Дерпте у него даже образовалась библиотека, включающая почти основное в этой области.

Причем было бы ошибкой думать, что перед нами только книголюб-коллекционер. Письма хранят многочисленные свидетельства его внимательных изучений. В письме от 2 августа 1825 г. он пишет брату: «Über die Wohnsitze der ältesten Russen я имею, читал и вполне согласен, что последние призваны славянами с юга, от Черного

[1] Языковский архив, стр. 120.
[2] Ibid., стр. 373.
[3] То есть язык рабства.
[4] Языковский архив, стр. 157.

моря, а не из Скандинавии. Теперь Эверс читает об этом предмете; слушая его, нельзя ему не верить. Его необыкновенные сведения в русской истории, удивительная ловкость ума, с которою он обращает в свою пользу все доказательства мнений, противных его мнениям, и, наконец, увлекательный способ изложения своих мыслей, — все это составляет какую-то ученую гармонию, редкое и совершенное наслаждение его слушателей. Я читал Погодина: он просто компилятор своего мнения, своих доказательств и ссылок у него вовсе нет, он читал только Шлецерова Нестора, первый том Карамзина, Лерберга (которого мнения, следствие распятия слов разных немецких наречий, тоже ничего не доказывают, кроме учености автора), Френа и Эверсовы разыскания (с предубеждением в пользу очевидно неосновательной системы) и с каким-то рабским подобострастием идет шаг за шагом за своими идолами». [1]

Наконец вместе с литературой, эстетикой, русской и всеобщей историей он изучает и экономические науки. В письме от 2 сентября 1825 г. он сообщает брату, что читает запрещенную книгу Альфиери «Von der Tyrannei [2] и затем добавляет: «Кстати нельзя ли найти у Грефа «Grundsätze der Politischen Oekonomie» von Fulda. [3] Видишь ли, что и я грешный начинаю завлекаться в эту часть наук, вовсе не поэтическую. Это очень почтенно с моей стороны и ново в моей жизни». [4]

Все эти примеры и факты, число которых можно значительно увеличить, достаточно убедительны, чтобы совершенно снять привычный образ недоучившегося студента; вместо него отчетливо выступает знакомый образ представителя культурной дворянской молодежи 20—30-х годов. Пьянство, эротика, о которых так много говорили,—

[1] Языковский архив, стр. 193.
[2] О тирании.
[3] «Основы политической экономии» Фульда.
[4] Языковский архив, стр. 204.

это в сущности общая черта дворянской культуры этой эпохи: она характеризует в равной мере и столько же Языкова, как, например, и Пушкина, и Дельвига, и декабристов, и, еще несколько позже, отчасти молодого Герцена. И если здесь есть кое-что, как будто выходящее за пределы привычного явления, то это нужно отнести к дерптской специфике, к характерным чертам студенчески-бурсацкого быта.

Снятие этой легенды важно нам, конечно, не в биографическом плане, не ради каких-либо запоздалых и ненужных реабилитаций, но как раз наоборот, чтобы наглядно показать небиографичность этой полосы творчества. Мотивы пьянства и любовного разгула, весь этот хмельной и эротический пафос — не результат соответственной биографии, но знаменуют собою определенную черту в общем стиле эпохи. Это явление не индивидуальное, но социальное.

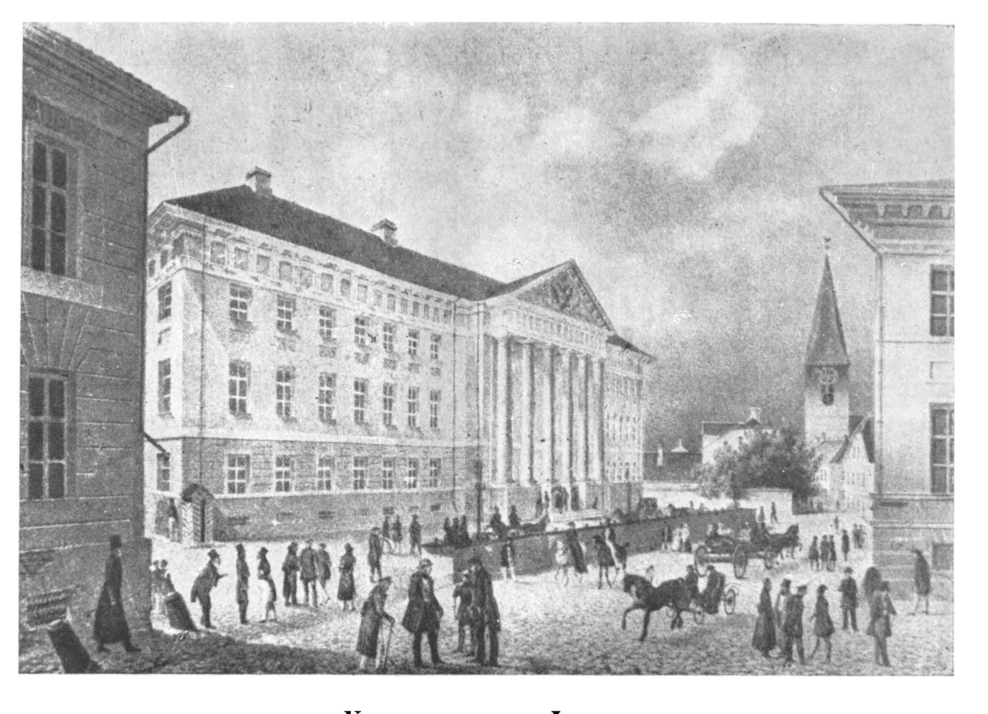
Попутно следует обратить внимание еще на одну сторону поэзии Языкова. На первый взгляд она поражает своей биографичностью. Возьмем издание стихотворений 1833 г. Оно как будто всецело во власти биографической стихии. Из 116 стихотворений, вошедших в этот том, 31 являются посланиями в узком смысле этого слова; 4 — воспоминаниями о покойных друзьях и близких, 8 — также посланиями, но не в прямом смысле: по жанру они относятся к элегиям или другому какому виду, но подзаголовок указывает, что они имеют определенного адресата. Если к этому еще добавить, что ряд пьес, включенных в это издание под заглавием «Элегия», является также не чем иным, как замаскированными посланиями (некоторые из них имели соответственное заглавие в первоначальных редакциях или черновиках), то получится, что свыше пятидесяти процентов книги вызваны чисто личными мотивами и имеют личный повод, а стало быть, основаны на реальных моментах узко-биографического характера. Однако эта биографичность совсем иного типа.

Возьмем, например, послание к Виню (в прежних изданиях ошибочно озаглавливается: «К. В. Ю.»). Написанное в тонах дружеского участия и сочувствия, оно, казалось, свидетельствует и о каких-то подлинных дружеских взаимоотношениях. Однако вот что пишет он брату, рекомендуя адресата: «Само собой разумеется, что ты примешь должные меры против посещений этого нового знакомого, он едва ли не скучнее Бюша (это много!), потому что последний все-таки кое-что знает, а голова первого — пустыня, не видавшая ни одного путешественника. Я уже довольно терпел от него по части скуки и особенно терплю теперь,— он живет в том же доме, где я — и живет теперь тайно, ибо должен оставить Дерпт по приказанию полиции, вследствие этого — то, что он чаще меня посещает, мешает мне и надоедает до смерти, несмотря на особенное старание мое быть реже дома, именно им возбужденное». [1]

Таких примеров можно привести очень много. Его страстные послания к цыганке Тане далеко не соответствуют тем подлинным взаимоотношениям с ней, которые раскрываются в его же переписке. Таким образом повод для создания той или иной пьесы — очень часто биографический, но трактовка его далеко отходит от реального факта биографии. И в таком плане, в сущности, следует рассматривать и его увлечение Воейковой, явно преувеличенное в его лирике (а отсюда и в его биографии) и имевшее в значительной степени головной, надуманный характер, и целый ряд других фактов, нашедших отражение в его поэзии.

Что же касается тематики Языкова в целом, то она, конечно, не исчерпывается ни этими мотивами внешнебиографического характера, ни мотивами «Вакха и Эрота». Для самого же Языкова эти мотивы как будто стояли на втором плане, и он склонен был рассматривать их как то

[1] Языковский архив, стр. 265.

Университет в Дерпте

По позднему рисунку начала 40-х годов. Гравюра на камне Ф. Шлятера

hors d'oeuvre настоящего своего творчества. И во всяком случае нет никаких оснований усматривать какой-то разрыв между ранним и поздним Языковым. Письма дают чрезвычайно богатый материал для суждений об его поэтических планах, замыслах и устремлениях. И в письмах, и в стихах, где он так или иначе заявляет свое profession de foi, выступают иные мотивы. Так, например, не только декларацией является одно из ранних посланий его к брату, Александру, которого он не без основания называл пестуном своей поэзии:

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар,
И оживит он в песнях славы —
Славян пленительные нравы,
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины
Торжественный и величавый!

Дерптский период весь в планах создания большой исторической поэмы. Усиленные занятия Языкова по русской и всеобщей истории — это подготовка к созданию будущей поэмы. Одно время он усиленно занимается по истории Ливонии, но дальше нескольких отрывков, навеянных ливонскими изучениями, дело не дошло. Но исторический интерес Языкова сказался в этом очень ярко. Более углубленными, длительными и упорными были его поэтические экскурсы в область русской истории. Это его постоянный и основной интерес: даже поездка к Пушкину,

о которой он давно мечтает, манит его в значительной степени попутной возможностью ознакомиться с древностями Пскова. Нужно добавить, что эти настроения усиленно поддерживались в поэте и некоторыми личными влияниями, главным образом брата Александра, затем А. А. Воейковой, в меньшей степени проф. Перевощикова. Но большой исторической поэмы он так и не написал, сохранился только ряд отдельных стихотворений и небольших отрывков-фрагментов оставшихся не написанными поэм. Во вторую половину его творчества этот исторический интерес нашел свое воплощение в создании нескольких исторических повестушек в стихах, а также отчасти и в сказках, — к этому нам еще придется вернуться.

В этой же националистически-патриотической полосе следует рассматривать и третий основной элемент его поэзии — как в ранний, так и в поздний период, — тему, которую условно можно назвать усадебно-родиноведческой. Тема родины, где с историческими переживаниями сплетаются мотивы воспоминаний личных, семейных. Первый опыт — стихотворение «Моя родина» (1822), где эта тема дана еще только в историческом плане; затем эта же тема разрешается лирически в пьесах «Чужбина», «Родина» и др., завершаясь уже в последний период его жизни в «Послании к Хрипкову» и особенно в стихотворении «К Рейну» — своего рода торжественный гимн во славу родной Волги.

Таким образом Языков как поэтическое явление гораздо сложнее, чем это обычно представлялось. Это отразилось и в суждениях и оценках современников.

II

Чтобы отчетливее представить социальную сущность и роль поэзии Языкова, особенно интересно и ценно проследить его взаимоотношения с центральным журналом 20—30-х годов: «Московским телеграфом». Это чрезвы-

чайно важно по той роли и по тому значению, какое имеет «Московский телеграф» в истории нашей общественности. «Телеграф» был лучшим и боевым журналом эпохи, вокруг него — ниже мы остановимся на этом подробнее — развертывалась напряженная литературная борьба, в которой ясно определялись расстановка и соотношение общественных сил.

К сожалению, вопрос об этом очень слабо исследован в нашей историографии, и это заставляет, сделав, быть может, некоторое отклонение от основной темы, подробнее остановиться на этом моменте: учет позиции журнала позволит ярче оттенить и подлинную позицию Языкова.

Ходячее мнение определяет социальную позицию редактора «Московского телеграфа» (а стало быть, и самого журнала) как разночинскую. Это было в свое время очень решительно сформулировано в боевой статье С. С. Шашкова;[1] этот же тезис был прочно усвоен нашей критикой, по крайней мере, теми ее представителями, которых так или иначе интересовали вопросы социальной приуроченности того или иного явления.[2] Последним словом в

[1] С. С. Шашков, Н. Полевой. «Дело» 1875, №№ 5, 7.

[2] Характерно, что этот взгляд на Полевого разделял и Плеханов. Несколько иначе смотрит Н. Рожков, который, отмечая купеческое происхождение Полевого, подчеркивает, что «его личность и деятельность характеризует не одну только дворянскую культуру, но отчасти также зарождение культурных новообразований в русской буржуазии» (Н. Рожков, Тридцатые годы. Цитируется по перепечатке статьи в Сборнике «Очерки по истории русской критики» под редакцией А. В. Луначарского, и В. Полянского, т. I, М. 1929, стр. 122). Далее Рожков именует его даже «буржуа-либералом». П. Коган в той же книге (стр. 158, 159 и сл.) характеризует социальную позицию Полевого как позицию «бедного», униженного интеллигента, «интеллигента — плебея». Н. К. Козьмин в своей книге «Очерки русского романтизма: Н. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи» (СПБ. 1903) совершенно игнорирует вопрос о социальной позиции Полевого. О Полевом как представителе буржуазной идеологии см нашу статью «Сибирская литература» («Сибирский литературно-краеведческий сборник», Иркутск 1928, а также «Сибирская советская

этой области следует считать страницы, посвященные Полевому, в последнем, подводящем итоги изучения русской литературы XIX века, труде П. Н. Сакулина.[1]

Однако все это совершенно неверно. «Московский телеграф» следует рассматривать как орган молодой крепнущей русской буржуазии. Это следует уточнить. Речь должна итти в сущности не о появлении в качестве совершенно сформировавшегося класса с определенно осознанными своими задачами и путем развития. Точнее говорить о буржуазном сознании, которым характеризуется определенная линия в русской литературе и публицистике первой трети XIX века. Это — эпоха, когда формировались новые экономические отношения, создававшиеся в процессе роста промышленного капитализма и ломки крепостного хозяйства. Этот рост должен был неизбежно вести страну на путь капиталистического развития и выдвинуть в активной борьбе новые социальные силы. Но у нас эти два момента не совпали, что уже отмечалось историками. Формирование буржуазной программы произошло ранее, чем формирование и организация буржуазии как класса. Сущность этой программы была прежде всего в постановке вопроса о ликвидации крепостного строя, и с этой стороны она резко противопоставлялась земледельческой аграрной программе. Но эта программа была выдвинута не буржуазией; это — программа декабристов. Ее идеологи и носители — преимущественно представители среднепоместного дворянства. Это — наиболее тронутый растущими экономическими противоречиями

энциклопедия», т. III, стр. 168—172). Д. Бернштейн в статье, посвященной художественным произведениям Н. Полевого, утверждает, что в творчестве Полевого воплотилась «психология молодого поколения непривилегированной крупной буржуазии 20—30-х годов» («Литература и марксизм» 1929, V, стр. 120). Однако типично переверзианский метод ее исследования делает малоубедительной и недоказанной концепцию автора.

[1] П. Н. Сакулин, История русской литературы, т. II, стр. 513—515

МОСКОВСКІЙ

1825

Шмуцтитул первой книги «Московского телеграфа» 1825

слой; этот слой является дворянской интеллигенцией эпохи; но отражают они не узко-сословные дворянские интересы, но интересы группы, еще не сложившейся, хотя предпосылки для ее создания уже достаточно определились. Ликвидация крепостного права, раскрепощение промышленности и торговли — это основные моменты декабристской программы, и это, конечно, свидетельствует о недворянском ее характере.

Было бы ошибочно ограничивать влияние этих идей только декабристской средой. Эти элементы были достаточно рассеяны в обществе. Проявление этих ярко выраженных буржуазных тенденций мы неоднократно встречаем и в публицистической, и в экономической литературе того времени. Так, например, в 1826 г., т. е. на следующий год после политической гибели декабризма, в год суда и казни над ними, Академия Наук поставила тему о причинах понижения цен на земледельческие продукты в России. Премию получил А. Фомин, сочинение которого, по характеристике историка, является «совершенно обоснованной декларацией о приоритете промышленности в развитии народного хозяйства и о необходимости принципов свободы в естественном ходе и распределении народного богатства в развитии производительных сил. Другими словами, декларация, противопоставлявшая начала буржуазного развития — системе крепостного хозяйства».[1] Те же мысли, такое же понимание задач экономического и культурного развития страны мы находим в «Телеграфе».

«Московский телеграф» явился таким образом выразителем интересов буржуазии — в отличие от интересов дворянских, которые были представлены другими органами печати; самого же Полевого следует считать одним из крупнейших представителей буржуазной интеллигенции. Полевой сумел понять сущность этих идеалов, но для

[1] Лященко, Очерк истории народного хозяйства, М. 1926.

данной эпохи его идеалы шли гораздо левее подлинной буржуазии.[1]

«Московский телеграф» — это как-то ни разу еще не было отмечено в исследовательской литературе — явился на литературной арене как союзник декабристов, позже в некотором смысле он являлся как бы и продолжателем декабристского дела. И не только в смысле пропаганды буржуазной программы, но и отчасти в политическом плане. Полевому был свойствен некоторый политический радикализм. В условиях николаевской цензуры эту линию, конечно, невероятно трудно было выдержать, — и позднейшему читателю не всегда удается проследить основные моменты политической мысли редактора, особенно среди вороха патриотических и монархических высказываний и заявлений. Но эти радикальные настроения и тенденции проскальзывают по второстепенным поводам, в косвенных и, казалось бы, случайных замечаниях, во второстепенных отделах журнала, в особенности в отделе «Новый живописец», где Полевой бился не только с литературными противниками. Особенной же резкостью были всегда окрашены его выступления против крепостного

[1] С этой стороны очень характерно фритредерское направление Полевого, также сближавшее его с декабристами. Конечно, современная Полевому русская деловая промышленная буржуазия была противницей свободы торговли, но передовая буржуазная мысль уже боролась в Европе против протекционной системы. Связь Полевого с промышленным миром, хотя он и был «водочным заводчиком», что любили напоминать его противники, была не очень тесна; кроме того, важно отметить, что Полевой был тесно связан с восточно-сибирской торговой буржуазией, и на формировании его мировоззрения, несомненно, очень сильно отразилась та атмосфера напряженной классовой борьбы, которая характеризовала общественную жизнь Восточной Сибири в первой четверти XIX века, борьбы между местным крупным капиталом и пришлым дворянством, в лице бюрократии. Отец Полевого — один из культурнейших иркутских купцов начала XIX века, управляющий иркутской конторой Российско-американской компании — играл немалую роль в этой борьбе. В этой же среде естественно сложились и окрепли фритредерские настроения, так как торговая буржуазия всегда отстаивала свободу торговли.

права, далеко уходящие от академических рассуждений об его экономической невыгодности. Эти выступления имели определенно политическое значение и политический характер; значительно дальше литературных споров шли и его выпады против «литературной аристократии». Современники, всегда остро воспринимающие подлинный общественный смысл тех или иных явлений, остро чувствовали и эту сторону деятельности Полевого. И злорадная реплика Пушкина после закрытия «Телеграфа» об его якобинизме была не так уже далека от подлинной действительности.[1] Конечно, не якобинизм, не революционное сознание в подлинном смысле, — но несомненный радикализм, заставляющий рассматривать «Московский телеграф» как крайний левый фланг русской журналистики 20—30-х годов.

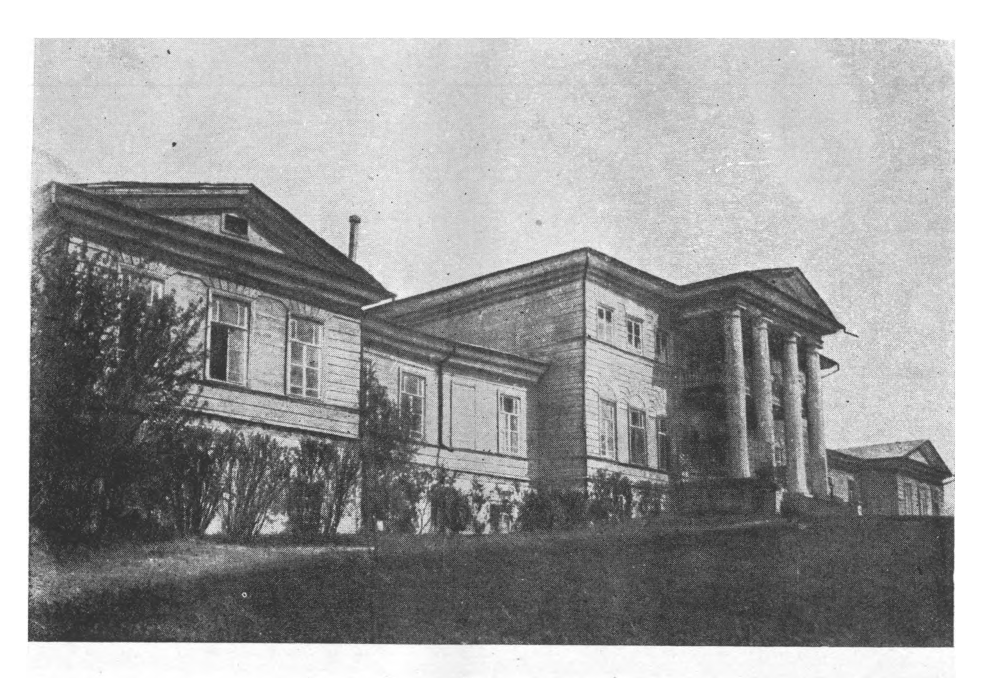
Характерно, что и падение «Московского телеграфа» т. е., вернее, внешний повод к его закрытию было резуль-

[1] В «Дневнике» от 7 апреля 1834 г. Пушкин записывает: «Жуковский говорит: «Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили». «Телеграф» достоин был участи своей, мудрено ли с большей наглостью проповедывать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм только маска». Пушкин и Вяземский всегда подчеркивали принципиальную сторону вопроса о литературной аристократии. С наибольшей четкостью и остротой это выражено Вяземским в статье: «О духе партий, о литературной аристократии»: «Неужели некоторым участникам «Литературной газеты» теперь не дают пропуска на Парнас, как сказано в «Телеграфе», потому только, что они помещики и что они у места в высшем круге общества...» и далее: «Нападать на безграмотность аристократии нашей или дворянства несправедливо, ибо одно это звание у нас и грамотное... Дворянские гостиные наши также не вертепы мрака и невежества, они соединяют нас с образованной Европой, в них читаются русские и чужеземные книги; в них иностранные путешественники находят сочувствие и соответствие своим понятиям, в них раздаются отголоски европейского просвещения, в них, а не в домах купеческих, не в жительствах мещан, ремесленников наших. Разумеется, доля исключений и здесь идет в счет, но мы должны иметь в виду одни общие «итоги». Собрание сочинений П. А. Вяземского, т. II, стр. 161—162.

татом отрицательной рецензии Полевого на ходульно-патриотическую, казенную пьесу Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Позже Полевой эволюционировал в другую сторону. Его физический разгром, разочарование в дворянских союзниках, заострение борьбы с дворянской аристократией в сословном плане — все это привело его, в конце концов, в лагерь реакции и заставило его кончить свой век автором «Параши Сибирячки» и сотрудником Греча и Булгарина. Но во второй половине 20-х годов и в начале 30-х Полевой, несомненно, выражал собою основные передовые идеи эпохи.

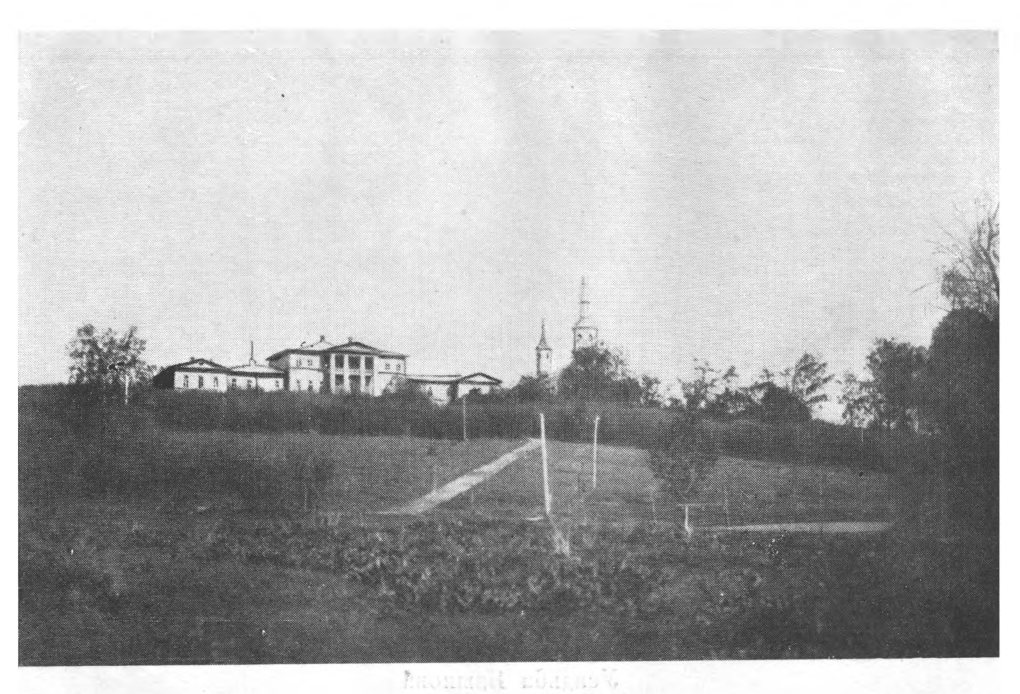
Эти позиции с достаточной отчетливостью определяли и литературный путь и литературные позиции журнала. На этом пути делается понятной его проповедь романтизма, именно в его французской разновидности, противопоставление его реакционным тенденциям немецкого романтизма, воспринятым и культивируемым у нас антиподом «Телеграфа» — «Московским вестником», с этих позиций вскрывается и смысл его литературной полемики и критических оценок своих современников.

На первый взгляд кажется, что путь «Телеграфа» и его редактора недостаточно четок и ясен. Так, он начинает с тесной коалиции с Вяземским, стремится привлечь к журналу всех его литературных друзей, другими словами — всю ту литературную аристократию, против которой позже он поведет решительную борьбу. Но во взаимоотношениях с Вяземским была определенная закономерность. Не следует забывать, что Вяземский в 1825 и ближайших годах представлял левое крыло дворянской литературы. Его близость к декабристам общеизвестна, его оппозиционность была достаточно хорошо известна и правительству, и обществу. Заключая союз с Вяземским, Полевой входил в связь с передовой русской аристократией. Этим он значительно укреплял свои первые шаги в литературе и журналистике, в то же время отнюдь не предполагая затушевать своих принципиальных позиций. Расхождения

Усадьба Языкова

С фотографии конца XIX в.

Село Языково
С фотографии конца XIX в.

неминуемо быстро обозначались — Полевой не только порвал с Вяземским и его друзьями, но перешел в решительное наступление, чрезвычайно заострив, насколько это позволяли цензурные условия, свою принципиальную позицию. И в этом споре социальная природа обеих групп обозначилась с чрезвычайной силой и четкостью.

«Московский телеграф» все время зорко отбирал союзников и отмежевывался от врагов, и на этом пути вскрывается и смысл его взаимоотношений с Языковым.

Едва ли будет ошибкой сказать, что в Языкове Полевой склонен был первоначально видеть ближайшего союзника и продолжателя литературной линии декабризма, рассматривая его поэзию в одном ряду с поэзией Рылеева, Грибоедова, «автора Ижорского». Конечно, прямых указаний на это мы никак не можем найти, но косвенные найдутся. Особенно характерным представляется одно ироническое замечание Полевого: он называет Языкова «нашим Беранже». В том контексте, как это дано, смысл этих слов представляется совершенно ясным: их нужно растолковать как выражение *неудавшийся Беранже* — и оно определенно свидетельствует о том, *чего* ждал от Языкова Полевой, вскрывая характер тех надежд и чаяний, которые связывались у Полевого с именем Языкова.

Эти ожидания имели определенное основание. Основной проблемой, стоявшей перед литературно-общественной мыслью того времени, а стало быть и основной темой литературно-критических споров, которые, конечно, имели значение более глубокое, был спор о народности.

О спорах и толках о народности в литературе и журналистике 20—30-х годов написано не мало, но до сих пор весьма слабо вскрыто социально-политическое значение этого спора. В сущности, это был спор определенно политический, перенесенный по условиям того времени в литературу и исключительно на литературном материале развертывавшийся; но за «литературными оценками» и «формулировками» вставал вопрос об общественной геге-

монии, о праве определенных социальных групп говорить от имени нации, отсюда и спор о том, из каких элементов должна состоять эта искомая «народность».

Совершенно естественно, что для «Московского телеграфа» это была основная тема, к которой он неоднократно возвращался, постепенно заостряя проблему. Наиболее четкую постановку этого вопроса мы встречаем в критических статьях Ксенофонта Полевого, особенно в статьях 1829—1830 г. Таковы его статьи о «Черной немочи» Погодина,[1] о «Полтаве» Пушкина,[2] о стихотворениях Дельвига и особенно по поводу известного обозрения русской словесности И. Киреевского.[3]

В статье о Полтаве К. Полевой ставит во главу угла вопрос о подражательстве в русской литературе. Указав вначале, что русская литература была всегда наперсницей иностранной, он пишет: «Каждый необыкновенный русский писатель, увлекавший своих современников, был исполнен духом не России, ему чуждой и неизвестной, но духом какой-нибудь литературы или даже одного писателя иностранного. Так, Карамзин, впрочем не понявший высокой иронии Стерна над чувствительностью, в юности своей наполнял нас милым духом Стерновым, известным под названием сентиментальности. Так Жуковский увлек нас к одностороннему направлению Шиллера,

[1] «Московский телеграф» 1829, т. XXIII.

[2] Ibid., 1829, т. XXVII.

[3] Наиболее полно подобран относящийся сюда материал в исследовании Н. Трубицына, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Записки Историко-филологического факультета СПБ. университета, ч. CX, СПБ. 1912).

Заметим попутно, что личность К. Полевого в нашей историко-литературной науке совершенно не освещена; фигура Н. Полевого совершенно заслонила собой облик его младшего брата. Между тем К. Полевой заслуживает особого внимания и изучения как самый выдающийся критик в конце 20-х и начале 30-х годов. Крупнейшие руководящие статьи «Московского телеграфа» по вопросам литературы в этот период почти все написаны Ксенофонтом, а не Николаем.

и заставил лететь в небеса, забыв, что еще у нас есть Россия, которая имеет свой мир».

Это не только литературная оценка и формулировки. Это отказ от основных линий ведущей литературы, т. е. литературы дворянской, социальный характер которой братья Полевые всегда четко отмечали. Замечательно, что дальше в этой же рецензии чрезвычайно остро поставлен вопрос о необходимости отказа от байроновского наследства.

Байрон, по замечанию критика, был «последний, высочайший певец *разочарованного мира*, склонившегося тотчас после него *к новому религиозно-философскому направлению*» (курсив мой. — *М. А.*). А потому от Байрона пора отойти, пора «отозваться новому всемирному певцу, которого ожидает мир от грядущих поколений, воспитанных иною философиею». К. Полевой признает огромную роль Байрона и, тем самым, русского байронизма, т. е. русской литературы во главе с Пушкиным, но видит в этом только подготовительный период: «он призывал умы к новому требованию. Эпоха слов и мыслей прекратилась — настает эпоха мыслей и чувствований, принадлежащих народам».

И с этой стороны он ценит Пушкина, который уже нашел в себе силы оставить Байрона и «пойти за Шекспиром: не подражая ему, но угадав в английском поэте основные элементы его исторической трагедии, открыл их и в русском мире. Отсюда вытекает оценка «Полтавы», ибо в ней, по мнению критика, обозначен переход к новому направлению: Пушкин нашел, наконец, тайну своей поэзии в ядре своего отечества, в мире русском». С этой же точки зрения К. Полевой расценивает и поэзию Дельвига, упрекая его за пристрастие к античным формам. «Нам непонятно древнее направление Дельвига, — категорически заявляет он.— Русский мир красуется не менее греческого, британского, итальянского и испанского. Уже история русская становится для нас занимательнее всех чужезем-

ных, уже мы начинаем дорожить своим нравственным достоинством и поэзия русская пробуждает в нас эстетические чувства». Но этот призыв к национальной тематике отнюдь не означал признания всей национальной (чаще всего принимающей национально - аристократические формы) линии. С совершенно исключительной четкостью тот же К. Полевой вскрывает принципиальное различие между этими разными формами национального элемента в русской литературе и указывает путь, по которому и во имя которого должно итти развитие этой национальной тематики. Это в статье «Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года».[1]

Здесь он договаривает то, о чем в предыдущих статьях говорил только намеком. Поводом послужила статья И. Киреевского в «Деннице» (1830), где он разделил русскую литературу на три периода: Карамзин, Жуковский, Пушкин. К. Полевой решительно возражает против такого деления. «Это представительство, — заявляет он, — отзывается аристократством — неуместным в литературе и несправедливым». Он умаляет роль и значение Жуковского и Пушкина. «Жуковский и Пушкин — превосходные поэты, но частные представители в литературе, и они не могли подвинуть вперед эстетики общества русского». Ксенофонт Полевой намечает иным образом основные пути развития русской литературы. Останавливаясь вновь на своей любимой теме — подражательном характере русской литературы — он вскрывает на этот раз и социальную сторону вопроса: подражание явилось следствием огромного разрыва между высшими и низшими слоями. Были университеты и Академия, но не было народных школ; «высшие точки общественного горизонта были освещены ярким пламенем европейской образованности, а низшие закрыты густым мраком векового азиатства». Класс же средних людей, стоящих между

[1] «Московский телеграф» 1830, т. XXVI, стр. 203—232.

Виды старого Дерпта. Ritter-Strasse

Альбом ИРЛИ

Вид старого Дерпта. Der Bauer-Markt

Альбом ИРЛИ

барином и мужиком, начал образовываться только в XVIII веке. Этот-то класс, по заявлению критика, везде составляет «истинную прочную основу государства». Так из этого класса вышел Новиков, за которым стояло целое общество. Главной его заслугой явилось то, что он «первый создал отдельный от светского круга круг образованных молодых людей среднего состояния, к которому принадлежал и Карамзин». Этот-то круг внес образование в те слои, «где оно производит многозначащие прочные успехи».

Благодаря сочинениям Карамзина «русские среднего сословия стали сближаться с литературой». Вместе с тем это было и начальным периодом нашей образованности, и «с сего-то времени, — подчеркивает К. Полевой, — так называемый низший круг людей начал сближаться с высшим, разрушив преграды, заслонившие «русское общество от Академий и большого света». С этой точки зрения Ксенофонт ищет писателей в послекарамзинский период, которые также смогли бы увлечь за собой всю литературу и всю публику,— и никого не находит. И далее следует страстная тирада против «светского общества». «Но вдали от большого света для писателя разве закрыта великая картина природы? Разве для него не существует красота, добродетель и страсти, высокие и творческие?.. Какое светское общество отражало красоту в душе Клод Лоррена, бедного краскотера, работника? Кто образовал душу и слог Ричардсона, бедного типографщика? В каком обществе возник нежный, изящный Шиллер? Не гостиная ли была святилищем мизантропа Руссо? В котором из поместьев своих Шекспир имел счастье кормить и поить толпу светских людей» и т. д. Наконец он отрицает даже подлинную заинтересованность светского общества в литературе: «для знатных людей она всегда останется делом посторонним», тогда как для низших классов «литература есть та стихия, которою они сближаются с человечеством».

Таким образом перед нами совершенно отчетливая постановка вопроса, это — первая в русской литературе

четкая и ясная формулировка идей буржуазной народности. С этой точки зрения Полевые расценивали и Языкова, видя первоначально в нем «одну из блистательных надежд русской литературы». Действительно, на этом пути, казалось, можно было больше всего возлагать надежд именно на Языкова. Его национальная тематика имела первоначально ярко выраженный боевой характер, сближавший его с передовыми деятелями русской литературы и вообще русского общества, — для «Московского телеграфа» такими деятелями были, конечно, прежде всего декабристы.

Уже в цитированном выше послании к брату он говорил:

Надежды творческая слава
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине,
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятяжей.

В дальнейшем эта линия заостряется: в послании к Пушкину, вспоминая их общие разговоры на исторические темы, он пишет:

Зовем свободу в нашу Русь
И я *на вече* — я на небе
И славой прадедов горжусь!

Его тема: вече, борьба Новгорода за независимость, борьба за национальную свободу против татарского тиранства. На этом пути он перекликается с Рылеевым, который в этот период ему гораздо ближе, чем Пушкин,— и не случайно впоследствии целый ряд стихов Языкова приписывался Рылееву. Вместе с тем эта тема свободы в исторических переживаниях поэта перекликается с темой вольности в студенческих песнях, тем самым органически спаивая эти два элемента его лирики. Наконец одним из звеньев в его творчестве являлась и революцион-

ная лирика, вернее, вольнодумная и радикальная. Правда, она была изустной, «презревшей печать», но в обществе она была достаточно распространена; все это ясно определяло облик молодого Языкова.

Самая студенческая тема, ее постановка имели огромное значение. Темы дружбы, братского товарищества, соединенные с мотивом разгула и легкой любви, были не новостью в русской литературе, но они захватывали обычно кастовые дворянские круги (пример, гусарская поэзия Давыдова, лицейские стихи). Через поэзию Языкова шли веяния других общественных групп и иных общественных форм. Студенческая поэзия Языкова была отзвуком немецкого бюргерского студенчества.[1]

Все это обусловливало особую позицию Языкова в глазах современников. В нем видели поэта, наиболее демократического, вместе с тем и наиболее близкого к декабристам. В свете этих фактов становится понятным, почему склонен был Полевой видеть в Языкове русского Беранже.

Свербеев как-то заметил вскользь, что, в сущности, только знаменитая языковская лень помешала стать Языкову (так же как и его брату Александру Михайловичу) декабристом, т. е. оказаться непосредственно в их рядах. Это замечание очень тонко и достаточно правдоподобно. Очень легко могло статься, что Языков очутился бы среди декабристов, увеличив собою число случайных попутчиков, которых так много было в рядах тайных обществ и среди осужденных по процессу. Декабристская волна увлекла многих, по существу, очень чуждых и далеких от подлинной революционности «настоящих» декабристов: декабристские мемуары и их переписка достаточно четко сви-

[1] С этой стороны очень интересно небольшое исследование Rosenberg'а, который в специальной работе вскрыл место Языкова в ряду других студенческих поэтов Дерпта и показал его органическое родство с ними. (A. R o s e n b e r g, Ein russischer Sänger des alten Dorpat. «Baltische Monatsschrift», 1905, XI).

детельствуют о таких случайных революционерах. Таков и Языков. Если фактически декабристом он не стал только *случайно*, то, по существу, внутренне он никогда не только не был подлинным декабристом, но даже был органически чужд ему. Его революционная лирика — это только струя на гребне революционной волны. Это кратковременный этап — даже не этап, а скорее момент его творчества, красноречивое свидетельство тех колебаний, которые переживал Языков и которые отражают собою колебания класса.

Та социальная группа, к которой принадлежал Языков, переживала кризис. Ей нужно было решить, с кем и куда итти: искать ли опору в силах, выходящих за пределы своего класса и стремящихся порвать с крепостным феодальным строем, или искать опору в недрах собственного класса и в организации его сил. В 40-х годах это стремление к социально-классовому самоопределению обозначилось очень выпукло. В 20-х годах, после падения декабризма, это только намечалось. Расслоение дворянской интеллигенции тогда еще не приняло резких и четких форм.

Эту нечеткость социальной позиции и отразил в своем поэтическом пути Языков. Но он же был и одним из тех, кто ранее других определил свою политическую и социальную линию. Принадлежность же его к наиболее обеспеченной и материально-мощной верхушке своего слоя обеспечила и ускорила поиски осознания своего социального пути и места. [1] Это обстоятельство позволяет нам глубже и правильнее вскрыть смысл его национальной

[1] О размерах языковских земельных владений можно судить по статистическим данным после 1861 г. В «Памятной книжке Симбирской губ. на 1868 г.» (ч. 2, отд. III, Материалы для статистики) опубликован «Список гг. дворян, владеющих землею в Симбирской губернии, оставшейся за наделом крестьян». Из этого списка видно, что Языков А. М. владел 5287 дес.; Языков А. П. (сын П. М.) — 5158 дес., Бестужев П. А. и жена его П. М. (сестра Языковых) — 4104 дес.

Н. М. ЯЗЫКОВ

Портрет А. Д. Хрипкова 1828 г. Литография, подрисованная в 1844 г. А. Петерсоном

тематики, или «архаики», как принято говорить в современной историко-литературной терминологии.

Архаика в литературных течениях 20-х годов шла в разных направлениях. Эти различия обычно отмечаются в нечетких терминах: старшие и младшие архаики. Старшие архаики — реакционны, младшие — принадлежат к оппозиционным и революционно-настроенным кругам. Но почему оказалось возможным объединение на почве единого литературного метода (или стиля) столь различных политических групп? Национальная тематика и лексическая архаика в руках одной группы определенно связана с националистически-охранительными тенденциями, но у «младших архаиков», основные кадры которых составляли поэты-декабристы, этот же самый метод служил средством борьбы с этими консервативными тенденциями в литературе и с тем социальным слоем, который стоял за ними. Здесь нет, конечно, никакого противоречия, но совершенно естественный процесс литературного развития. В процессе борьбы дворянство, переходившее на идеологические буржуазные позиции, борясь с классицизмом во всех его проявлениях, пытается создать свою монументальную, гражданственную поэзию; оно обращается к той же тематике, пользуется тем же методом, но его сущность и направленность приобретают иной характер. Это — противопоставление *своей* национальной тематики национальной тематике дворянско-феодальной группы. За внешним совпадением вскрывается глубокое принципиальное различие и иное качественное содержание. Национальная тематика феодально-дворянских групп развертывается в систему патриотических и шовинистических идей, тогда как так называемой «младшей архаикой» развивались буржуазные националистические идеи. Идея нации-отечества углублялась идеей нации-народа. В этом основная сущность того художественного метода, который характеризует Рылеева, Катенина, Кюхельбекера, Грибоедова, Раевского, отчасти Одоевского.

Архаика молодого Языкова идет сначала как будто по тому же пути. Да и самому Языкову в то время казалась более созвучной поэзия Рылеева или Катенина, — отсюда и его отношение к Пушкину, граничащее (на первых порах) почти с полным неприятием его.[1] Отсюда и то отношение к нему современников, заставляющее того же Полевого видеть в нем одну из «блистательных надежд русской литературы». Еще недостаточно острое в ту эпоху осознание классовых противоречий в дворянской среде делало вполне понятным и естественным целый ряд таких союзов, казавшихся несовместимыми и непонятными в более позднее время. Так, по мере все более и более четкого осознания своей классовой позиции эволюционировал Вяземский, переходя постепенно от идей левого радикализма к реакционно-обскурантским позициям. Таков же был и путь Языкова. И его архаика очень быстро обнаружила консервативно-реакционную сущность его идеологии.

*

Неправильно утверждение, что реакционно-консервативные моменты характеризуют только позднейшего Языкова; еще не очень резко, не броско, но все же достаточно внятно они слышны и в его раннем творчестве. Архаика неразрывно связана с моментами националистической узости, перехо-

[1] Например: «Читал ли ты, — пишет он брату, — новую пьеску Пушкина «К войне»? Стихотворение, как всегда, довольно хорошо: зато ни начала, ни середины, ни конца...» (20 дек. 1822); «Я читал в списке весь «Бахчисарайский фонтан» Пушкина: эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних» (2 марта 1824); «Я не желал бы сочинять то, что знаю из «Онегина» (24 февр. 1825); «Онегин мне очень не понравился, думаю, что это самое худое из произведений Пушкина. Мы, русские, меряем слишком маленьким аршином умственные творения и думаем, что наша мера такая же, как у просвещенных народов. Как мало наше великое в современной литературе, ничтожно значительное и низко возвышенное, если взглянуть на него глазами Гете и Шиллера, мы пигмеи перед сими исполинами, а все-таки думаем, что мы ровня им, или потому что их не знаем, или потому, что не знаем себя и в чем состоит истинная поэзия» (29 [sic!] февр. 1825).

дящими сплошь и рядом в шовинизм, с самовлюбленным, патриотическим любованием. Все это наблюдается уже в творчестве дерптского периода, правда, здесь они еще звучат полускрыто, более в шутливой форме, чаще в письмах, но и в стихах.

Так, например, в послании к отъезжающему за границу товарищу он пишет:

Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей, — да там,
В стране наук правдиво-гордой,
Служа Каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Тот дух деятельный и твердой,
Но жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков
И посвятит их православно
Богам родимых берегов.

В письмах — более откровенно. Чтобы не загромождать статьи многочисленными примерами, приведем только один, чрезвычайно яркий и вскрывающий, так сказать, физиологическую сторону языковского патриотизма. В одном из февральских писем 1826 г. он пишет брату Александру: «У нас, как и во всей Руси православной, теперь масляница, как бы то ни было мы и здесь ее празднуем. Скучно, любезнейший, видеть, как немцы пренебрегают русскими праздниками; если б я был императором российским, я бы заставил их и пить русский квас, и есть русские блины, и ходить в русскую церковь, и говорить по-русски, да обрусеют и да принадлежат вовсе к огромному государственному телу России. Не правда ли это предположение

политическое, и — шутку в сторону — его исполнение было бы полезно царству православному». [1]

Отсюда совершенно ясен путь к тем, написанным почти через пятнадцать лет, строкам в послании к Гоголю, которые так возмутили передовых современников Языкова, в первую голову Белинского и Некрасова:

...Одна отрада,
Когда перед моим окном,
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада,
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет с подскоком жидконогий —
И бац да бац на гололедь.
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!

В московский период, когда встреча с родственной ему средой углубила и заострила эти настроения, они выступают еще резче. В сборнике 1833 г. они нашли наиболее полное и яркое воплощение в «Ау» [2] и широкой волной полились дальше, являясь уже доминирующими в сборниках 1844 и 1845 гг., принимая характер идей воинствующего шовинизма, порой прямого обскурантизма, и определяя собой отношение к Языкову различных слоев общества и литературы. Свободолюбивое стремление к старине обнаружило свою подлинную сущность.

[1] Языковский архив, стр. 241.

[2]
...Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка Россия
Семисотлетняя жива!

и далее:

О! Проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Естественным следствием этих настроений является и религиозная тематика. В дерптских стихах эта тема только слегка намечена и идет бок-о-бок с мотивами религиозного свободомыслия, в московский период она приобретает новое значение и новый характер, занимая одно из центральных мест в его творческих замыслах. Замечательно в этом отношении его письмо к В. Д. Комовскому (ноябрь 1831); в этом письме Языков просит своего приятеля и постоянного исполнителя различных его поручений сообщить о стоимости журнала «Христианское чтение», спрашивает, какой лучший перевод Библии на немецкий язык кроме лютерова («Лютеров я знаю: это экстракт и мне мало»), какой лучший толковник Библии, нет ли к ней какого-либо исторического, археологического и географического словаря и т. д. «Все это мне нужно, важно, необходимо и любо возыметь, — добавляет он, — потому что к 1 января 1832 года моя муза должна преобразиться: я перейду из кабака — прямо в церковь. Пора — и бога вспомнить». [1]

Эти настроения не явились как-нибудь сразу, внезапно. Уже в Москву, как сообщал Погодин, он привез замыслы трагедии «Саул», но несомненно, что в кружке Киреевских и Аксаковых, в общении с Погодиным эти настроения укрепились и получили новое углубленное обоснование. Их первостепенное значение для себя он подчеркнул, открыв сборник 1833 г. стихотворениями «Поэту» и «Подражание псалму XIV». Так, лирический пафос поэта получил иную направленность.

«Московский телеграф» зорко следил за поэтом и неоднократно делал ему предостережения, вызывая в свою очередь резкую отповедь поэта, [2] — наконец издание 1833 г. окончательно определило позиции — путь Языкова намечался четко и определенно. «Московский теле-

[1] Неопубликованная переписка в Архиве Языковых (ИРЛИ).
[2] См. «Послание к Вульфу» (№ 176).

граф» понял, что с Языковым уже нечего делать и прочитал ему отходную — в рецензии, написанной Ксенофонтом Полевым.

К. Полевой упрекал поэта в холодности, в общественном равнодушии. Два свойства, по утверждению критика, характеризуют поэта. Во-первых, индивидуальность. «Индивидуальность есть собственная принадлежность поэта лирического, ибо драматик и эпик бывают скрыты в своих произведениях, между тем как лирик всегда выражает себя — и только себя...» Другое свойство, «необходимое в поэте лирическом, есть современность, ибо кроме того что он человек, он еще сын какой-нибудь земли и гражданин какого-нибудь века». «Берегитесь тех лирических поэтов, — восклицал Полевой, — которые не знают ни отечества ни времени: это — самозванцы...» «Человек, в наше время трепещущий от восторга при имени Аполлона и девяти муз, решительно лжет на себя или говорит шутя. Русский, желающий быть Греком, Римлянином или Итальянцем в лирической поэзии — не поэт, ибо он идет вслед и подражает поэтам чужеземных народов, а подражатель не знает вдохновения. Это — ремесленник, копирующий чужой рисунок, а не сам создавший его. И наоборот, человек не одушевляющийся при взгляде на своего прадеда, на могилы и деяния своих предков, *не волнуемый идеями своего времени*, *своей судьбы*, *своих страданий*, есть существо слабое, себялюбивое, мелкое, ничтожное, ибо только собственную особу видит он во всей природе, во всем мире, во всем отечестве своем».

С этих позиций К. Полевой предъявлял счет Языкову.

«Если мы зададим себе вопрос, — писал он далее, — какое чувство преимущественно выражают стихотворения г-на Языкова, то будем приведены в большое затруднение. Если спросим себя также: какие идеи господствуют в звучных стихах г-на Языкова, ответ будет не менее затруднителен. Но все еще скорее можно отыскать инди-

видуальность у сего поэта (ибо она должна быть, более или менее, у всякого пишущего), нежели открыть какие-нибудь идеи во ста шестнадцати напечатанных его стихотворениях».

Окончательный вывод критик формулировал так: «Мы высоко уважаем дарование г-на Языкова и отдаем справедливость всем светлым сторонам его поэзии, может быть более, нежели самые ревностные его хвалители... Пояснив самый ход поэзии, которым исключительно занимается он, указав на особенные свойства лирической поэзии и предоставив требования искусства, мы искали в его стихотворениях красот, замечая в то же время и недостатки. Что нашли мы? Односторонность и какую-то холодность чувства, мало индивидуальности поэтической, но зато самобытность, или лучше сказать, незаимственность картин; мы не нашли в нем никаких глубоких, многообъединяющих идей, но заметили язык и выражение истинно-поэтические. Достоинство г-на Языкова можно выразить тремя словами: он поэт выражения. Не у многих есть и это». [1]

Рецензия была написана с большим блеском и тактом. Это одна из лучших статей Ксенофонта и, пожалуй, одна из наиболее острых в самом «Телеграфе». Несмотря на огромную осторожность, с которой писал К. Полевой, несмотря на необходимость тщательно прятать и затушевывать основную мысль, он сумел проявить здесь большую общественную и политическую чуткость. Конечно, его заявление о безыдейности Языкова не следует понимать буквально, в смысле отсутствия каких бы то ни было идей и идеалов. Полевой видел совершенно ясно те новые устремления поэта, которые довольно четко обозначались в книге Языкова и которые тот сам резко подчеркивал и выдвигал на передний план. Но критик имел в виду не просто те или иные идеи, куда бы то ни было направленные, он тре-

[1] «Московский телеграф» 1833, т. VI, март — апрель.

бовал определенной идеологии, он говорил об идеях современности, «идеях своего времени», и с этой точки зрения произносил свой суровый приговор. И замечательно, как перекликается его рецензия с поздним отзывом Белинского.

Но не меньшую политическую и классовую чуткость проявили и другие группы. Социальная функция поэзии Языкова была понята не только «Московским телеграфом». Ее понял и Воейков — примитивно; не умея осмыслить в плане широких философских или социальных концепций, он подчеркивал традиционно-патриотическую линию. В одном из своих фельетонов он воспроизводит вечер (конечно, воображаемый) в одном из великосветских салонов. У княгини Чичкинской играют в вопросы и ответы. Среди присутствующих: генерал-майор Тихонравов, полковник Красносельский, еще один генерал, профессор Сократ Добрезовский и др. Первый вопрос задается в такой форме:

«Поэзия, как и характеры людей, как физиономия лиц, до бесконечности может быть разнообразна. Между тем как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своем искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Он идет новою, своею дорогой. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностью мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии.

Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок. Во всем отчет составляет отличительность его стихов. Нет слова, нет оборота, нет картины, где бы вы ни чувствовали ума и вдохновения. Разбирайте строго каждый его стих, следуйте за ним внимательно до конца стихотворения, и вы признаете, что он извлек все лучшее из своего предмета, отбросил все излишнее и не забыл ничего необходимого. Сколько разнообразия во всех его самых легких произведениях. Игривое

Н. М. ЯЗЫКОВ

1839

Из собрания С. А. Венгерова

и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все он постигнул и выразил. Назовите этого поэта».

Сразу же называют Жуковского, потом Пушкина. Эти имена не удовлетворяют спрашивающего. Вопрос повторяется в третий раз, — и, наконец, было названо имя Языкова. «Как электрическая искра, имя сие потрясло всех, тут находившихся. Одни торжествовали, другие явно выражают свое неудовольствие на того, чья дерзкая рука не дрогнула начертить имя Языкова. «Как язык поворотился сказать, что Языков, певец вина и студенческих фарсов, все постигнул и выразил! Где же в нем важное, высокое, главное? Он — болтун, у него от избытка уста глаголят, а нас хотят уверить, что он отбросил все излишнее...» Но тогда, вместо ответа, молодая княжна, Наталья Алексеевна, читает вслух стихи Языкова. Сначала она читает «Песнь барда».

Во время чтения старцы повертывались на креслах, вспоминая черную годину Руси; у Александра Михайловича Дубовикова (военный генерал) капали крупные слезы, военные хватались за мечи. Генерал-майор, Александр Дмитриевич Тихонравов с силою глубоко растроганной души произнес наизусть стихи пламенного песнопевца Языкова к А. Н. В—фу [Вульфу]. [1] «Военные хватались за мечи» — вот функция поэзии Языкова, которую уловила и подчеркивала та социальная группа, выразителем мнений которой был журнальчик Воейкова.

Почти одновременно Петр Киреевский писал Языкову о впечатлении, которое произвела на него только что вышедшая книга его стихов: «Здравствуй, брат Языков, да здравствуешь! Это слово от полного сердца, проникнуто восторгом. Хотя стихи твои все почти были знакомы мне прежде, однако действие, которое производит твоя книга, совсем новое и неимоверное, как брови Татьяны Дмит-

[1] «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1833, № 64, стр. 505—507.

риевны.[1] Я читаю их всякое утро, и это чтение настраивает меня на целый день, как другого молитва или рюмка водки. И не мудрено: в стихах твоих и то и другое: какой-то святой кабак, и церковь с трапезой во имя Аполлона и Вакха».[2] Число таких высказываний можно значительно увеличить: Иван Киреевский, Боратынский, Пушкин, Хомяков, с другой стороны, рядом с Воейковым, Булгарин (в «Северной пчеле») и т. д. Было ясно, *кого* в социальной борьбе вооружала лирика Языкова, *в чьей* среде находил свой резонанс поэт, от которого отказывалась молодая и крепнущая буржуазная интеллигенция. Немного позже, в 40-х годах, это расхождение приняло еще более резкие формы.

III

Чрезвычайно характерен этот состав спорящих вокруг первого сборника Языкова. В 30-х годах Киреевские, в сущности, еще не сформировали до конца своих социально-политических позиций, составивших впоследствии идейную сущность славянофильства. Оценка, как может показаться с первого взгляда, идет как будто всецело по линии эстетической, и, однако, в дальнейшем совпадают целиком не только их литературно-эстетический путь, но и общественный. Он завершается выработкой законченной политической доктрины славянофильства у Киреевских и полемическими посланиями против западников — Языкова. Точно так же и расхождение тех же Киреевских с «Московским телеграфом» в оценке Языкова было не случайным и не единственным расхождением. Это расхождение было буквально по всем вопросам: как по литературным и философским, так и по экономическим. Совершенно очевидно, что за эстетическими оценками и литературными спорами лежали четкие и твердые классовые позиции. Вокруг книги стихов Языкова произошла резкая расста-

[1] См. стихотворения № 227—229 и примечания.
[2] Неопубликованная переписка в ИРЛИ.

новка общественных сил. Отчетливо обозначилась и позиция самого Языкова: с этих пор он идет уже безраздельно и до конца с будущими славянофилами.

В нашей историографии еще нет четкого решения вопроса о социальной природе славянофильства. Плеханов рассматривал славянофильство как «философию русской истории, созданной идеологами помещичьего сословия под влиянием классовой борьбы на Западе». [1] Н. Рубинштейн видит в славянофилах идеологов, отражающих «интересы передовых барщинных помещиков, затронутых буржуазными веяниями». [2] Обе эти формулировки чрезвычайно общи, — вторая, к тому же, выраженная в такой форме, встречает большие возражения. Попытку уточнить вопрос сделал в своей недавней работе, посвященной 1848 году в России, Нифонтов.

Нифонтов выдвигает тезис о мелкопоместной сущности славянофильства. «Идеология славянофилов отражала, — пишет он, — до известной степени, интересы мелкопоместного дворянства и пыталась примирить идеал, лежавший в прошлом, с новыми явлениями хозяйственного строя. Сыграв крупную роль в деле развития интереса к русскому прошлому и к народной жизни, она своим эклектическим примирением отходящего мира, возрожденного на началах «народности», с новым курсом русской действительности, поставила себя в ложное положение. Исходя из принципиальных позиций, бессознательно отражавших интересы определенных социальных групп, они практически часто оказывались в одном лагере с охранителями. [3]

«Эта близость их к лагерю охранителей, — продолжает исследователь, — давала хороший повод западникам

[1] Г. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, М.—Л. 1926, стр. 190.

[2] Н. Рубинштейн, Историческая теория славянофилов и ее классовые корни. В сборнике «Русская историческая литература в классовом освещении». Сборник статей с предисловием и под редакцией М. Н. Покровского, т. I, М. 1927, стр. 82.

[3] Нифонтов, 1848 год в России, М. 1931, стр. 71—72.

обвинять славянофилов в поддержке status quo, т. е. в конечном итоге крепостнического строя, хотя, несомненно, исходные их позиции были кардинально отличны от принципов «официальной народности» и объективно славянофилы являлись выразителями нового строя общественной жизни, на иных основах, нежели те, на которых была построена современная им русская действительность».

Такое построение представляется крайне сомнительным и вызывает возражения по целому ряду вопросов. Прежде всего сомнительно утверждение о мелкопоместном дворянстве как социальной базе славянофильства. Автор, очевидно, здесь ищет опоры своему тезису о прогрессивных элементах в славянофильстве. Но по каким основаниям считает автор мелкопоместное дворянство силой, идущей, в основном, по прогрессивному пути? Самое же главное, в корне неправильно такое подчеркивание прогрессивных моментов в идеологии славянофильства. Критические элементы в их построениях и некоторые вынужденные протесты против николаевской системы еще не означают, что пребывание их в «одном лагере с охранителями» было вынужденным. Правда, эти отдельные прогрессивные моменты часто сбивали с толку современников и даже Герцен склонен был одно время считать славянофилов «друго-врагами», но последующей исторической литературой достаточно вскрыта реакционная сущность славянофильства. Отчетливее всего это выражено у Плеханова. «Именно из мнений славянофильской школы, — писал он, — выросла вся та реакционная политическая идеология, на которую до сих пор опираются наши враги «народной свободы и народного просвещения». [1]

[1] Г. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, Гиз, 1926, стр. 199. Первоначально напечатано в «Современном мире» 1911 г. Не следует забывать, что под терминами «народная свобода», «народное просвещение» скрываются более резкие и решительные понятия, которые Плеханов не мог называть в легальном органе. В данном же случае

Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» очень ярко вскрыли подлинное значение элементов прогрессивной идеологии у представителей консервативной мысли. Так аристократия боролась против буржуазии и «чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплоатируемого рабочего класса...» [1] Это можно приложить и к нашим славянофилам. Английская и французская аристократия в борьбе с буржуазией жонглировала интересами пролетариата, — наши идеологи помещичьего строя упорно и красноречиво говорили о нуждах крестьянства. Но сущность того и другого была одна и та же.

Близость с охранителями и реакционерами была не случайной, не вынужденной, но органической. Ведь в чем сущность славянофильства? Выражением каких социальных взаимоотношений оно явилось? Философия истории славянофилов, их понимание исторического процесса есть не что иное, как выражение кризиса барщинно-помещичьего хозяйства, кризиса, явившегося результатом экономических потрясений, с одной стороны, и непрерывно

он цитирует Гершензона, так как статья об И. Киреевском, откуда приведена данная цитата, напечатана по поводу изданного в 1911 г. полного собрания сочинений И. В. Киреевского под редакцией М. О. Гершензона. Необходимо подчеркнуть, что даже и Гершензон понимал конечную реакционность теорий Киреевского, считая это явление пагубным недоразумением. «Эти его мнения, — пишет он, — сыграли огромную пагубную роль не только тем, что из них выросла вся реакционная политическая идеология, на которую русская власть и известная часть общества доныне опираются в своей борьбе против свободы и просвещения народного, но и потому, что они заслонили в общем сознании подлинную истину, из которой они будто бы были выведены». Признавая всю справедливость первой половины суждения Гершензона, Плеханов решительно протестует против второй.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Цитата по новому переводу под редакцией В. Адоратского, Л. 1932, стр. 36—37.

растущего крестьянского движения — с другой. Плеханов подчеркивал значение западного революционного движения в формировании идей славянофильства; бесспорно это сыграло огромную роль, но Плеханов оставил без внимания такой существенный фактор, как рост разного рода крестьянских восстаний в большом или небольшом размере. В одной только губернии Языковых (в Симбирской) за 25 лет: с 1814 по 1839 было 15 волнений. [1] И этот момент (на этом мы еще остановимся ниже) был одной из существеннейших доминант в мышлении помещичьих публицистов и литераторов.

Этот кризис осознавался как наступающий распад, как возможная гибель класса и заставлял напряженно искать путей выхода, мобилизуя в этом направлении лучшие интеллектуальные слои класса.

Это осознание распада и грядущей гибели — не отвлеченное понятие и не художественная формула, но совершенно конкретный реальный факт. Достаточно вчитаться в переписку деятелей этой эпохи или полистать их дневники, чтобы наглядно в конкретных очертаниях ощутить

[1] Е. Мороховец, Крестьянское движение в Поволжьи в 1839 г. «Труды Института истории». Сб. статей, вып. I, Ранион, 1926.

1839 г. ознаменовался сильнейшими пожарами в Симбирской, Саратовской, Пензенской и Тамбовской губ. Зарегистрировано официально было 7163 случая. Крестьяне приписывали поджоги земской полиции и помещикам. Это вызвало ряд возмущений и «насильственных действий» со стороны крестьян. В одном месте бросили в огонь 6 человек. В «Нравственно-политическом отчете за 1839 г.» («всеподданейший отчет III Отделения) сообщается: «В середине России 12 губерний подверглись в минувшем году необыкновенному бедствию: пожарам и волнению народному. Начало этих беспорядков являет Симбирская губерния» (Е. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. I, М. 1931, стр. 31). В том же «Отчете» замечательны строки, посвященные общей характеристике крестьянских настроений: «Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству» (ibid., стр. 32).

и почувствовать эту тревогу. Особенно ярким документом являются страницы главного журнала передовых помещиков конца 20—30-х годов — «Земледельческого журнала».

Это — не философский, не политический и не литературный журнал, типа «Московского вестника» или «Телеграфа». Это — журнал чисто деловой, специфически помещичий, всецело посвященный хозяйственным проблемам; и вот одна из основных, центральных проблем, встающая перед журналом по самым разнообразным поводам, и которой уделяется чрезвычайно большое внимание, — это проблема судеб дворянского сословия. Чрезвычайно характерна с этой точки зрения полемика (в начале 30-х годов) по очень бы, казалось, небольшему и частному вопросу: о необходимости заведения коммерческой отчетности в сельском хозяйстве.[1] Эту полемику поднял рязанский помещик, П. А. Кикин. В статье «Взгляд на настоящее положение дворянских достояний», напечанной в одной из первых книжек журнала в 1831 г., он «предупреждает о возможной гибели всего дворянского сословия и окончательной потере прежнего значения и материального благосостояния из-за его ошибок в деле управления вверенным им землям».[2] Подобрав целый ряд фактов неумелого и небрежного хозяйствования, указав на рост долгов и заложенных имений, на плохое крестьянское хозяйствование и т. п., Кикин заявляет: «Не делается ли очевидным, что все достояние дворянства находится на весьма зыбком основании и опасность общая не должна ли, наконец, разбудить от сего всеобщего томительного сна».

[1] Эта полемика подробно освещена в небольшом исследовании, посвященном «Земледельческому журналу». З. П. Величко-Гончарова, Земледельческий журнал. «Наукові записки науково-дослідної катедры історії Українськоі культури», № 6. Державне видавництво України, 1927, стр. 170—192.

[2] «Наукові записки», op. cit., стр. 184.

Статья П. А. Кикина вызвала огромный интерес и возбудила весьма острую и оживленную полемику. Из ряда откликов на эту статью особенно примечательна статья тверского помещика Вилкинса. Вилкинс согласен с Кикиным в том анализе, который сделал тот современной картине дворянского землевладения. Но предлагаемые Кикиным меры спасения ему кажутся примитивными и весьма недостаточными: не одни хозяйственные книги нужны для помещиков «в нынешних обстоятельствах»,— пишет он — а что-то совсем другое».

Это «совсем другое» вскрывает он в отдельной статье под заглавием: «Нынешнее положение помещичьих крестьян». Эта статья — замечательный памятник, весьма определенно вскрывающий истинные мотивы и причины помещичьей тревоги. Дело не в книгах, дело в крестьянах. Не потому помещики не получают прежних доходов, что не умеют наладить отчетность, но потому, что крестьяне стали другими. Нет прежнего трудолюбия, нет прежнего желания угодить помещику, нет истинно добрых и справедливых людей в крестьянстве. Взамен всего этого, вместо «прежнего усердия и опытной верности», появились «хитрость, лесть, обманы и скрытная какая-то ненависть к помещикам».

Статья Вилкинса — в высшей степени выразительный и яркий по своей классовой сущности документ. И, конечно, дело не в полемике по мелочам; по существу, как это правильно замечает З. П. Величко-Гончарова, «оба автора дополняют друг друга», и, во всяком случае, нарисованная тем и другим (к ним можно прибавить и еще ряд писателей-помещиков) картина очень красноречива и показательна. Здесь вскрывается та истинная подоплека, которая лежит в основе дворянских настроений того времени. «Земледельческий журнал», «Московский вестник», раннее славянофильство — явления одного порядка. Но одни — нанизу, другие наверху. Это, можно сказать, несколько огрубляя вопрос, реальное выражение базы и

Н. М. ЯЗЫКОВ

1841

Из собрания А. Ф. Онегина

надстройки. В «Земледельческом журнале» высказываются помещики-практики, не литераторы, не философы, не поэты. Они говорят о реальнейших вещах и не стесняются называть вещи своими именами, они говорят об удобрении и об отчетности, о долгах, о заложенных имениях, о ненадежности основной рабочей силы — крепостных крестьян, об ясно осознанном кризисе, о потере дворянским сословием своего значения и т. д.

То, что простым и ясным языком выговаривали авторы «Земледельческого журнала», то «Московский вестник», «любомудры», славянофилы переводили в плоскость философских обобщений и исторических размышлений о судьбе русского народа и особом пути его развития.

Впрочем, не трудно найти в писаниях славянофилов и прямое смыканье с высказываниями дворянских публицистов из «Земледельческого журнала». То, чего не договаривали славянофилы, что, быть может, они еще не ясно осознавали сами в 30-х годах, отчетливо и решительно высказывал позже Погодин, вообще умевший ставить более решительно и последовательно точки над всевозможными «и», «особенно политическими. Под влиянием событий, развернувшихся на Западе, он писал: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдет у нас себе приверженцев, а перед Никитою Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Маццини не перешагнет никто, а Степан Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы... Да и теперь, не убивают ли ежегодно до 30 помещиков, Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтобы получить значение особого рода!»

Таким образом славянофилами было осуществлено представительство интересов дворянского сословия в сферах идеологии и поставлена проблема дальнейшего

его бытия. И если говорить о более определенной, более узкой базе, то ясно, что это представительство не могло быть осуществлено ни крупной феодальной аристократией, ни мелкопоместным дворянством. Эту миссию мог выполнить только основной дворянский слой — наиболее культурный, с чрезвычайной остротой ощущающий кризис и вместе с тем более прочно, чем мелкопоместный, связанный с землей — слой среднепоместного дворянства. Персональный состав вождей и идеологов славянофильства наглядно подтверждает этот вывод: Аксаковы, Елагины, Киреевские, Валуевы, Хомяковы, Языковы — все это представители среднего дворянства, иногда с очень крупным достатком и, главным образом, поволжского дворянства, где особенно остро давал себя чувствовать кризис и где еще были свежи воспоминания о пугачевщине. Именно потому-то среднепоместному дворянству и пришлось отобразить в литературе, в философии, в учении о государстве и эту тревогу класса, и его борьбу за укрепление своих позиций.

Но, в сущности, дело вовсе не в этом. Мне кажется, у нас слишком большое значение уделяют вопросу о том или ином делении дворянства по количеству душ, десятин, чем, конечно, чрезмерно преувеличивается значение этих биографических моментов, и увод исследования в эту область затушевывает значение политической роли и сущности славянофильства. Важно не то, что славянофилы в основном связаны со среднепоместным дворянством (из этой же среды вышли и Пушкин, и Тургенев, и многие западники), важно, что славянофильство в целом было реакционной, консервативной идеологией. Славянофилы выражали идеологию тех групп, которые были заинтересованы в сохранении феодальной системы. Учение славянофилов, как уже отмечалось в литературе, было «идеологией помещичьей, дворянской и самодержавной России».[1]

[1] Ср. Л. Б. Каменев, Герцен и славянофилы в 40-х годах (А. И. Герцен, Былое и думы, т. III. С комментариями и указателями ко всем трем томам Л. Б. Каменева, М. 1932, стр. 276).

В этом смысл и их философского идеализма и идеализации старой Руси. Поэтому славянофильство и нельзя никак замкнуть в рамки только одного слоя. Пусть лидерами были среднепоместники, но вокруг них группировались и к ним тянулись представители всех слоев дворянства, — и славянофильство следует считать основной, центральной теорией крепостничества. Оно выросло на почве кризиса, под экономическими и политическими ударами, которые выпадали на долю дворянства, но вместе с тем оно ни в коем случае не было пассивной теорией, но теорией боевой, воинствующей, отлично понимающей, что есть за что бороться.

Это сознание по-разному выражалось в различных формах идеологии; по-разному отображали его и поэты класса. И если, например, Боратынский в своей рефлективной поэзии, в своих мрачных раздумьях, отобразил тревогу класса, отобразил настроения класса, уже потревоженного в своих основах, утратившего веру в свою прочность и неизменность связанного с ним бытия, то Языков отобразил волю класса к борьбе, пафос веры в его жизнь и силу.

Историческая идеализация прошлого, буйная эротика, религиозный пафос сливались в одно целое, создавая тот основной комплекс, который Петр Киреевский так метко назвал *святой кабак*, сознательно или бессознательно повторяя определение самого Языкова, который в уже цитированном выше письме к Комовскому определял свой поэтический путь как путь из кабака в церковь. Поэзия Языкова вела в самые глубины быта, отнюдь не разрушая его критически, но поднимая его в лирическом пафосе в какую-то идеальную сферу. Соприкосновение с буршевской буржуазной стихией в Дерпте не прошло бесследно для Языкова: его поэзия получила там прививку бодрости и жизнерадостности.

Эта лирическая зарядка, этот буйный восторг молодости были тем, чего жадно искал класс. Поиски восторга — любимая тема Ивана Киреевского. В письмах к своим

из Германии он жалуется на Раупаха, который как-то в его присутствии, на вечере у Гегеля, сказал, что русские лишены энергии. «Можете представить себе мое негодование», — замечает он по этому поводу. По поводу торжественной овации, устроенной Погодину за его речь на юбилее Московского университета, он восклицает в одном из писем: «И народ, который теперь, быть может, один в Европе способен к восторгу, называют непросвещенным». Народ в понимании Ивана Киреевского, конечно, тот слой, к которому принадлежал он сам и из среды которого в данном случае выражались восторги и овации Погодину. С той же точки зрения он расценивал и поэзию Языкова.

В статье, посвященной разбору стихов Языкова, он писал, возражая различным чопорным педантам, называвшим поэзию Языкова безнравственной: «Когда Анакреон воспевает вино и красавиц, я вижу в нем веселого сластолюбца; когда Державин славит сладострастие, я вижу в нем минуту нравственной слабости; но признаюсь, в Языкове я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбия, ибо где у других минута бессилия, там у него избыток сил; где у других простое влеченье, там у Языкова восторг, а где истинный восторг и музыка, и вдохновенье, — там пусть другие ищут низкого и грязного, — для меня восторг и грязь кажется таким же противоречием, каким огонь и холод, красота и безобразие, поэзия и вялый эгоизм». [1] Отсюда, по мнению критика, вытекает то основное свойство поэзии Языкова, которое он характеризовал как *стремление к душевному простору*. Это и определяет весь характер поэзии Языкова, его содержание и форму: «именно потому, — заявляет Киреевский, — что господствующий идеал Языкова есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть какой-то электрический восторг, а господ-

[1] Ив. Киреевский, Полное собрание сочинений, т. II, 1910, стр. 80.

ствующий тон его стихов — какая-то звучная восторженность» [1]

Такое восприятие поэзии Языкова характерно не только для И. Киреевского, но оно в равной мере характеризует и Боратынского и Гоголя, отчасти Пушкина («Какой избыток чувств и сил, какое буйство молодое!»). На упреки в безыдейности, в оторванности от запросов века, которые были брошены поэту представителем растущей буржуазной интеллигенции, дворянские критики ответили апологией поэзии Языкова как поэзии национального размаха и простора, как лучшего выражения самых высоких эмоций народной души. Продолжая те же мысли, которые развивал Киреевский, Боратынский писал об Языкове: «Когда гнилая наша поэзия будет еще гнилее и будет пахнуть мертвечиной, мы почувствуем все достоинство его, бессмертной свежести».[2] В оценке поэзии Языкова раскрывалась сущность славянофильской эстетики, т. е. эстетики специфически дворянской: эпикуреизм получал философское осмысление, разгул и эротика поднимались над бытом и переставали быть индивидуальным явлением. Здесь именно смысл того утверждения, которое было сделано в начале настоящего очерка о «пьянстве» и «буйстве» молодого Языкова как явлении не индивидуальном, но социальном.

Эти оценки и высказывания углублял Гоголь. Он передавал мнение Пушкина, что книгу стихов Языкова следовало бы назвать не «Стихотворения Языкова», но *хмель*. «Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного, тут потребно буйство сил». Это «буйство» восхищает и Гоголя. В поэзии Языкова «всем послышалась, — пишет он, — новая лира, разгул и буйство сил, удаль всякого выражения, свет молодого восторга...

[1] Ibid., стр. 84.

[2] Этот отзыв Боратынского передан Д. В. Давыдовым в письме к Языковым. «Письма Д. В. Давыдова к А. и Н. М. Языковым», «Русская старина» 1884, № 3, стр. 145.

Все, что выражает силу молодости не расслабленной, но могучей, полной будущего, стало вдруг предметом стихов его... Все, что вызывает в юноше отвагу: море, волны, буря, пиры и сдвинутые чаши, братский союз на дело, твердая, как кремень, вера в будущее, готовность ратовать за отчизну выражается у него с силою неестественной». [1]

Гоголь, считая себя призванным разъяснять эпохе, т. е. своему классу, его основные задачи, предъявлял Языкову специфические и совершенно ясные требования. В статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», являющейся переработкой подлинных писем к Языкову, он так формулирует задачи поэта: «Нынешнее время есть именно поприще для лирического поэта. Сатирою ничего не возьмешь, простою картиною действительности, оглянутой глазом современного светского человечества, никого не разбудишь, богатырски задремал нынешний век...» Гоголь требует, чтоб поэт бичевал зло и звал к высшим идеалам. «У тебя есть, — продолжает он, обращаясь к Языкову,— на то орудия и средства, в стихе твоем есть сила управляющая и подъемлющая. То и другое теперь именно нужно. Одних нужно поднять, других попрекнуть: поднять тех, которые смутились от страхов и бесчинств их окружающих, попрекнуть тех, которые в святые минуты небесного гнева и страданий повсюдных дерзают предаваться буйству всяких сказаний и позорного ликования» и т. д. [2]

Этот пафос критики достаточно объясняет причины той напряженной атмосферы, которая царила вокруг Языкова и которая позволяет говорить о поэзии Языкова как некоем водоразделе в общественно-литературных течениях. И Гоголь, и Боратынский, и Киреевский с исклю-

[1] Н. В. Гоголь, Выбранные места из переписки с друзьями. «В чем же, наконец, существо русской поэзии, в чем ее особенность». Сочинения Гоголя, под редакцией В. В. Каллаша, изд. Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 195.

[2] Ibid., стр. 73—74.

чительной силой и остротой обнажали классовую стихию поэзии Языкова, вскрывая ее значение для своего класса и поставленных этим классом задач. Это обязывало к формулировке своих позиций и их антагонистов. Это и было выполнено самым блестящим представителем нового поколения читателей, представителем уже начавшей крепнуть разночинной интеллигенции — Белинским.

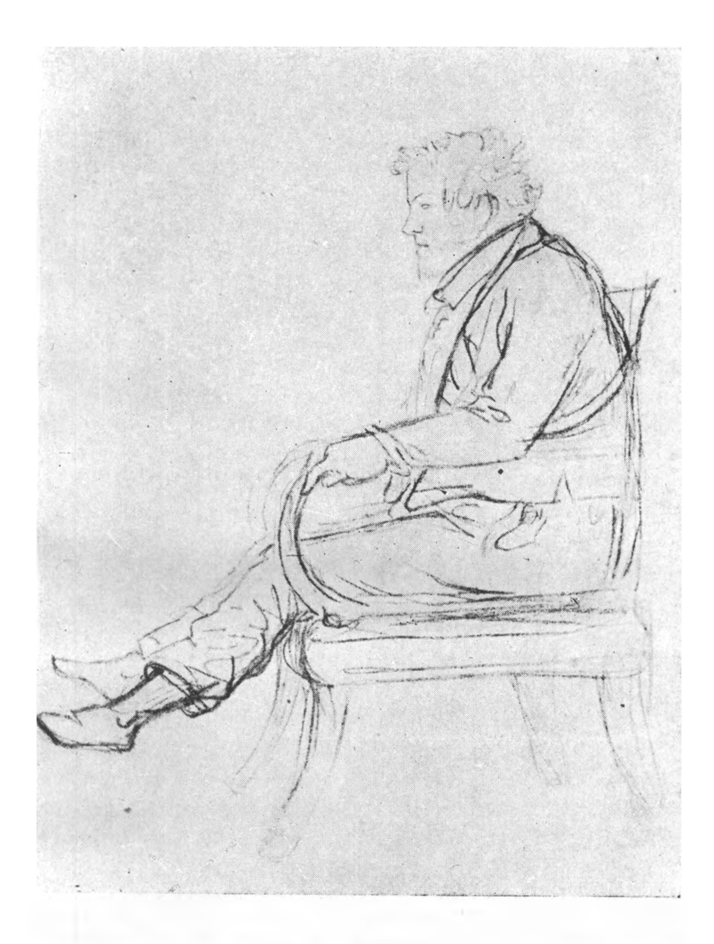
Позже эстетическая и эстетствующая критика упрекала Белинского, что он не сумел оценить крупнейших мастеров пушкинской эпохи. Отрицательное отношение Белинского к поэзии Боратынского и Языкова приводилось как пример отсутствия у него поэтического чутья и понимания литературы. Но, конечно, Белинский превосходно, не хуже Киреевского и последующих критиков, понимал огромную силу таланта Языкова и его богатейшие возможности как поэта, но за всем этим вставала и иная, для него более существенная сторона, сторона политическая. Белинский очень правильно оценил историческое значение поэзии Языкова. «Имя г. Языкова, — писал он,— навсегда принадлежит русской литературе и не сотрется с ее страниц даже тогда, когда стихотворения его уже не будут читаться публикой».[1] Белинский подчеркивает, что речь идет отнюдь не об отрицании таланта в Языкове, но об определенном «объеме этого таланта», т. е., другими словами, о диапазоне его творчества, о широте и глубине захваченных и поставленных им проблем. Речь шла о составе идей поэта и о том культе, который устанавливала дворянская, реакционная и славянофильская кри-

[1] Еще более определенно высказывался Белинский ранее, в статье «Русская литература в 1841 году». «Стихи Языкова блестят всей роскошью внешней поэзии, и если есть внешняя поэзия, то Языков необыкновенно даровитый поэт, он много сделал для развития эстетического чувства в обществе: его поэзия была самым сильным противоядием пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смелыми и резкими словами и оборотами Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии...» (Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 37).

тика. Рецензия Белинского — ответ не только на полемические послания Языкова, но и на эту критику. Он, точно, слово за словом идет по стопам Киреевского и прочих критиков и, ни разу не называя их по имени, последовательно возражает на каждое их положение.

Киреевский говорит о поэзии Языкова как поэзии юности. Белинский ставит вопрос: какова же эта поэзия юности, каково ее эстетическое и нравственное значение? Она оказывается в антиэстетической оболочке кутящего пьяного студенчества. Киреевский ценил поэзию Языкова как духовную ширь молодости. Белинский отказывается видеть в поэзии вина и разгула воплощение широты душевного простора молодости и выдвигает иные требования; он отрицает, наконец, подлинную стихийность этого «молодого буйства». Это — не выражение действительности, «чем должна быть всякая истинная поэзия, — писал он, — а реторика, «так только для красоты слога», как говорит Манилов». Критика восторгалась его историческими пьесами, видя в них выражение национального чувства, — Белинский опять заявляет: ложь. Это не народность, но опять та же риторика, «хотя и не лишенная своего рода изящества», — добавляет он. Это — переодетые славяне и русские: «они говорят и чувствуют, как ливонские рыцари», а те, в свою очередь, «похожи на немецких буршей», «тут ни в чем нет истины: ни в содержании, ни в красках, ни в тоне. А там, где поэт говорит от себя, нет никакой истины в чувстве, мысль придумана, произвольно кончена, стих блестящ, бросается в глаза, поражает слух своей необыкновенностью, и читатель только до тех пор признает его прекрасным, пока не даст себе труда присмотреться и прислушаться к нему».

Таким образом Белинский совершенно беспощадно бил по Языкову и именно потому, что прекрасно понимал его огромную силу и понимал то значение, какое имела его поэзия в боевом арсенале противников. Славянофилы хотели усиленно сделать из Языкова центральную

Н. М. ЯЗЫКОВ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова

фигуру русской поэзии, — Белинский же заставлял видеть в нем только центральную фигуру славянофильской поэзии.

И, действительно, Языков в 40-х годах был подлинно славянофильским поэтом. Встреча с славянофилами имела огромное значение для Языкова: он нашел в славянофильстве завершение своих смутных исторических мечтаний и политических концепций. Дерптские чтения Карамзина получили новый смысл в свете философских концепций славянофильства. Славянофилы обрели своего поэта, поэт — свою партию. В рядах славянофилов было не мало поэтов, но ни К. Аксаков, ни Шевырев, ни Хомяков не могут быть названы в такой мере поэтами партии, как Языков, он был не только провозвестником ее учений, но он внес в поэзию и ее интимные стороны, он был ее полемистом и воспевал ее лидеров, внося в литературу своеобразную струю домашности. [1] Это была и политическая, и вместе с тем интимная, лирика партии. И позже, когда под влиянием тяжкой и изнурительной болезни его творческая сила явно приходит в упадок, — наиболее высокие и сильные моменты его поэзии — его полемические послания против западников.

IV

Языков сыграл довольно значительную роль и внутри партии как один из ее деятелей. Эта сторона еще совершенно не вскрыта и не освещена предшествующими исследователями. Речь идет о роли и значении Языкова в

[1] Любопытно проследить эволюцию заглавий в его посланиях. В 20-х и 30-х годах адресаты посланий по большей части скрыты за инициалами или даже звездочками. В издании 1833 г. кое-что раскрыто до полного обозначения, но очень немного. В 40-х годах все послания озаглавлены не только полными фамилиями адресатов, но и именами и отчествами: «Николаю Васильевичу Гоголю», «Авдотье Петровне Елагиной», «Михайлу Петровичу Погодину» и т. д.

деле организации собирательской работы памятников народного творчества. В славянофильских построениях видное место занимали разнообразные фольклорные материалы, понимаемые как «проявления подлинной мысли народа», «выражения народной души», и собственно со славянофилов только и начинается настоящее научное изучение и собирание памятников фольклора. *Народность* (как бы смутно она ни понималась) лежала в центре философских и политических концепций славянофильства; потому-то столь важным и значительным представлялось изучение «народного предания» во всей его целостности. «Никому другому как славянофилам, — пишет позднейший исследователь, — принадлежит честь привнесения в русскую историографию источников нового типа, которые до тех пор историческая наука лишала права гражданства. К. Аксаков, П. Киреевский и другие славянофилы доказали, что исследователь имеет столько же оснований ссылаться на «Русскую правду», сколько на древние былины, на Завещание Мономаха, сколько на старинные предания, на Судебник Ивана Грозного, сколько на народные поверья и сказки. Славянофилы, так сказать, демократизировали исторические источники, и благодаря им уже давно не кажется странным, что мужицкая песня, может быть, только сейчас записанная как *памятник*, стоит рядом с какой-нибудь договорной грамотой или царским указом». [1]

Традиционное понимание приписывает всю инициативу и центральное место в этой организации фольклористической работы П. В. Киреевскому: последний приступил сам к энергичному собиранию и сумел привлечь к своему предприятию многочисленный ряд сотрудников, среди которых были и Пушкин, и Гоголь, и Жуковский, и многие

[1] Н. Рубинштейн, Историческая теория славянофилов и ее классовые корни. «Русская историческая литература в классовом освещении». Сборник статей под редакцией М. Н. Покровского, т. I, М. 1925, стр. 74—75.

другие; видный вклад в собрание Киреевского сделан братьями Языковыми.[1]

Но роль поэта Языкова, поскольку она вырисовывается из неопубликованной еще переписки его с теми же Киреевским и своими братьями, представляется гораздо значительнее. В сущности, его имя с полным правом может быть названо на ряду с именем Петра Киреевского как одного из зачинателей и ревностнейших пропагандистов идеи собирания и издания народного творчества.

Первое упоминание об этом предприятии встречается в письме Языкова к брату Александру от 12 июня 1831 г. «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. Киреевский и я, мы возымели поэтическое желание собирать их и нашли довольно много еще ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоцененное и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского...»[2] С этих пор упоминания об этой работе, просьбы о собирании и присылке песен, советы о привлечении к этой работе того или другого из знакомых, сетования и жалобы на медлительность в этой работе Петра Киреевского встречаются на всем протяжении его переписки. Языков настолько заразил своим энтузиазмом своих братьев, особенно Александра, и так увлекся собиранием сам, что собранные ими материалы очень быстро обратились в довольно большое собрание и значительно превзошли результаты самого Киреевского. В письме от 9 июля 1832 г. (т. е. через год после совместного приступа к работе) Петр Киреевский пишет братьям Языковым:

[1] Ср. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I, М. 1911; вып. 2, М. 1930.

[2] Неопубликованная переписка. Архив Языковых (ИРЛИ).

«Славное вы дело сделали, что собрали так много песен, а мне стыдно, потому что я до сих пор не собрал ни одной».[1] Только в 1833 г. Киреевский сообщает о более расширенных шагах своих в этом направлении: «Надеюсь нынешним летом не удариться лицом в грязь, не отстать от тебя и от Александра Михайловича, далеко меня опередивших и пристыдивших, и возвратиться с обильною жатвой песен и особенно стихов и сказок.»[2]

Уже больной, живя за границей, Языков не перестает интересоваться этим делом и беспрерывно тормошит братьев просьбами и поручениями в этом направлении: так упоминания об этом имеются в письмах и из Ниццы, и из Гастейна, и из Рима. В марте 1840 г. он раздраженно пишет (из Ниццы): «К Петру Киреевскому мы писали, писали и недавно уже отнеслись к Валуеву, чтоб сей юноша добился от него ответа на некоторые пункты. Расторыкать его трудно: он чрезвычайно способен захрясать и засиживаться в одной мысли и на одном месте, вот почему и не отвечает на письма и медлит с изданием песен, уж не знаю почему».[3]

В предисловии к изданию «духовных стихов» (вышедших уже после смерти Языкова) Киреевский отметил крупное значение Языкова; это не было только формой вежливой почтительности в отношении к покойному. Из писем Киреевского видно, как он действительно расценивал роль и значение Языкова в этом деле. В конце 1832 г. он пишет из Москвы в Симбирск к Языкову: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал, он учится по-еврейски с намерением переводить Иова и намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано

[1] Неопубликованная переписка. Архив Языковых (ИРЛИ).

[2] Ibid.

[3] Позже он с некоторым раздражением пишет М. А. Максимовичу: «Киреевские продолжают свое прежнее: И. В. в деревне и об нем и слуху нет. П. В. благополучно начал 14-й год сидеть сложа руки над своим знаменитым собранием песен» (17 июля 1844 г.).

довольно много; я думаю ему послать копии с моего собрания, но для этого нужно наперед твое соизволение».[1] Таким образом Киреевский видел в Языкове не только одного из помощников и ревностных вкладчиков в свое собрание, но признавал за ним значительно большие права вплоть до права распоряжения материалом. Первоначально даже предполагалась, как это видно и из первого письма Языкова, совместная их работа по подготовке к изданию. В мае 1833 г., прося Языкова прислать находящиеся у последнего записи духовных стихов, добавляет: «Я их спишу и немедленно возвращу с приложением всех у меня имеющихся и впредь иметься имеющих. Варианты для нас обоих необходимы, осенью же ты авось либо, наконец, опять приедешь к нам в Москву и тогда мы уже с богатым собранием материалов вместе потолкуем, кому и как и на каком основании приступать к изданию». [2]

Эта полоса увлечения фольклором отразилась и непосредственно в его творчестве созданием двух сказок. Различного рода подражания народной поэзии были очень популярны в литературе первой половины XIX века и особенно в период усиления споров о народности. Что же касается «сказок», то интерес к этому виду творчества особенно заострен был опытом Пушкина и Жуковского, их знаменитым состязанием в 1831 г. В 1834 г. появился «Конек-Горбунок» Ершова. Эту же полосу переживает и Языков. Сказки вызвали огромную полемику, которая далеко не целиком отразилась в печати. Целый ряд высказываний по поводу пушкинских сказок сохранился и в переписке того времени. Основной спор шел о том, как подходить к решению задачи отражения в поэзии народного творчества. Близкий приятель и корреспондент Языковых, Комовский писал по поводу сказок Жуковского и Пушкина: «Жуковский побрился, а Пушкин так и ходит: с бородой

[1] Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову (ИРЛИ).
[2] Ibid.

и в армяке». [1] Глубже обосновывает эту же точку зрения Боратынский: «Я прочитал здесь «Царя Салтана», — пишет он И. Киреевскому. — Это совершенно русская сказка, и в этом мне кажется ее недостаток. Что за поэзия — слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-Птицу. И что это прибавляет к литературному нашему богатству. *Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде* (курсив наш.—*М. А.*) или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу, и, по возможности, все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок и только. Можно даже сказать, что она между ними не лучшая. Как далеко от этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига». [2]

Боратынский судит с чисто эстетической точки зрения, но за всякой эстетикой стоит своя социология. Классовую подоплеку этого спора вскрывает менее тонкий, упрощенный Плетнев, который и договаривает до конца то, что осталось недосказанным у Боратынского. Плетнев также предпочитает Жуковского. «Так называемые ревнители народности скажут, что Иван-Царевич лишен ярких красок сказочного языка и больше представляет собою собственно ваше сочинение», — пишет он. Но в этом-то, по мнению Плетнева, и достоинство: «Не то достоинство, будто бы он удержал в себе весь характер той сказочницы, о которой вы так живо вспоминаете, но то, что летишь

[1] Письма В. Д. Комовского к братьям Языковым (ИРЛИ).

[2] Татевский сборник, стр. 49 (письмо датировано 1833 г.). Любопытно совпадение оценки Боратынского с аналогичным отзывом Станкевича («Пушкин изобрел этот ложный род, когда начал угасать поэтический огонь в душе его»).Переписка Н. В. Станкевича, 1830—1840, М. 1914, стр. 296.

с ним легко, чувствуешь около себя действительно сказочную Русь, речь везде такая понятная и близкая к русскому сердцу и памяти выросшего на руках русских нянюшек, а между тем есть и богатое разнообразие, как в самой натуре: рассказ то шутлив, то степенен, то возвышен, то прост. Видно, что *эта сказка идет не из избы мужицкой, а из барского дома, и говорит ее не барский подлипала, а прямой поэт».* [1] (курсив наш. — *М. А.*) Здесь сущность спора о методе передачи в поэзии фольклорных памятников совершенно обнажена.

Естественно, что и оценка Языкова вполне совпадает с аналогичными суждениями его соратников и друзей по литературной борьбе. Правда в оценке «Салтана» Языков несколько колебался. Эта сказка как раз нравилась ему, но в общем он относился отрицательно к такому методу. Он предпочитает Жуковского, и собственные его опыты идут в этом же направлении. В первой своей вещи в сказочном стиле: «Сказка о пастухе и диком вепре» он подходит как бы несколько иронически, с полемическим заострением против Пушкина:

Дай напишу я сказку. Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ.
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым, как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить.
Грех не велик, да не велик и труд.

Сказка о Жар-Птице продолжает традицию Жуковского. Для Языкова — это канва, на которой он высказывает свои политические и исторические убеждения; пользуясь традиционным противопоставлением младшего и старших

[1] П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. III, стр. 562.

братьев, он зарисовывает в последних карикатурные типы любителей западного просвещения.

«Жар-Птица» — как бы переломный момент. Тяжелая болезнь переворачивает все существование Языкова. Два года почти полного молчания. Потом, выбившая его из колеи поездка на Запад, где он чувствовал себя крайне неуютно. Путешествие по Италии и поездка в Рим, так плодотворно всегда отражавшиеся в творчестве русских писателей, для Языкова прошли как-то совершенно бесследно. Впечатления западной жизни вообще мало отложились в его поэзии.[1] Пейзажи, кое-какие бытовые штрихи, тоска по родине и выражения физического недуга — вот основные моменты поэзии этого периода. Здесь особенно ярко ощущается столь вообще характерная для Языкова некоторая физиологичность в восприятии и художественной передаче таких идей, как «родина», «народность». Даже Вяземский писал (по поводу языковского «Рейна»), что он понимает Языкова, сочувствует ему, умиляется и увлекается его чувством, когда видит, как он остается волжанином в виду красивого Рейна или грозного водопада, но все же считает нужным добавить, что лично ему не входит ни в голову ни в сердце, что можно положить себе за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу немецкому Рейну.

Очень любопытно одно из стихотворений этого периода — «Морская тоня» — картинка рыбной ловли, проникнутая сочувствием к бедным труженикам-рыбакам:

Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход.

Это единственный мотив труда во всем творчестве Языкова; единственный случай, когда поэт заметил бедность

[1] Очень любопытно и ценно свидетельство по этому поводу Вяземского: «Чистая, кровная, славянская природа его не могла ужиться в Неметчине. Мало прислушиваясь к движению немецкой и западной

и плохо оплачиваемый труд. Этих явлений он не сумел заметить (в своей поэзии, конечно) на родине, но он подчеркивает их в западной жизни.

С возвращением в Россию он вновь обретает прежний лирический пафос, который теперь уже всецело идет по линии полемики и борьбы с западниками: послания к Шевыреву, Хомякову, К. Аксакову и, наконец, два знаменитых послания — к Чаадаеву и «К не нашим», — окончательно отгородившие поэта от прогрессивных элементов общества. [1]

V

Судьбе было угодно, чтобы это было и последним словом Языкова. И встает естественный вопрос: в какой же мере этот боевой реакционный поэт входит в наш сегодняшний день? Как следует воспринимать его литературное наследство? Нужен ли он в какой бы то ни было мере сегодняшнему читателю?

Было бы ненужной тратой времени защищать и доказывать необходимость издания в наши дни такого крупного поэта прошлого, как Языков. Его историческое значение, его право на внимание к себе с этой стороны, конечно, совершенно бесспорны, и нет надобности останавливаться подробно на этой стороне вопроса. Столь же несомненно и бесспорно огромное значение языковской поэзии в плане усвоения литературной культуры прошлого и особенно в том специфическом плане, который мы

умственной деятельности, он в Германии окружен был русскими книгами, жил русскою жизнью, которую носил в груди своей, в чувствах, правилах и помышлениях».

[1] До последних посланий западники поддерживали связь с Языковым, ничуть не выделяя его из среды других славянофилов. В конце 1843 г. у него были свои приемные «вторники», на которых бывали Герцен, Грановский, Крюков и др. Сам Языков в это время восхищается лекциями Грановского (в письмах к брату А. М. от 27 ноября и 11 декабря 1843 г.). Совещание о чествовании Грановского происходило на квартире Языкова.

привыкли теперь именовать условным термином: «литературная учеба». Изучение такого мастера, как Языков, его манеры видеть мир и уменья отображать в поэзии политическую практику своего дня должны также остановить пристальное внимание поэтов нового класса, ибо Языков принадлежит к тем поэтам, «учение» у которых может чрезвычайно много дать современному поэту.

Две стороны его творчества и его поэтики делают его особенно значительным и выделяют из общего пушкинского окружения. Это — необычайная стремительность стиховых темпов и смелость в построении стиха и образа. Еще Ксенофонт Полевой отмечал «изумительное уменье» Языкова пользоваться словом: «Немногие из стихотворцев русских умели так счастливо пользоваться богатством выражений и неожиданностью оборотов нашего могучего языка».

Действительно, Языков не боится трудностей, он не считается с канонами и штампами языка, если ему нехватает слова, он изобретает его или применяет не в том значении, как это принято обычно. Эти необычные сочетания иногда отпугивали современников; позже Белинский очень верно почувствовал в этом буйном и смелом словотворчестве (которое он также умел ценить) и большую долю некоторого духовного неряшества, разгильдяйства, некоторой духовной распущенности, что вело к нечеткости образов и риторике, но, вместе с тем, и он отметил огромное литературное значение поэзии Языкова. «Смелые по их оригинальности, стихотворения Языкова, — писал он, — имели на общественное мнение такое же полезное влияние, как и проза Марлинского; они дали возможность каждому писать не так, как все пишут, а как он способен писать, следственно каждому дали возможность быть самим собою в своих сочинениях». [1]

[1] Это сопоставление Языкова с Марлинским очень метко и глубоко. Сам Языков чувствовал и осознавал очень отчетливо эту близость и

И не случайно, что внимание к Языкову в позднейшее время было возбуждено не символистами, вообще столь упорно реставрировавшими «русскую культуру». [1] К Языкову тянулась поэтическая молодежь, стремящаяся выбиться из становящихся уже тесными канонов символистской поэтики. Исследователями и апологетами Языкова становятся поэт раннего футуризма, С. Бобров и будущий имажинист В. Шершеневич. Бобров восторгается «дифирамбической константой» песен Языкова, он считает его «декадансом пушкинской школы», в которой дошли до крайних пределов все ее достоинства и недостатки. «Его широкий дух, — пишет С. Бобров, — раздвигал, разламывал, разбрасывал рамки современного стихотворчества». [2] И потому-то молодыми поэтами предреволюционной эпохи Языков противопоставляется холодному мастерству Каролины Павловой, культ которой вводил и учреждал метр символизма, В. Брюсов, [3] или рассу-

родство. Он определенно предпочитал прозу Марлинского пушкинской. «Лейтенант Белозор», — пишет он брату, — меня восхитил. Какой мастер своего дела А. Б. [Александр Бестужев]! Какая широкая кисть и какой верный взгляд и искусство ставить предмет перед глазами читателя, живо, ярко и разительно. Что после или же далеко лет за 8 прежде этого Белкин». Неопубликованная переписка (ИРЛИ) от 22/XII 1833 г.

Силу языковского стиха очень удачно определил Гоголь: «Имя *Языков* пришлось ему не даром. Владеет он языком, как араб диким конем своим, и еще как бы хвастается своею властью. Откуда ни начнет период: с головы ли, с хвоста, он вывезет его картинно, заключит и замкнет, так, что остановишься пораженный».

[1] Выражение Блока в статье «Судьбы Аполлона Григорьева»: «Русская культура со смерти Пушкина была в загоне. Действительное внимание к ней пробудилось лишь в конце прошлого столетия, при первых лучах нового русского возрождения» (Стихотворения А. Григорьева. М. 1915, стр. 11).

[2] С. Бобров, Записки стихотворца, М. 1916, стр. 8.

[3] Впрочем, мастерство Языкова Брюсов ценил очень высоко. В известной статье, которой он приветствовал появление в русской литературе Клюева, Брюсов писал: «Стих (Клюева) полнозвучен, ясен и насыщен содержанием. Такой сомнительный прием, как постановка

дочной лирике Боратынского. Так, например, Н. Асеев категорически заявлял о влиянии на него лирики Языкова.[1]

Но одним ли только литературным и историко-литературным значением определяется сейчас место Языкова? Нам думается, что его место не только на полке историка, не только на столе писателя, но и в руках читателя. Для современного читателя он идет в том же ряду и в том же плане, как входят в современную литературу Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Боратынский, Тютчев и многие другие, большие или меньшие имена. Реакционная идеология Гоголя или Толстого не вычеркивает их из круга тех великих поэтов, в чтении которых новый читатель найдет огромный материал для расширения своего духовного кругозора и обогащения своего классового опыта. Такому пониманию с предельной ясностью и четкостью научил Ленин в своих классических статьях о Толстом и культурном наследстве прошлого. Так мы воспринимаем и лирику начала XIX века.

Художественные обобщения Пушкина, вся его лирика теснейшим образом связаны с практикой его класса. Иска-

дополнения перед подлежащим, у него вполне уместен и придает его стихам величавую полновесность и многозначительность. Нечеткость рифмы также не может никого смутить, потому что, как всегда в большой поэзии, центр тяжести лежит не в них, а в словах, стоящих внутри строки. Но зато такие словообразования, как «властноокая» или «многоочить» с гордостью заставляют вспоминать о подобных попытках Языкова».

[1] В предисловии к первой книге стихов Н. Асеева «Ночная флейта» (П. 1914) С. Бобров писал: «Но тому, кто воспринял конец сей как смерть символизма, какие остались пути? Ему придется отдать себя чистой лирике; поняв значение и смысл внутреннего изучения схем лирических движений в поэме и неустанно развивая существенный максимальный метафоризм, для истоков свежих обратиться опять, минуя раздерганного на кусочки модернистами Тютчева, к пушкинианцам и более всего к несравненным россыпям алмазов всем забытого Николая Михайловича Языкова. Эти пути и вели творчество Николая Асеева» (стр. 5).

ния его класса и его борьба определили собой и общую направленность поэзии Пушкина, и те формы, в которых он разрешал те или иные жизненные проблемы. Для нас не существует уже ни практики класса, к которому принадлежал Пушкин, ни личного опыта Пушкина. Мы можем ничего и не знать о них, но ощущения Пушкина, но личная страсть Пушкина, но художественные воплощения радости жизни и ее страданий, художественные формулы пушкинских раздумий о жизни — они нужны нам так же, как были нужны его современникам. Мы только иначе читаем и воспринимаем их. А. В. Луначарский говорит о долговечных формулировках, которые дают нам великие поэты из классово-чуждой нам среды. [1]

В этих «долговечных формулировках», которые умели давать великие поэты прошлого, отчасти (и только отчасти, конечно) и ответ на знаменитый вопрос, поставленный Марксом в его «Zur Kritik...», где вообще с необычайной силой и яркостью обнажена основная трудность литературной проблемы: трудность заключается не в том, чтобы понять генезис великого искусства прошлого; «трудность состоит в выяснении того, почему они продолжают еще давать нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недосягаемого образца».

[1] В предисловии к новому изданию Пушкина он пишет: «Нельзя не отметить при этом, что некоторые элементарнейшие ощущения, например, любование природой или экстазы эротики, находят в Пушкине классово преломленное, но в огромной мере и общечеловеческое выражение. Никто ведь не станет отрицать, что способность любоваться природой или наслаждаться любовью целиком растворима в классе. И как раз тогда, когда класс находится в зените — а для пушкинской группы, несмотря на начавшийся развал ее экономики, культурно 1820—1830 годы были зенитом, — он наиболее способен включать долговечные и другим классам отнюдь не чуждые формулировки в свой отчет самому себе об этих великих «элементах радости жизни». А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева и П. Е. Щеголева, т. I, ГИХЛ, М.—Л. 1931, стр. 60

Здесь же ответ и о месте поэзии Языкова. Лирика Языкова отразила момент расцвета класса и его тяжелой тревоги; она отразила и его веру в себя и его боевые тенденции и уверенность в своей победе. Реальное содержание, содержание исторической эпохи, обусловившей и создавшей пафос его лирики, для позднего читателя уже перестает быть реальностью, но самый лирический пафос, лирическое воодушевление, поэзия восторга и жизнерадостности переходят в арсенал другого класса. Потому-то революционной молодежью конца XIX и начала XX века был усвоен ряд песен Языкова: «Из страны, страны далекой», «Нелюдимо наше море».

Так пафос борьбы и энтузиазма переключается в практику другого класса.

Марк Азадовский.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О Н. М. ЯЗЫКОВЕ

Николай Михайлович Языков родился 4 марта 1803 г. в Симбирской губернии. Языковы принадлежали к видным дворянским семьям в губернии и владели имениями, кроме Симбирской губ., еще и в Уфимской; были в родстве с влиятельными и богатыми дворянскими семьями, как Кикины, Бестужевы, Валуевы и др. Старшие братья позже играли крупную роль в жизни губернии и считались во главе ее культурной верхушки. Петр, женатый на сестре декабриста Ивашева, занимался научными изысканиями и был известным геологом.

Первоначальное образование Н. М. Языков получил дома; в 1814 г. поступил в Горный кадетский корпус. Не кончив курса в последнем, перешел (в 1819) в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, откуда вскоре был исключен за неаккуратное посещение занятий. После некоторого пребывания дома, вернулся в Петербург (1821) и начал готовиться к экзамену для поступления в Петербургский университет, но позже, по совету старших братьев, поступил в Дерптский университет, пользовавшийся тогда репутацией лучшего университета в России, наиболее богатого научными силами.

В Дерпте Языков провел семь лет (1822 — 1829), и этот период является самым плодотворным в его поэтической деятельности. Очень скоро он стал там центром русской, главным образом дворянской молодежи, к которой тянулась студенческая молодежь и из других слоев. Ближайший круг Языкова составляли сыновья состоятельных дворянских семей: Вульф, Татаринов, Шепелев, Тютчев, Петерсон, Наумов; одно время Языков был близок с будущим дипломатом Киселевым. В этот же круг входили и студенты, выходцы из буржуазных и демократических слоев: Федоров (впоследствии видный астроном), Лунин (впоследствии профессор истории в Харьковском университете), филолог Степанов и др. В 1827 г., по пред-

ложению Языкова, была учреждена, по образцу немецких корпораций, русская студенческая корпорация «Рутения», первым председателем которой был сам Языков. Она просуществовала около тридцати лет и распалась во второй половине 50-х годов. Распад ее изображен в романе П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (ч. III).

В Дерпте же Языков завел и ряд литературных знакомств: с Жуковским, Воейковым, Булгариным, Илличевским, довольно долго жившим в Дерпте, Соболевским. Через Вульфа познакомился лично с Пушкиным, в общении с которым провел лето 1826 г. (в имении матери Вульфа, П. А. Осиповой). К Дерптскому же периоду относится широко известное в литературе увлечение его Воейковой, сыгравшей, несомненно, значительную роль в его творчестве, хотя это увлечение в значительной степени носило литературный, несколько надуманный, характер. Из Дерпта же он завязал большие литературные связи в центре, сотрудничая почти во всех крупнейших журналах и альманахах. Его стихи появлялись в альманахах: «Полярная звезда», «Северные цветы», «Невский альманах», «Альциона», «Альбом северных муз»; в журналах: «Московский телеграф», «Московский вестник», «Славянин», «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», несколько раз печатался в «Благонамеренном». Менее успешно шли университетские занятия. Хотя Языков довольно много занимался, усердно посещал лекции выдающихся профессоров (Эверса, Дабелова), однако не сумел правильно организовать своих университетских занятий и в конце концов уехал из Дерпта, не окончив курса.

В 1829 г. он приезжает в Москву, останавливается у Киреевских, и с этого времени начинается его тесная дружба с семьей Елагиных-Киреевских, продолжающаяся до конца его жизни. Тогда же он сближается с Боратынским, К. Павловой, Шевыревым, Аксаковыми, Погодиным, Хомяковым (за которого впоследствии вышла замуж его младшая сестра) и становится заметным и видным членом славянофильской семьи. В 1831 г. вместе с П. Киреевским предпринимает собирание материалов по русской народной поэзии, являясь не только помощником Петра Киреевского, но в значительной степени его вдохновителем и на первых порах наиболее ревностным и усердным собирателем. Либеральные тенденции дерптского периода, особенно усилившиеся после встречи с Пушкиным, мало-по-малу выветриваются и сменяются национально-патриотическими

Н. М. ЯЗЫКОВ

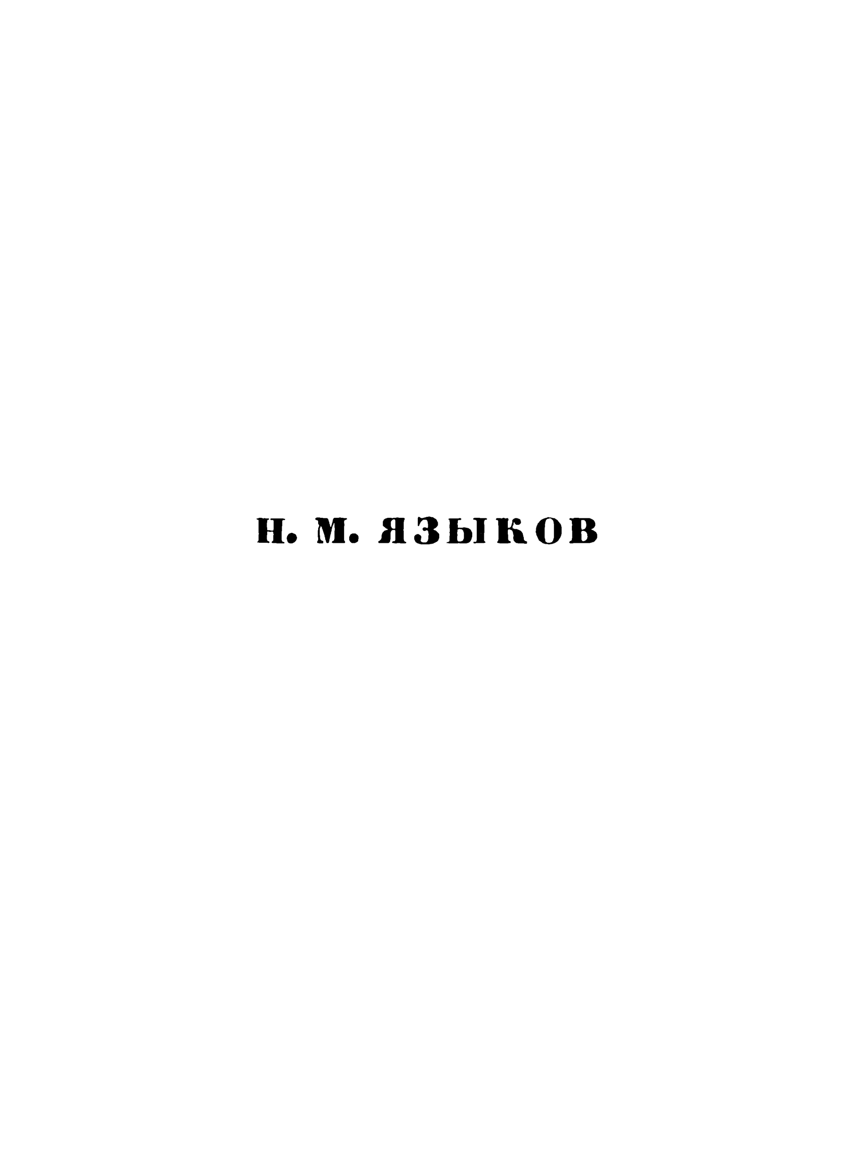
С офорта Ф. И. Иордана

и религиозными, элементы которых наблюдались уже и в дерптский период и которые получают окончательное завершение в 40-х годах, принимая характер явно консервативных и реакционных.

1832 — 1836 гг. Языков проводит в Симбирской губ. В 1833 г. выходит в свет книга его стихов. Продуктивность этого периода крайне слабая, а в скором времени начинает у него развиваться и тяжелая болезнь, отразившаяся на его творчестве. В 1837 г., Языков уезжает для лечения за границу, где и проводит пять лет. Живет в Ганау, Швальбахе, Ницце и других местах. За границей познакомился и подружился с Гоголем, с которым позже был вместе в Италии. Но пребывание за границей дало малое и крайне незначительное облегчение, к тому же он страшно тосковал по родине; очень мало дала ему заграничная поездка и в смысле культурного развития и роста. В августе 1843 г. он возвратился в Москву, где и поселился окончательно, не выезжая оттуда до смерти.

В Москве Языков сразу же занял видное и почетное место среди литераторов-славянофилов, но первоначально сблизился и с западниками, в частности с Герценом и Грановским, которые бывали на его «вторниках», заведенных им с целью собирать у себя «литературную Москву». Он посещает лекции Грановского, и в один из «вторников» Языков устраивает совещание о чествовании Грановского. Однако в дальнейшем, в процессе борьбы и споров происходит окончательное размежевание славянофилов и западников, и Языков оказывается в рядах самых крайних и непримиримых. В конце 1844 г. он написал ряд своих полемических посланий против западников, главным образом против Чаадаева, Грановского и Герцена. Ответом на эти послания были ядовитые статьи Герцена в «Отечественных записках», убийственный разбор Белинским новой книги стихов («56 стихотворений») Языкова и пародии Некрасова. В 1845 г. Языков издал книгу стихов: «Новые стихотворения» и весьма патриотические «Стихи на объявление памятника Карамзину». 26 декабря 1846 г. Языков скончался.

М. А.

Н. М. ЯЗЫКОВ

1819 1829

1819 — 1821

1. ПОСЛАНИЕ К КУЛИБИНУ

Не часто ли поверхность моря
Волнует грозных бурь приход,
И с валом вал ужасный споря,
Кремнистые брега трясет!
Не часто ль день прелестный, ясный
Скрывает мрак густой!
Не часто ль человек, среди весны прекрасной,
Смущается тоской!
И радость быстро отлетает!
Страшись печали, милый друг!
Да счастье всюду провождает
Тебя чрез жизни луг!
Люби, но укрощай в душе любви стремленья:
Ее опасен яд,
И часто средь цветов прелестных наслажденья
Змеи ужасные шипят!
Будь верен, не страшись обмана;
Страшись, чтобы коварный бог
Не превратился вдруг в тирана,
И тщетные к тебе любови не возжег.
Быть может, там, мой друг любезной,
Где медяный Рифей
Чело к стране возносит звездной,

И крепостью гордясь своей,
Полет Сатурна презирает,
Где хлад свирепый обитает,
Ты, друг мой, в тот ужасный час,
Как ветром мчится прах летучий,
Когда луч солнечный погас,
   Покрытый мрачной тучей,
Когда леса дубов скрыпят,
Пред бурей страшной преклоненны!
Когда по челам гор скользят
   Перуны разъяренны,
Быть может, друг любезный мой,
   В сей бури час ужасной,
Красу, застигнуту грозой,
   Увидишь ты. — И взор прекрасной
В плененном сердце нежну страсть
   Воспламенит мгновенно,
И милая твоя любови власть
   В душе познает восхищенной,
   И для тебя лишь будет жить.
   Тогда, под сенью мирной
Ты станешь радости с подругою делить;
   Тогда твой голос лирный
   Любовь благую воспоет!
И песнь твоя молвой к друзьям домчится!
Тогда во мне, о милый мой поэт,
Воспоминание протекшего родится;
   Тогда я полечу душой
   К дням резвым юности беспечной.
   Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной,
   Тебе вверять восторги приходил
   И слышал суд твой справедливый.
   О! сколь тогда приятен был
   Мне дружеский совет нельстивый!
   С каким весельем я с тобой

Поэтов красотой пленялся!
И, зря в мечтах их тени пред собой,
Восторгам пылким предавался.
Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По холмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.
Тогда я пред собою зрел
Тебя, Фингал непобедимый,
В тот час, как небосклон горел,
Зарею утренней златимый, —
Как ветерки игривые кругом
Героя тихо пролетали,
И солнце блещущим лучом
Сверкало на ужасной стали.
Я зрел его: он, на копье склонясь,
Стоял в очах своих с грозою —
И вдруг, на воинство противных устремясь,
Все повергал своей рукою.
Я зрел, как, подвиг свой свершив,
Он восходил на холм зеленый,
И, на равнину взор печальный обратив,
Где враг упал, им низложенный,
Стоял с поникшею главой,
В доспехах, кровию омытых.
Я шлемы зрел, его рассечены рукой,
Зрел горы им щитов разбитых!..
Но, друг, позволь мне удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты наделен талантом песнопенья,
Тебе героев воспевать!
В восторге устреми к превыспреннему миру

Быстротекущий свой полет,
А мне позволь, мой друг поэт,
Теперь на время бросить лиру!

2. А. И. КУЛИБИНУ

Итак, поэт унылый мой!
Тот скоро час примчится,
Когда тебе с родной страной,
С друзьями должно разлучиться;
Лететь туда, куда ведет
Рука судеб неумолимых;
Туда, где страшный гор хребет,
Среди степей необозримых,
Чело скрывая в облаках,
Стоит снегами увенчанный;
Где лютая зима на грозных высотах
Поставила свои чертоги льдяны;
Туда, туда, поэт — друг мой!
Там скалы дикие и пропасти ужасны,
И мрак дубрав чужой,
Услышат лиры глас прекрасный!
Туда и музы прилетят,
В Сибирь, в жилище хлада,
Поэт! богинь не устрашат
Ни даль, ни мраз, ни льдов громада:
Они, оставивши Парнас,
В твою смиренную обитель
Придут внимать твой мирный глас,
Любимец их и их любитель!
Тогда ты лиры золотой
Ударишь в звонки струны
И с них блестящею струей
Польется звук перунный!
Тогда ты будеть вспоминать

О родине своей, о тех местах священных,
Где дней твоих не смели возмущать
Страстей порывы разъяренных;
Где верных ты имел друзей,
Как с ними время протекало,
Как златострунной их твоей
Бряцанье лиры восхищало,
Как с ними радость разделял,
Мечты и тягость скуки,
Как их печальный оставлял,
Как простирал к ним руки,
Чтобы в последний раз обнять,
Сказать *прости* и удалиться.
Ах как приятно вспоминать
О том, с чем тяжко разлучиться!
Мой друг! Что может быть милей
Бесценного родного края?
Там солнце кажется светлей,
Там радостней весна златая,
Прохладный легкий ветерок,
Душистее цветы, там холмы зеленее,
Там сладостней журчит поток,
Там соловей поет звучнее,
Там все нас может восхищать,
Там все прекрасно, там все мило,
Там дни, как молния, летят,
Там нет тоски унылой,
Там наше счастие живет,
Там только жизнью наслаждаться!
А ты, любезный, мой поэт,
Ты должен с родиной расстаться!
Дай руку! Милый друг, прощай!
Но там, в стране той отдаленной,
Твоих друзей не забывай;
Живи надеждой озаренный,
Что некогда увидишь их,

Что грозный рок к тебе смягчится,
И что блаженство возвратится
И позлатит ток дней твоих!

3. А. Н. ОЧКИНУ

Было время, мой приятель,
Как прельщенный суетой,
Муз неверных обожатель,
Я им жертвовал собой;
Часто резвые мечтанья
И младых восторгов сны
На усердные признанья,
Из эфирной стороны
Ниспускалися — к поэту
Легкокрылою толпой;
Но теперь их нет со мной:
Мой челнок несется в Лету
Лени сонною волной,
И ничтожество немое
На корме его сидит!
Ты, которому в покое
Дни свобода золотит,
Пой певец уединенный,
Радость юношеских лет,
А товарищ твой забвенный
Пусть молчит — он не поэт!

1822

4. ПОСЛАНИЕ К А. Н. ОЧКИНУ

О, ты, с которым я, от юношеских лет,
Привык позабывать непостоянный свет,
Привык делить мечты, надежды, наслажденья,
И музы девственной простые песнопенья,
И тихие часы досугов золотых!
Друг сердца моего и друг стихов моих!
Завидую тебе: умеренным счастливой,
Твой дух не возмущен мечтой славолюбивой;
Ты, гордо позабыв мятежный света шум,
В уединении, жилище смелых дум,
Ведешь с науками невидимые годы,
И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым.
Ты счастья не искал за рубежом родным;
Но верный сам себе и от страстей свободной,
Нашел его в душе, простой и благородной;
А я, поверивший надежде молодой,
Обманут счастием, один, в стране чужой,
Пою мою печаль — певец, душою сирый —
Как струны хладные Арминиевой лиры,
И в тишине учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться

И всем утраченным, всем милым наслаждаться,
И с вами быть душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей;
Где вечно царствуют с отрадной тишиной
Миролюбивых душ живые наслажденья;
Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала,
Огонь поэзии в душе моей зажгла —
И я, божественным восторгом оживленный,
Воспел мои мечты и мой удел смиренный,
И непритворною, свободною душой
Благодарил богов за песни и покой!
Тогда, не знав людей, застенчивый мой гений
Не знал и зависти коварных оскорблений.
Суд ветреной толпы его не занимал;
Он пел для дружества и славы не искал.
Но вы сокрылись, дни счастливого незнанья!
И чувства новые и новые желанья
Сменили навсегда покой души моей.
Отдайте мне, Судьбы, блаженство прошлых дней,
Отдайте мирные отеческие сени
И сердце без любви и ум без заблуждений!
Не тщетно ль радости минувшие зову?
Уж бремя суеты тягчит мою главу;
Унылая душа невольно холодеет
И на грядущее надеяться не смеет;
И гаснет жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мне, забытому судьбой!
Ты можешь, верный жрец богини вдохновенья,
Родить в моей душе и жажду просвещенья
И твердость на пути спасительных трудов,
И оживить мой ум и жар моих стихов.
Когда ж, от бремени сует освобожденный,

С собою помирясь, и дружбой ободренный,
Я полечу в страну, где молодость моя
Узнает мир души и цену бытия?
О! сбудутся ль мои последние желанья?
Клянусь, собрав умом плоды образованья,
Провесть в кругу родных, на родине моей,
Остаток счастливый тобой спасенных дней!
Тогда души моей воскреснут наслажденья.
Забыв коварный свет, в тиши уединенья,
Я буду воспевать мой радостный удел,
Родимые поля, простые нравы сел
И прадедовских лет дела и небылицы —
И посвящать тебе дары моей цевницы!

5. ПОСВЯЩЕНИЕ А. М. ЯЗЫКОВУ

Faciam ut mei memineris [1]

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей.
Тобою жизни обученный,
Питомец сладкой тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои пророческие сны, —
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой!
Она мне мир очарованья
В живых восторгах создала,

К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,

[1] Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил. *[Ред.]*

Учила презирать нелепый суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы.
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям!

Быть может, некогда твой счастливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков,
Святые битвы за свободу
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины,
Торжественный и величавый!!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой не смелой
Тобой воспитанный поэт!
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прошлых дней,
Неверной жизни обольщенья

И страсти ветренных друзей;
Здесь все, чем занят был счастливый дар поэта,

Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

6. МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?»
— Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона.

«Где твоя родина, певец молодой?» —
— Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновений,
Там все, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!

«Кого же прославит певец молодой?»
— Певца восхищают могучие деды;
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы.

«Кого же прославит певец молодой?»
— От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды, блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младой, но ужасный средь вражьих мечей,
И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!

«Но кто ж молодого певца наградит?»
— Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой,
И гордый всесильной судьбы не винит...
Так бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!

«Но кто ж молодого певца наградит?»
— Потомок героев, как предки, свободной,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков,
И взоры сверкают надеждой веселой!

7. ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

(В альбом А. А. Воейковой)

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда горделивый и смелый, как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.

Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.
Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною
Разил меня дикий питомец войны;
Но я разрубил ему шлем с головою, —
И мы победили, полночи сыны!
Мы бились мечами. На память сынам
Оставлю я броню и щит мой широкой,
И бранное знамя, и шлем мой высокой,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами,
В чертогах отцовских на память сынам.

[illegible] 1823

[illegible]

8. РОК

(На смерть М. А. Мойер)

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
И пламень тартара в очах!
Увы! сия рука не знает сострраданья,
Не знает промаха удар!
Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
Посол неправых неба кар?

Всего прекрасного безжалостный губитель,
Любимый сын владыки тьмы,
Всемощный, вековой — и наш миироправитель!
Он — рок; его добыча — мы.
Злодейству он дает торжественные силы
И гений творческий для бед,
И медленно его по крови до могилы
Проводит в лаврах через свет.

*

Но ты, минутное творца изображенье,
Невинность, век твой не цветет:

Полюбишь ты добро, и рок в остервененье
   С земли небесное сорвет,
Иль бросит бледную в бунтующее море,
   Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
   И ты при молниях читай!

9. ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
   Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
   Песни радостных пловцов,
И как Нил-благотворитель
   На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
   Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
   Незабвенные края!
Под чужими небесами
   Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
   Ни под бурей роковой,
Не слетит со струн поэта
   Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
   Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
   Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
   Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
   Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов —
Сохраненные веками,
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
   Огнь божественный в сердца
И цветами убираешь
   Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
   Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
   Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры, ты прекрасна,
   Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
   Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
   Ты чаруешь жизнь мою, —
И забытый рано счастьем,
   Я утешен: я пою!

10. МОЕ УЕДИНЕНИЕ

   От света вдалеке,
Я моему Пенату
Нашел простую хату
В пустынном чердаке;
Здесь лестница крутая,
Со всхода по стене
Улиткой завитая,
В потьмах ведет ко мне:
Годов угрюмый гений
С нее перилы снял,
И тяжкие ступени
Избил и раскачал;
Но зная путь парнасской
От колыбельных лет,
С ее вершины тряской

Не падает поэт;
Под ним дрожат ступени,
И тьма со всех сторон,
Но верно ходит он
К своей любимой сени.
  Благодарю богов!
В моем уединенье
Свобода — рай певцов,
Живое размышленье
И тишина трудов.
Умеренность благая
Приют мой убрала,
Здесь роскошь выписная
Приема не нашла;
Завесою богатой
Не занавешен свет;
Пол шаткой и покатой
Коврами не одет;
Ни бронзы драгоценной,
Ни зеркал, ни картин:
Все бедно и смиренно,
Как сирый Фебов сын.
У стенки некрасивой
Стоит мой стол простой,
Хранитель молчаливой
Всего, что гений мой,
Мечтатель говорливой,
Досужною порой,
Певцу-анахорету
Наедине внушил
И строго запретил
Казать слепому свету.
Пред ним моя рука,
Широкими рядами,
Из полок, меж стенами
И вверх до потолка,

Приют уединенный
Соорудила вам,
О русские Камены,
Священные векам!
Ты здесь, во славе зримый,
Снегов полярных сын,
Певец непобедимый
И гений — исполин,
Отважный, как свобода,
И быстрый, как перун,
Ты строен, как природа,
Как небо, вечно юн!
И ты, кумир поэта,
С высокою душой,
Как яркая комета,
Горящей полосой
На русском небосклоне
Возникший в дни побед
И мудрую на троне
Прославивший поэт!
Твой голос величавый
Гремит из рода в род,
И вечно не замрет
В устах полночной славы.
И ты, любимый сын
Фантазии чудесной,
Певец любви небесной
И северных дружин,
То нежный и прекрасный,
Как сердца первый жар,
То смелый и ужасный,
Как мщения удар!
Твой глас душе унылой,
Как ангела привет,
Внушает тайной силой
Надежду в море бед;

В страдальце оживляет
Покорность небесам, —
И грустный забывает,
Что он еще не там!
   Питомцы вдохновенья!
Вы здесь, — и гений мой
Мирские наслажденья
С мирскою суетой
Презрительно бросает
Пред музою во прах,
И зря, как вас венчает
Бессмертие в веках,
Приподнимает крылы,
И чувствует в крылах
Торжественные силы.
   Счастлив, кто жребий свой
Из урны роковой
Сам избирал и вынул,
И шумный свет покинул
Для неизменных благ!
Умеренным богатый,
В тиши укромной хаты,
В спасительных трудах
Он дни свои проводит
С волшебницей-мечтой;
За славою не ходит
И не знаком с молвой.
Безвестность золотая
Хранит его от бед,
И ласковая стая
Докучливых сует
Ненужного для света
Не вызовет на свет.
О боги! кров поэта
Да будет вечно тих!
Я не ищу фортуны,

Ни почестей мирских:
Труды, безвестность, струны —
Блаженство дней моих!
А ты, моя свобода,
Храни души покой!
Мне музы и природа
Прекраснее с тобой;
С тобой мечты живее,
Отважней дум полет,
И песнь моя звучнее;
С тобою — я поэт!

11. В. М. КНЯЖЕВИЧУ

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!

Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,
Веселый света шум на тишину трудов,
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум, и смелость упованья.

Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый,
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками;
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!

Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвётся длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья,
Прорежут древности туман.
Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

12. В. М. [КНЯЖЕВИЧУ]

Простите мне простое «ты».
Богиня песен презирает
Приличий светских суеты,
И дочь богов не замечает,
Паря к бессмертным небесам,

Законов моды беззаконной.
Но грамматическим цепям
Она с улыбкой благосклонной
Младые руки отдает.
Затем-то вам, среди паренья,
По правилу местоименья,
Сказала: «ты» — и тихо ждет
Греху безгрешному прощенья.

13. ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕВЕЛЬ

1

Пред Троицею в будни
На башне городской,
В субботу пополудни,
Пробило час шестой.
Мы чинно за коляской
В телеге нанятой
Поехали рысцой.
Признаться: было тряско:
То яма в мостовой,
То камень неучтивый
Смущали наш покой,
И без того плохой.
Чухонец некрасивый
То грубым языком,
То маленьким кнутом
Гнал маленькую пару
Неудалых коней:
Нечуткие к удару,
Глухие для речей,
Они передвигали
Нас тихо по камням; —

Так Дерпт мы оставляли.
О чем, не знаю сам,
Я тосковал душою;
К[няжевич] тожь грустил
И взор его бродил,
Едва не со слезою,
По крышам, по садам,
По *Дому* — и уныло
Остановлялся там,
Где было... Что же было?
Пусть объяснит он сам.
И вот мы, слава богу,
На гладкую дорогу
Попали с предурной:
За Юрьевским форштатом
Ни ям, ни мостовой;
Но я с моим собратом,
Как прежде, ни гугу:
Таинственное что-то
(Назвать я не могу)
Чувствительной зевотой
Мне отворяло рот.
Известно, кто зевнет —
За ним зевает ближний;
Что значит? Может быть,
Всей мудростию книжной
Не можно объяснить.
Так мой товарищ милой,
Задумчиво-унылой,
Мне дружно подражал:
Зевал, как я зевал.
Наверное, не знаю,
Но что за грех сравнить?
Как наш Адам из раю
Изволил выходить —
И мог ли не грустить

О счастливом жилище,
Где он о самой пище
Заботы не знавал,
Где все, чего желал,
Ему приготовляла
Всевышнего рука —
Так нам сердца сжимала
Известная тоска:
И, признак огорченья,
Чуть слезы не текли.
Но вот корчма вдали:
Adieu! до продолженья.

2

Вечерняя спустилась тьма;
Пред нами черная корчма;
Она ужасна издали:
Поля пустые облегли
Ее почти со всех сторон.
Ландшафт ничем не оживлен:
Ни тихошепчущий поток,
Ни прохладительный лесок,
Ни громозвучный водопад,
Ни пестрота веселых стад...
Короче: ровно ничего
Кругом для взора моего
И для чувствительной души
Не представлялось в сей глуши;
И мы вошли в сию корчму —
Она похожа на тюрьму,
К которой уж давно, давно
Не мыто и не метено.
Порог возвышенный в дверях;
На потолке и на стенах
Буграми сажа, пыль и мох, —

А старый пол — беда для ног;
Таков дороги вешней вид,
Когда потоками бежит
Снегов растаявших вода;
Так мостовая, где худа...
По ней печальный пешеход
Сердито, медленно идет
И, глядя на негодный путь,
В мечтах бранит кого-нибудь.
Две комнаты — одна с другой
Могли бы спорить духотой.
Вдоль не очищенной стены,
Свидетель мрачной старины
Поставлен долговязый стол.
Он годен — так К[няжевич] счел —
К обеду двадцати персон.
К[няжевич] счетам изучен,
Я ж в арифметике отстал
И, как поэт, сей стол считал
Несносным даже для очей —
То каково же для гостей?..
И вдоль стола того — скамья,
Но чернота и пыль ея
На ней не позволяют лечь;
Налево — сумрачная печь
С широким, черным очагом;
Окно с замаранным стеклом,
Замаранным, как бы затем,
Чтоб даже сумрачным лучем
Не освещалася корчма
И путнику б густая тьма
Не позволяла разглядеть,
Что негде будет посидеть
И телу в тишине ночной
Дать укрепительной покой.
Благодаря богов, у нас

С собою был съестной запас;
А ужин — дело золотое
Тому, кто изнурен путем:
Тогда — двойная жажда в нем
И аппетит сильнее втрое.
Притом замечено давно,
Что все людские наслажденья
От ожиданий и томленья
Приятней — так и быть должно!
Веселья слаще после скуки,
Отрадней блага после бед,
Любовь живее от разлуки,
Вкусней от голода обед.
Так принесли мы жертву Кому!
Для нас царица сей корчмы
Расстлала по полу солому,
И тихо улеглися мы.
Сия чухонская Бавкида —
Простите этот эпизод —
Непривлекательного вида,
Как весь Ливонии народ:
Лицо, которого Гогарту
Не удалось нарисовать;
Вам не случалось ли видать
Унылой Корсики ландкарту?
Так некрасива и черна
Была лицом сия жена,
Живые, сумрачные взгляды
Из-под нависнувших бровей,
Волос не перечесть у ней:
В красе природной, без помады
От головы до самых пят
Они растрепаны висят.
Ее угрюмая осанка,
Морщины древнего чела,..
И словом, всем она была

Страшна, как ведьма киевлянка.
Подробность лишняя скучна,
Моя богиня это знает,
И вкусу вашему верна —
Здесь непритворно умолкает
Затем, что спать сама желает
И скоро бодрствовать должна.

3

Благотворная денница
Разорвала ночи мрак,
И пустынная синица
Пела утро кое-как.
Мы меж тем, как запрягали
Ободрившихся коней,
По окрестностям гуляли
И цветочки собирали —
Будто с ними веселей.
Здесь К[няжевич] осмерную
Незабудочку сыскал...
Он задумался, сказал:
(Я его не критикую,
Но, что слышал, говорю)
«Сей цветок, осьмое чудо,
Но кого им подарю?
Неприятно, скучно, худо
Быть, как я...» — И кончил сим.
Я не понял, и уныло
Он мне дал цветочек милой
С красноречием немым.
Я в бумажнике, как должно,
Нежный дар сей разложил;
Но — какой неосторожной!
Видно, где-то уронил.
Кони ржут — пора в дорогу!

День прекрасный: без жаров,
Без слепней и комаров,
И за это — слава богу!

4

Еще корчма — об ней ни слова!
Она, как прежняя, худа —
Я ж не охотник до худова,
И муза юная горда:
Неблаговидного труда
Она чуждается правдиво;
Насилу и одну корчму
Я описал вам терпеливо:
И то — не вопреки ль уму?

5

Вид прекрасный недалеко
На равнине, из садов
Нам открылся одинокой
Белокаменной, высокой,
С головой до облаков,
Оберпален, замок древний.
Жаль, что он среди степей:
Не картинные деревни,
Не роскошный вид полей,
Лишь чухонские харчевни
Окружают замок сей.
Если вам уже знакомы
Достопамятные томы,
В коих мудрый Карамзин,
Ученик бессмертной Клии,
Описал войны России
Средь Ливонии долин —
Вам известен *Оберпален*.

Он теперь не то, что был,
И пустынен и печален.
Там, где гордый рыцарь жил,
Где певались песни славы,
Где гремела медь и сталь —
Спят безмолвные дубравы,
И живет какой-то *Валь*.
Так века переменяют
Обитателей земли:
Ныне витязи в пыли,
А пигмеи поживают.
В Лету наши дни втекают,
Не слыхать великих дел,
Мир мирскому покорился,
Просветился, простудился
И ужасно похудел.
Мы взошли на возвышенный
Бельведер, смотрели вдаль:
Все кругом уединенно
И печально, как печаль.
Речка, мельница, долины —
Все уныло, все молчит.
Сад прекрасный и старинный —
Но кого он приютит?
Густолиственные вязы
Хороши, но кто на них
Начертит от сердца фразы?
Кто в аллеях вековых
Станет с тихими мечтами,
Чуть приметными шагами
Пред денницею гулять,
Восхищаться филомелой
И душой осиротелой
С темной горлинкой вздыхать?
Так мечтанья волновали
Мне чувствительную грудь.

Мы пришли: нас кони ждали —
Добрый день и добрый путь!

6

Вы знакомы с красотою
Той корчмы,
Где пред троицей святою
Спали мы.
Мы в корчме — в ней мрачность та же,
Пыль и мох,
Пол избит, а стены в саже,
Воздух плох;
Слишком душен, для дыханья
Нездоров;
Сверх того здесь дом собранья
Комаров.
Их здесь много, очень много:
Чу, жужжат!
А народ сей долгоногой
Людям рад;
Он живет лишь кровопийством.
Мы за всех
Стали мстить ему убийством:
То не грех!
Но что пользы? Все осталось
Много их,
И заснуть нам не досталось
Ни на миг.
Счастлив, кому судьбина
Определила сон
Под кровом балдахина;
Как тих, спокоен он!
Комар не блокирует
Его ушей и щек,
Он с мошкой не воюет;

А наш — несносный рок!
Ах! мы... Что было с нами,
Читайте: ваш пиит
С закрытыми глазами
На ложе сна лежит...
Вдруг писк, неугомонной
Комар ко мне летит —
Пищит... умолк... пищит...
Вот будто сел... все спит —
И я рукою сонной
Ловлю его, ловлю...
Хоть как, так увернется!
Опять пищит и вьется...
И я — опять не сплю!
Когда б я был не скован
Мирскою суетой,
И больше образован
Ученостью прямой, —
Клянусь самими вами,
Клянуся небесами,
Я б написать готов,
Иль прозой, иль стихами,
Geschichte комаров —
Не ученик педантов,
Огромных фолиантов
Не стал бы сочинять,
Не стал бы измерять
Комарий хобот, ноги;
Но, ритор неубогий,
В истории моей
Я описал бы живо:
Их дух браннолюбивой,
Вражду против людей,
Отважность их полета,
Увертливость в боях
И спящих тайный страх;

Я б разбудил для света
Из сумрака веков
Героев-комаров.
(У них героев тучи,
Сам Лафонтен сказал,
Что даже лев могучий
Пред комаром упал!)
И в славном переплете,
У дам, на туалете,
Лежал бы томик мой;
И летом, в час досужной,
В своей беседе дружной,
В саду, в тени густой,
Они б меня читали
И часто награждали
Улыбкой иль слезой.

14. ПЕСНЬ БАЯНА

Война, война! Прощай, Сиана!
Бойцы шумят, бойцы идут;
Они товарища баяна
В страну далекую зовут.
Туда, где бранные пожары
Дунайски волны озарят,
Где смертоносные удары
О шлемы греков зазвенят.
С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.
И твой баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Там повторю я Святославу,
Что пел Сиане молодой.

Промчится буря боевая,
Войдет в ножны булат бойца —
И дева, сердцем оживая,
Обнимет верного певца.

15. ПЕСНЬ БАРДА

во время владычества татар в России

О! стонати русской земле, помянувши пръвую годину и пръвых князей.

Слово о полку Игореве

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним грозна,
Как щит в бою окровавленный,
Восходит полная луна.

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И персты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

На утро солнце лишь восстало —
Проснулся дерзостный булат:

Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков — как не бывало!

*

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь:
Столетья протекут — и русской меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглашает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

16. БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ

при Димитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве

(Посвящено А. А. Воейковой)

Стоит за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцов родные,
За жен, за отцов и детей.

Лобанов

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,

Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки измученной ярмом:
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее;
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он

В твоей опомнившейся длани —
И перед челами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, па бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русской меч его убил!»

17—26. ПЕСНИ

I

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться;

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает,
И счастлив он, покуда пьян,
Затем что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям все досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад!
    Перед вином благоговенье:
Ему торжественный виват,
    Ему — коленопреклоненье!

II

Страшна дорога через свет;
    Непьяный вижу я дорогу:
А пьян, до ней мне дела нет,
    Я как слепой — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
    Мечта? — Я с Бахусом мечтаю,
И сон? — За чашей круговой
    Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг, — то грех: как не почтить
    Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
    Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
    За речи многие страдали:
Напьемся так, чтобы они
    Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
    Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
    Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
    Ему судьбы непостоянство,
И он в чувствительных слезах
    Благодарит за это пьянство.

III

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сиянье;
Так в миловидном одеянье,
Очаровательней краса.

Кто за покалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

IV

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:

За книгой не скучает он,
А за покалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

V

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они так не певали:
Их бранный дух, их грубый вкус
От чаши гнали милых муз.

Веселость пасынков Рорбаха [1]
Была безумна и неряха:
Бывало в замке за столом
Сидят в бронях перед вином.

И всякой в буйности природной
Кричит, что пьяному угодно,
И непристойность глупых слов
Слетает нагло с языков.

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,
Когда веселье — наш кумир
Сзывает нас на шумный пир.

Великолепными рядами
Сидим за длинными столами,
И всякой, глядя на покал,
Поет, как Гете приказал.

[1] Винно фон-Рорбах, первый гросмейстер лифляндских рыцарей. [*Прим. Н. Языкова*]

Слова: отрада и свобода
В устах у пьяного народа
При звуке чоканья гремят,
И всяк друг другу — друг и брат!

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они не так певали.

VI

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русской царь,
Мы от покалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.

Приди сюда хоть русской царь,
Мы от покалов не привстанем.

Друзья! покалы к небесам
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! покалы к небесам
Обет правителю природы.

Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

VII

Счастлив, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве,
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой
Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукой,
Или осмеян, иль смешон.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,

Пускай в Испании воюют
За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив.
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом.

VIII

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой:
Я пью вино, не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино, —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай:
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней!
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

IX

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И жадны радости земной —
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна,—
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую.
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен: и когда,
Как не гремит карет езда,
И молчаливо пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды,
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,

Добро и славу обожаем,
Чинов мы ищем не ползком,
О том, что будет, не мечтаем;
Но радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

X. ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную
Боже подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей
Боже храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие
Боже храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!
Пиры полуночные,
Зато непорочные
Боже спасай!

Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

27. ПЛАТОНИЗМ

Закон: влюбляться лишь душой,
Друзья, мне вовсе непонятен;
Пусть говорят: наш век развратен,—
Да не мечта ли век златой?

Нет сил у твари поднебесной
Для платонической любви:
Кто ангел — тот по ней живи,
Затем, что ангел — бестелесной!

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

Одной мечты и мудрым мало:
Мне сказывал археолог,
Что у Платона. . . . .
. . . .

Когда один, в ночной тиши,
Сей баловень воображенья
Писал систему наслажденья
Для человеческой души.

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

28—30. [ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ]

I

Обедать я у вас готов —
Да дело в том, что нездоров:
Я болен болью головной,
Сижу, хожу, как сам не свой,
Я дома скучен, как монах,
И уверяю, что в гостях
Я буду вчетверо скучней:
Теперь мой разум — без мыслей,
Глаза все на землю глядят,
Язык молчит, хоть и не рад,
И даже громкие слова
Расслышать я могу едва.
Причина этому ясна
И для меня весьма важна:
Теперь я телом и душой
Неинтересный и плохой.
Итак меня простите вы,
Что по причине головы
Я не могу вас посетить.
Вас слушать, с вами говорить
Мне очень весело всегда —
Да не гожуся никуда,
А в состоянии таком
Кто ходит в ваш приятный дом?
И не подумайте, что лгу:
Я точно доказать могу
Всю справедливость этих слов.
Притом вам скажет Киселев
(Он будет к вам — так быть должно,—
Я это угадал давно),
Что видел сам, как у меня
Уж голова болит три дня;
Но если скажет Киселев,

Что я сегодня уж здоров,
Вы не поверьте — это ложь:
Я и сегодня, право, тож,
Что был вчера. И так... и так —
Я не могу никак, никак
Быть сотоварищем ему.
Мне это больно самому,
Но что же делать? У судьбы
Нет либералов: все рабы.

II

Вы извините, что я вас
Своею просьбой беспокою.
И признаюсь: на этот раз
Я недоволен сам собою.
Но делать нечего: судьбою
Теперь мне дан такой указ.
Притом я сам обеспокоен:
Во мне восторг почти погас,
Мой ум чувствительно расстроен,
И задичился мой Пегас,
Я ничего не сочиняю,
Я даже писем не пишу —
И потому-то вас прошу,
Могу сказать, вас умоляю
Поэта искренность простить
И сострадательной рукою
Мои финансы оживить,
Давно рассеянные мною.
Я знаю: деньги — суета;
И для неложного монаха
Они едва ль дороже праха,
Душа не ими занята;
Но человеку в здешнем мире
Они так нужны, как в трактире,

Где в долг не любят никого.
Я ж человек — итак желаю,
Но вы уж знаете чего, —
И, уповая, умолкаю.

III

Благословенному царю
Не так за ленту благодарен
Ее не стоющий боярин:
Я вас душой благодарю.
Вы мне веселость оживили,
Моей мечты прогнали мрак
И вновь поэту возвратили
Свободу, музу и табак.
Была пора — я помню живо:
Свеча задумчиво горит,
Сижу с тоскою молчаливой,
Гляжу к земле, перо лежит,
Лишь изредка возьму бумагу,
Означу месяц, день; — но вдруг
Я вспомню денежный недуг,
И на ладонь главою лягу,
И томно очи затворю...
Не вы ли мне возможность дали
Укоротить мои печали?
Благодарю, благодарю!

31. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;

Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет, —
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.
Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана,
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград,
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовых коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,

Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...
Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили, —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!
А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородной,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:
Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!
Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету —
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья, —
И все усилия ценсуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые,
И будто создала благая дань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

32. ПЕСНЬ БАЯНА

Люблю смотреть на месяц ясной.
Когда встает он из-за гор;
Но мне милее светлый взор
Сияны резвой и прекрасной.

Люблю, задумавшись, с кургана
Напевы слушать соловья;
Но веселей душа моя,
Когда поет моя Сияна.

Люблю, как песнь мою внимая,
Боец хватает свой булат;
Но слаще струны говорят
С тобой, красавица младая!

Люблю на шумном сборе стана
Приветы ратных и вождей;
Но я счастливее царей,
Как улыбнется мне Сияна.

33. ПОСВЯЩЕНИЕ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

«Песни Короля Регнера»

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнасе школьник юный:
Вас не сумели похвалить
Мои застенчивые струны;
Но если праведным богам
Приятней сердца дар убогий,
Как драгоценный фимиам,
То вы поступите, как боги, —
И сей листок чрез много дней
Напомнит вам певца младого
Который не жил для людей,
В стране чужой не пел чужого,

Не звал и славы в свой приют
И за фортуной быстроногой,
Мирскою пыльною дорогой,
Не побежал, хоть все бегут.
За то в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел;
Он кое-что не худо пел,
Но божеством не вдохновенный,
Перед божественным немел.

34. ОТВЕТ НА ПРИСЛАННЫЙ ТАБАК

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,
Супруг счастливый — без жены,
И государь — без вахт-парада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верной,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране,
Где пламя брани пролетело.

Бывало: с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми,

Но все прошло — и все не так!
Восторги — были сон приятной
Ох! не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

35. [М. Н. ДИРИНОЙ]

Моя богиня молодая
Законам света не верна
И часто говорит она,
Что̀ умолчала бы другая;
А это в наши времена,
Как вам известно, против моды:
Певцу, и особливо мне,
Восторгов пламенной свободы
Любить не должно б и во сне,
А я свой век позабываю
И даже в русские стихи
Рукой небрежною вмещаю
Мечты, ведущие не к раю,

И вольнодумные грехи.
Что делать? Гордыми очами
Поэт не смотрит никогда
С горы божественной туда,
Где быть... но догадайтесь сами!
Клянусь вам славой и стихами,
Что много, много мог бы я
С моею музою счастливой,
И перед вами не ленивой,
Как перед ней рука моя —
Вам принести усердной дани
На сих листках воспоминаний.
Вас похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Все будут тоже и одно,
Какими б не было стихами;
А это наскучает вам
(Так слышал я и знаю сам).
Притом: написанное выше
Велит мне изъясняться тише,
Чтоб за болтливость укорять
Мою поэзию не стали.
И мне... позволите ль сказать?
Мне хочется, чтоб вы не знали,
Что я хотел вам написать.

36. МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань.
В венце раскованная сила;
Ее бессовестная длань

Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

37. УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней
Лежат бойцы — смирители болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.

Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек беднел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела:
Баян умолк; — но рать еще внимает.
Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;

Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

Песнь баяна

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимисхий! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Немного нас, но мы славяне!

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

*

Но кто певец любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну:
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

Песнь баяна

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

Прощай, прощай! иду на битву.
«Люби меня, моя краса!
«Молись — услышат небеса
«Твою невинную молитву!

«Щита, врученного тобой,
«Булат врага не перерубит;
«Тебя певец твой не разлюбит
«И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

*

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.
Он твой, он твой, красавица Сиана!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,
Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То свеж и чист, как роза молодая,

Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты,
И за тебя сердечные молитвы;
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

38. К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной:
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего не к стате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом.

Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда иль Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

39. ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь христово рождество
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего.
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду
Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег — радости людей,
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:

Его руке не взять венца
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

40. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

К новому 1824 году

Посланник будущих веков!
Не жди веселого привета
И ободрительных стихов
От огорченного поэта.
Душе унылой не сладка
Тебя встречающая радость:
Что ты принес мне? Гадость, гадость!
Печаль и боль. . . . . . . !

Снося горячие недуги,
Один, безмолвен и угрюм,
Я порчу сонные досуги
Тяжелой мрачностию дум;
Она прошла, пора златая,
Когда был здрав и весел я,
И пела муза молодая
Победы. . . . . . . !

И мне дождаться ли возврата
Телесной бодрости моей?
Погибну ль жертвою б. . . .
Под кровом чуждого Пената?
Еще мне рано увядать:
Приди ж скорей, былая радость!
Поэту страшно потерять
Свою пленительную младость!

1824

41. ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Уже ль моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;
Был чист огонь моих желаний..
И он ли небо оскорбил!

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу... ужасны мне
Забвенья черные пучины.

Дары поэзии святой!
Уже ль вы были сновиденье?
Ты, жажда чести вековой,
И ты, к высокому стремленье?

42. ЗИМА ПРИШЛА

Как рада девица-краса
Зимы веселому приходу

Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемнелого окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг жива и весела
Бежит к подруге своей бальной
И говорит ей триумфально:
Зима пришла! Зима пришла!

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит:
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило:
И льется дождь и ветр шумит,
Но выпал снег, прощай терпенье!
Его охота ожила
И говорит он в восхищеньи:
Зима пришла! Зима пришла!

Казны служитель не безвинной,
Как рая зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала —
И он кричит, восторгом пьяной:
Зима пришла! Зима пришла!

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка

Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка!?
Он взглянет на землю — пустыня
На небо взглянет — небо спит;
Но если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела:
В поэте радость оживает
И вдохновенный восклицает:
Зима пришла! Зима пришла!

43. ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.
Бывало: пылкая мечта
Ко мне веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало: позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но все пройдет как сновиденье:
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.

Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли:
Он грустно помнит старину;
Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,
И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве:
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта —
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

44. ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон
Но все душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

45. ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

46. ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

47—51. ЭЛЕГИИ

I

Скажи: когда,
С улыбкой страстной,
Мой друг прекрасной,
Мне скажешь: «да»?
Я жду, я таю,
Мечтаю днем,
Во сне мечтаю —
И все об том!
Вчера приснилась
Ты, Лила, мне —

И в тишине
Расположилась...
Я лобызал
Нагое тело,
Я чуть дышал,
Я млел — и дело
Уж начинал...
Но вдруг отрадный
Исчезнул сон;
И, страстно жадный
Разгорячен,
Я пробудился,
Лилету звал:
Не возвратился
Мой идеал!
Зевнув протяжно,
Я снова лег,
. . . .
. . . .
Скажи, когда ж,
Моя Лилета,
. . . .
. . . .
Душа поэта
Давно твоя;
Дождусь ли я
Любви ответа?
Что мне мечты? —
Мечты — не ты!
Когда ж, Лилета?..

II

Ах, как мила
Моя Лилета!
Она пришла,
Полуодета,

И начала
Ласкать поэта
. . . . [1]
Любви награда
О жизни рай —
Мне через край,
Лилась отрада!
И замерла
Душа поэта...
Ах, как мила
Моя Лилета!

III

Ее очей
Огонь и живость,
Ее грудей
Полустыдливость,
И жар ланит,
И ножки малость,—
Все к ней манит
Амура шалость.
О бог любви!
Благослови
Ее желанья;
Всю ночь она,
Без упованья,
Грустит одна.
Надзор суровой
Ее мертвит,
И нездорово
Девица спит.
Амур! отраду
Ей дать спеши:
В ночной тиши

[1] Строка точек заменяет 11 строк.

Ты затуши
Ее лампаду,
Окно открой:
И безопасно
Пусть молодой,
И сладострастной
И телом твой
Войдет к прекрасной.
Пускай она,
Пылка, жадна,
Дрожит и бьется
На ложе сна,
И пусть проснется
Утомлена.

IV

Что слышу я?
Мне изменила
Душа моя,
Младая Лила;
Она вчера
К попу ходила
И прогостила
Там до утра.
Наш поп, я знаю,
Не слишком свят
И, верно, рад
Земному раю.
Воображаю,
Как он ласкал
Мою Лилету:
. . . .[1]
Я вижу: вот,
Она встает,

[1] Строка точек заменяет 13 строк.

Полуживая,
И отряхая
Ночной капот,
Домой идет!

О, сын Киприды,
Мой Саваоф!
Твои обиды
Тошней стихов
Телемахиды.
Что делать мне?
Теперь без Лилы
Теряю силы
Наедине;
Томлюсь во сне
Любви мечтами.
В моих глазах
Тоска и страх, —
А под глазами
Как в небесах!..

V

Звонят к обедни —
Пойду ли я?
Мне святцы — бредни,
А ектинья —
Галиматья,
И для поэта
Она всегда
Скучна, как Лета
И господа
Большого света.
Притом наш поп
Тебя, Лилета,

. . . .

И литургия

Мила ли мне,
Когда во сне
Я, как Россия,
Едва живой,
Страдал и бился,
И, сам не свой,
В мечтах бранился
С моим царем?
О боже, боже!
С твоим попом
На грешном ложе,
В субботний день,
Вчера грешила
Младая Лила!
Кому ж не лень
Итти молиться
Перед попом,
Который днем
И в рай годится,
А вечерком
Чужим живится?
Нет! пусть звонят:
Не приманят
Меня к обедни:
Там служит поп —
. . . .
Мне святцы — бредни
И ектинья —
Галиматья!

52. РОМАНС

Что делал с Евою Адам,
Когда ему на вызов милый
. . . .
Вчера я был в гостях у Лилы.

Была вечерняя пора;
Меня девица приласкала;
Ее рука в моей лежала.
«Какая жаркая пора!»

Что было после, о друзья!
Вы, верно, сами отгадали,
Коль с райской цели бытия
Покров завистливый снимали.
Попы твердят: «любовь — мечта!»
Не то питомцы Епикура:
Им богородица Амура
Любезней матери Христа.

Кому ж душа моя должна
Минутой сладких упоений?
О, други, верьте: бог вина
Есть бог и прочих наслаждений.
Оно восторги нам дает,
Оно в нас кровь разгорячает:
Блажен, кто Бахуса встречает,
Когда к прелестнице идет!

53. РОМАНС

1

— «Зачем изорванный сертук
Ты, милый, надеваешь?»
— Я на комерс иду, мой друг,
А прочее ты знаешь.

«На небе тучи — посмотри!
Останься лучше дома!»
— Я пропирую до зари
И не услышу грома.

«Какой-то мудрый говорит:
«О люди, прочь от хмеля!»
— Кто наслаждаться не велит,
Тот, верно, пустомеля!

Студент большую трубку взял
И юную Лилету
Семь раз взасос поцеловал,
Сказав ей: «Жди к рассвету!»

2

Студент идет — шумит гроза
И мрак на лике Феба:
Надвинув шапку на глаза,
Студент не видит неба.

Илья гремучий четверней
По облакам промчался,
Пожары в небе, дождь рекой—
Студент не испугался.

Ему, как милая звезда,
Огонь вдали сияет;
Студент спешит, студент туда,
Где радость достигает.

Он сел за стол, в руке стакан,
Он пьет вино, как воду,
Он выпил семь — еще не пьян,
Еще поет свободу.

И долго веселился он.
Уж свечки догорели;
Заря взошла. Друзьям поклон:
Пора ему к постели.

3

Но что же делает она,
Души его супруга?
Ей ночь несносна и длинна
Без молодого друга.

Она лежит — и снится ей
Товарищ сладострастный;
Она кричит: . . . . . .
. . . .

Но вдруг проснется — и печаль
Проснется в деве жадной:
Ей времени пустого жаль,
На друга ей досадно!

И вот пришел её герой,
Разделся, помолился —
Он жаждет радости ночной
И к милой обратился.

Ей поцелуй; она легла
С улыбкою довольной:
Студента бодрость ей мила
. . . .

Друзья, пожалуй, мой рассказ
Зовите небылицей,
Но верьте: пьяный во сто раз
Бодрее. . . . .

54. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?

Любя немецкие науки,
И немцев вовсе не любя,
Кому, собою недовольной
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья, —
Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья, —
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги. —
Мелькали быстро дни мои:
Я знал не купленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастье;
Но я предвижу, милый мой,
Что̀ скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову, —
И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.
Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливой;
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой, —
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...

Пускай тебе сии мечты
В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

55. К ...

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви;
Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно, пылкий и свободной
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты не достойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного — низка.

56. СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:

Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

57. К ***

Кому достанется она
Нерукотворная Мария?
Она для неги рождена:
Глаза, как небо, голубые,
И мягкость розовых ланит,
И все — готовое для счастья —
К ней соблазнительно манит
Живую жажду сладострастья!
Блажен, кто первый обоймет
Ее красы на ложе ночи,
Ее прижмет, еще прижмет,
И задрожав, закроет очи!

58. РОМАНС

«Ты видишь ли, барин, вдали дерева?
Под ними измята младая трава!»
— Но кто же младую траву там измял?
Какой дерзновенный, злодей и нахал?
«Вчера, как сгустилась вечерняя мгла,
Там был твой конюший — и дева была.
Они пролежали там целую ночь —
А дева, как слышно, боярская дочь.
Кисейное платье белело на ней,
Две алые розы в извивах кудрей;
И серьги с алмазом, кушак голубой,
И цепь золотая, и крест золотой.
Я видел, как в терем входила она,
. . . . »

И барин, бледнея, очами сверкал:
Свою он невесту в той деве узнал!

59. ОСТРОВОК

Далеко, далеко
Красив, одинок,
На Волге широкой
Лежит островок —
Туда я летаю
На крыльях мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Под сводами ивы,
Где слышно: куку,
Ведут к озерку.
Там берег песчаный...
На нем пред водой:
И стол деревянный
С дерновой софой,
И темные сени
Старинных дерёв —
Прибежище лени,
Мечтательных снов.
Налево — беседка,
Как радость, мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и маком,
И свежей травой,
Прохладой и мраком,
А ночью — луной.
Туда, как ложится
На Волгу покой
И небо глядится

В утихших водах,
Приходит... садится
С тоскою в очах
И в сердце с тоскою
Девица-краса;
Глядит в небеса,
Чуть-чуть головою
Склонясь на ладонь —
И взоры прекрасной
То нежны и ясны,
Как божий огонь,
То мрачны и томны,
Как вечер худой,
Безлунный и темный,
Иль сумрак лесной.
Когда же рассветом
Горят небеса
И с птичкой-поэтом
Проснутся леса,
Росистой тропинкой
Девица спешит
С прелестной корзинкой,
Где книга лежит,
В беседку... Вот села,
Тиха и бледна,
А все не без дела:
Читает она —
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...
А Скотта романы —
Ей праздник они.
Она отмечает
Идей красоты
И после — в листы
Альбома включает:
Так сушит цветы

Цветов обожатель.
О, счастлив писатель
В руках красоты!
Далеко, далеко
Красив, одинок
Лежит островок.
Когда же, о боги!
Поэт и студент
Для дальной дороги
Получит патент?
Когда он, веселый,
Узрит не в мечтах
Знакомые селы
При светлых водах?
Когда он похвалит
Таинственный рок?
Когда он причалит
Свой легкий челнок
Под тенью прохладной
Туда, к островку,
И с думой отрадной
Взглянув на реку,
«О радость! воскликнет,
Я здесь, я живу!»
И снова привыкнет
Там жить на яву?

60. [А. С. ДИРИНОЙ]

Les vers sont en effet la musique de l'âme!
Voltaire[1]

Когда в моем уединенье
Не существует ни гроша,
Грустит мое воображенье
И то же делает душа;

[1] Действительно, стихи — музыка души. Вольтер. [*Ред.*]

Когда у господа — финансов
Я умилительно прошу
И ни студенческих романсов,
Ни важных песен не пишу;
Сии минуты роковые,
В их безотрадной тишине,
Напоминают часто мне
Кармана радости былые,
И вдохновение, и вас;
Я не забыл, как мой Пегас,
Слуга живой и неизменной,
Необходимости служил —
И мне отраду приносил
От доброты незаслуженной!
О! сильно чувствует поэт!
В душе, лишь гению послушной,
Притворства нет, и лести нет,
И нет надежды малодушной.
Неблагодарность все века
Открыто славилася в мире
И в одеянье бедняка,
И в императорской порфире, —
И свет таков, каков он был.
Но в длинных летописях света
Скажите: кто же находил
Неблагодарного поэта?

Один, с поникшей головой,
В моем приюте одиноком,
Сижу в молчании глубоком
И в светлый час, и в час ночной —
Мечты чуть живы, не играют,
И часто с утра до утра
По Дерпту целому летают
Искать бумажного добра —
И ничего не обретают!

Без денег с немцами — беда:
Они приятны для досугов,
Но их приятность никогда
Не лечит денежных недугов!
Но вы, которые ко мне —
За что, не знаю — благосклонны.
У вас мой дух неугомонный,
Как на родимой стороне,
Отраду чистую находит;
Не к вам ли, скучная порой,
С непринужденною тоской
Моя поэзия приходит?
О, будьте духу моему
Благотворителем, как были —
И то, и то, и то ему
Простите — если не простили!

61. РОМАНС

Конрад одевается в латы,
Берет он секиру и щит.
«О рыцарь! о милый! куда ты?»
Девица ему говорит.

— Мне время на битву! Назад
Я скоро со славой приеду:
Соседом обижен Конрад,
Но грозно отмстит он соседу!

Вот гибельный бой закипел,
Сшибаются, блещут булаты,
И кто-то сразил — и надел
Противника мертвого латы.

Спустилась вечерняя мгла.
Милее задумчивой ночи,

Красавица друга ждала,
Потупив лазурные очи.

Вдруг сердце забилося в ней —
Пред нею знакомый воитель:
«О рыцарь! о милый! скорей
Меня обними, победитель!»

Но рыцарь стоит и молчит.
«О милый! утешься любовью!
Ты страшен, твой панцырь покрыт
Противника дерзкого кровью!»

«Но сердцем, как прежде, ты мой!
Оно ли меня разлюбило?
Сложи твои латы и шлем боевой;
Скорее в объятия милой!»

Но рыцарь суровый молчит,
Он поднял решетку забрала:
«О боже! Конрад мой убит!»
И дева без жизни упала.

62. ЛИВОНИЯ

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой,
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не все, не все у славы отняла:

И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела! —

Рукою лет разбитые громады,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады,
И грозную разгорячало месть, —
Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в бессмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука.

63. ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но все победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!»
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило:

Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Все пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана:
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
Иль вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
Иль схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвого руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана:
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем...
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.

Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

64. АЛА

Ливонская повесть

(посвящена М. Н. Дириной)

В стране любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими брегами
Играет ясными струями;
Там, где Албертова рука
Лишила княжеского права
Неосторожного Всеслава;
Где после Грозный Иоанн,
Пылая местью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неутомимо беспощадно;
Где добрый гений старины
Над чистым зеркалом Двины
Хранит доселе как святыню
Остатки каменной стены
И кавалерскую твердыню.

В дому отцовском, в тишине,
Как цвет Эдема расцветала
Очаровательная Ала.
Меж тем в соседней стороне,
Устами Паткуля, к войне
Свобода храбрых вызывала;
И удалого короля

Им угнетенная земля
С валов балтийских принимала.
Когда, прославившись мечем,
Он шел с полуночным царем
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкой, как бодра
Железной волею Петра
Преображенная Россия.

Родитель Алы доходил
К пределу жизненной дороги;
Он долго родине служил,
Видал кровавые тревоги,
Бывал решителем побед;
Потом оставил шумный свет,
И, безмятежно догорая,
Прекрасен был, как вечер мая,
Закат его почтенных лет.
Но вдруг — и кто не молодеет?
Своим годам кто помнит счет,
Чей дух не крепнет, не смелеет
Чья длань железа не берет,
И взор весельем не сверкает,
И грудь восторгом не полна,
Когда знамены развевает
За честь и родину война?
Он вновь надел одежду брани,
Стальную саблю наточил —
Казалось, старца оживил
Священный жар его желаний!
Он позвал дочь и говорил:
«Уже лишен я прежних сил
Неумолимыми годами;
Прошла пора, как твой отец
Был знаменитейший боец
Между ливонскими бойцами,

Свершал геройские дела;
Все старость жадная взяла.
Не все взяла! Еще волнует
Мою хладеющую кровь
К добру и вольности любовь!
Еще отрадно сердце чует
Их благодетельный призыв,
Ему, как юноша, внимаю
И снова смел, и снова жив
Служить родительскому краю.
Проснитесь бранные поля,
Пируйте мужество и мщенье!
Что нам судьбы определенье?
Опять ли силы короля
Подавят милую свободу?
Или торжественно она
Отдаст ливонскому народу
Ее златые времена?
Победа — смерть ли — будь что будет!
Лишь бы не стыд! Пускай же нас
К мечтам, хотя в последний раз,
Глас родины, как неба глас,
От сна позорного пробудит!»
Сказал, и взоры старика
Мятежным пламенем сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали:
Так в туче реется огонь,
Когда с готовыми громами
Она плывет под небесами,
Так, слыша битву, ярый конь
Кипит и топает ногами.

Так незастенчивый для вас
Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной

Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет — девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.

Высоким даром управляя
По вдохновенью, по уму
И ничему и никому
На поле муз не подражая
Певец лихих и страшных дел
Я буду пламенен и смел,
Как наша юность удалая,
И песнь торжественно живая
Свободна будет и ясна,
Как безмятежная луна!
Как чистый пурпур небосклона,
Стройна, как пальма Ливанона,
И как душа моя скромна!

Вчера, как грохот колокольный
Спокойный воздух оглашал
В священный час, небогомольный
Я долг церковный забывал!
Мечты сменялися мечтами,
Я музу радостную звал
С ее прекрасными дарами —
И не послушалась она!
А я — невольно молчаливый
Смирил душевные порывы
И сел печально у окна.

Придет пора и недалеко!
Я для Парнаса оживу,
Я песнью нежной и высокой
Утешу русскую молву;
Вам с умилительным поклоном
Представлю важную тетрадь
Стихов, внушенных Аполлоном,
И стану сердцем ликовать!

65. ОТЪЕЗД

Прощай, краса чужого края,
Прощайте, немцы и друзья:
Уже лечу в телеге я,
Часы мечтой перегоняя!
Со мной дорожное перо,
Со мною книжка путевая;
Моя богиня молодая
В ней пишет худо и добро:
Коней чухонских охуждает,
Бранит смотрителей дурных
И анекдоты вымышляет,
Не очень лестные для них.
Но если памятник победы
Напомнит славные века —
Вдруг, благородна и пылка,
Она поет, как бились деды,
Как била русская рука
Или чухну, иль поляка...
Тогда девица вдохновенья
Живым огнем воображенья
Мои стихи одушевит;
И — дань священного обета —
К вам скоро, скоро полетит
Тетрадь дорожного поэта.

66. ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрылила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зеркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

67. ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной Хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает,
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит;
Она, очами не сверкая,

Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

68. РАЗБОЙНИКИ

(Отрывок)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!
Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

«В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи,
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука;
Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала,
И жертвы мести роковой
Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.

Многоречивая молва
Об них далеко говорила;
Уму несмелому их сила
Казалось даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья

Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезались, и крестились,
Рассказы слушая о них.

69. КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!
Быть может, эти небеса
Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их,
И ураганы добушуют
До сводов, вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать,
И неба в утреннем сиянье
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят;
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;

Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

70. К П. Н. ДИРИНУ

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен божий свет;
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен;
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо;
Да не закатятся они
С порою младости счастливой!
Она пройдет, — но пусть она
Немрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет,
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беды переносить,
И не бледнеть перед судьбою.

71. РОМАНС

Красой небесною прекрасна,
Печальна, сумрачна она;
Она, как мертвая, безгласна,
Она, как мертвая, бледна.

Склонив заплаканные очи,
Поникнув на руку челом,

Она сидит во мраке ночи
На белом камне гробовом.

При ней, как тихий житель рая,
Унылый сын ее стоит,
И грудь невинного, вздыхая,
На груди матери дрожит.

На утро взор поселянина
Увидел с раннею зарей
Два трупа — матери и сына,
И их оплакал, как родной.

72. ВАЛДАЙСКИЙ УЗНИК

I

Смотрите на меня: я худ!
Но не злосчастие и блуд,
И не желанье быть в раю
Убили молодость мою.
Из детства дружный с суетой
Я с упователыной душой,
Без пожирающих страстей,
Спокойно шел тропой своей.
Теперь сбылось мне двадцать лет,
А я, как мой покойный дед,
Стал телом сух и слаб душой.
На утре дней моих — судьбой
Я унесен из мест родных
И поселен в стенах чужих;
И там учился я тому,
Что не по нраву моему;
Семь лет убил я в школе сей
И вышел, право, не умней;

Мне за науки дали чин,
И я — не просто дворянин.
Тогда я думал, что счастлив,
Душой был рад, умом игрив.
А отчего? Не знал и сам;
Так в первый день отец Адам
Благодарил творца душой,
Не зная, что творец благой
Определил в тот самый день
Ему — оставить рая сень.

II

И я не долго видел рай!
Вдруг мне приказано: в Валдай!
Зачем? я спрашивать не смел, —
И скука, под названьем дел,
Здесь мне на сердце налегла:
Труды, заботы — без числа,
А пользы в них ни мало нет.
Лишь от шоссе великий вред
Нерассудительной казне,
И горе тягостное мне!
Так я, покорствуя судьбе,
Другой уж год живу в избе.
Где духота и едкий дым
С телесным здравием моим
Враждуют — и победа их!
Привыкнув в летах молодых
Прелестниц милых обнимать,
Я их искал — но как сыскать?
Сей задымившийся Валдай
Для холостых — прегорький край:
Здесь неизвестен сладкий грех!
Не как, в обители утех,
Средь образованных столиц,

Здесь для прокату нет девиц.
И я предвижу смертный срок:
Я здесь телесно одинок
И, как угодник божий, сух,
Огонь души моей потух!

III

Всегдашней пылию покрыт,
Как монастырь, Валдай стоит
Среди дубрав и диких гор:
Здесь из грибов — лишь мухомор,
На мертвой зелени долин
Здесь ни лилея, ни ясмин,
Но терн, крапива и волчец.
И серый волк, тех гор жилец,
В угрюмом сумраке ночном
Здесь воет под моим окном.
И грозный филин — страж ночей, —
Вблизи от хижины моей,
Сидя на церкви городской,
Кричит — и голос гробовой
Ужасно вторится в горах.
Да леса ближнего в дуплах
Протяжные стенанья сов,
И ветра шум, и скрип дубов
Тревожат краткий отдых мой.
Когда ж засну, то надо мной
Иль крысы завизжат во пре,
Иль в завалившейся норе
Уныло заскребется мышь;
То по доскам соседних крыш
Забегают коты — и я,
Кляня причину бытия,
Котов влюбленных слышу вой,
Отрывный, дикий и глухой.

IV

Приятно в горести мечтать,
Когда не перестал сиять
Отрадный упованья свет;
Когда страдалец — не скелет —
Еще душою не увял.
Так я сначала здесь мечтал
И часто в тишине ночей —
Отрады холостых людей,
Счастливой призваны мечтой,
Являлись девы предо мной —
И я — страданье забывал:
Я милый призрак обнимал,
Манил на ложе дев младых,
Я осязал невинность их,
Я млел, я таял, я пылал;
Но сон-изменник, исчезал,
И я, уныл и одинок,
Браня людей и сны и рок,
Как бешеный, подушки грыз!

V

Однажды сделала сюрприз
Фортуна мне: заметил я
В окне соседнего жилья
Живое что-то, и в крови
Моей промчался огнь любви,
И свет блеснул душе моей.
Как житель выспренних полей,
Моя красавица была
Небесной прелестью мила.
И я, несчастный, полюбил!
Я девой очарован был:
Ее движений простота,
И глаз невинных быстрота,
И розы свежие ланит,

И стан, завидный для Харит,
И ясность райского лица,
Чело, достойное венца,
И грудь, белейшая лилей,
И кольца ангельских кудрей,
И голос — лепет ручейка,
И ножка — право, в полвершка,
И, словом, все пленяло в ней,
Все было раем для очей.

VI

Но так хотел мой гневный рок:
От девы близко жил — дьячок!
И был влюблен в нее душой.
Он был гигант величиной,
Душа в нем бранная была:
Рад вызвать к битве хоть вола.
Он здесь соперника не знал:
Весь город силу уважал;
И, говорят, он был любим
Прелестным ангелом моим,
И часто, девицу любя,
Ночевывал не у себя.
А я не знал ее любви!
Огонь кипел в моей крови
День ото дня сильней, сильней!
В унылой хижине моей
Все было мрачно для меня,
Ни свет божественного дня,
Ни мрак ночной, ни блеск луны,
Ни царство вечной тишины —
Не утешало грусти злой;
Я был как камень гробовой,
В лесу поставленный глухом.
Так жил я!.. Вдруг в уме моем
Блеснула мысль — и я — пошел!

VII

Был вечер: на уснувший дол
Лился луны дрожащий свет.
И бор туманами одет,
И сном окован был поток,
Я шел печален, одинок
К жилищу девицы моей.
Уж сердце билося быстрей,
Уж сладострастная мечта
Была надеждой занята,
Уж через низенький забор
Я перелез — любовный вор —
И быстро по двору бежал...
Как вдруг!.. Я весь затрепетал!..
Из дома вылетел дьячок!
(Убей его Илья пророк!)
Я от него, а он за мной,
И тяжкой, жилистой рукой
Как громом бедного разил!
Я плакал, я его молил;
Но тщетен был мой жалкий стон;
Дьячок прибил и выгнал вон
Меня, злосчастного в любви!..

VIII

И после этого — живи!..
Нет, возвратившися домой,
Угрюмый, бледный и немой,
Отчаяньем терзался я
И жил — почти без бытия!
Весь мир казался мне чужим,
Недвижным, диким и пустым!
То был какой-то страшный свет,
То был хаос без дней и лет,
Без тяжести, без тел и мест,
Без солнца, месяца и звезд,

Без господа и без людей,
Без подсудимых и судей,
Без властелинов и рабов,
Без атеистов и попов,
Без цели действий и причин,
Без жен, девиц и без мужчин,
Без глупости и без ума!..
Ни день, ни ночь, ни свет, ни тьма!

IX

И я теперь — как бы убит!
Любви телесной аппетит
Везде, всегда — как тень со мной.
С неисцелимою тоской
И без надежд, и без отрад —
Брожу, куда глаза глядят...
Любовь! любовь! ты мне дала
И жар на смелые дела,
И жажду славы и честей,
И ты уж в юности моей
Меня лишила благ мирских:
Ты в членах протекла моих,
Как ветр губительной зимы,
Как ангел брани иль чумы!..

1825

73. РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды:—
Все мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,

И величава и грозна
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенной,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

74. КОРЧМА

Несется тройка удалая,
Бренчат колеса, пыль столбом,
Из-под телеги вылетая,
Бежит за пыльным седоком.
Очам отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумит передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово — но зачем оно?
Его сберет чухонец сонной
И променяет на вино!
Налево зрелище иное:
Как оживленное стекло,
То млечное, то голубое —

Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
Меня палит несносным жаром:
«Вези в корчму — я пить хочу».
Так я извозчику ворчу,
Неоскорбительным ударом
К его притронувшись плечу.
Он понял, — плеткою лихою
Коней задумчивых стегнул —
И я отраднее вздохнул
Перед булыжною корчмою.
Вхожу в нее — она полна.
Не милы лица, одеянья
Сего незнатного собранья:
Здесь виден и плохой чухна,
И некрасивая чухонка,
И бедный жид — с ним два жиденка
И грязная его жена,
И православные солдаты,
И трое нищих, и один,
Знать арендатор, знать богатый,
В сафьяной шляпе господин.
Я пить спросил — рукой немытой
Хозяйка кружку мне дала, —
Вода нечистая была:
Душа питья не приняла,
И я с поспешностью сердитой
Корчму покинул и лечу.
Несносный жар! я пить хочу!

75. А. А. ВОЕЙКОВОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу

Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Вьюга лихая не гневит;
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями!

Клянусь моими божествами!
Я непритворно вас зову:
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву;
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
Я, видя вас, — любимец музы,
Я только *трубадур* без вас.

76. МЕЧЕНОСЕЦ АРАН

Не раз, не два Ливония видала,
Как, ратуя за веру христиан,
Могучая рука твоя, Аран,
Из вражьих рук победу вырывала;
Не раз, не два тебя благословлял
Приветный крик воинственного схода,

Когда тобой хвалился воевода
И смелого, как сына, обнимал.

Винанд любил и уважал Арана:
Его всегда убийственный удар,
Среди мечей неутомимый жар,
Усердие к законам Ватикана,
Железное презренье к суетам,
Высокий нрав, решительность деяний, —
Все красоты воспитанника брани
Казалися магистровым очам
Посланием небесной благодати
Для слабого владения Христа,
Где не смирял враждебных предприятий,
Недавный гром крестового щита.

Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войне,
Арановой пленительной весне
Назначило уделом провиденье.
Аран! твои ланиты и уста,
Румяные, как пурпуры денницы,
Твоих очей лазурь и быстрота,
Их милый взор, их длинные ресницы,
Твой гибкой стан и черные власы —
Как сладостно, и пламенно, и живо
Мечталися в полночные часы
Красавице надменной и стыдливой!
В стране, где ты, как радость, расцветал,
Где Везер льет серебряные воды, —
В стране, где сын отчизны и свободы,
Возвышенный Арминий побеждал.

Как яркий луч божественного света,
Как мощного воителя стрела,

Как творческий и смелый дух поэта
И горний лет победного орла:
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда, пленен высоким и благим,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Он весь дался надеждам золотым —
И новый мир яснеет перед ним,
Для подвигов прекрасных бесконечный!

Так молодость Аранова текла:
Уж полон чувств и бодрых упований,
Он был готов десницею для брани,
Готов душой на славные дела.
Его мечта туда переносила,
Где божий свет крестом преображен;
Где Иордан, Голгофа и Кедрон,
Где высоты Ермона и Кармила;
Там юноша, при ратных знаменах,
Наместником Петра благословенных,
Горел, алкал прославиться в боях
Красою дел отважных и священных.
Не то ему на подвиг бытия
Назначило отцовское желанье:
Он полетел в ливонские края
Свершить одно и страшное деянье.

Обманутый любимою мечтой,
Лишен отрад надежды величавой;
Кляня судьбу и перед нею правый,
Он мог разить нещадною рукой,
Он мог нести всю тяготу условий,
Предписанных для рыцарей меча —.
И на него надета епанча,
Где крест и меч, как вылиты из крови,
Являлися на светлой белизне;
Он в них узнал свое знаменованье,

Сокрыл свой род, отчизну и названье
И стал служить магистру и войне!

Задумчивый, угрюмый, молчаливый,
Как часто, длань простерши на кинжал,
Аран души ужасные порывы
Насильственным упорством побеждал.
«Я совершу безжалостное мщенье!
Передо мной родителев кинжал;
Но седины, но доблесть, но смиренье!..»
Так думал он — и плакал, и дрожал.

На синеве безоблачного свода
Светило дня прекрасное горит;
Труба на сбор воителей манит;
Надел броню их старец-воевода...
Они стеклись — наточенный булат
Звучит, блестит; геройские воззванья,
Веселые текут из ряда в ряд;
У всех одни надежды и желанья,
Все бранными восторгами кипят.

Закрыв лицо решеткою забральной,
На рукоять поникнув головой,
Один Аран, безмолвный и печальной,
Не веселел, не ликовал душой...

Когда магистр, готовяся на битву,
Сложив шелом пернатый и стальной,
Произносил сердечную молитву
Спасителю и деве пресвятой;
Когда, подняв трепещущие длани
И слезный взор к бессмертным небесам,
Он призывал внимающим полкам
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодеть в боях,

Блюсти мечом апостолов державу
И возвещать в языческих странах
Всевышнего трисолнечную славу —
Что чувствовал ты, воин молодой,
Вождя побед глазами озирая,
То яркими, как пламень громовой,
То мрачными, как туча громовая?

Простертые на бархате полян,
В безмолвии окрестность наблюдая,
Ливонцы ждут прихода христиан;
Они без лат: меч, стрелы и чекан,
Копье и щит — их сбруя боевая...
Блеснула рать знакомая вдали;
Трескучий зык сзывающего рога
Их взволновал: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога.

Не облака ль сверкают и гремят?
Не озеро ль Чудское расшумелось?
Не облака сверкают и гремят,
Не озеро Чудское расшумелось.
Враги Христа с Винандовым полком
Сшибаются; воинственные крики,
То слабые, то яростны и дики,
Разносятся на поле боевом.

Ужасный вид! там рыщаря пронзает
Смертельная ливонская стрела:
Его рука на стали замирает,
Холодный пот на бледности чела,
Воитель стих и падает с седла;
Свободный конь бежит между толпами,
Ржет, прядает, могучими ногами
Разит и рвет кровавые тела. —

«Не убивай меня, великодушный воин!
Мне подари остаток бытия,
Счастлива мной прекрасная семья,
Я крест приму и буду вас достоин!»
Старик бойцу, спасаяся, кричит:
«Ах! удержи неправедное мщенье.
Не убивай меня! Смотри: бросаю щит, —
Жесток же ты! постой, еще мгновенье
На небеса, на землю дай взглянуть!»
Не слушает боец освирепелой,
Летит, настиг и в старческую грудь
Орудие злодейства заскрипело.

Там общий бой: толпа толпу теснит,
Пирует смерть, кровь брызжет, сталь звенит.
Тот меч занес и, не свершив удара,
Оцепенел, разрубленный мечем;
Тот в ярости губительного жара
Не слышит ран и рубится с врагом;
Иной копье из тела вырывает,
И в судоргах влачится по земле;
Тот навзничь пал — и язва на челе;
Тот, жалостно стоная, издыхает,
Подавленный израненным конем;
Кто смерть зовет, кто битву проклинает:
Обширный ад на поле боевом!

Уж месяц встал блестящий и багряный
Над зеркалом балтийской глубины;
Уж потекли росистые туманы
По берегам лазоревой Двины...
Бурливый лес, чернея, утихает,
Певец зари умолкнул соловей
И ночь свои покровы расстилает
И тьма легла на поприще мечей.
Бой перестал. Огни в долине стана;

Воители на рыцарских щитах
Несут в шатер полмертвого Арана:
Он весь в крови; мерцание в очах,
И широко запекшаяся рана.

77. А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветренной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности, не ждал
От сына музы своенравной,
Равно-торжественной и славной
И высшей рока и похвал.
Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И .... ских дев и ... ских вин,
И прозелит журнальной славы,
. . . .
. . . .
. . . .
Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь, что́ будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье

Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

78. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

ОТЧЕТ О ЛЮБВИ

Я знаю, друг, и в шуме света
Ты помнишь первые дела
И песни русского поэта
При звоне дерптского стекла.
Пора бесценная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай известности прекрасной
И дум высоких я не знал;
Зато учился безопасно,
Зато себя не забывал.
Бывало, кожаной монетой
Куплю таинственных отрад —
И романтически с Лилетой
Часы ночные пролетят.

Теперь, как прежде, своенравно
Я жизнь студентскую веду;
Но было время — и недавно!
Любви неметкой и неславной

Я был в удушливом чаду;
Я рабствовал; я все оставил
Для безответной красоты;
Простосердечно к ней направил
Мои надежды и мечты;
Я ждал прилежного участья;
Я пел ланиты и уста,
И стан, и тайные места
Моей богини сладострастья;
Мне соблазнительна была
Ее супружеская скромность,
Очей загадочная томность
И ясность белого чела, —
Все нежило, все волновало
Мою неопытную кровь,
Все в юном сердце зажигало
Живую первую любовь.
Ах! сколько . . . . . сновидений,
Тяжелых вздохов, даже слез,
Алкая полных наслаждений,
В часы полуночных явлений,
Я для надменной перенес!
Я думал страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Приятно мне перелетать.
И что ж? Она не разумела,
Кого любил, кому я пел.
Я мучился, а знаком тела
Ей объяснить не захотел,
Чего душа моя хотела.
Так пронеслися дни поста,
И, вольнодумна и свята,
Она усердно причастилась.
Меж тем узнал я, кто она;
Меж тем сердечная война

Во мне помалу усмирилась,
И муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о счастье бытия.
Опять с надеждой горделивой
Гляжу на Шиллеров полет,
Опять и радостно и живо
В моей груди славолюбивой
Огонь поэзии растет.

И признаюся откровенно,
Я сам постигнуть не могу,
Как жар любви не награжденной
Не превратил меня в брюзгу!
Мои телесные затеи
Отвергла гордая краса, —
А не сержусь на небеса,
А мне все люди — не злодеи;
А романтической тоской
Я не стеснил живую душу,
И в честь зазорному Картушу
Не начал песни удалой!

Сия особенность поэта
Не кстати нынешним годам,
Когда питомцы бога света
Так мило воспевают нам
Свое невинное мученье,
Так помыкают вдохновенье,
И так презрительны к тому,
Что не доступно их уму!
Но как мне быть? На поле славы
Смешаю ль звук моих стихов
С лихими песнями аравы
Всегда отчаянных певцов?
Мне нестерпимы их жеманства,

Их голос буйный и чужой...
Нет, муза вольная со мной!
Прочь жажда славы мелочной
И легкий демон обезьянства!
Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробней и ясней
Сего нестройного посланья,
Я расскажу тебе деянья
Любви неконченной моей!

79. М. Н. ДИРИНОЙ

1 апреля 1825

An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das schwatzen angewohnt.

Goethe. — *Egmont* [1]

Счастливый милостью судьбины,
Что я и русской, и поэт,
Несу на ваши именины
Мой поздравительный привет.
Пускай всегда владеют вами
Подруги чистой красоты:
Свобода, радость и мечты

[1] В верности и повиновении я— прежний; но люблю поболтать. Гете, «Эгмонт». [*Ред*.]

С их непритворными дарами;
Пускай сияют ваши дни,
Как ваши мысли, ваши взоры,
Или пленительной Авроры
Живые, свежие огни.

Где б ни был я — клянусь богами,—
В стране родной и неродной,
Любим ли ветреной судьбой,
Иль сирота под небесами,
За фолиантом, за пером,
При громе бранного тимпана,
При звуке лиры и стакана,
Заморским полного вином —
Всегда услужливый мой гений
Напоминать мне будет вас
И Дерпт, и славу, и Парнас
И сада Радсгофского тени.

Вот вам пример: в России — там,
Где величавая природа,
Студент-певец, я жил с полгода.
Моим разборчивым очам
Являлись дивные картины:
Я зрел, как ранние снега
Сребром ложились на вершины
И на широкие луга,
Как Волги пенились пучины,
Как трепетали берега,
Как обнаженные дубравы
Осенний ветер волновал
И в пудре по полю гулял;
Я видел сельские забавы,
Я видел свадьбу, видел свет —
И что же чувствовал поэт?
Полна спасительного гнева,

Моя открытая душа.
Была скучна, не хороша,
Как непонятливая дева.
Она молила небеса
Исправить воздух и дорогу
И слава богу — слава богу,
Я здесь. — Мой рай, моя краса,
Царица вольных наслаждений,
Где ты, богиня песнопений?
Приди! Возвышенный твой дар
Меня наполнит, очарует,
И сердце юношеский жар
К труду прекрасному почует!

Пример не краток: нужды нет,
Я обвиняюсь перед вами,
Что замечтался; — но мечтами
Живет и действует поэт,
И дело: в мире с юных лет,
Богатый творческою силой,
Он пламенеет страстью милой,
Душой следит свой идеал —
И вот нашел... Не тут-то было!
Любимец музы прозевал,
(Прощай, пленительное счастье!)
Пред ним в obертке божества
Одни бездушные слова,
Одно холодное участье.
Кого ж ему любить? Мечты!
Он ими сердце оживляет
И сладко, гордо забывает
Свой плен и райские черты
Лица и мозга красоты.
Ах, я забылся! От предмета
Куда стихи мои летят?
Простите вашего поэта,

Я право прав, а виноват,
Что разболтался невпопад.

Так было б лучше во сто крат
В моем таинственном журнале
Об непонятном идеале
Писать, что здесь говорено.
Но будь как есть, мне все равно!
Я знаю вашу благосклонность!
Не удивит, не тронет вас
Мой неодуманный рассказ,
Моей мечты неугомонность!

Пора мне кончить мой привет
И скуку вашего терпенья;
Когда в душе чего-то нет,
Когда не сладки наслажденья,
Когда любимая звезда
Для вдохновенного труда
Неверно, пасмурно сияет,
Певец обманутый скучает
И без отрады Пиэрид,
Без пиитической отваги
Повеся голову сидит
И томно смотрит на бумаги.
Теперь сердечно признаюсь —
Я для Парнаса не гожусь!
И будь не ваши именины,
Я промолчал бы, как молчу,
Когда без цели и причины
Распространяться не хочу.
Довольно! Нет! еще мой гений
Вас просит, кланяяся вам:
Не скоро ждите объяснений
Его загадочным словам;
Настанет время — после мая

Подробно он расскажет сам,
Какая сила роковая,
На зло Парнасу и уму,
Апрель попортила ему;
Еще он просит: бога ради,
Без Гарпократа никому
Вы не кажите сей тетради.

80. А. Н. ТЮТЧЕВУ

Каким восторгом ты пылаешь,
Как сладостны твои мечты,
Когда подарок красоты,
Устами жадными лобзаешь!
Душа кипит, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она;
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл:
Одну печаль, одну обиду
Мне подарил мой идеал.
Дай руку: с гордостью спокойной
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Обет, изменницы достойный.

81

Напрасно я любви Светланы
Надежно, пламенно искал;
Напрасно пьяный и непьяный
Ее хвалил, ее певал.

Я понял ветренность прекрасной
Пустые взгляды и слова —
Во мне утихнул жар опасной,
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холод холодом плачу;
Она res publica, мой милой,
Я с ней бороться не хочу!

82. НАСТОЯЩЕЕ

6 апреля, 1825

ЭЛЕГИЯ

Вчера гуляла непогода
Сегодня то же, что вчера —
И я, от утра до утра
Уныл и мрачен как природа.
Не то, не то в душе моей
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

83. ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен, и вина!

Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу
Здесь гений жаться не обязан
И Христа-ради не привязан
К самодержавному столбу!
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен, и вина!

84. ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил,
И мир души, и сердца волю,
Как драгоценности, хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила
Всего проникнула меня.

Пускай пе мне ее награды;
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобедимою красой.

85. СОН

Все негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего то жажду, что то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.

Морфей! Слети на Трубадура
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

N3. Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь.

Сибирская летопись

86. РЕЦЕПТ

О память, память,— дар счастливой
Ты гонишь прочь былого мрак!
Еще с тобой я помню, как
Инбирное варится пиво.
Такому пиву научил
Поэта химик в Петрограде —
Он часто сам его варил
Томленье летнего к отраде
И с гордой радостию пил.
«Бутылкой, штофом, — как хотите,
Двенадцать мерок у наяд,
В сосуд, где воду кипятят,
Рукою чистою возьмите;
Туда, изрезавши сперва,
Лимонов добрых — счетом два —
И не скупяся, подсластите;
Потом два унца инбирю,
Который прежде искрошили...
И так варить, как я варю
И как алхимики варили.
Когда сварится — с жару снять,
Поставить в холод для простуды
И осторожно разливать
В довольно крепкие сосуды,
Затем, что может иногда
Сия инбирная вода
И пробку вытолкнуть худую
И разорвать сосуд худой...
Туда же счетом по одной
Изюму класть рекомендую
И ждать с неделю, а потом
С ней поступают, как с питьем».
Так говорил мне в прошлом годе,
Июля первого числа

Ученый химик — в огороде,
В минуту жаркого тепла.
Его я слушал с наслажденьем
И не забыл премудрых слов
И здесь в каникулы, готов
Заняться сладостным вареньем.
Сия вода — не то, что квас;
Она мила, она игрива
И право лучше во сто раз
Здесь покупаемого пива.

87. МЕЧТА

Когда петух,
Неугомонной,
Природы сонной
Певец и друг,
Пленял просонки
Младой чухонки —
Вчера я встал,
Смотрели очи,
Как звезды ночи,
На мой журнал;
Вблизи чернила
И тишина!
Меня манила
К мечтам она.
С улыбкой долгой
Перо я взял
И час летал
Над тихой Волгой.
Она текла...
Ах как мила!
Очарованье
Моих очей!

В стекле зыбей
Зари сиянье,
Как в небесах;
Струи дрожали
Они играли
В ее лучах...
Вдали дубравы
По берегам, —
И память славы —
Не нашим дням —
Ряды курганов
Из мглы туманов
Вставали там,
Питомец света
Не любит их;
Но для поэта,
Для дум живых —
Их вид старинный,
Их славный прах...
Что за картины
В моих мечтах!
Тоскливей ночи,
Как день, мила,
Потупя очи,
Идет... пришла
И тихо села
Там на курган
И вдаль смотрела:
Вдали туман,
Река яснела...
И в тишине
Девица пела...
И слышно мне!
Она вздыхала,
Порой слеза
В глазах сияла...

Что за глаза!
Они прекрасны,
Как полдень ясный,
Или закат:
И голубые
И неземные
И говорят!
А голос нежной
Весь дол прибрежной
Очаровал;
Он призывал
Бойца и брата,
Который пал
От сопостата...
И я вздыхал!
Душа стремилась
Туда, туда...
И мне явилась
Красы беда...
«Когде же встанет,
Подумал я,
Страна моя!
И местью грянет
Тиранам в страх?
Они гуляют
На сих полях
И забывают
О небесах:
Где меч для кары?
Он славен был,
Кто ж притупил
Его удары?»
Так говорил
Язык сердечной;
И вам конечно
Мечта — ясна;

Сии тираны
Моголов ханы,
И старина!
Но все молчало...
Конец мечтам,
Однакож вам
Их будет мало
И вот начало
Другим стихам:

Ужасен глас военной непогоды
Питомцу нег и деве молодой;
Но мил тому, кто любит край родной,
И доблести возвышенной свободы,
И красоту награды роковой:
Как острый меч, героя взгляд сверкает
Восторгами живыми грудь кипит,
Когда война знамена развивает
И грозное орудие гремит.

Уже взошла денница золотая
Над берегом широкого Дуная.
Яснеет лес, проснулся соловей
И песнь его то звучно раздается
По зеркалу серебряных зыбей;
То тихая и сладостная, льется
В дубравной мгле, как шепчущий ручей,
Но скоро ты умолкнешь, сладкогласный!
Тебе не петь и завтрашнего дня!
Здесь будет бой и долгий и ужасный
При заревах военного огня;
Ты улетишь, как зашумев листами,
Пойдет пожар трескучий по ветвям,
И черный дым огромными столбами
Поднимется к высоким небесам!

Так я в поэме начинаю
Вторую песню, где должна
Случиться страшная война,
Где многих, многих убиваю.
И признаюсь, хотелось мне
Вам сообщить и продолженье;
Но в петербургской стороне
Меня пугает осужденье!
И так пускай в уединенье
Лежат стихи мои; они
Имеют даже и терпенье:
Для них счастливейшие дни
Придут едва ли прежде мая.
Дай бог чтоб и тогда пришли!
И ждет надежда золотая
Чего-то белого вдали.

88. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen.
Ramler[1]

Не долго на небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!
Ну к чорту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;
Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь наконец
Служить волшебнице прекрасной;

[1] И я могу притворяться. — Рамлер. [*Ред.*]

Я прогоню мою тоску,
Я задушу мой жар безумной
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира
И не кипят ее слова;
Так после бахусова пира
Немеют грудь и голова.

89. НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЬ

1-я

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна?

Смотрите, как пышен, блистателен день!
Как наши играют знамена!
Не даром красуется день,
Не даром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море:
Замедли орлиный полет,
Сдержи своеправное море!

90 — 92. ЭЛЕГИИ

I

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных на удачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

II

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.

Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасной
И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

III

Моя Камена ей певала,
Но сила взора красоты
Не мучала, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого —
Любви не знал я: так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит, — но холодна!

93. ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

94. МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовой
Доходит целый к берегам!

95. ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.
Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешной —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

96. НЕЧТО

Мудрец — народов просветитель,
Бывал ли тверд и мудр всегда?
Карамзин

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой

За узаконенную межу
В эдем подлунной и чужой.
Во мне уснула жажда неги:
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий,
Ему во славу, написал.
Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

97—98. В АЛЬБОМ
Ш. К. [ФОН-ДЕР-БОРГ]

I

Доверчивый, простосердечной
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.

Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастной
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

II. СОН

с 8-е на 9-е или 10-е апреля.

Когда же складны сны бывают.
Дмитр[иев]

Я видел сон — чудесный сон!
Но с робкой музою моею
Пересказать его не смею:
Уж я таиться приучен!
Не часто ль горестною мукой
За откровенные слова
Души простой и близорукой
Платил мне слепок божества?
Не часто ль после вдохновенья
Отрад возвышенных я ждал,
Заране чуял наслажденья,
Заране сердцем ликовал —
И только знаки отверженья
В глазах красавицы читал.

Любовь, любовь! я помню живо
Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой.
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!

Не жив поток под сумраком туманов
Не ярок взгляд заплаканных очей:
Медлительно в безмолвии ночей
С холма на холм порхает стая вранов,
Не скоро сна тревожного мечты
От юноши денница прогоняет;
Не скоро он волшебные черты
И горькие обиды забывает:
Свободен, быстр, пленителен полет

Часов любви, надеждой окрыленных,
Когда душа кипит, чего-то ждет
И вся полна желаний вдохновенных!

Теперь мне странны и смешны
Любви безумные припадки,
Не утешительны, не сладки
Ее пророчества и сны.
Теперь по опыту я знаю,
Что̀ сердце жар, что̀ красота,
И с Соломоном восклицаю:
Все суета, все суета!..

99. К Г. Д. Е.

Благодарю вас; вы мне дали
Надежды лучшие мои,
Пустые радости любви
Любви прелестные печали;

Всегда я помнил вас, один среди друзей,
Мечты о вас мне чаровали
Часы бессонницы моей,
Часы трудов и сатурналий,
И редколь рабствовала вам
Моя богиня молодая,
Все, что не вы, позабывая
И сладко радуясь цепям?
Но гордость пламенного нрава
Ее достойное взяла:
Опять меня зовет пленительная слава
На вдохновенные дела;
Опять мне душу оживила
К добру, к высокому любовь,
И поэтическая сила
Во мне владычествует вновь.

*

Увижу родину моих стихотворений,
Увижу Дерпт, там крылья развернет,
Покинет мир сует мой своевольный гений,
И будет смел его полет.

*

«Поэт свободен, что награда
Его торжественных трудов?
Не милость царственного взгляда,
Не восхищение рабов!
Служа не созданному богу
Он даст ли нашим божествам
Назначит мету и дорогу
Своей душе, своим стихам?»

*

Я виноват, прошу прощенья!
Быть может, некогда мой глас
Будил холодные сомненья
И мысли скучные для вас.

*

Я сердца вашего не знаю,
Но я надеюсь — так и быть —
Вы мне изволите простить
Мечты, летавшие к языческому раю.
Я притворялся, я желал
Любви кипучей, невозможной,
Ее певал неосторожно,
А сам ее не понимал.

Теперь горжусь моим признаньем,
Теперь возвышен мой обет:
Не занимать души бесславным упованьем,
Не забывать, что я поэт!

100. ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам, —
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой
Я песни сонные живил,
Когда мне чувств не доставало,
А ум и в ум не приходил —

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая наградить:
В них музы нет, не может быть,
Они написаны ошибкой.

*

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома,
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома —
А впрочем, как угодно вам!

101 — 103. [ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ]

I

Мне очень жаль, что я сегодня
У вас обедать не могу.

(Как христианин, я не лгу
На случай праздника господня).
Теперь мне скучная пора:
Я занят письмами большими;
Еще с вчерашнего утра
Сижу задумчиво над ними,
А все не вижу им конца.
Нельзя ж оставить без ответа
От Киселева письмеца
И от приятелей привета?
Итак — надеюся, что вы
Мне одолжите извиненье
В не очень важном прегрешенье
Не очень важной головы!

II

Как цвет небесного эфира,
Как безмятежная луна,
Моя поэзия ясна.
Но суете земного мира
Порой покорна и она.
Пускай божественного света
Восторги сладостны уму
Самолюбивого поэта:
Он все не бог, и все ему
Нужна подлунная монета —
Удел не славный, не святой!
Но так судьба определила,
И все мы ходим под судьбой.
Вы понимаете в чем сила!
Благодарю — и бог со мной.

III

В последний раз в семестре этом —
Пускай за деньги — так и быть —
Я притворяюся поэтом

И вас могу благодарить:
Не раз, не два вы прогоняли
Мои карманные печали
И тайным подвигом добра
И дух и здравие пера
Певцу-студенту оживляли.

Все слава богу — мне пора
Скакать дорогой к Петрограду:
Найду там братскую отраду,
Найду поэтов и друзей; —
Но, верьте богу вдохновенья,
Я не забуду здешних дней,
И вашего благотворенья,
И благодарности моей!

104. М. Н. ДИРИНОЙ

Я обещал — и был готов —
Вам объяснить — слуга покорной —
И тайный смысл моих стихов,
И горе музы непритворной;
Тогда — вы помните когда?
Надежде юной доверяя,
Я пел: мой рай, моя звезда, —
И не годилась никуда
Моя богиня молодая.
На это скажете вы: да!
Теперь прошли мои припадки,
Как бредни жаркой лихорадки,
Как пир студентов, где шумят,
Где все не видят, не внимают,
И своевольно рассуждают,
И поневоле говорят!

Однакож, смею вам признаться,
Еще не вовсе я здоров:
Не помню я хороших слов,
Не силен сильно выражаться:
И вам известно: мой предмет
Совсем не кроток — и конечно
Я постыжуся, как поэт,
Потолковать о нем беспечно.
Ум квартирует в голове,
А голова моя недавно
Страдала слишком не забавно;
И так пождите благонравно:
Через неделю, через две
(Не очень долгое терпенье!)
Я вам доставлю объясненье
Из Петербурга — все равно —
Я там исправлюсь понемногу
И не забуду вас, ей-богу!
Не так ли? Так и быть должно.

105. ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;

Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

106. ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая,
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь пловучий

Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или — путем дугообразным —
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

107. ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет:
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша-поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.

И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва —
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

108. ЭЛЕГИЯ

Прощай, красавица моя!
Известен мне любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь тайные ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Я ждал любви и наслаждений,
Я много светлых вдохновений
Означил именем твоим;
Обманут я: иную долю
Мне провидение дает,
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю...
И я рассею грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я весел снова и пою!

109. К А. Н. ВУЛЬФУ

Скажу ль тебе — кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя

Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но, при очах ее, денница
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста, —
Чего ж они не заменяют?

110. К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь,
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей
Неизъяснимые, живые
Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья;
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты,

Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло все, — меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

111. МОЙ АПОКАЛИПСИС

1

Когда любви незнаменитой,
Мятежной, беглой и живой,
Я посвящал души открытой
И беспокойство и покой;
Когда надеждою виновной;
В часы общественного сна,
Невольно мучилась она
И в мир поэзии любовной,
Уединенна и нежна,
Летала с музой многословной,
Когда рогатая луна,
Богиня женских упований,
И ночи мрак, и вздор желаний —
Мою нестройную мечту,
Как сон волшебный, чаровали

И пустяками занимали
Младого сердца пустоту:
Чужим исполненный предметом,
Я обещался вам тогда
Все объяснить; — но вот беда:
Я право не гожуся летом
Для вдохновенного труда.
Теперь свободнее мой гений:
Он рад, попрежнему, для вас
Забыть оковы сонной лени,
Увидеть радостный Парнас,
Непринужденными стихами
Вниманье ваше утомлять
И откровенно — перед вами —
Великий пост воспоминать.

2

Пора любовной лихорадки,
Невозвратимая пора!
Еще я помню, как вчера,
Моей Камены беспорядки,
Мои немые вечера,
И цвет прославленной перчатки,
И почерк нежного пера!

3

Ты прав, ты прав, о сын Давида!
Все суета, все суета!
Как безрассудна, как пуста
Нам присужденная Киприда!
С каким доверчивым огнем
Красе жеманной и надменной
Мы чувство сильное даем
Души впервые пробужденной!
Как часто юноша-певец

Для ней восторгами играет
И мирты слабости вплетает
В свой олимпический венец!
Она манит поэта взгляды,
Внимает сладостным стихам;
Но где награда за награды
И фимиам за фимиам?
Чужда божественного дара,
Питая чувственным свой ум,
Она ласкает, как фигляра,
Творца могущественных дум.

4

Поэту радости и хмеля,
И мне судил всесильный рок
Узнать практического Леля
Нравоучительный урок.
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал:
Безумно было ожиданье,
Заманчив был мой идеал!
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали — без ответов
Мои влюбленные слова.
Но был во мне, и слава богу,
Избыток мужественных сил:
Я на парнасскую дорогу
Опять мой ум поворотил,
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
С души исчезла молодой!
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы,
Так, слыша выстрел, — кулики
На воздух мечутся с реки!

5

Но где ж она, и кто ж она,
Моя прошедшая царица?
Есть знаменитая страна,
Есть знаменитая столица;
На берегу веселых вод,
В дыму торжественных сражений,
России всемогущий гений
Ее воздвиг среди болот.
И ныне градом просвещенья
Она по северу слывет,
Торгует, блещет и растет,
Имеет даже наслажденья;
Но только эта сторона
Не пробуждает вдохновенья,
Для душ высоких — негодна —
И там-то место, где она,
Душа сего стихотворенья!

Примечания

Моей Камены беспорядки —
Здесь говорится о стихах,
Которых множество мой гений
В минуты сладких заблуждений
Писал на миленьких листах:
Мечты, элегии, — безделки;
Они и все — не хороши.
В них мысли — вздор, а чувства мелки
И нет ни вкуса, ни души.
Так поднебесная Венера
За месяц вздохов и тоски
Внушила мне лишь пустяки.
Вот вам отрывок для примера
Как заблуждался мой Пегас:
«Любовь, любовь, я помню живо

Счастливой день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались:
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!»
Как это вяло, даже тёмно,
Слова, противные уму,
Язык поэзии наемной
И жар негодный ни к чему!
Как принужденны и негладки
Четыре первые стиха!
Как их чувствительность плоха,
Как выражения не кратки!
Конец опять не без греха:
В одно прекрасное сливались —
Они светлели, возвышались.
Какая мысль! и что оно
Тут неуместное одно?
И как *они* сюда попались?
Тогда все чувства бытия —
Какие, спрашиваю, чувства?
Тут явная галиматья
И без малейшего искусства!
И гордо радовался я —
К чему, зачем такая радость,
И что она, и где она,
В уме иль в сердце? — Здесь видна
Нерассудительная младость
И сумасшедшие мечты
Без нежности и красоты.

*

Мои немые вечера —
Здесь разумеются часы,
В тиши потерянные мною,

Когда я прихотям красы
Усердно рабствовал душою.
Бывало: месяц золотой
Едва над Ембахом зажжется,
Иду по улице кривой,
И сердце прыгает и бьется;
Пришел — сажусь, по сторонам
Брожу влюбленными глазами,
И односложными словами
Ласкаю любопытству дам.
Дадут огня . . . .
. . . .
. . . .
. . . .[1]
Один из этих вечеров
Вам верно памятен доселе:
Он был на Фоминой неделе.
Тогда задумчив, нездоров,
Я много слушал голосов,
А сам молчал красноречиво,
Смотря на краску потолка.
Глаза тускнели — и лениво
Держала голову рука.
Мечты Камены и Амура
Порой рождалися во мне;
Меж тем в почтенной тишине
Читались сказки Дарленкура.
Я чувствовал, я понимал . . .
. . . .
. . . .
. . . .

*

И цвет прославленной перчатки —
Перчатка палевого цвета,

[1] Точки поставлены самим сочинителем. [*Прим. Языкова*]

Весьма красива и нежна.
С руки прекрасного предмета
Она была подарена
В любви сопернику поэта;
За то обиженным певцом
В посланье гордом и живом
Тогда же мстительно воспета.
Счастливой юноша хранит
Сию прелестную перчатку,
Подарок матери Харит,
Души значительную взятку.
Он, верно, глядя на нее,
Воображение свое
Надеждой сладкою ласкает
И в очарованных мечтах
На славных Невских берегах
При свете месяца гуляет.

*

И почерк нежного пера —
Не знаю как — и может быть
Мне и не должно, и опасно
Стихами шутки непристрастной
И здесь, и с вами говорить
Об этой истине прекрасной:
Питомцы низменных отрад,
Судьи подсолнечного света
Нередко скромного поэта
За мысли чистые бранят;
Теперь божественная муза
В делах и чувствах невольна,
Как век священного союза,
Как М.....нова жена.
И посему-то — на молчанье
Решился я переменить
Мое усердное желанье
И этот стих вам объяснить.

Безумно было ожиданье —
Прошу заметить, как правдивы,
Естественны и глубоки,
Как удивительно - учтивы
Слова и мысли сей строки!
Безумно было ожиданье! —
Тут много сказано, тут есть
Самостоятельная честь
И благородное признанье
В непоэтических делах,
Стихотвореньях и мечтах.
. . . .
. . . .
Еще заметьте слово: *было*.
Недаром сказано оно:
Им навсегда умерщвлено
Все, что недавно и давно
Мне сильно голову кружило,
Все, что поэта научило,
Желать, не ведая чего,
И дар священный Аполлона
С холмов возвышенных его
Сводить к подошве Геликона.
Но, слава господу! прошла
Любви могучая тревога;
Огонь Дельфического бога
Опять живит мои дела,
Опять спокойна и светла
Моя житейская дорога!

Эпилог

Довольно я наговорил,
Довольно ясны объясненья!
Я знаю — в них я погрешил
Против общественного мненья,
Против Кипридиных детей.

Быть может — юношеских дней
Мечты нескрытные, живые
Где-где веселости моей
Внушали мысли удалые.
Я виноват; но знаю — вы
Поэта вашего поймете
И шутку вольной головы
Невинной шуткой назовете.

112. ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров,
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милой,
Любовь моя, — она придет!

113

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

Одно — и жгучее — желанье,
Одна — и тяжкая — мечта —
Безумных дней воспоминанье —
Краса великого поста —
Меня тревожит непощадно...
Склонивши на руку главу,
Богиню песен я зову,
Хочу писать — и все нескладно!
В моей тоске едва, едва
Я помню мысли, и слова,
Какими, пламенный, когда-то
Я оживлял стихи мои —
Дары надежды тароватой —
Гремушки ветренной любви.
Любовь покинул я; но в душу
Не возвращается покой:
Опять бывалого я трушу,
И пустяки — передо мной!
Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

114. А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца

Она пленяет и меня,
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.
Все хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне все: ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поет на перехват —
И тайный Глинка и Евгений
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

115. ВИДЕНИЕ

Вчера, как сумраки по небу
Туманный вечер расстилал,
Я в тишине молился Фебу,
Я вдохновенье призывал;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворной
Его огонь овладевал;

Мечты кипели, разгорались,
Росли, блистали и сливались
И видел я — мой идеал:
Чело, и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И стан божественной Хариты
Непринужденно, как-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Как мил и жив мой идеал!
Я млел, я таял, я стыдился,
Я задыхался и дрожал,
И утомленный — пробудился!

116. ДУМА

Одну минуту, много две,
Любви живые упованья
Кипят, ликуют в голове
Богоподобного созданья:
Разгоряченная мечта
Прогонит сон души усталой,
Напомнит время и места,
Где нас ласкала красота,
Где небывалое бывало.
Но сей чувствительный собор
Надежд, восторгов и загадок
Заносит в душу беспорядок,
Или меняющийся вздор,
Хоть сам пленителен и сладок,
Хоть сам блестит как метеор.

117. ЭЛЕГИЯ

Мечты любви — мечты пустые!
Я верно знаю их: оне

Не раз победы удалые
И рай предсказывали мне.
Я пел ее, и ждал чего-то —
Стихам внимала красота —
И отвечали мне — зевотой
Ее пурпурные уста;
Я произнес любви признанье —
И скучен был наш разговор!
Все суета! Улыбка, взор —
Прекрасно ваше предвещанье;
Но вы, почтеннейшие, вздор!
Мечты любви — не стоят горя:
Прельстят, обманут хуже сна.
И что любовь? Одна волна
Большого жизненного моря.

118. К...

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гете
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.
Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Не чувствительны здесь люди,
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки!
Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

119. К ***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, — но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы,
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами,
Безмолвны, тихи, смущены,
И бестелесными мечтами,
Как страхом божиим, полны!

120

Вы скоро и легко меня очаровали,
Не посмотрели вы на то, что я поэт,
И самовластно все мечты мои смешали
В одну мечту, в один любовный бред!
И много брежу я: с утра до самой ночи
Я полон вами: вы даруете мне сны;
Мне дивный образ ваш сверкает прямо в очи
В серебряном мерцании луны.
Цветущий младостью, прелестный, светлоокий,
С улыбкой на устах и сладостном челе
Как мил он мне тогда, как действует глубоко
На сердце в тихой, лунной полумгле!
Томленье нежное на сердце он наводит
И пробуждает он полночную мечту,

И перед ним она шалит и колобродит,
Так и летит на вашу красоту —
И что ж? Весь этот рай желаний сладострастных,
И треволнение и жар в душе моей
Вы сделали одной улыбкой уст прекрасных
И мигом черных, пламенных очей!

121

Увы! я убежден решительно и верно,
Что ты не для меня прекрасна и мила:
Для тела моего ты велика чрезмерно,
А для души моей ты несколько мала.

122. ПРИСЯГА

Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю,
Стою, как вкопанный, — и вам
Благоговейно присягаю.
Я нижеазванный клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом,
Что я хочу и должен я
На всей дороге бытия
Лишь вам одной повиноваться,
Что будет кровь моя для вас
Во всякой день, во всякой час,
Как повелите, волноваться;
Что ваши милые права,
Самодержавные проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мне будут пуще божества,
Святее всякого закона,
И вам живая оборона —

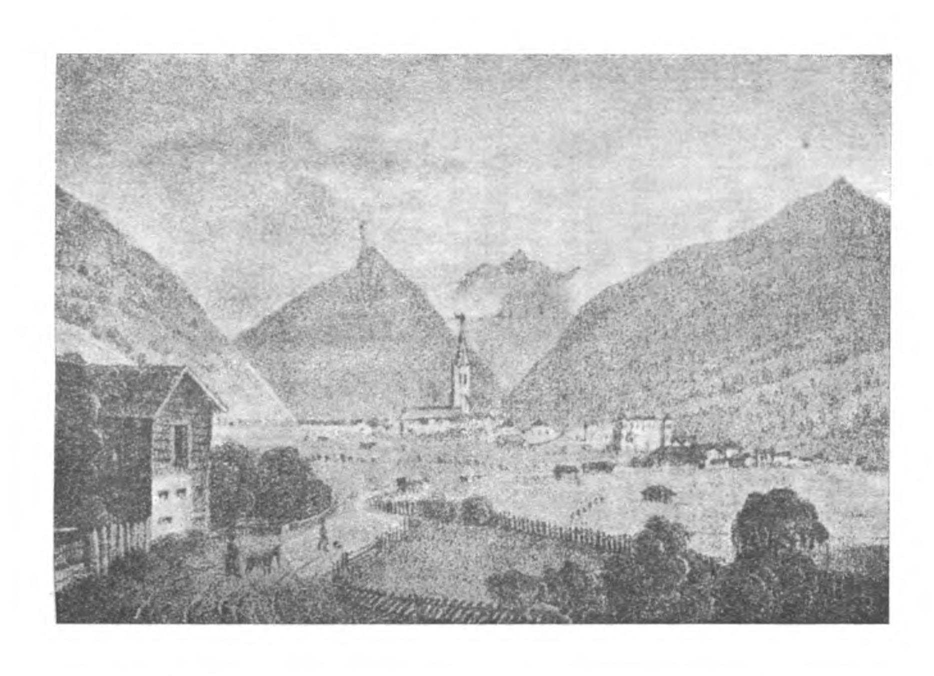
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вам на поприще сует
Грозит убыток или вред,
Я охраню и успокою
Мой поэтический предмет.
Когда таинственное дело
Вы мне поверите, — я вам
Уберегу его так цело,
Что будет любо небесам.
Клянусь и должен: сей присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменять;
Но православно и повсюду
Душой и телом помнить буду
Мой долг и вашу благодать;
И так под вашею державой
Я дни подданства проведу,
Что даже страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Ответы умные найду.

123. ИЗВИНЕНЬЕ

(В альбом М. Н. Дириной)

[Отрывок]

Я не исполнил обещанья:
Не все и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души.
Они довольно хороши:
Я жажду славы и свободы.
Но что пророчат мне мечты?
— Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...

Lith. b. J. Oberer. — Hof Gastein — Fr. Hausen

Августа 5 дн. 1839.

Через Дармштадт, Гейдельберг, Штутгард, Ульм, Аугсбург, Мюнхен и Зальцбург проехали мы в Гоф-Гастейн, где пре на-ходимся две недели — половина моего [illegible] переезжаем в Вильдбад, где воды ближе к источнику и воздух еще горнее [illegible], оттуда [illegible] к вам поближе — и отправимся в страны [illegible], в страну благословенного юга, под небо Италии, в Рим, к поэту Гоголю — [illegible] poste restante — там пробудем с месяц — может и более.

Автограф письма к А. М. Языкову

1826

124. ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, в тишине красноречивой,
Все, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавие царей; —
Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла:
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты
Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов,

Что вдохновенье, что свобода,
В часы неволи помнил я;
Но скромность милая моя;
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять,
И лень, — сотрудница поэтов —
Меня успели задержать
В границах низменных предметов, —
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, немного рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил Николая,
А прежняя присяга — вздор:
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой Харите поверяю,
В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

125. П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Ты мой приятель задушевной:
Мы поэтически живем,

Мы вольно учимся и пьем,
Мы рассуждаем ежедневно
Об идеальном и благом;
Однако ж дело не о том!
Скажи: кого порою ночи
Твои приветствуют мечты,
Чьи возмутительные очи
Звездами называешь ты?

«Она мила, она далеко,
Она изменит» — так не раз
Тебя встревожит сердца глас
В часы печали одинокой.
Откройся мне: как ты, мой друг
Любви я знаю самовластье:
Пусть охладит мое участье
Твой соблазнительный недуг;
Знакомый с девами и светом,
Тебя утешу я вполне
Иль романтическим советом,
Или посланьем о вине.

126. А. Н. ВУЛЬФУ

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть-может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да пробудительные сны,

Да усыпительную радость.
И что я пел? Любовь, мечты!
Я посвящал рукой безбожной
Цветы поэзии подложной
Очам подложной красоты.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

127. М. Н. ДИРИНОЙ

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Не в первый раз восторгом блещет
Сей дар, покорствующий вам,
И сердце сладостно трепещет,
Свободным тесное мечтам.
Всегда вы мило принимали
Мои приветы — и живей,
Смелее, краше ликовали
Надежды юности моей.
И ныне вами пробужденный,
Я вам по прежнему несу:
Мою любовь, мою красу —
Стихи Камены откровенной.
Но что же петь моим стихам
На праздник вашего рожденья?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И воссылаю к небесам
Благочестивые моленья:
Желать ли, да украсят вас

И ум, и прелесть, и наука;
Да вас пленяет сладость звука
И стихотворческий Парнас?
Да процветают ваши годы
Под кровом милой тишины,
Как мир божественной свободы,
Как поле радостной весны?
И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесам,
Моля, чтоб вам они послали
Уже дарованное вам?

128. К П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура, мой Орест,
Прощай! Защите провиденья
Я поручаю твой отъезд.
В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни:
Туда с тобою два поклона
Я посылаю —вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда?... Ты можешь угадать,
Кому работала полгода
Моей Камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе
Святому образу молюсь;
Чья победительная сила,

Давно, и в яве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мне!
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее чело, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у Хариты,
Все хорошо, все красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

129. ЭПИЛОГ

М. Н. Дириной

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Где я небрежными стихами
Вам рисовал мои мечты,
Мне драгоценные когда-то.
Когда-то милые, оне
С моей надеждою крылатой
В одной живали стороне.
В те дни — светла, как житель рая,
Сильна, как мысли божества,
Свежа, как роза молодая,
Как песня вольности, жива,
Любовь свободно покоряла
Все силы сердца моего,
И, ей подвластная, его
Восторги муза воспевала.

Они прошли, как сон! И вновь
Ни словом ласковым, ни взором
Не подружит меня со вздором
Моя почтенная любовь.
Ее вы знаете. Едва ли
Опять во мне... Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты:
Они, я знаю, не достойны,
Воспоминания: порой
Не ясны; дышат суетой,
И многословны, и не стройны.
И говорят о старине,
И часто бредят... не читайте,
Забудьте их — и обо мне
Не по стихам воспоминайте!

130—141. НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1. РАВНОВЕСИЕ

О мирный селянин! в твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра; но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2. УДЕЛ ГЕНИЯ

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так гений, наглости завистника предмет,
Страдает без вины и терпит угнетенье.

3. ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНIЕ

Пройдет ли мой недуг? — лев у осла спросил;
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!

Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был».
Два раза два — четыре.

4. СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую — что ж? Изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

5. МСТИТЕЛЬНОСТЬ

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

6. НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ

— Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон: — в народе бунт! повсюду шум и клики!
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну».
Опасность не страшна для мощного владыки.

7. СИЛА И СЛАБОСТЬ

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

8. ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

9. МАРТЫШКА

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;

Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! на старости побереги себя!

10. ОБЩАЯ СУДЬБА

Во ржи был василек прекрасной,
Он взрос весною, летом цвел
И, наконец, увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

11. БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

12. ЗАКОН ПРИРОДЫ

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка мила:
Всяк следует свой природе.

142. ТАТАРИНОВУ

Хвалю тебя, мой спутник новый
На чистом поприще наук!
Славян могущественных внук,
Немецкой вольности в оковы
Ты не отдашь свободных рук.
Не наш удел — ее порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнию мы живы,
Мы славой славимся иной!
Светлее, выше нам дорога!
Не верь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по своему!

143. П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Счастлив, кому дала природа
Непоэтическую грудь,
Кто совершает как-нибудь
Труды земного перехода;
Мирским довольствуется он!
Слегка печаль его печалит,
Полувлюблен — когда влюблен,
Он вечно рад — и бога хвалит!
Ты, друг, иначе сотворен:
Через долину испытанья
Твоя дорога; с юных дней
Душе не дремлющей твоей
Знакомы жгучие желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дева,
Мила, как радостная Ева
При первом блеске бытия;
Еще в ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взор полон свежестью творенья,
В устах гармония жива!
И что ж? О друг, какое чувство
Во мне кипит и бесит кровь,
Когда возьмется за любовь
Мое священное искусство?
Мне странно: что я ни начну
На этой области Парнаса —
Всегда летучего Пегаса
С дороги в сторону сверну;
Играю, вольничаю, тешусь,
И вдруг направо перевешусь
И знаменитую жену
Стихом за.... ущипну!
И здесь готовил я сравненье

На зло красавице моей —
Да нет: твое воображенье
Не терпит шалостей, — бог с ней!
Постигнут холодом измены
И я, как ты, мой милый друг,
Люблю глаза моей Елены,
Люблю мой пагубный недуг.
Мы оба пламенны доныне,
В нас верны мысли и мечты:
Так на лазоревой пучине,
Под океаном темноты,
Пловца порою путеводит
Звезда пустынная; она
Вдали чуть-чуть ему видна,
А он очей с нее не сводит.

144

Не вы ль, убранство наших дней,
Свободы искры огневые —
Рылеев умер, как злодей! —
О вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

145. ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали,
В боях, за чашой круговой
Они и немцев побеждали.
Счастлив, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!
Как утешительно, как нежно,

Как упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова?
Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка.
О! рай тому, кто pro virtute[1]
Достоин Вакхова венка!

146. А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту година золотую,
Где и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз,
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного, забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?

[1] за доблесть. *[Ред.]*

Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе
И славой прадедов горжусь?
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды,
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою,
Перед скрижалью вдохновений,
И вольность наших наслаждений,
И берег Сороти пою!

147. П. А. ОСИПОВОЙ

Аминь, аминь! Глаголю вам:
Те дни мне милы и священны,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный
Бродил я вольно там и там;
Когда вся живость наслаждений
Во славу граций и вина,
Свежа, роскошна, как весна,
Чиста, как звуки вдохновений,
Как лента радуги ясна,
Во мне могучая кипела, —
И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,

Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.
И та, кого моим светилом
И божеством я называл,
Кому в восторге нежно-милом
Стихи и сердце отдавал;
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,
Которой наши времена
Сияют радостнее рая;
Та, для кого не раз, не два
Моя порочилась молва;
Та красота, которой много
Российской жертвовал Парнас...
Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас,
Та благосклонная... вот чудо!
Под вашим небом и во сне
Она не грезилася мне,
И вообще я помнил худо
О достопамятной весне...
Так луч денницы прогоняет
Пары с проснувшихся полян;
Так возмутительный стакан
Мечты и мысли возвышает.
Благословенная пора!
Она жива мне, как вчера.
Бывало, звезды тихой ночи
Глядятся в зеркале пруда...
Как чаровались мне тогда
Душа и сердце, слух и очи!
Самодовольные, во мне

Надежды пылкие вставали,
Играли весело оне,
И в даль ни разу не летали
Надежды лучшие мои!
А дом, а сад густозеленой,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на долы и на горы
И сень прибережной горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!
А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Все это радует меня,
Все мне пленительно доныне,
Здесь, где на жизненной пучине
Нет ни ветрила ни огня.
О! я молюсь, мой добрый гений!
Да вновь увижу те края,
Где все достойно песнопений,
Где вечный праздник бытия!

148. К ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья,
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;

Как искры брызжущие с стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К бранолюбивой старине:
На веча Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливой,
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,
И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда восторжен перед вами,
Чью душу я боготворил,
Чье имя я произносил
Благоуханными устами?
Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы,—
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем по утру с петухами:
Минувших лет во глубине

Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы.
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы;
Мы по науке мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим, и порой
Скрижали древности седой
О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся. Покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,
Веков по льдяным степеням

Россия бодро восходила —
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О, разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений!
Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений!
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах, надежды мелочные,
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Что им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя обширными крылами,
Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

149. ТРИГОРСКОЕ

(Посвящается П. А. Осиповой)

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,

Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Непобежденного судьбой! —
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава.
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священной
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Все, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:

Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Во след за раннею денницей,
Шаром восходит огневым,
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,

Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная сень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленой,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?

Жрецы высокого искусства!
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенной;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам:
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;

От сеней леса над водами,
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы.
Иль птица робко пролетит,
Иль, воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост пловучий;
И вдруг отрывной и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие, облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон грозно тихие слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,

Тригорское
(посвящ. П. А. О—ой)

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
Сыны воинственныхъ Славянъ,
Гдѣ сладкимъ именемъ гражданъ
Они другъ друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не перешибла веча;
Въ странѣ, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонскія знамена
Душа высокая водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ полки изгнанья,
Да уничтожитъ Псковитянъ,
Да ниспровергнется Россія!
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты гнѣвъ гордыни нашихъ дѣдовъ!
Ты ополчилась — кровь за кровь —
И онъ не праздновалъ побѣды!
Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу русскому доныне
Красноречиво говорятъ:
То стѣны полуразрушенныхъ градъ
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій, древній храмъ,
Среди безпамятной пустынѣ,
То благородные курганы,
То зеленѣющимъ брегамъ,
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно, между горъ,
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой, —
Тамъ у раздолья, горделиво,
Гора трихолмная стоитъ, —
На той горѣ, среди лощинъ,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Живетъ веселый домъ —
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Пріютъ свободнаго поэта,

Автограф первой страницы «Тригорского»

Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит и блещет и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец, по тучам бурным,
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,
Все видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю,
И верным счастьем называю
Все, чем меня ласкала ты!

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты, —
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя свободного укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

150. АДЕЛАИДЕ

Я твой, я твой, Аделаида!
Тобой узнал я, как сильна,
Как восхитительна Киприда,
И как торжественна она!
Ланит и персей жар и нега,
Живые груди, блеск очей,
И волны ветреных кудрей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся мне: любви забавы

Я песнью громкой воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою.

А ты, кого душою страстной
Когда-то я боготворил,
Кому поэзии прекрасной
Я звуки первые дарил,
Прощай! Меня твоя измена
Иными чувствами зажгла:
Теперь вольна моя Камена
И горделива и смела,
Я отрекаюсь от закона
Твоих очей и томных уст
И отдаю тебя — на хлюст
Учебной роте Геликона!

151. К ВИНЮ

Невольный гость Петрова града,
Несчастный друг веселых мест,
Где мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест;
Где так роскошно, так свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье нового царя,
И праздник наш странноприимный,
Шумя, по городу гулял;
Стекло звенело, пелись гимны;
Тимпан торжественный бряцал!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволит перед тобой
Стакан поставить пуншевой
Иль утешительные вины,

И вспомнишь юности лихой
Красноречивые картины, —
Как мы пивали, пей до дна;
Пируй по нашему на диво...
И вновь пленительно и живо
Тебе привидится она!

152. ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.
Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

153. СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит,
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар —
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар...

Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничной,
Как рай, лежит передо мной!

154. К ПЕЛЬЦЕРУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година?
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Все миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия,
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,

Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь:
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго Пената
С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

1827

155. ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
  Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
  Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
  На берег днепровский, в долину спешат:
Могильным общественным пиром
  Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
  Толпы обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
  Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
  Лежал средь зеленого луга;
И бурный товарищ трудов боевых —
  Конь белый — стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
  Отцом опочившего звали;

Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго и долго вопил и стенал
Народ, покрывавший долину:
Но вот на средине булат засверкал.
И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
Без жизни к ногам своему господину.
Все стихло... руками бойцов и граждан
Подвигнулись глыбы земныя...
И вон на долине огромный курган,
Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские, несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;
Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон.
Сошлися — и бьются... Удар за ударом,
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи; десницы высокой
И ловок и меток размах!
Увертливы станом и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногах!

Расходятся, сходятся... сшибка другая —
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя, их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым борцам подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг, — словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет —
Толпы расступились — и стал среди схода
С гуслями в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;

Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил
И прыгали челны чрез волны;
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани.

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
И с ласковым словом ему подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

156. К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасной,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия

Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья;
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли,
Тебе стихи мои звучали
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда торжественно мирна,
В одежде, убранной цветами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

157. ПЕСНЯ

Всему человечеству
  Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
  И славе славян
Свободе божественной,
  Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
  По троице в раз!

Поэзии сладостной
  И миру наук,
И буйности радостной
  И удали рук,

Труду и безделию,
  Любви пировать,
Вину и веселию
  Четыре да пять!

Очам возмутительным
  И персям живым,
Красоткам чувствительным,
  Красоткам лихим,
С природою пылкою
  С дешевой красой,
Последней бутылкою
  И все из одной!

Кружится, склоняется
  Моя голова,
Но дух возвышается,
  Но громки слова!
Восторгами пьяными
  Разнежился я.
Стучите стаканами
  И пойте, друзья!

158. ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
  Ради сладкого труда,
  Ради вольности высокой
  Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним долы,
Наши храмы, наши села,
  И в краю, краю чужом
  Мы пируем пир веселый
  И за родину мы пьем.

Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан и полновесной
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и славна!

159. А. Н. ВУЛЬФУ

Теперь я в Камби, милый мой!
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой
Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный, —
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны
И жатвы блещут предо мной!
Здесь муза — нежная подруга
Уединенного досуга —
Под мой отшельнический кров
В прохладе вечера приходит:
Легко потоки дум и слов
Струятся в образы стихов;
Не слышен скорый бег часов —
И луч востока нас находит
В раздолье сладостных трудов!
Здесь миловидная, как роза,
Моя поэзия цветет:
Ей не мешает мир забот,
Ни лень друзей, ни жизни проза,

И ревностно готовлюсь я
В тиши беспечного житья,
Самостоятельно и смело
Свершить возвышенное дело;
Хотя нередко, милый мой,
Раздумья гордого порой,
Мне говорит богиня слова:
«Себя изведай и смирись!
Взгляни, как Федоров Борис
Срамит Бориса Годунова!»
Но что? Кипит душа моя
И жаждет чести Геликона
И «жребий брошен» молвлю я —
И бух на воды Рубикона!

*

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободной,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки голубоводной
По величавым берегам.
Мне все пленительно в Тригорском,
Все свято: Пушкин, ты, да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
Туда, туда, туда! Но свету
В цари поставлен гневный рок,
Равно досаден и жесток
И не поэту, и поэту —
И он-то шутит надо мной.
Но будь утешен ты, герой,
Питайся медом ожиданий,
Придет пора моих желаний,
Осуществится милый сон:
Покину дерптского Пената,

Возвеселюся, как Сион,
И обниму тебя, как брата!

160. К ТИХВИНСКОМУ

Любимец музы и науки!
Оставь на время пыльный град
Сует, профессоров и скуки
И прозаических отрад;
От горя жизни коловратной,
От беспокойного труда,
От груды книг, уйди сюда,
Где воссияла благодатно
Моей поэзии звезда:
Здесь дремлют темные дубравы
По скатам горных берегов,
Здесь ярко месяц величавый
Играет в зеркале прудов;
Здесь ночь таинственная мирно
Проходит в ясности эфирной;
Здесь пышен солнечный восход
Над благовонными полями,
Над мраком леса, над горами,
И над лазурью светлых вод;
Здесь полдня жаркою порою
Мою усталость я покою
На лоне девственных дриад,
И дерева шумят, шумят,
Шумят над вольной головою;
Или по долам и горам
Влачу беспечно там и там
Поэта гордую свободу,
Мечтаю в сладкой тишине
О православной старине,
О музе песен, о вине
И пью железистую воду!

161. П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты;
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей Каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света,
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне с грустию утешной,
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый;
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;

И все божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!

Златые дни! златые дни!
Взываю к вам и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет, и славы нет!
Скучаю горько и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но что бы ни было — оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук,—
И, друг природы, лени друг, —
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и Харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

162. КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья

Священнодействует поэт.
Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —
Его небрежные созданья,
Его мечты одарены..

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,
Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют,
И сердца с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

163. К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,

Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены,—
Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотной,
И легкие часы летели беззаботно!

164. Д. Н. СВЕРБЕЕВУ

Во имя Руси, милый брат,
Твою главу благословляю:
Из края немцев, гор и стад,
Ты возвращен родному краю!
Позор событий наших лет,
Великих сплетней и сует

Тебя не долго позабавил:
Ты их презрел, ты их оставил —
И на добро, на божий свет
Живые помыслы направил.
Любезный гражданин Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни росказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовским Ларам
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливым боярам
Веселонравной старины.
На свежих розах Гименея,
В чело, и очи, и в уста,
То замирая, то краснея,
Тебя лобзает красота.
Кипят, пылают наслажденья,
Их негу верность бережет,
И быстро вечный скороход
Уносит легкие мгновенья!
А я, гуляющий поэт,
У врат святилища науки,
Брожу и жду, пройдут иль нет
Мои томительные скуки?
Блеснет ли вновь передо мной
Звезда любви и вдохновений,
И жажда славы песнопений
В груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно! дни бегут за днями —
И в Лету падают они.
Она прошла — пора златая,
Восторгов пламенных пора!
Владеют мной тщета мирская,

И лень, и грусть, и немчура!
Теперь святому провиденью
Я говорю одну мольбу:
Да не предаст оно забвенью
Мою грядущую судьбу,
Да возвратит мне мир свободы,
Мечты и песни прошлых дней,
Поля, холмы и непогоды,
И небо родины моей!
Тогда, надеждами богатый,
Спеша от лени и забот,
Я посещу твои палаты
На бреге москворецких вод.
Красноречивые рассказы
Про жизнь альпийских пастухов,
Про горы выше облаков
И про любовные проказы
В виду потоков, скал и льдов
Часы летучего досуга
Нам очаруют в тишине;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мне,
И песнью лиры вдохновенной
Тебе радушно воспою
Утехи жизни просвещенной
И долю мирную твою!

165. НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там под горой, едва, едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,

Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да улелеянный тобой
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

166. РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной
Скользя на грани водяные
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите дни, как эти воды,
Бегите дни быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

167. НА СКАМЕЙКЕ

(в Камби)

Служи тоске уединенной,
Любви младенческой мечтам,
Поэта неге вдохновенной
И мирно спорящим друзьям.

Когда ж изменница Аглая...
Переломись — пускай она
Язык прикусит, дева злая,
И встанет мертвенно-бледна!

168. ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

Почтенный старец Аполлона!
Как счастлив ты: давным-давно
В тенистых рощах Геликона
Тебе гулять позволено.
Еще теперь, когда летами
Твоя белеет голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя приветствует молва,—
И поздний глас твоей цевницы
Восторгом юным оживлен...
Так блеском утренней зарницы
Вечерний блещет небосклон.

Слуга отечественной славы,
Ты пел победы и забавы
Благословенного царя,
Кубры серебряные воды,
И ужас невской непогоды,
И юга бурные моря.
Ты украшал, разнообразил
Странноприимный наш Парнас,
И зависти коварный глаз
Твоей поэзии не сглазил.

А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов-удальцов?
Дарами ветреных стихов
Честим блистательного бога;
Безделья вольного сыны,
Томимы грустью безутешной,
Поем задумчивые сны
И грезы молодости грешной;
Браним людей и света шум,
И с чувством гордости ленивой

Питаем, лакомим свой ум
Самодовольный и брюзгливой.

Что слава? Суета сует!
Душой высокой и свободной
Мы презираем благородно
Ее докучливый привет;
Но соблазнительные девы
За наши милые напевы
Дарят нам пару тайных слов,
Иль кошелек хитросплетенный —
Иль скляночку воды бесценной,
Отрады ноющих зубов.
Вот наш венец и вся награда
Текучим сладостным стихам!

Но, люди... горькая досада
На свете ведома и нам!
Нас гонит зависть, нам злодеи —
Все записные грамотеи;
И часто за невинный вздор,
За выраженье удалое,
Нас выставляет на позор
Их остроумие тупое!

О, научи меня, Хвостов!
Отречься буйного союза
Тех утомительных певцов,
Чья — недостойная богов —
У касталийских берегов
Шальная вольничает муза.
Дай мне классический совет
Свой ум настроить величаво:
Да увенчаюсь доброй славой
Я на Парнасе наших лет!

169. А. М. ЯЗЫКОВУ

Теперь, когда пророчественный дар
Чуждается моих уединенных Лар,
Когда чудесный мир мечтательных созданий
На многотрудные затеи мудрований
О ходе царств земных, о суете сует,
На скуку поминать событья наших лет,
Работать для молвы и почести неславной,
Я тихо променял, поэт несвоенравной, —
Мои желания отрадные летят
К твоей обители, мой задушевный брат!
Любезный мыслитель и цензор благодатной
Моих парнасских дел и жизни коловратной.

Так я досадую на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано пред судом обычая крамольным,
Я приучил свой ум к деятельности вольной,
К трудам поэзии. Она же, — знаешь ты —
Богиня, милая убранством простоты,
Богиня странных дум и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звоном золота, не бренною молвой
Нас вызывает в путь свободный и святой.
И юноша, кого небес благословенье
Избрало совершить ее богослуженье,
Всю свежесть, весь огонь, весь пыл души своей,
Все силы бытия он обрекает ей.
Зато от ранних лет замеченному славой,
Ему даровано властительное право
Пред гордостью царей не уклонять чела
И проповедывать великие дела.
Удел божественный! Но свет неугомонный,
Неверный судия и часто беззаконный,

В бессмертных доблестях на поприще Камен
Он видит не добро, а суету и тлен.

Я знаю, может быть, усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Самолюбивая пылает грудь моя,
И славного венка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успех недальной
Меня вознаградит наградою похвальной
За прозу моего почтенного труда
И возвратит певца на родину — тогда,
Пленительные дни! Душой и телом вольной
Не стану я носить ни шляпы трехугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь-хранительниц моих:
Природу и любовь и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую,
И светозарные, благословят оне
Мои сказания о русской старине.

Я жду, пройдет оно, томительное время,
Чужбину и забот однообразных бремя
Оставлю скоро я. Родительский Пенат
Соединит меня с тобою, милый брат;
Там безопасные часы уединенья
Мы станем украшать богатством просвещенья
И сладострастием возвышенных трудов;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долгов!
Тогда в поэзии свободу мы возвысим.
Там бодро выполню, — счастлив и независим —
И замыслы моей фантазии младой,
Теперь до лучших лет покинутые мной,
И дружеский совет премудрости врачебной:
Беречься Бахуса и неги непотребной.
Мне улыбнется жизнь, и вечный скороход
Ее прекрасную покойно понесет.

170. П. А. ОСИПОВОЙ

Плоды воспетого мной сада,
Благословенные плоды:
Они души моей отрада,
Как славы светлая награда,
Как вдохновенные труды.
Прекрасных ряд воспоминаний
Они возобновляют мне —
И волны прежних упований
Встают в сердечной глубине!
Скучаю здесь: моя Камена
Оковы умственного плена
Еще носить осуждена;
Мне жизнь горька и холодна,
Как вялый стих, как Мельпомена
Ростовцева иль Княжнина;
С утра до вечера я занят
Мирским и тягостным трудом.
И бог поэтов не помянет
Его во царствии своем.
И долго сонному забвенью
Мой не потухнет фимиам;
Но я покорен провиденью
И жду чего?.. Не знаю сам...
Я утешаюсь горделиво
Мечтой, что в вашей стороне
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мне.
И благодарен вам душою
За ваш подарок и в ответ,
Из края скуки и сует,
Вы, благосклонною рукою,
Мои убогие дары
Примите: пару книжек модных
Пройзведений ежегодных

Словоохотной немчуры.
Мои ж стихи да будут знаком,
Что скоро и легко для вас
Мой пробуждается Парнас
И что поэт Языков лаком
Везде, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

171. ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране, умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;
Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла.
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта
Князья и жены их дарят;
Мечты летучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра

И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотной
Чужим причудам посвящал;
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;
Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по заморски одевал;
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала
Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то: я славлю бога!
Она прошла и не придет,
Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога;
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть, —
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.
И правда, верю, я не кстате

Дары-таланты расточал;
Да впрочем ea tempestate [1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты —
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

172. ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты? —
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далеко ты; но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе...
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица, луна.

173. КУДЕСНИК

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливый правами свободы,
Народ Ярославов, на воле своей,

[1] в ту пору. *[Ред.]*

Себе избирает и ставит князей,
Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов —
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
Стеклись любопытные люди.

И старец кудесник, с соблазном в устах,
В толпу из толпы переходит;
Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.

Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то кудесник чрез Волхов пойдет
Водой — и ноги не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок;
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник и — сам он не свой,
И жмется и чешет затылок.
«Я сделаю чудо». — «Безумный старик,
Солгал ты!» — и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и в миг
Чело раздвоил чародею.

1828

174. К А. Н. ВУЛЬФУ

Помнишь ли, мой друг застольной,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной
Вместе праздновали мы?
Мы лежали, хмеля полны;
Возле нас горел костер;
Выли огненные волны
И кипели. Братский хор
Песни пел; мы любовались
На товарищей: они
Веселые разбегались
И скакали чрез огни.
В нас торжественно бурлила
Чародейственная сила
Первой, девственной любви;
Мы друг другу объясняли
Сердца тайные печали
И желания свои.
Помнишь ли, как нежно-пылки,
В честь Воейковой, потом
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

Так я жил во время оно,
Здесь, в немецкой стороне,
Рассудительной, ученой
И когда-то милой мне;
А теперь тоске да лени
Хладнокровно предаю
Утро светлых вдохновений,
Юность добрую мою:
Не шумят мои досуги,
Не торопится мой труд...
И порой, как в мой приют
Загулявшиеся други
Ненароком забредут —
Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора,
Нашу праздность тешит свайка.
Православная игра!
Тяжкий гвоздь стойком и плотно
Бьет в кольцо; кольцо бренчит;
Вешний вечер беззаботно
И невидимо летит...
Поздно... Молча, круг удалой
Разойдется ради сна...
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, в наши времена!

175. А. М. ЯЗЫКОВУ

Ты прав, мой брат, давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,
Мне буйной младости забавы

Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла;
Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и все былое?
Теперь, в томительном покое
Текут мои немые дни:
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги*,
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам:
Они кружатся несогласно,
Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной;
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

*

Но — все проходит, все проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует
Разнообразный колобродит!

Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальной,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

176. А. Н. ВУЛЬФУ

... au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le heros s'évanouit! [1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой;
Теперь спасительным обетом,
Хочу проститься я с молвой,
С моей Каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, Телеграфом,
С Р. А. канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирен, разочарован,
Всему конец, всему конец!

Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились за одно,
Любили жизни тароватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою

[1] Но только наступит несчастье, спадает маска, человек остается, но исчезает герой. [*Ред.*]

Мая 27. 1828. Дерптъ

Ты правъ, мой братъ, давно пора
Проститься мнѣ съ ученымъ кровомъ,
Гдѣ я явился до [redacted] здоровымъ,
Гдѣ веселится Ветчура!
Я помню, здѣсь надежда славы
Мнѣ пророкомъ играла,
Мои буйной младости забавы,
Во блескѣ силы и величавы,
Она волшебно облекла;
Здѣсь мнѣ плѣнительно свѣтила
Любовь — звѣзда царицы дней —
И поэтическая сила,
Огнемъ могущественнымъ била
Изъ глубины души моей!
И гдѣ жъ она и все было?
Теперь, въ томительномъ покоѣ
Текутъ мои иные дни:
Несносно-тяжки мнѣ они —
Сіи подарки судьбы слѣпой,

Автограф послания к А. М. Языкову

Ты восхищался, как тогда
Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как рано славою замечен,
В раздолье вольного житья,
Гулял студенчески беспечен,
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость,
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?
Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной,
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятной!
— А мир стихов? — Но мир стихов
Как все земное, коловратной
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я подавно:
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ,
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает
О выписных профессорах!

Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда их мне девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь, ведь, будут тяжелы
Они заплечью Славянина
И крыльям Северной пчелы.
— Что ж? В Белокаменную с богом! —
В Московский Вестник? — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ:
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
— Ну в Афеней? — Что Афеней?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
Благонамеренный московский.

Что же делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская Камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит

Их здравосмыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;
Да сядешь ты с величьем мирным
На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

177. А. Н. СТЕПАНОВУ

Прощай надолго, милый мой;
Да провидением хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родине святой!
Да жар возвышенных желаний
В тебе мужает и растет
Среди классических работ
На светлом поприще познаний!
Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей, — да там
В стране наук правдиво-гордой
Служа Каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердой, —
Но жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,

Сберет сокровища веков,
И посвятишь их православно
Богам родимых берегов!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвела роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука с рукой,
Учились вместе, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что ж? Как призрак сладострастья,
Пора безоблачного счастья,
Всегда любимая душой
Исчезла вмиг; но ты с собой
Возьмешь под небеса чужие
Воспоминанья золотые
Про мир возвышенных сует,
Про наслажденья удалые,
Про шум и песни прошлых лет.
И в час раздумья и досуга
Мечта волшебною рукой,
Как наяву, перед тобой
В картине пестрой и живой
Поставит недруга и друга;
Тебя восторги обоймут,
И взор филолога угрюмой
Развеселится ясной думой —
И закипит ученый труд!

178. А. Н. ВУЛЬФУ

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,

На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, силен и суров!

Блажен, кто гневом упоенный
Гулял на празднике мечей,
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей!
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!
Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят Суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула,
И Руси грозные права!

*

Дай руку мне: во дни былые,
В кругу внимательных друзей,
Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей:
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

179. ДЕВА НОЧИ

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно темен
С тобою нежный разговор;

Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Как пламенны твои уста!
Как безгранично сладострастна
Твоих объятий полнота!

Но успокойся, дева ночи!
Спусти завистливый покров,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власов:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлет голова;
Не ты внушишь мне жизни новой
Родные чувства и слова.

Там, там, где пышный ток Родана,
В виду заоблачных вершин,
Сребром выходит из Лемана
На гладь шелковую долин...
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри! стою перед тобою;
Вдруг освежилась грудь моя;
Торжествен, радостен душою,
И смел, и горд, и светел я!
Прекрасна ты, о дева ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви!

180. РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,

В пучине воздуха лазурной восстает:
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,
Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег, белеются, луной озарены:
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени,
И темны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины крутые
Отчаянно толпы взбегали боевые,
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?
Приди; на этот холм, ветвями осененный
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. Но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод.

181. ОТЪЕЗД

Не долго мне под этим небом,
По здешним долам и горам
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске и скуке, и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;

Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .
Вон лес и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.
Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились, дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:
Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!
Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой,
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласной,
И любознательный народ

Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчивал прекрасной
Свой разгулявшийся приход.

О юность, юность, сон летучий,
Роскошно светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други!
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела:
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно-пустую
Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске, наконец,
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..
. . . .
. . . .

И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.

Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно бездипломной!
Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумье, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом.
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град,
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещенье!
Всем вам! Тебе ж, κατ' ἐξοχήν,[1]
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник Камен,

[1] по преимуществу. [*Ред.*]

А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Вином и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я, как благо лучших дней,
Тебя доныне вспоминаю,
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..

. . . .
. . . .

Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный упованья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровой
Вином обрызганный венец!

182

Вот вам Наумов — мой предтеча
На сладком поприще езды:
Своим желаньям не переча,
Не оскорбив своей звезды,

Покинул он наук труды
И шум студенческого веча.
Он счастлив: полон чувств живых,
Поклонится селу родному,
Отцов хранительному дому;
Увидит братьев и родных,
Прижмет их к сердцу молодому,
Увидит свадебных пиров
Великолепную картину,
Благословит свою судьбину
И будет нравственно здоров!
А вы, — которых ожиданье
Давно, давно, давным-давно
На мой приезд устремлено —
Он обо мне воспоминанье
Прекрасно вам возобновит:
Опишет жизнь мою плохую,
Без вдохновений, без Харит,
Однообразную, пустую,
Где-где благую, часто злую,
И все, чем я, ослушный сын
Моей возвышенной Камены,
Томлюсь, беспечен и один,
Без цели, действий и причин,
И не надеясь перемены!
Смотрите ж, слушайте его
С душевной радостью и лаской:
Не утаит он ничего,
Не оклевещет никого
И не представит были сказкой.
Пленителен, завиден мне
Его удел: свои рассказы
Про жизнь в разгуле и вине,
Про молодецкие проказы
Распространит в родной стране!
Мои ж надежды — что оне?..

183. БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон;
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!

А ныне? — Миру вдохновений
Далеко недоступен я;
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!
Моей Камены сын ослушной,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.
Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался!..
Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдной;
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно
Служенье Фебу в наши дни:
В раздолье буйной толкотни,
Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой...
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадная;
Так говорливо вторит ей

Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов —
Не цензурованных глупцов:
Не ты ль на подвиг православной
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?
Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;
Он легким лётом пролетит;
Так иногда в жару недуга,
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»

Ну так, барон! Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт —
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

184 — 188. ПЕСНИ

I

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки!

В честь учености спесивой,
И тяжелой и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань:
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитой
В богатырскую гортань!

[За разгульную красотку,
За свободу наших дней!]
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку!

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Ипокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живыя
В честь красавицы своей
Всякой прямо в сердце лей,
И да здравствует София!

II

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасной,
Когда зовет родимый край:
За Русь святую, в бой ужасной,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизна бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

III

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит студенчески-шумна, —

Во славу мне, вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте об имени моем.

Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано;
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

IV

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи,
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

V

В последний раз приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободной дружбы глас —

Сей крик и шум — разлив души бурсацкой,
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья?

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!
Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече,
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет!
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародной
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младой и вдохновенной,
И с вами пел: всё миг и суета!

189. ПЕСНЯ

Я жду тебя, когда вечерней мглою
Спокойные темнеют небеса,
Луна встает за дальнею горою,
Молчат холмы, долины и леса —
Я жду тебя, Зефир!

В тот час, одна, таинственно блуждая
По царству мглы, безмолвия и сна,
Тиха, как дух, красавица младая
Является близ моего окна —
Я жду тебя, Зефир!
Ты обойми прохладной вешней ночи
Ее чело, с него покров отвей,
И мне открой задумчивые очи,
Уста и грудь красавицы моей —
Я жду тебя, Зефир!
Оглянется — и милым взглядом встретит
Любви, ее преследующий, взгляд,
И мрак души надежда мне осветит,
И вновь мои восторги закипят —
Я жду тебя, Зефир!

190. А. В. ТИХВИНСКОМУ

Как знать, куда моя дорога
На тайном поприще земли?
Навечно ль душу мне зажгли
Огни дельфического бога?
Пройдут ли с младостью певца
И сила чувств, и жажда славы,
Иль покорят меня уставы
Жены хромого кузнеца?
Иль рок дела мои прославит,
Меня спокойно переправит
Чрез волны жизненных забот,
И в искушенье не введет,
И от лукавого избавит? —
Что будет — будет! Но клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом:

В стране, где нравственно добра,
Всему покорна, всем довольна,
Живет, мила и бескрамольна,
И процветает немчура;
В стране, где богу просвещенья
Благословенный государь
Для православного служенья
Поставил пламенный алтарь, —
Здесь благодетельные годы
Сияли юности моей,
Здесь я нашел дары свободы,
Богиню песен и друзей;
Здесь поэтическое пьянство
Да мир могущественных дум
Мне заменяли света шум,
Любви восторги и жеманство
Найду ль богов моих, когда
Сию страну и вас покину,
И незнакомая звезда
Определит мою судьбину?
Но я душой не изменюсь:
Священны мне всегда и всюду
Науки, вольность, ум и Русь —
Итак, я вас не позабуду!

191. ПОСЛАНИЕ К А—ВУ

Прощай А—в! Я довольно
Без пользы времени убил,
И мертвой скуке произвольно
Почти год целый посвятил.
Ваш мирный круг я оставляю
И вместе с музой молодой
В восторге сердца восклицаю:
«Хвала поэзии святой!»

. . . .

Давно надежды луч отрадной
Моей души не освещал,
И рок — губитель беспощадной —
Мой челн в реку забвенья мчал;
Но, наконец, гроза промчалась,
Блеснул животворящий свет —
И вновь душа очаровалась,
И вновь, отрада прежних лет,
Веселость резвая со мною.
Я счастлив, друг! Но скоро ль ты
Оставишь, примирясь с судьбою,
Все прихотливые мечты?
Ты получил рассудок здравый
От всеблагой природыв дар,
Ты ревностный любитель славы,
В тебе приметен этот жар,
Который нужен для геройства;
Ты добр, — ты ум свой просветишь:
Итак, зачем же, друг, таить
Свои возвышенные свойства!
. . . .
Иди с отважностью свободной
Туда, куда тебя зовут
Фортуна и твой нрав природной;
И стань в браннолюбивый строй,
Забыв ученых инженеров,
Под знамя родины драгой,
В толпу армейских офицеров!

192. К. К. ЯНИШ

В былые дни, от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.
Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами.
Так, с торжища сует возведена
Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием создавшего их бога!

193. ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,
Победоносных, вдохновенных!
Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет, —
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

194. ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,

Стихов и мыслей переливы
И силу их, — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

195. ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый;
Им соблазнилась ты. Он манием руки
Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух... медленно уста твои целуют!

196. А. И. ГОТОВЦЕВОЙ

Влюблен я, дева-красота,
В твой разговор живый и страстной,
В твой голос ангельски-прекрасной,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

197. ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ

(При получении от его сиятельства трех первых томов полного собрания его творений)

Итак — мне новая награда
От музы доблестной твоей,
Младых поэтов Петрограда
Серебровласый корифей!
Ее с поклоном принимаю,
Умею чувствовать ее;
Но заслужил ли я — не знаю —
Неоставление твое?
Какими подвигами славы
На свете выказался я?
Уж не стихами ль про забавы,
Про удаль братского житья,
Про негу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Где пролетела шумно, шумно,
Лихая молодость моя? —

Нет. Но зато, главою трезвой,
На последях моей весны,
От жизни праздничной и резвой

Поникший в лоно тишины,
Теперь, как сердца не тревожит
Мне красота великих дней,
Достоин буду — бог поможет —
Я благосклонности твоей.

Ведь я недаром же оставил
Потехи лени и гульбу,
На свой обычай переправил
Свою грядущую судьбу,
И посвятил уединенью
Мой возраст силы и трудов!
От первых смысленных годов
Знаком и верен вдохновенью.
Лишь всемогуществу его
Обязан вольностью и счастьем,
И чистым, светлым сладострастьем
Ума и сердца моего;
Его забуду ли я ныне?
Я ль, живо сознанный собой,
Рамоей любви, в моей святыне
Вскаюсь зрелою душой?

Но признаюсь, я робким взором
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вместе с буйным хором
Бескнижной сволочи пою.
Кого талант мой разобидел?
Кого мой стих оклеветал?
Какой невежда иль нахал
Меня торгующимся видел
На рынке браней и похвал?
Почто же страхом ожиданий
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
От криводушных порицаний,

От пошлых козней и обид?
Мне ль предузнать, каким возгласом
Мои труды перед Парнасом
Его кричальщик возвестит?
Он чуден: карлу великаном,
Гетеру музой, хмель дурманом
Во всеуслышанье зовет,
Немилосердо-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня берет!

Ты, Феба ревностный поклонник,
Его классический законник!
К тебе с надеждою моей,
С моей неопытною лирой,
К тебе, ужасному сатирой
Главам парнасских бобылей,
Прибегну я: грозою правой
Ты знаменито их пугнешь...
И пощадит меня их ложь,
Твоей заступленного славой!

198. ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА

Кипят и блещут фински волны
Перед могилою твоей;
Широким пологом над ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шум своих ветвей:

Так жизнь пленительным волненьем
В тебе кипела молодом;
Так ты блистал своим умом,
И самобытным просвещеньем,
И поэтическим огнем.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой,
И темны стали над тобой,
Как эти сосны гробовые,
Угрюмой движимы грозой.

Цепями нужд обремененный,
Без друга, в горе и слезах
Погиб ты... При чужих водах
Лежит, безгласный и забвенный,
Многострадальческий твой прах.

О! мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты отрока меня;
Ты предузнал, кто буду я,
И что прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!

Твои радушные заботы
Живое чувство красоты
Во мне питали; нежно ты
Лелеял первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музыку мыслей и стихов!

Прими ж привет мой благодарный
За много, много красных дней,
Блестящих в памяти моей,
Как образ месяца янтарный
В стекле играющих зыбей!

199. ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

DUBIA
(1823—1829)

200. ДОМ СУМАСШЕДШИХ В ДЕРПТЕ

От учения уставши,
Наконец пришел к себе,
И все книги побросавши,
Растянулся на софе.
Прочитать хотел Рамбаха,
Чтоб немного отдохнуть,
Но игранье Зегельбаха
Приказало мне заснуть.

Я заснул, но мне приснился,
Други, пречудесный сон:
Предо мной будто явился
Наш приятель Петерсон.

«Долго ль, — он сказал, — лениться,
Нежиться по пустякам.
Вечер славный! и пройтиться
Непременно должно нам!»

— Делать нечего! согласен,
Но куда же мы пойдем?
«Левенштернов сад прекрасен!
Там мы, может быть, найдем»...

— Понимаю! — мы пустились,
Но, о ужас! Что̀ ж потом
Вместо сада нам явилось:
Боже! сумасшедших дом!

В Юрьеве дом сумасшедших?
Вот и надпись! Ну, прочтем:
«Пристань для умов отцветших».
Не нале́во ли кругом?
Чтоб каким-нибудь случа̀ем
В пристань нас не занесло!»
— Нет, зайдем: авось, узнаем
Из знакомых кой-кого!

Мы вошли в огромну залу
О шести больших дверях;
Надпись каждой объявляла
О живущих там гостях.
Первый тут отдел поэтам,
А второй — профессорам!
Остановимся на этом;
Прежде к ним пойдем... а там,

Если станет нам охоты,
И других мы посетим:
От своей давясь перхоты,
И чахоткой одержим,
Вот Паррот многоученый
С бюстом Невтона сидит,
То целует, то взбешенный,
С гневом на него глядит.

«Все равно, — он восклицает, —
Что̀ Паррот и что̀ Невтон.
Славен он, — все уверяют,
Но кому ж он одолжен?

Быть великим я позволил,
Чрез меня он и велик:
Он мою прочесть изволил
«Theoretische Physik».

Вот наш Эверс: пред картиной
Гнев его являет вид;
С толстою сидит дубиной
И кому-то в ней грозит.
Я взглянул: с брегов Балтийских
Рюрик с братьями спешит
Скипетр взять князей российских
Над славянами княжить.
Эверс крикнул:
«То докажет пусть дубина,
Что везде я так нашел».
И давай туэить геройски
И картину, и князей,
К берегам чтоб Черноморским
Князь шел с братьею своей...

201. КРАМБАМБУЛИ

Крамбамбули, отцов наследство,
Питье любимое у нас,
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.
  Тогда мы все: люли-люли!
  Готовы пить Крамбамбули!
  Крамбамбули, Крамбамбули!
Когда случится нам заехать
На грязный постоялый двор,
То прежде, чем спрошу обедать,
На рюмки обращу я взор!

Тогда хоть чорт все побери,
Когда я пью Крамбамбули!
Крамбамбули, Крамбамбули!
Когда б родился я на троне,
И грозных турок побеждал,
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
Toujour content et sans souci
Lorsque je prends Crambambouli!
Крамбамбули! Крамбамбули!

202. ПОЗДРАВЛЕНИЕ М. Н. ДИРИНОЙ

Сегодня ваши именины,
Поздравить вас — я очень рад,
Но в них я вижу — виноват —
Ошибку важную судьбины:
И как ей в голову пришло
Апреля первое число —
Сей день обманом знаменитой —
На праздник вам определить;
И как не стыдно ей грешить
Так безрассудно и открыто!
О, если б я распоряжал
Судьбы таинственной делами!
Я лучший день для вас избрал
Между прекраснейшими днями,
Тот самый день, когда весь мир
Свое веселье торжествует;
Когда играющий зефир
Цветы роскошные целует
И с тихим лепетом, слегка,
Живую влагу ручейка
Струями светлыми волнует;

Когда под сумраком ветвей
Благоухающей дубравы
То сладостной, то величавый
Весенний свищет соловей;
Когда и небо голубое
Блистает полною красой,
И веет что-то неземное
Над очарованной землей. —
Все это кстати вам — и кто же
Пенял бы мудрости судьбин,
Что это время не похоже
На время ваших именин?

203

Когда б парнасский повелитель
Меня младенца полюбил;
Когда б прекрасного даритель
Меня прекрасным наделил;
Была б и я поэтом славным;
Я гласом стройным и забавным
Певала б громкие дела,
Отрады Бахуса, вина,
Киприды милой упоенья,
Или подобное тому.
Но дар отрадный песнопенья
Отказан духу моему,
И не могу я мыслей, чувства
В немногих рифмах заключить —
И тоном высшего искусства
Пред каждым их проговорить.
Я прозой чистою пленяюсь,
И ею всюду объясняюсь;
Примите ж в прозе мой привет:
«Пусть ангел вашего явленья

Вас охраняет много лет,
И пусть святое провиденье
Вас удалит от зол и бед!
Пусть ваши дни — всегда блистая
Лишь видят радость и покой,
Как легкокрылого дни мая
Все кажут радость и покой!»

POSTSCRIPTUM

Твердо будучи уверена,
Что вы с удовольствием
Курите сей сорт табака,
Взяла я смелость послать
К вам один фунт
Оного, и надеюсь, что
Вы не откажете мне
В благосклонности принять
Картуз сей подарком
На первый день апреля.

204. ДРУГУ

Не искушай меня бесплодно,
Не призывай на Геликон:
Не раб я черни благородной,
Ее закон — не мой закон.

Пусть слух ее ласкают жадной
Певцы — ровесники ее;
Ей слушать песни их отрадно,
Они для ней своя семья:

Ни вкус, ни век, ни просвещенье
Не разграничивают их;

Ее приводит в восхищенье
Безжизненный, но звучный стих.

Так песнь простая поселянки
Пленяет поселян простых;
Так песни буйные цыганки
Приятней арий для иных.

Не искушай меня бесплодно,
Не призывай на Геликон:
Не раб я черни благородной,
Ее закон — не мой закон.

205

Прочь с презренною толпою!
Цыц; схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен:
Так в безумном упоенье
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу,
Рифмой бешеной своей,
В поэтические плети
Приударят дураков,
И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков!

1830—1839

1830

206. А. Н. ТАТАРИНОВУ

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши;
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!
В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасной!
Все, чем судьба возвышенна моя,
Что в ней земным оковам не подвластно
Все чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Все, чем живет и действует поэт —
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час —
И яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода
Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.
Таков булат в браннолюбивой длани,
Несокрушим, однажды закален!

Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы,
И двух прудов спокойное стекло.
Где ж вы, мои товарищи и други?
По прежнему ль увеселяют вас
И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран и патриарха гор,
И над его священной головою,
Ночных светил блистающий красою,
Торжественный, лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимой.
Привольное гульбище юных лет,

Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

207. К А. Н. ТАТАРИНОВУ

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов,
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;

Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Геллады.
Как гордо радовался я!
Как вдохновенно сердце билось!
А ныне!.. Все переменилось,
Жизнь и поэзия моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней,
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,

Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

208. М. В. КИРЕЕВСКОЙ

Ее светлости, главноуправляющей отделением народного продовольствия по части чайных обстоятельств, от благодарных членов Троице-Сергиевской экспедиции

В те дни, как путь богоугодной
От места, где теперь стоим,
Мы совершали пешеходно
К местам и славным и святым;
В те дни, как сладостного мая
Любезно-свежая пора,
Тиха от утра до утра,
Сияла нам, благословляя
Наш подвиг веры и добра;
И в те часы, как дождь холодный
Ненастье нам предвозвестил,
И труд наш мило-пешеходный
Ездою тряской заменил;
Там, где рука императрицы,
Которой имя в род и род
Сей белокаменной столицы
Как драгоценность, перейдет,
Своею властию державной
Соорудила православно
Живым струям водопровод;
Потом в селе, на бреге Учи,
Там, где в досадном холодке,
При входе в избу на доске,
В шинели, в белом колпаке,
Лежал дрожащий и дремучий

Историк нашего пути, —
Его жестоко утомили
Часы хожденья и усилий
И скучный страх вперед итти;
Потом в избе деревни Талиц,
Где дует хлад со всех сторон,
Где в ночь усталый постоялец
Дрожать и жаться принужден;
Потом в местах, где казни плаха
Смиряла пламенных стрельцов,
Где не нашли б мы и следов
Их достопамятного праха;
Там, где полудня в знойный час,
Уныл и жаждущий подушки
На улице один из нас
Лежал — под ним лежали стружки!
Потом, в виду святых ворот,
Бойниц, соборов, колоколен,
Там, где недаром богомолен
Христолюбивый наш народ;
Обратно, в день дождя и скуки,
Когда мы съехалися в дом
Жены, которой белы руки
Играли будущим царем, —
Всегда и всюду благосклонно
Вы чаем угощали нас.
Вы прогоняли омрак сонной
От наших дум, от наших глаз.
Итак, да знаменье оставим
На память будущим векам,
И свой великий долг исправим
Святой признательностью к вам.
Мы все с поклоном вам подносим
И купно молим вас и просим
Принять с улыбкою наш дар,
Лишь с виду малый и убогий,

Как принимают наши боги
Кадил благоговейный пар.

209 — 211 [ДОРОЖНЫЕ ЭКСПРОМТЫ]

I

МЫТИЩИ

Отобедав сытной пищей,
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим:
Боги сжалились над ним:
Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол, — и ключ кипучий
Покатился... Пей, Москва!

II

СЕЛО ВОЗДВИЖЕНСКОЕ

Чем эта весь славна, вы знаете ль, друзья?
Здесь сердце русское дрожит невольным страхом:
Здесь Софьей казнены Хованские князья,
Убитые потом у немцев Раупахом.

III

[ПРИ ПОСЫЛКЕ К. К. ЯНИШ ЛОЖКИ ДЕРЕВЯННОЙ НА КОЛЕСЦАХ, ИЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ]

В день чудотворца Николая, —
Сей день святее мне всего!
Будь ложка вам колесовая
Символом сердца моего:
Ей управляйте, как хотите!
Играйте ею, в добрый час!
А как наскучит, лишь толкните
И убежит она от вас.

212. [ЭПИГРАММА]

Готовяся прилично выдать в свет
Двенадцать важных книг — плоды ума и лени —
Послушайся меня, Селивановской!
Не покупай для них бумаги петергофской!
Но знаешь ли? Потешь читающий наш мир,
Будь друг общественного блага!
Купи-ка ты для них: есть славная бумага
И называется у немцев: Arschpapier!

213. ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею;
Ты назови меня своим!

214

Вам нравится обычай амазонской,
Наполнив грудь отвагою мужской,

Коня смирять надежною рукой
И бойко по полям носиться прытью конской.

Предвижу я — придет веселый час,
Как вы, пустив бразды наудалую,
Обгоните подругу молодую
И утомите взор, преследующий вас;

Как сладостно, усталы от ристанья,
Умерив ход послушного коня,
Вы будете мерцающего дня
Прохладные в себя вдыхать благоуханья.

О да хранят властители небес
Вас, едущих в раздолье думы тихой,
Вас, по долам рисующихся лихо,
Вас, гордо скачущих с утеса на утес!

И этот хлыст — символ самодержавья —
Примите вы — пускай его удар
Дает коню ретивый бег и жар,
И разом ставит их в границы благонравья!

215. ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;

В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушной,
Убрал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

216. НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей,
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен, —

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца,
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь,
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое Токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Славу богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна,
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

217. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкий мой тимпан!

Окаменей язык лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Все истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!
Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

218. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о господи, доступны
Твои Сионски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом покланялся,
С любовью плакал перед ним!

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Великий господа посланник,
Он исполины сокрушит!
В венце ли он: его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу: дивной силой
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылой,
Взлетит до неба твоего!

219. РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной;
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши;
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум;
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи.
Покинем шум сует, товарищи мои,
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!
Туда, где небеса просторней голубые,
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там, утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды;
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

220. ХОР

Пятый в Московском благородном собрании, по случаю прекращения холеры в Москве

Велик господь! Земля и неба своды
Свершители судеб его святых!
Благословен, когда казнит народы,
Благословен, когда спасает их.

Пославший нам годину искушенья
Не до конца рабов своих карал;

Нам воссиял желанный день спасенья,
День милости господней воссиял.

Велик господь! К нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звон!
Ему хвалу играйте песен звуки!
Велик господь! И свят его закон!

1831

221. НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли: он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простой и ясной
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме кольницы прекрасной

Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастлив на много, много лет.

Таков он, был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек. —
Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;
Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась. Там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала,
И на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы
Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где все прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,.
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья

Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

222. ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему, на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад,
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают

Победный гром и памятник златой,
И многие, уж заодно, познают,
Что называть мирскою суетой.

223. К. К. ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Все, чем высок полет воображенья,
Чем горд и пламенен поэт, —

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой,
Зеленый лавр поэзии чужой
И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на златых струнах переиграли
Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священного труда
Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога,
И праведна житейская дорога,
Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их... Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

224. БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна;
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей?

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

225. ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!

И в разгульном хоре звуков
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков;
Прославляя наши дни:
Там на юношеском пире
Слово молвится под час
В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас, —
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое
И поэту наградится
Все подлунное житье.

226. И. В. КИРЕЕВСКОМУ

(о П. В.)

Щеки нежно пурпуровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!
Но ее, на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!
Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний

Не впивай в свои уста!
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

227. ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

(Татьяне Дмитриевне)

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,

Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевной,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

228. ЭЛЕГИЯ

(Татьяне Дмитриевне)

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть:
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал,
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

229. ПЕРСТЕНЬ

(Татьяне Дмитриевне)

Да, как святыню, берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной.
В тот час (забудь меня Камена,
Когда его забуду я!)
Как на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня.
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя...
Один ли я твой взор умильной
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

230. И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Молод ты! Ну что, что молод?
Размышленьем и трудом
Твой талант уж перемолот
И просеян: сила в нем!

Ты для мерзкого нахала,
И жида и пришлеца,
И для пылкого глупца,
И невежды-самохвала,
И огромного враля —
Остротой его заквасишь,
Да наукою подкрасишь,
И задашь им киселя!

231. АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость,
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, —
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов —
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют
То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там все, чем бог добра и света
Благословляет многи лета
Тот край, все: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу,
И пил да пел... я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход:
Тебе он скажет весть благую.
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет,
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов

В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуровой
Как ясно, тихо, жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела;
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня:
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум деятельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста сахарны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных, девственных кудрей
На ней блистающие волны.

Твоя мольба всегда верна!
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,
И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна!

232. Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна:
В живые образы одета,
Святым огнем озарена;
Счастлив, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и свет, и чистота.
Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доныне пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал —
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.
Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе:
И полн таинственной отрады,
Усердно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.

233. И. В. КИРЕЕВСКОМУ

(В альбом)

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:
Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравной

На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей:
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужие
И думы верные об ней:
Да чисто-русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!
Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой. —
Близка пора: мечты похмелья
Моей Камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,
И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? мне поможет
Твоей приязни благодать!

234. М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,

Ее прямила и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

235. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она:
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина и дружбы и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых,
И трепетом, томительным и страстным,
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным.

А вы, певца внимательные други,
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы,
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводной
Зеленый скат лесистых берегов?

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

GÖTHE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

Титульный лист книги стихов
Н. М. Языкова. СПБ. 1833

ЕВРОПЕЕЦЪ.

1832. ЯНВАРЬ **N 1.**

Страни.

Обложка журнала «Европеец» 1832, № 1

Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И бурные приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их;
Когда она веселыми устами,
Мой счастливый произносила стих —
Торжественна, полна очарованья,
Свежа, и где была душа моя!
О! прочь мои грядущие созданья,
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В лиющемся кристалле разговора.

Ее уж нет! Все было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда
И в нем — надежд и помыслов отвага,
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...

Она всего поэта понимала —
И горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье.

236. КОНЬ

Жадно, весело он дышет
Свежим воздухом полей,
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей;
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.
Сам, как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом,
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Не надолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Не надолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,

И отважны крутизны,
И стремнины роковые...
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивой!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

237. ЭЛЕГИЯ

Ночь безлунная звездами
Убирала синий свод;
Тихи были зыби вод;
Под зелеными кустами
Сладко, дева-красота,
Я сжимал тебя руками;
Я горячими устами
Целовал тебя в уста;
Страстным жаром подымались
Перси полные твои;
Разлетаясь, развивались
Черных локонов струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своих очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая к моей.

Под ночными небесами
Сладко, дева-красота,
Я горячими устами

Целовал тебя в уста...
Небесам благодаренье!
Здравствуй, дева-красота!
То играло сновиденье,
Бестелесная мечта!

238. ПОЖАР

(А. Петерсону)

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши,
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем;
Так, это не заря! Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,
Полнеба заревом багровым обхватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи —
Чье имя уж давно, по стогнам и садам,
В припевах удалых сопутствовало нам, —
Глядела, как ее светлицу охраняя,
Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.

Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О! будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые
Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой —
И нежная падет могучему в объятья,
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

239. С. С. ТЕПЛОВОЙ

Я знаю вас: младые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
    И гармонические сны;

Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней,
И медленно и долго забываться
    В обманах памяти своей;

Вы знаете, как в хоры сладкогласны,
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
    И чем поэзия жива.

Умеете вы мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать

И, праведно господствуя над нею,
Ее смирять и возвышать.

Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
Я чувствую, смутился б я пред вами:
Душой и сердцем робок я;

Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
Что говорится там про вас.

240. ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки, —
В музыку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь.
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего;
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина.

Не спишь, красавица! — Мечтами
Ты беспокойными полна:
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,
Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,
Ланиты рдеют пурпуровы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты все мечтала...
А он, таинственник Камен?
Им не играли грезы ночи
И бодр и свеж проснулся он,
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон.

241. НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА

Огнем и силой дум прекрасных
Сверкал возвышенный твой взор;
Избытком чувств живых и ясных
Твой волновался разговор;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надежды славой горяча,
И смелость гордо поднимала
Твои могучие плеча!
Потухли огненные очи,
Умолкли вещие уста,
Недвижно сердце; вечной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивал;
В садах науки и свободы
Ты поэтически гулял;

Там создал ты, славолюбивый,
Там воспитал, направил ты
Свои кипучие порывы,
Свои широкие мечты.
И в дальний шум иного мира
Тебя на громкие дела
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ее приветственному звуку
Как суеверно ты внимал,
Как жарко дружескую руку
Своею схватывал и жал!
Под сенью сладостного света,
Красуясь дивною красой,
В твоих очах грядущи лета
Веселой мчались чередой;
В их утомительном обмане
Ты ясно жребий свой читал,
Им надмевался — и заране
Торжествовал и ликовал.
Пришли — и вот твоя могила!
Крылатых мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Все тлен, и миг, и суета!

242. КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;

Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен, мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот,
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется,
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечно-памятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся,
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;

Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

243. КАМБИ

Там, где внизу горы, извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней;
Где горных берегов с песчаного уступа
Склонилася к нему берез и елей купа,
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним; —
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебряным шаром покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,
Оденет берега в свой сумрак сладострастной
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи —
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной, —
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,
Тобой, красавица, хранительный мой гений,

Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:
Как сильно грудь моя сей голос поняла,
Твой голос творческий: младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли. Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,
Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас:
Вы, добрые, мои, — благословляю вас!

244. УТРО

Пурпурово-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;

Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и холмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горной
Звук волынки полевой!
Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпурово-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

245. СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна,
И ночному поцелую
Не противится она,

Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастлив, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;
И веселая ласкает,
И, пристрастная к нему,
И дарит и обещает
Все красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

246. ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн

Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,
Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод!
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

247. В. А. ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,

Символ души проснувшейся прекрасно,
Заря безоблачного дня;

Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел:
Среди наук ты гордо возмужаешь
Для стройных дум и светлых дел

От ранних лет полюбишь наслажденья
Привольные и добрые всегда:
Деятельный покой уединенья
И независимость труда;

Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
Отвага помыслов твоих,

И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
Душа открыта и чиста;

Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей, —
Ты совершишь заветные желанья
Счастливой юности твоей.

О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал;
И слепо верь в пророчества поэта
И в правоту его похвал!

248. ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,
Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах!

249. МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя, из тягостного мира
Телесных мыслей и забот,
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,

Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

250. В АЛЬБОМ МАРКЕВИЧУ

Украйны, некогда свободной,
И поэтически живой —
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народной;
Как чуден новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы!
Но в наши дни поймут ли вас
Украйны юноши и девы?
Так, не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и втайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украйне!

251. [ЭПИГРАММА]

Виновный пред судом парнасского закона
Он только: неуч, враль и вздорный журналист,
Но.... лижущий у сильного шпиона
Он подл, как человек, и подл, как.....

252. ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг все готово,
В чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышущее слово:

Иди ты в мир: да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай сахарных уст порока,
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих:
В тех звуках раб свои забудет муки,
И царь Саул заслушается их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело, —
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным:
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:
Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет;
Дрожащий страхом и стыдом!

1832

253. А. П. ЕЛАГИНОЙ

(При поднесении ей своего портрета)

Таков я был в минувши лета,
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольной, —
Моя беспечная весна
Промчалась — чувствую и знаю,
Не целомудренна она

Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселые,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы,
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

254. Е. А. ТИМАШЕВОЙ

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравной
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней, —
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших
Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский; но его
Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздольи наших оргий,
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,
Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений,
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

1833

255. Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласной
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полу-немецкой,

Где, безмятежные, живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой;
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней:
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

256. А. Н. ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:

Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;
И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши,
И вспрянул гордо на коня!

А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед;
Но вот хвала и слава богу!
На православную дорогу,
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!

Отныне вся моя судьбина
Тебе; люби же и ласкай
И береги меня, как сына,
А как раба не угнетай!
Даруй певцу приют смиренной
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка нескованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
Здесь, в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,

Приветы гордых молодиц,
И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!

Поклон вам, прежние мои...
Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, — и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!

Мой друг, поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной, мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились;
Но сладко вспомнить нам под час
Далекой град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей, —
Красу минувшего житья!

Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы,
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, — увы,
Когда-то милой мне, когда-то
На свежем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

1834

257. Е. Н. МАНДРЫКИНОЙ

В младой груди моей о вас воспоминанья
    Сохранно буду я беречь!
Навечно милы мне: живая ваша речь
    И ваши томные мечтанья,
Ваш благосклонный взор, сверкающий умом,
    И ваше пенье! Что за звуки!
То тихи и нежны, как жалкий вздох разлуки
    И мысль о счастии былом,
То упоительны, торжественны, игривы,
    Как мед любви, сладчайший мед!
Как юношеских дум возвышенный полет
    И детской радости порывы!
Могучи звуки те волшебные! Они
    Меня отрадно чаровали,
И умиленного, разнеженного мчали
    В иную жизнь, в иные дни,
В те дни, когда еще душой и сердцем юный,
    Доверчив, пылок и поэт,
Я пел любовь и шум студенческих бесед,
    И стройны, громки были струны!
Давно прошли те дни восторгов и потех;
    Но помню живо их доныне,
Как странник молодой, застигнутый пустыней
    И бурей, помнит свой ночлег

*

В гостинице, где он негаданно-нежданно
Нашел красавиц и друзей,
И с ними пировал до утренних лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду вас, я благодарен вам;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердец к пленительным мечтам.

258. А. А. ФУКС

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.

Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш взор, трепещет ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь!

Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет: я ваши песнопенья
Люблю: я понимаю вас.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылой,
И бога движущего их!

259. Д. П. ОЗНОБИШИНУ

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?

Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой,
В дождь осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговой
Входишь ты под кров убогий
И гражданственность с тобой?

Вот салфеткой иностранной
Стол накрыт. Блестят на нем
Ярким златом и сребром
Чашки. Чай благоуханной
Льется светлым янтарем,
И сидишь ты за столом,
Утомленный и туманный,
В забытьи глухонемом!

Ночь прошла. Смотри: алеет
Озарившийся восток!
Ты проснулся, путь далек!
На лице тебе уж веет
Ранний утра холодок;
Скоро скачешь ты, — и в срок
На почтовый двор поспеет
Мой деятельный ездок!

О! когда на жизнь иную
Променяешь ты, поэт,

Эту порчу юных лет,
Эту сволочь деловую
Прозаических сует?
Бога нашего тут нет!
Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свет!

1835

260. МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающем огне,
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее.
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежной,
И ясность мысли на челе!
И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых,

И дочерей благочестивых,
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса,
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасной
Живая господу хвала!

261. П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать: каков теперешний мой день?
Попрежнему ль его одолевает лень,
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?

Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, ветреной, хмельной и быстролетной.
Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина

И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес,
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей!
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся, о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,
Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое,
Элегию, сонет, — а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые; — да что в них?
Солнце лета,
Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, нетяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она
Цветет, гордится им, им дышет, им полна;

Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,
Таков, как должен быть, он весь душой и телом,
И ростом, и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцыре, и в том же шишаке!
Короток мой обед; нехитрых, сельских брашен,
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени,
Я просыпаюся для тех же упражнений,
Иль предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Иль спешишь в Карлсбад здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой,
Две добродетели судьбы моей простой,
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,

Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать и мыслить и мечтать,
Былые, светлые надежды пробуждать
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов.

262. К...

Вами некогда плененный,
В упоении любви,
Приносил я вам смиренно
Песни скромные мои.
Я поэт ваш неизменный,
Я доселе помню вас:
Ваши перси молодые,
Ваши кудри шелковые,
Помню прелесть ваших глаз
Черных, огненных и жгучих,
И на розовых устах
Стройность помыслов могучих
В гармонических стихах.
Вы тогда владели нами,
Пылких юношей толпой;
Вы живыми их сердцами,
Их послушною судьбой,
Словно верными рабами,
Забавляясь наобум!
Сколько вам надежд прекрасных,
Чистых, свежих, сладострастных,
Сколько смелых, гордых дум
Не-поэтом и поэтом

Посвящалось! Их тогда
Все равно холодным светом
Осыпала их звезда!
О! примите ж ненадменно
Мой теперешний привет,
Дар души уединенной,
Пережившей свой расцвет,
Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольного житья
Полюбил я мир широкой,
Где, мой ангел светлоокой,
Дева-муза вся моя.
Неземные наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будет мне спасенья
Вне его и без нее!
Мы поэты, в юны годы
Беззаботно мы живем,
Чересчур своей свободы
Упиваяся вином;
Таковы уж от природы
Все поэты. — Но куда
Нам главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной? Будь всегда
Вам хранима небесами
Эта жизни красота:
Перед вами и за вами
Все иное суета!

263. Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливой,
Два венка ты заслужил;
Знать Суворов справедливо

Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче бури истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья!
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара,
Мчал врагам, с твоей толпой

Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И, как прежде, громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

264. СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

(Дм. Ник. Свербееву)

Дай, напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?

Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивой,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,
И не влюбляться. — Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств и гром, и крик военной,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей,
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей. —
Ну, милая! гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что петь нам: силы наши не иссякли,

И право мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу; —
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь и стал
Шалить в лесах и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал,
Безлюдели торговые дороги;
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги;
Но не было в них пользы ничего:
Воотще в лесах зык рога раздавался
И лаял пес и бухало ружье;
Свирепый зверь, казалось, посмевался
Придворным ловчим, продолжал свое,
И, наконец, встревожил он ужасно
Все королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы,
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего,
И объявил: что кто вепря погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою

В замужство — королевну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира;
Улыбка слаще меда и вина,
Чело, как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И, сверх того, красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали, кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил,
И жениха ей выжидал такого
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был;
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря:
Яснеет ли, темнеет ли заря,
И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся
И хвастают и ерофеич пьют;
А нет им счастья. — Месяц гарцовали
В отъезжем поле, здесь и тут и там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам —

Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух,
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался,
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериной!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес;
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, — и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?» —
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать,
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, чтò будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград,
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул. — Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха,
И с дерева на землю соскочил,
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,
И дочь свою он выдал за него;

И молодые зажили счастливо,
Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.

Готова сказка! Весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал, и что бессмертен я.
Я совершил не шуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1836

265. П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивой
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю,
И могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый,
Это ты, когда-то, мой
Собеседник запоздалый
Там, у жизни молодой,
На приволье просвещенья!..
Ты оставил мирных муз,
И воинские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;

А потехи и прохлады
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры полные любви, —
Все, что прежде кипятило
Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,
Хороша была она:
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость,
И хвала за то судьбе!
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,
И гульливые бывало
Чтят поэта своего!..
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей,
И геройскими делами
Возростай и просветлей.

266. Е. А. БОРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум,
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
  Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забав, превратностей и смут,
Далеко в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют!

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О! будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом,
И ради наших муз, и ради дружбы нашей,
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй, — и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

267. Н. А. ЯЗЫКОВОЙ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами,
И пеной плещет в берега.
И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда, под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой

Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться,
И засыпать под трели соловья.

268

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложенную мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возглас подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит и шумит и сверкает оно:
Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета;
Чем ныне я счастлив и весел и горд,
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят:
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

269. ЖАР-ПТИЦА

Драматическая сказка

I

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЕГО МИНИСТР

(Министр держит блюдо с яблоками)

Царь Выслав

Вот яблоки, так яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды,
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет, как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них

Свои лучи. А вкус! Не то что сахар,
Иль мед, — гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо,
Из милых уст, в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(Кушает яблоко)

Поверишь ли? Что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час
Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно;
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
За то уж, как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же, — прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

М и н и с т р

Их было больше, государь!

Ц а р ь В ы с л а в

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:

Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе,
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом;
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю,
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,
В блистательных чертогах богача,
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах;
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко, и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Все-таки поймать!

Министр

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!

Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец, я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И все напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предъисторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха,
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони, и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост:
Он закипит лучами, словно солнце;
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем все это от нее ж,
И тишина, такая тишина
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

(Министр уходит)

II

ЦАРЬ ВЫСЛАВ (один)

Царь Выслав

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос! (Ходит по комнате)
Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как
Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек,
Ну человек такой, чтобы природа
Могла сказать об нем: «вот человек!» —
И глуп и мал, как мой последний раб.

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует
И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,

Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она до тла опустошит
Наш сад. Да мне царю и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад,
И яблоки ворует дорогие;
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва
Наверное разведать, чья она?
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван царевич?

Иван царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но все напрасно.

Иван царевич

Что же,
Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю, и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол, и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семячке!.. Авось,
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи, ходите
В наш царский сад, по брату каждую ночь,

Ловить ее, сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Рости, мой сын, ты будешь богатырь!

IV

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРИЙ И ВАСИЛИЙ

Димитрий царевич

Та правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула
Так и влечет и клонит человека:
Шелковый луг, весенняя прохлада
И тишина заповедного сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблонью и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь: меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал и право уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий царевич

Все это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица

Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: как нам быть, когда
Иван царевич...

Василий царевич

Ты мне странен, брат;
Куда ему! И он проспит, как мы!

Димитрий царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

V

ТЕ ЖЕ И ЦАРЬ ВЫСЛАВ

Царь Выслав

Мне право жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим что-то скажет
Иван царевич?

Димитрий царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий царевич

Да,
Оно не трудно, если прилетала...

Димитрий царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван царевич! Как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

VI

ТЕ ЖЕ И ИВАН ЦАРЕВИЧ

Иван царевич

Перо Жар-Птицы.

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли!

Иван царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван царевич

Очень просто:
Я влез на яблонь, и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился,
Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.

Вдруг вижу что-то на краю небес,
Как звездочки, заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И к яблони — и листья зашумели;
Однакож я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон;
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав (рассматривая перо)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! Знать, цельно-золотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад жар-птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,
Что ты, Димитрий... Ну, Иван царевич!
А я грешил: я думал ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(Целует Ивана царевича)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик, сделать иль ковчег

Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный! Позови (Василию)
Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

VII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ЦАРЕВИЧИ

Царь Выслав

Итак Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и все у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: все как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том, о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты, —
В бессонницу они празднолюбивы, —
Мои мечты пестрелись и кипели,
Как ярмарка — и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,
Как юноша, доверчиво и страстно:
Мне хочется, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего,
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,

Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван царевич

Не нужно мне полцарства твоего! —
А просто, так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Я это знал, друзья!
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час,
Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радошен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу
Под утренним сиянием небес,
При веяньи прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет,
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче,
Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гульливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудочниками — бойтесь!
Игорных же бесед и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите, как чумы;

Велите ваши сабли наточить,
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют 52 раза прямо в цель!
Прехитрые!.. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты «Кизляр-Агу»,
Иль «Мустафу», а ты, Василий, — «Негра»!

(Димитрий и Василий царевичи уходят)

VIII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ И ИВАН ЦАРЕВИЧ

Царь Выслав

Мой друг, Иван царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды
Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что жз им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?

А я сиди, прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.
Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний; я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;

Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где, что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать...

Иван царевич

Все это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь!
Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И дикая, неистовая хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови, ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?
Так, я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто не заметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу...

Иван царевич

Так я умру с тоски.
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней

Всегда, везде, во сне и наяву
И думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких немного в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;
А в высоте, над пышною столбницей
Заблещут в ярких, золотых лучах,
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая, бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;

Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек без умолку
И потчивать бесчисленных гостей
Обедом, яствами сахарными, медами,
Вином и пивом, вдоволь, до упаду;
А вечером — музыка роговая,
Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск, и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав (подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно,
И привезу ее тебе живую!
Царь батюшка, прощай же, я не долго...
Не стану медлить, я готов в дорогу.
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Уходит)

IX

Иван царевич (в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,

Несносно-скучен! Еду третьи сутки,
И много уже проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, в даль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой,
И забренчит опущенной уздой,
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь, повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина,
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его! (Скачет)
Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать! (Читает)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, тот будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Итти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой верный добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они.

X

Иван царевич (в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты что ли?
И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал

И громко топал бурными ногами,
Что растревожил самого тебя
И все твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк осиротил меня!

XI

(Из лесу выходит серый волк)

Серый волк

Прости меня, Иван царевич!

Иван царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван царевич.

Иван царевич

Поздно
Ты обо мне жалеешь.

Серый волк

Право жаль,
И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко непреложный.
Ты помнишь, чтó предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,

Но будь спокоен: я тебе слуга,
Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня,
И поезжай на мне, куда угодно,
Как на коне, на самом удалом.

Иван царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

XII

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись; а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их ни мало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси, а клетку золотую
Оставь, как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее
Звончатые, чувствительные струны

Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

XIII

ЦАРЬ ДОЛМАТ И СКАЗОЧНИК

(Царь Долмат лежит на кровати, перед ним на полу сидит сказочник)

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ привыкший в захолустьи жить,
Почти безкнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?
Царь был премудр и начал он сначала:
Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось недовольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольной,
Пошел узнать в далеких сторонах
Все нужное для своего народа;
И все узнал он собственным трудом,
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:

Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял
Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственно своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает,
И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!
Нет, погоди! Я слышу...
Так, звонят!
И крик и шум, неужели пожар?
Ох! я боюсь пожара, как огня!

XIV

ТЕ ЖЕ И СТРАЖА С ИВАНОМ ЦАРЕВИЧЕМ

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Все слава богу! Поймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу.

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

(Вводят Ивана царевича)

Начальник стражи.

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван царевич

Я сын царя Выслава,
Иван царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Адроновича что ли?

Иван царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твоё ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные, и яблонь

Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то
Иван царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим хоть десяток,
Ученых и бессовестных мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,
Опишут с головы до ног, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!
Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там

Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью:
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови,
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься, как с другом,
И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван царевич

Я согласен.
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь: нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван царевич!

(Иван царевич уходит)

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов, —
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил, —
Тот... подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный:
А между тем . . . .

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику)

Мне кажется тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV

ТРАКТИР. ХОЗЯЙКА И ДВОЕ ГОСТЕЙ

(Хозяйка сидит у окна за книгой)

Гости (перестают играть в карты)

Первый гость

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно,
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

Второй гость

Сегодня
Тебе несчастие: как же быть, мой друг?
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал.

Первый гость

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капля в море
В сравнении с моими векселями.

Второй гость

Вольно ж тебе играть на векселя!

Первый гость

А где мне взять наличных, если нет их!

Второй гость

Известно где: именье заложи!

Первый гость

Заложено.

Второй гость

Продай его.

Первый гость

Задаром?

Второй гость

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

Первый гость

Да чище ли?

Второй гость

Ты шутишь очень мило.

Первый гость

Я не шучу.

Второй гость

Ну, вот уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг, — ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться!
Сыграемся хоть завтра же.

Первый гость

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

Второй гость

(записывает и показывает ему книжку)

Смотри же сам. Так, кажется?

Первый гость

Так точно! (Встает)
Как я устал, и голова болит!

Второй гость

(встает и подходит к хозяйке, припевая)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой».

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый, что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет,
Всегда одета чисто, новомодно,

И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

Первый гость

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду,
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

Второй гость

Неправда!

Первый гость

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко
На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри, какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,

Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно
И поутру и вечером.

Второй гость

Он проигрался, и сердит на всех:
Не обижайся! Это не надолго!

(Входит еще гость)

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

Первый гость

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

Третий гость

Как шла у вас игра?

Первый гость

Что нового?

Третий гость

В газетах ничего.

Первый гость

А в письмах?

Третий гость

В письмах то же, что в газетах!
Однако ж есть и новость: говорят,

Что будут к нам, на этой же неделе,
И проживут у нас до белых мух,
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денег не жалеют;
А странствуют incognito: один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист и по большой!

Второй гость

А в банк?

Третий гость

Об этом я не знаю; но конечно
И в банк играют; ездят же они,
Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми попрежнему. Я слышал,
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно простудились.
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

Второй гость

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться

С своим здоровьем несколько скромнее, —
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

Третий гость (к первому, смотря на часы)

Для вас же лучше. — Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

(Димитрий и Василий царевичи входят)

Димитрий царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий царевич

Шампанского! (Садится) Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

Третий гость

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно, где гати!..

Третий гость

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий царевич

Из Дувра,
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем, — приехали и к вам.

Третий гость

Какая цель поездок ваших?

Димитрий царевич

Все,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь
Едва ли есть такие птицы: здесь
Климат холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

Третий гость

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

Второй гость

Дрозды, сороки, воробьи...

Первый гость

Грачи...

Третий гость

Тетерева и прочие простые...

(Приносят вино и бокалы)

Василий царевич (наливая)

Угодно вам шампанского?

Третий гость

Позвольте
Поздравить вас с приездом!
(К первому и второму)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

Первый и второй гости (пьют)

С приездом!

Третий гость

Вино не дурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные:

Второй гость

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

Василий царевич

Прекрасное вино!

Хозяйка

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

Третий гость

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Хозяйка

Я не знаю:
Все хороши!

Третий гость

Какое лучше всех?

Хозяйка

Ей-ей не знаю. Я не пью вина.

Третий гость

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Димитрий царевич

Подать рейнвейну!

Второй гость

И зеленых рюмок!

Димитрий царевич

Скажите мне, здесь весело живут?

Третий гость

Порядочно: умеют есть и пить:
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий царевич

Все это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

Третий гость

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя

И требовать, чтобы так скоро; впрочем
И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,
Полушампанским, ромом; три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы...

Димитрий царевич

Есть у вас театр?

Третий гость

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

(Приносят вино)

Вот рейнвейн!

(Смотрит на бутылку)

Тот самый

(Пьют)

Не правда ли, отличное вино?

Димитрий царевич

Да, хорошо, хотя и молодое!

Третий гость

К нам не доходит старое вино.

Первый гость

А молодое здесь не долговечно.

Третий гость

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Димитрий царевич

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

Третий гость

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий царевич

Говорите,
Я очень рад...

Третий гость

Вот вместе с нами, — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный, — я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок;
И хлебосол, и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц, — есть премилые, — решайтесь!
Все вас полюбят, примут, как родных.

Василий царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

Третий гость

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василий царевич

Я почти согласен.

Димитрий царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

(Димитрий царевич и Василий царевич уходят)

Третий гость

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

Первый гость

Мне они
Понравились, — особенно вот этот,
Что потчивал шампанским.

Второй гость

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

Третий гость

Как умны,
Учены, добры, милы!

Второй гость

Не жеманны:
Я полюбил их, только что они
Вошли.

Третий гость

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора,
Ведь хорошо я сделал...

Первый гость

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

Третий гость

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,
Богатые; их надобно ласкать,
Уметь ценить их.

Первый гость

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

Второй гость

Мы гостеприимны.

Третий гость

Не должно врать...

Первый гость

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

Третий гость

Нет, извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

Второй гость

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

(Димитрий царевич и Василий царевич приходят)

Третий гость (подает им шляпы)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем,
Как следует, не рано и не поздно.

(Все уходят)

XVI

СЕРЫЙ ВОЛК (один)

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила
В нем весело играет и кипит,
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить! Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван царевич

Прости меня, мой добрый серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван царевич

Я со стены спрыгнул благополучно,
Все было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды, не брать узды!» и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул: а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя, —
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи! —
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон и крик, и страшная тревога!
Меня схватили молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;
Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков, и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу.
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,

Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван царевич

Эге, ге, ге!

Серый волк

Ну, мой Иван царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену; а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство! Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом.
Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекрасною Еленой, и тебе
Отдам ее руками.

Иван царевич

Добрый волк!
А мне было хотелось самому...
Да все равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать. (**Садится верхом на волка**)
Пошел же поскорее!

XVII

ИВАН ЦАРЕВИЧ

Иван царевич (под зеленым дубом

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир;
Журчат ручьи и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем
Под сводом неба ясно-голубым!
    А что со мною будет, если волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда итти?
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малой,
Смел и проворен, служит мне охотой,
Достанет он прекрасную Елену.
Верх совершенства! Стало-быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!
Я буду волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену;

Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу,
И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

XVIII

ИВАН ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК С ЕЛЕНОЙ

Серый волк

Иван царевич, принимай руками
Прекрасную Елену, вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:
Я так незапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых, молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А впрочем, я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван царевич **(смотрит на Елену)**

Жесток ты, волк!

Серый волк

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(Смотря на нее)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых
Подробностей, оттенков и частей
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи;
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые!
Глаза у ней! Ах, мой Иван царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,
И светятся они таким огнем
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена (смотрит кругом себя)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная!.. Куда
Меня... Так точно, все это не сон,
Меня разбойники украли, я умру!..

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив ни мертв, стоит, как полоненый,
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза, и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый, серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван царевич тих и благонравен,

Застенчив даже; отвечай скорее,
Иван царевич, не робей, мой витязь!

Иван царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка! (Елена улыбается) Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

Иван царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, по-наслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем, и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвавшись с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым; но зато
Преопытным и мудрым, как Уллис.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту;
Как серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван царевич

Мне досадно;
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы
Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты
Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел

Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное
Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души,
И каждым чувством сердца вас люблю;
Все, чем живу и движусь, чем я мыслю;
Желаю, верю и надеюсь, все
Все это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье;
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменить коня?

Иван царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель,
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону: он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,
Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит
Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной, что надобно судьбо
Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,
Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван царевич

Добрый волк!
Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван царевич

Как ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак!
Ни за табун коней золотогривых;
И ни за что на свете не могу!
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван царевич (задумывается)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,
На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет)

Серый волк

Не плачь, Иван царевич!

Иван царевич

Ах, мой добрый волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

(Елена плачет)

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих, — успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван царевич,

Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену не надолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону,
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу,
И снова к вам явлюся вам служить.

XIX

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК

(В лесу)

Елена

Любезный волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им
Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев, — царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,

Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным,
И мимолетным вешним облакам,
Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня,
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила,
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердно
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В уныние, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть, — и наконец решился!
Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко,
Игрой души влюбленный через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —
И я зевнула; он заметил это,
И замолчал и потихоньку вышел,
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь
Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном,
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов

С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.
Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск!
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:
«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг
К потоку чистых вод!»

Иван царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что право уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:
«Я рад сердечно, что у вас характер

Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах,
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И все ему не впрок?

Серый волк

Все суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Чтȯ, почему и для чего; потом
Спросил меня, чтȯ более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
Молоденькие шленские барашки.
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?

Угодно ли вам завтра?» Я смутилась,
И трепетно и робко отвечала:
«Я непротивна...» Мы пришли домой,
И он тотчас отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю, — он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали: прямо в лес —
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель,
Скорее ветра прибежал ваш волк,
Попрежнему готовый вам служить.

Иван царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и верно перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляться заочно...

Иван царевич

Милый волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван царевич, я готов на все,
Тебе в угоду: буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый серый волк.

XX

ИВАН ЦАРЕВИЧ, ЕЛЕНА И СЕРЫЙ ВОЛК

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу,
И вздыбился и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал, как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался — и мигом
К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня,
И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя

Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал,
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах. Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное;*
Единственно и крепко будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цветите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.
Иван царевич, я тебе служил
Усердно! Вам, прекрасная Елена,
Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; не долги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил, —
Прости меня и позабудь о том.
А ежели я был тебе полезен

Моею службою — ах, Иван царевич,
Не поминай же лихом ты меня,
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте, и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови их, не вели им гнаться
За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван царевич, добрый мой,
Прощайте...

(Убегает)

Иван царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил, — мой верный
Слуга, какого мне уж не найти...
Я им доволен.

(Плачет)

Мы домой поедем;
Здесь недалеко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня,
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
Царь-батюшка! я вам привез Жар-Птицу
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этот конь — он златогривый конь, —
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он не дурен,
И резвоног и крепок, добрый конь!
Ах милая Елена! мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его — и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.

И что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

XXI

ИВАН ЦАРЕВИЧ УБИТЫЙ, ЕЛЕНА, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ И ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ

Димитрий царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная чудесная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?
Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий царевич (смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий царевич

А в Кунигунду?

Димитрий царевич

Неправда.

Василий царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,
Я говорил?!.. Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий царевич

Так жеребий, — пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий царевич

Пожалуй!

Василий царевич

Вот сейчас.

(Делает жеребьи)

Димитрий царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий царевич (вынимает)

Резвый мой!

Василий царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий царевич (вынимает)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий царевич

Ты помни же, Елена...

(Уезжают)

XXII

ЦАРЬ ВЫСЛАВ, ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧ, ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА

(Обедают)

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,

Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,
А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас все внове,
Все будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони,
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-Птицей, — что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван царевич?

Василий царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись?

Димитрий царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий царевич

Знать, он заехал чересчур далеко,
Иль заплутался.

Димитрий царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь! я очень удивился
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу: он дитя!
Ну мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтобы он остался утешать меня;

Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг, Иван царевич!

(Плачет)

(Елена плачет)

Димитрий царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

(Входит Иван царевич, Елена бросается ему на шею)

Елена

Иван царевич! мой Иван царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Е л е́ н а́

О́н мой жених, мой милый и сердечный,
Иван царевич. Он достал для вас
Жар-Птицу, златогривого коня,
И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

В а с и л и й   ц а р е в и ч (на коленях)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Д и м и т р и й   ц а р е в и ч

Зависть нас смутила.

Ц а р ь   В ы с л а в

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

И в а н   ц а р е в и ч

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Д и м и т р и й   и   В а с и л и й   ц а р е в и ч и

Иван царевич, добрый, милый брат!
Иван царевич! будь великодушен!

И в а н   ц а р е в и ч

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,

Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный волк, приятель мой, который
Мне чрезвычайно много услужил
В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович!»
Сказал ему мой добрый волк: «Слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым». — «Принесу»,
Сказал ему проворно старый ворон, —
И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал,
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье, и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они злодеи,
Братоубийцы!..

Василий царевич

Брат, Иван царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван царевич. Встаньте!

Димитрий царевич и Василий царевич (встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван царевич

Все забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невеста!

Елена

Ты мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий царевич и Василий царевич (с бокалами в руках)

Да здравствует Иван
Царевич и прекрасная Елена!

Иван царевич (берет бокал)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза,
Как две звезды востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!

Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
1820 Сияющий...

Иван царевич

Да здравствует Жар-Птица!

1839—1842

1839

270. ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как бывало
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я в этот день!
Русских, нас там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном
Сам стихи мои читал я,
И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали:
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жжёнкой:
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко,

От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальны,
Путешественник печальный,
Не великий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных,
Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих:
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,
С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец-Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого,
Из ведра заповедного,
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты
И поэту поднесешь ты:
Помню я: в твоем вине
Много жизни, много силы;
Но увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!

271. ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол и царство тишины —
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся. Порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица; светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух; она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни, и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

272. ЭЛЕГИЯ

Толпа ли девочек крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспешая,
Шумит по улице; иль добрый наш сосед,
Окончив чтение сегодняшних газет,
Уже глядит в окно и тихо созерцает,
Как близ него кузнец подковы подшивает

Корове, иль ослу; иль пара дюжих псов
Тележку, полную капусты иль бобов,
Тащит по мостовой, работая всей силой;
Служанка ль, красота развившаяся мило,
Склонилась над ведром, готова мыть крыльцо,
А холод между тем румянит ей лицо,
А ветреный зефир заигрывает с нею,
Теребит с плеч платок, и раскрывает шею,
Прельщенный пышностью живых лилей и роз;
Повозник ли, бичом пощелкивая, воз
Высокий, громоздкой и длинной-передлинной,
Где несколько семей под крышкою холстинной,
Разнобоярщина из многих стран и мест,
Нашли себе весьма удобный переезд,
Свой полновесный воз к гостинице подводит,
И сам почтенный Диц встречать его выходит,
И Золотой Сарай хлопочет и звонит;
Иль вдруг вся улица народом закипит:
Торжественно идет музыка боевая,
За ней гражданский полк, воинственно ступая,
В великолепии, в порядке строевом
Красуется, неся ганавский огнь и гром:
Защита вечных прав, полезное явленье;
Торопится ль в наш дом на страстное сиденье
Прелестница, франтя нарядом щегольским,
И новым зонтиком, и платьем голубым,
Та белотелая и сладостная Дора...
Взойдет ли ясная осенняя Аврора,
Или туманный день печален и сердит,
И снегом и дождем в окно мое стучит —
И что б ни делалось передо мною — муки
Одни и те ж со мной; возьму ли книгу в руки,
Берусь ли за перо, — всегда со мной тоска:
Пора же мне домой... Россия далека!
И трудно мне дышать, и сердце замирает;
Но никогда меня тоска не угнетает

Так сокрушительно, так грубо, как в тот час,
Когда вечерний луч давно уже погас,
Когда все спит, когда одни мои лишь очи
Не спят, лишенные благословений ночи.

273. КРЕЙЦНАХСКИЕ СОЛЕВАРНИ

Предо мной скалы и горы!
Тесно сковывает взоры
Высь подоблачных громад!
Вот на солнечном их скате
Жарко нежится в халате
Полосатом виноград!
Вот густая сень акаций,
Для больных мужчин и граций
Сад с целебным ручейком!
Два сарая под горами
Длинны, черны, с шатунами
С иксионским колесом!
Скучный вид! Вот где я ныне!
В щели гор, в глухой лощине,
На лекарственных водах!
Жду от них себе помоги!
Сбился я с моей дороги
Сильно, к немцам, за Крейцнах.

274. ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;

Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы-девицы —
Две певуньи, две сестрицы —
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромной
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой;
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару; он здоров
Мне в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

275. ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес чуть видном рокотал;

А он, пловец, он был далеко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн.

До разгремевшегося грома,
До бури вод, желанный брег
Увидел он, и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег.

Хвала ему! Он отплыл рано:
Когда дремали небеса,
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, — уж он готовил паруса,

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день,
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

276. К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен,
Не шелохнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Ну-те, братцы, вольно, смело!
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй
И выходит стих неёмкой,
Стих растянутый, не громкой
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитой
Наш мороз! Хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло, и горя мало;
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда!

277. ГАСТУНА

Так, вот она, моя желанная Гастуна.
Издревле славная, Gastuna tantum una,
Чудесной силою целительных ключей!
Великий Парацельс, мудрейший из врачей,
Глубокомысленный таинственник природы,
Уже исследовал живые эти воды;

Он хвалит их, и сам предписывал больным,
И вновь они цвели здоровьем молодым.
Великий человек! Хвала его не втуне:
Доныне многие находят лишь в Гастуне
Восстановление своих упадших сил.
И я из дальних стран к ее ключам спешил,
В предел подоблачный, на этот воздух горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!...

278. ИОГАННИСБЕРГ

Из гор, которыми картинный рейнский край
Гордится праведно, пленительный, как рай,
Которых имена далеко и далеко
По свету славятся, честимые высоко,
И радуют сердца, и движут разговор
На северных пирах, — одна из этих гор,
Не то, чтоб целостью громадных стен и башен
Старинных верх ее поныне был украшен,
Не то, чтоб рыцарей, гнездившихся на ней,
История была древнее и полней,
Была прекраснее воинская их слава, —
Одна из этих гор, она по Рейну справа,
Вдали от берегов, но с волн его видна,
Иванова гора, достойна почтена
Всех выше славою: на ней растет и зреет
Вино первейшее; пред тем вином бледнеет
Краса всех прочих вин, как звезды пред луной.
О! дивное вино! Струею золотой
Оно бежит в стакан, не пенно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмеляет нас и нежит, так сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старец, о делах минувших рассуждая,
Воспламеняется, как радость молодая,
Припомнив день и час, когда он пил его

В кругу друзей, порой разгула своего,
Там, там у рейнских вод, под липою зеленой...
Такая благодать, что внук его ученой
Желал бы на свои студентские пиры,
Хоть изредка, вина с Ивановой горы.

279. ГРАФУ В. А. СОЛЛОГУБУ

Тебя — ты мне родня по месту воспитанья
    Моих стихов, моей судьбы,
По летам юности, годины процветанья
    Работ ученых и гульбы,
Студентских праздников, студентских песнопений
    И романтических одежд,
Годины светлых дум, веселых вдохновений,
    Желаний гордых и надежд,
Ты, добрый молодец, себя не погубивший
    В столице, на бою сует,
Свободною душой, почтенно сохранивший
    И жар, и доблесть юных лет,
И крепкую любовь к отеческому краю,
    И громозвучный наш язык —
Тебя приветствую, тебя благословляю,
    Тебя, счастливый ученик
Той жизни сладостной, которую стихами,
    Я горячо провозглашал,
Пленявшийся ее блестящими дарами
    И лестью дружеских похвал;
Приветствую тебя, под знаменем Камены,
    На много, много славных дел!
Люби ее всегда, не жди от ней измены,
    Ее любовью тверд и смел!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
    Не верь ни браням, ни хвалам
Продажных голосов, в их споры не мешайся,
    В их непристойный крик и гам,

Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но тих и величав, проникнутый глубоко
Святыней чистого труда,
Будь сам себе судьей, суди себя сурово...
И паче всякого греха
Беги ты лени: в ней слабеют ум и слово,
Полет мечты и звон стиха;
Ты будь неутомим! Когда на Русь святую,
Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен, — тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг,
И мы, по способу певца Вильгельма Теля,
Составим славное питье
И будем бражничать и вместе полны хмеля
Помянем дерптское житье
И наши прошлые, лирические лета!
Потом, давай твоих стихов
И прозы, все читай! Я слушаю поэта,
До ночи слушать я готов
Тебя; в созданиях души твоей прекрасной
В картинах верных и живых,
В гармонии стиха с игрою мысли ясной
И вдохновениях твоих
Легко, восторженно забудусь я с тобою...
Часы летят, давно погас
Камин, давно мой пунш простыл передо мною,
И вот денница занялась!..

280. ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ

Я много претерпел и победил невзгод,
И страхов и досад, когда от Комских вод
До Средиземных вод мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горным высотам, в осенний хлад и мрак,
Местами как-нибудь, местами кое-как,
Тащили мулы нас и тощи и не рьяны;
То вредоносные миланские туманы,
И долгие дожди, которыми Турин
Тогда печалился, и грязь его долин,
Недавно выплывших из бури наводненья;
То ветер с сыростью, и скудость отопленья
В гостиницах, где блеск, и пышность, и простор,
Хрусталь, и серебро, и мрамор, и фарфор,
И стены в зеркалах, глазам большая нега!
А нет лишь прелести осеннего ночлега:
Продрогшим странникам нет милого тепла;
То пиемонтская пронзительная мгла,
И вдруг, нежданная под небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пение и сладостно подчас
Нам, людям северным: баюкавшее нас,
Нас встретила в горах, летая, распевая,
И славно по горам гуляла удалая!
Все угнетало нас. Но берег! День встает!
Италиянский день! Открытый неба свод
Лазурью, золотом и пурпурами блещет,
И море светлое колышется и плещет!

281. МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,

Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,
И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.
Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине,
Бережет скупое дно.
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. — Немного
Обитателей морских;
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой,
С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом,
Воза с два морского сору,
И один морской паук;

А тащили словно гору,
А трудились сотни рук!
Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасной
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки; бегут за ней,
И канючат, денег просят:
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

282. МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя светоносного мещет
Свой гром, раздробляющий горы: ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

283. БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день,
И в синюю бездну спустились глубоко,
И в ней улеглася тяжелая тень;

Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад;
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;

И вот свои смуглые лица нахмуря,
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

284. МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривой,
Друзья, не мало я хвалил!
Сверкало золотом, кипело пеной белой
Нас развивавшее питье,
Воспламенялось и кипело
Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
Они далеко, высоко!

Шум, песни, крик и звон в прелестный гул сливались
Студентский пир порядком шел,
И чаши об пол разбивались,
Разгульный теша произвол!

Остепеняют нас и учат нас заметно
Лета и бремя бытия:
Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
Так ныне мне уже милей
Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягкосладкое, как мед;
Милей мне тихий мир и разговор неспорной,
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно-ласкаемая чаша,
Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней все было наобум!

285. КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море,
В тот час, как с края в край на волновом просторе,
Гроза грохочет и ревет;
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

286. НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,

Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые, когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые;
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских.
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И английский милорд, их жены, дети, слуги —
Проводят мирные приморские досуги
На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда, для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

287. УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет,
И снег летит, как пух, и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют,
И у тебя тепло; а твой любимый труд, —
От скуки и тоски заступник твой надежной,
А тихая мечта, милее девы нежной,
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,

Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и один,
Стола не уставляй богатством рейнских вин,
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому;
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,
Состукнут чаши в лад, тебя наименуют,
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а может быть и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит; ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей.
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день, как быстролетный сон!

288. СЕРЖАНТ СУРМИН

(Быль)

Был у меня приятель, мой сосед,
Старик, почти семидесяти лет,
Старик (каких весьма немного ныне)
Здоровый; он давно уж заплатил
Свой долг отчизне: в гвардии служил
Еще при матушке Екатерине;
При Павле он с Суворовым ходил
Противу галлов. Мой сосед любил
Поговорить, и говорил прекрасно,
О прошлом веке, жарко, даже страстно!

Ко мне в деревню, по воскресным дням,
Он приезжал. — Не скучно было нам!
Я вообще выслушиваю жадно
Изустные преданья: в них у нас
Для будущей истории запас,
И мой сосед рассказывал так складно,
Что хоть куда! Один его рассказ
Я повторю стихами, как сумею:
Употребляя в нем прозопопею:
«Вот то-то же! Вы спорите всегда!
В наш век ничуть не хуже люди были!
И что бы вы об нем ни говорили,
А жить не трудно было нам тогда!
Согласен я, что чересчур любили
Роскошничать, и денег не щадили
Тогдашние большие господа!
Зато они гораздо проще были,
Они добрее, мягче были к нам,
Неименитым, маленьким чинам;
В наш век вельможа важный и почтенный
Был неприступен, крут между вельмож,
А с прочими был тих обыкновенно
И миловал полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ее грехов, а ради исправленья!
У нас в полку служил сержантом сын
Какого-то степного дворянина,
Саратовской губернии, Сурмин:
Я знал его: собой он был картина:
Высок и статен, боек и умен,
И не буян, и всем хорош был он;
Лишь та беда, что молодец дружился
Со всякой дрянью, не разборчив был
По этой части; только и ходил
Что на картеж, и к банку пристрастился
Он всей душой и службу позабыл!

И день и ночь, бывало, с игроками,
Как бы прирос к зеленому столу,
Растрепан, безобразен, весь в мелу,
Угрюмый, сонный, с красными глазами!
Мы думали, погибнет наш Сурмин!
А каково отцу, когда он знает,
Как сын живет и время убивает!
Еще гвардеец! Он срамит свой чин!
Однажды он, поутру, занимался
Игрою в банк, вдруг стук шагов раздался,
И шасть курьер: «Кто здесь сержант Сурмин?»
Он боек был, однако же смешался,
«Меня... я...» — «Вы? К светлейшему сейчас
Пожалуйте! Со мною же! Есть дело!»
К Потемкину? Не сон ли? Вот-те раз!
Что ж, так и быть! Сурмин поехал смело
К светлейшему. Роскошных комнат ряд
Сержант проходит; мраморные залы,
Как царские, убранствами блестят,
Полны гостей: вельможи, генералы,
В звездах и лентах, в красных, голубых,
Стоят и ждут! Сержанта мимо их
Ведет лакей учтивый и проворной,
И в кабинет. — «Сюда-с, прошу покорно,
Светлейший здесь, сюда!» Сурмин вошел
И видит: сам Потемкин на кровати
Сидит в пунцовом бархатном халате,
Пьет кофе; возле приготовлен стол
И карты. Князь, было, взглянул сурово,
Но вдруг сказал: «Ах, это ты! Здорово,
Сурмин! Ты в банк играешь?» — «Точно так,
Играю, ваша светлость, почему же
И не играть? — ответствовал смельчак, —
Мне от того на свете жить не хуже!»
«Садись! играй со мной, да не робей!»
Потемкин стал метать. Они играли

И горячо и долго; перестали,
И выиграл сержант пятьсот рублей.
Князь отдал деньги. На другой день тоже
Сурмин был позван к первому вельможе,
Играл с ним в банк, и выиграл опять,
Так и потом история тянулась;
Он рад ее хоть вечно продолжать:
Ему Фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! — Еще и то сказать:
Когда Сурмин по комнатам проходит
Из кабинета князя, как герой,
Сановники кругом его толпой:
Тот руку жмет ему, другой заводит
С ним разговор, и стал Сурмин знаком
Со знатью, стал на балы, маскерады
Он ездить; там ему все рады
И все его ласкают, он в большом
Ходу в кругу высоком; раздружился
Со сволочью, стал книги покупать,
И об чинах, о будущем мечтать,
Процвел душой, совсем переменился!
Стал ездить он в один семейный дом,
Понравился красавице, влюбился
И верно скоро будет женихом,
Она согласна!.. Целый город знает,
Что сватовство на лад уже пошло,
А между тем Потемкин продолжает
Играть с ним в банк. Однажды повезло
Светлейшему и, стал он бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить:
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другого утра, нет далеко!
Что будет, будет! Пан или пропал!
Сержант еще играет, — проиграл
Еще и много, денег не достало;
Он проиграл часы и перстень, мало!

Еще играет, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочего, и вот беднее Ира
Сурмин, увы, спустил все до гола!
Тут князь сказал: «Я больше не играю!
А ты разденься, мне отдай свой долг,
Да и ступай домой». Сурмин примолк,
Глаза потупил. Я воображаю
Его досаду, страх и стыд! Хорош
Он вылетит теперь из кабинета
Потемкина, как раз в толпу вельмож!
И что об нем молва большого света
И там, и там, везде заговорит?
Он счастье знал, и вдруг неосторожно
Все потерял! Оно, как призрак ложный,
Исчезло, сам он навсегда убит
И для чинов, и для невесты милой,
И для всего, чем сердце полно было.
Беда, беда и только! Князь сердит
И пристает и требует ужасно:
Сурмин чуть жив, так и дрожит несчастный!
Весь побледнел, и слезы в два ручья!
«Ах, ваша светлость! Ах, не будьте строги!
Помилуйте! Приходит смерть моя!
Помилуйте!» И повалился в ноги
Светлейшему. «Ну, полно же, вставай! —
Сказал Потемкин, — я твой долг забуду,
Прощу тебе, ты мне лишь слово дай,
Не браться век за карты!» — «Век не буду,
Клянусь вам, ваша светлость, никогда
Играть не буду в карты!» — Побожился,
И с той поры он бросил навсегда
Картежные беседы, он женился
Превыгодно и службу продолжал;
Украшенный чинами, орденами,
В отставку вышел. Тут он рассказал,

Уж бригадир, какими он судьбами
Исправился и человеком стал:
Он молод был: связался с подлецами
И в шайке их он вовсе бы пропал...
Отец услышал про его несчастье,
И написал письмо чрез одного
Старинного знакомца своего
К светлейшему, прося принять участье
В житье-бытье заблудшего сынка,
И князь исполнил просьбу старика!»

1840

289. НИЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,
Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

290. К. К. ПАВЛОВОЙ

Забыли вы меня! Я сам же виноват:
Где я теперь, зачем меня взяла чужбина?
Где я перебывал? Вот он Мариенбад,
Ганау, старый Диц, его тенистый сад;
Вот рейнских берегов красивая картина,
Крейцнах и черные сараи и гофрат,
Полковник, колесо, Амалия и Пина!
Вот край подоблачный! Громады гор и скал,
Чудесные мосты, роскошные дороги,
Гастуна славная, куда я так желал...
Вот Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги,

Их вечный лед и с них лиющийся кристалл,
Кричат орлы и скачут козероги,
И ветер осени качает темный лес!
Вот и Ломбардия! Веселые долины,
Румяный виноград, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденных небес!
Великолепные палаты и столбницы
Над ясным зеркалом потоков и озер!
Часовни странные, пугающие взор,
Канюки, и калек и нищих вереницы,
Ватага южных ведьм, красавицы-девицы...
Вдали концы швейцарских гор!
Вот Комо! Берега с прозрачными домами!
Вот площадь и фигляр, махающий руками!
И пристань, озеро, и в чистоте зыбей
Колеблются цвета расписанных ладей
И белых парусов играющие плески;
На площади народ гульливой и живой,
Италии народ певучий, удалой,
И деревянные тедески!
Вот пасмурный Милан с поникшей головой,
Турин и Пиемонт гористый! Вот Савона!
Отважный путь лежит над бездной, на тычке!
И вот он островок, чуть видный вдалеке,
Как облачко на крае небосклона,
Не важный на морях, но важный на реке
Времен, где он горит звездой Наполеона!
Вот Ница — вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!
О много, много стран, в мой длинный, черный год,
Я видел скучными глазами!
Скитаюсь по водам целебным, и, — увы!
Еще пью чашу вод! Горька мне эта чаша!
Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?

Когда узнаю я, что делаете вы?
Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей!

291. МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит подвижная громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумье, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет!
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода, легок и свеж, выхожу:
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, резва, удала.

292. К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
    Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
    Качали ласково меня;

Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно,
В виду почтенных берегов, —

И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины! —
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любящей стук колес, и плеск неугомонной,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихо-струйного, привольного Сызрана,
И всех и бóльших и меньших,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!

Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

293. АЛЬПИЙСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Мальбруг в поход поехал»)

Из тишины глубокой
Родимого села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Где шаткие дороги
Прилеплены к горам,
И скачут козероги
По горным крутизнам,

Где лес шумит дремучий
Высоко близ небес,
И сумрачные тучи
Цепляются за лес,

Где ярко на вершинах
Блистает вечный снег,
И вторится в долинах
Ручьев гремучий бег.

И вот она, Гастуна,
Куда стремился я,
Castuna tantum una,
Желанная моя!
Плохое новоселье,
Домов и хижин ряд..,

Над безднокю в ущелье
Они так и висят!

И, словно зверь свирепый,
Река меж них ревет,
Бегущая в вертепы
С подоблачных высот.

И шум беспрестанный,
И стон стоит в горах,
И небеса туманны,
И горы в облаках.

294. ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

СКАЧКОВ, ВЛАСЬЕВ, ХВОРОВ, ДРЯНСКОЙ, ПРОНСКОЙ

(Все навеселе в разных градусах)

Скачков

Уж пить, так пить. Держаться середины
Я не могу: оно и мудрено,
Здесь, например, когда такие вины
Нам предстоят, как вот мое вино!
Кипучее, разгульное, живое,
И светлое, и светло-золотое!
Люблю его и пью его давно,
Как верный друг, ему не изменяя
С младенчества. Ах, юность удалая!
Друзья мои, зачем она прошла!
А хороша, как хороша была!
Пора надежд, восторгов и желаний!..
Да, господа, хочу я предложить
Один закон для наших заседаний —
Закон равенства: поровну всем пить,

Чтоб не было различных состояний
В кругу друзей, и были б все равно...
Согласны вы?

(Пьет)

Прекрасное вино!

Хворов

Согласны.

Дрянской

Я согласен, утверждаю,
Закон премудрый!

Скачков

Я провозглашаю
Торжественно, теперь же укрепим
И навсегда...

Пронской

Нет, нет, мы не хотим,
Мы отрицаем.

Власьев

Думаем иначе;
Я докажу, что этакой закон,
Закон равенства вреден и смешон,
Всегда, везде, в кругу друзей тем паче.
Где всякой дома, всякому должно
Быть весело.

Дрянской

И всякой пей свободно,
Как, и когда, и что ему угодно:
Вот наш закон!

Скачков (пьет вино)

Вкуснейшее вино!
Я им доволен: утешений много

В нем нахожу, им освежаюсь я.
Друзья мои! идя земной дорогой,
Мы охаем под ношей бытия,
Мы устаем, трудяся до упаду;
Так нам ей-ей отрадно иногда
Освободить плеча из-под труда
Жестокого, прилечь под тень, в прохладу,
И скушать две-три кисти винограду!

Хворов

Ты говоришь, Скачков, как бы поэт...
Мысль не нова, а выражена мило.

Скачков

Я не поэт, однако ж время было,
Я писывал то песню, то сонет
Красавице; я предавался мрачно
Своей любви, и гордо воспевал
Тоску, луну и все...

Хворов

Ты подражал...

Скачков

Кому это?

Хворов

И подражал удачно
Кубенскому, который в свой черед
Сам подражал, сам корчил он Виктора
Гюго.

Скачков

Ты прав. Я избегаю спора:
Вы, критики, несноснейший народ!
А впрочем, как бы вы ни рассуждали,
Кубенской был решительно поэт,

Каких еще немного мы видали:
Умен, учен и двадцати трех лет,
Он понял жизнь, на мир глядел глубоко.
Великое и доброе постиг,
Трудолюбив, прочел он груды книг,
Знал языки; стоял бы он высоко
В словесности. Ах, братцы, жаль его!
Нежданная, ужасная утрата!
Мы все его любили так, как брата,
Как гения, поэта своего!
И вдруг он умер. Помню очень ясно,
Как вместе мы встречали новый год,
Все вместе у Кубенского. Прекрасной
Тогда был пир! И новый настает,
А лучший друг к своим уж не придет!

Хворов

Прилично бы в его поминовенье
Всем по стакану. Выпьем же, друзья!

(Пьют)

Скачков

Кубенской был нам честь и прославленье,
Роскошный цвет привольного житья,
Он сочетал в себе познанье света
С ученостью, свободу юных дней
И верный взгляд на жизнь и на людей
С веселостью и пылкостью поэта!
Был чист душой, да встретит радость там...
Хвала ему и мир его костям!

(Встают и чокаются)

Власьев

Чтобы у нас об нем воспоминанье
Хранилось свято, сладостное нам!

Дрянской

И каждый год такое ж возлиянье
Свершать по нем

Хворов

И чаще я готов.

Дрянской

Как молод был и был всегда здоров,
И вдруг он умер!

Хворов

Бренное созданье!
Каков бы ни был человек, наш брат!

Дрянской

И то сказать, он сам же виноват:
Он странен был, зачем он не жил с нами,
У нас, в Москве? Погнался за чинами,
Переменил род жизни и климат,
Стал день и ночь работать через силу
И заболел, взял отпуск, и скорей
В тамбовскую деревню, там в могилу,
При помощи уездных лекарей.

Хворов

Не помню, кто... нет, помню, точно, Тленской
Мне сказывал, что он письмо читал
И шесть стихов, которые Кубенской
Перед своею смертью написал
Какой-то тетке...

Власьев

Я прошедшим летом
Не раз ему говаривал: зачем
Москву и нас бросаешь ты совсем?

Останься здесь, займись своим предметом;
Перед тобой великий мир души;
Работай в нем на воле, будь поэтом
Возвышенным и драму напиши!
Он пренебрег тогда моим советом;
Он был упрям.

Дрянской

Он Гегеля не знал
И не любил Кузеня...

Скачков

А читал.

Хворов

И вообще был чрезвычайно странен,
Хотел служить...

Скачков

Да, службу знаю я!
Легко сказать. Послушайте, друзья!
Послушай, Пронской, что ты так туманен?
Нахмурился, в себя препогружен,
Исполнен думы, будто сочиняешь
Закон природы... Кстати б ей закон
На новый год. Нет, знаю, ты мечтаешь
Об Олиньке Варлянской...

Пронской

Все ты знаешь!
И вот ошибся, вовсе не об ней;
И что тебе? Ведь ты не понимаешь
Ее достоинств.

Скачков

Мрак в душе моей:
Звезда любви когда-то мне светила,

Твоя звезда, но только что манила,
И вот не к ней летят мои мечты!

Пронской

Так и должны...

Скачков

О чем же думал ты?
О чем-нибудь общественном и важном?
Скажи, о чем?

Пронской

Я думал... как в наш век
Усовершился, вырос человек,
В своем быту, в развитии отважном
Своих идей, какую бездну сил
Природы он себе поработил!
И как легко и верно правит ими
Теперь уже, а что еще вперед,
Что сделает он силами такими,
Когда им даст повсюдный, полный ход?
Лет через сто, какой переворот!
Гражданственность, науки, все пойдет,
Когда везде железные дороги...

Скачков

Везде они, о милосерды боги!..
А знаешь ли ты, Пронской, что твоя
Звезда, любовь и радость бытия
Прекрасная, прочь от тебя склонила
Свое лицо, весь жар лучей своих
К другому...

Власьев

Как, ужели изменила?

Скачков

Почти что так: у ней уж есть жених.

Пронской

Вот вздор! Когда?..

Скачков

А в эти две недели,
Которые так мимо пролетели
В твоей тиши, в сидении твоем
За книгами и письменным столом,
В живительных, несуетных беседах
С главнейшими светилами времен.

Хворов

Я слышал сам.

Дрянской

Везде на всех обедах
Уж говорят...

Хворов

Жених в нее влюблен
До бешенства.

Дрянской

Вчера мы поздравляли
Варлянскую. Какие серьги, шали
Он ей дарит!

Власьев

А кто ее жених?

Скачков

Он молодец, проворнее других,
Известный, преизвестный Загорецкий.

Власьев

Вот чудеса! Нашла же за кого...

Хворов

А почему ж не выдти за него?
Он человек богатый, прямо светский,
Чиновный, умный, вовсе ей под стать.

Власьев

Другая бы...

Хворов

Как эдак рассуждать!
Согласен я, другая бы, конечно...
Да в наши дни смешно любить беспечно;
Везде расчет.

Дрянской

А может быть и вкус;
Простительно...

Пронской

Я, право, не сержусь,
А грустно мне? Я предался сердечно,
Я предался вполне моей любви;
Чистейшие желания мои
Сливались в ней. Мои труды, заботы,
Мои печали, радости и сны
И смелых дум свободные полеты,
Все были ей одной посвящены!
А мир мечты светлее, выше, краше,
Отраднее существенности нашей!
Чудесный мир, он мне знаком, друзья!
В него меня, как в небо, уносила
Моей любви таинственная сила,
И где же он? И нет его! Где я?

Кругом меня опять и мрак и холод
Земных сует, опять я праха сын!
Куда иду? Несчастлив и один...

Хворов

Не плачь, мой друг.

Скачков

Ах, братец, как ты молод
Вот на и пей! Тоска твоя пройдет.
Поверь ты мне, в вине такая ж сила,
Как и в любви; оно ей антидот.
Я сам любил, мне также изменила
Волшебница, и не твоей чета,
И не в Москве, и чудо красота,
И немочка, в Германии, на Рейне,
Эмилия; я так же пылок был
И тосковал, но скоро утопил
Огонь любви на месте же, в рейнвейне,
И весел стал, как прежде: вот любовь!

Дрянской

Кубенской прав:
«Не знаю, что любовь?
Стакан вина, иль дым священный?
Души припадок вдохновенный,
Иль разыгравшаяся кровь?»

Хворов

Не унывай, садись за книги смело,
Пересмотри Гиббона своего:
Ты сделаешь полезнейшее дело,
Ты мастерски переведешь его.

Дрянской

На что Гиббон? Вот есть над чем трудиться!
Он устарел, прошла его пора...

Власьев

Советую покрепче углубиться
В историю России до Петра,
И наконец решить вопрос великой.

Скачков

Который окончательно решен.

Власьев

Не для меня.

Скачков

Ах, Власьев, ты умен,
И все читал, а судишь слишком дико.
Пора же нам оставить нашу старь,
Как ветхий, давнолетний календарь,
И перестать напрасно шевыряться
В родной пыли; пора итти вперед
И нам.

Дрянской

Нет, за Европой гнаться
Нам тяжело; мы не такой народ...

Скачков

Прикажешь нам сидеть, сложивши руки,
Бессмысленно и мертво ко всему,
Чтó движет всех, чтó делают науки
И там и там. Нет, мы по-твоему
Давно уже погибли бы со скуки.

Власьев

А согласись, что пища есть уму
Прекрасная, питательная пища,
Уединяться от живых людей
В священный мрак давно минувших дней,
На тихие смиренные кладбища
Исчезнувших народов и царей!
Ум творческой способностью своей
Влагает жизнь в могилы молчаливы,
И перед ним они красноречивы,
И перед ним века, за рядом ряд,
Встают, идут и внятно говорят;
Как наяву он видит их и слышит,
Он судит их и величаво пишет
Свой суд в урок позднейшим временам.

Хворов

И я люблю и занимался сам
Историей, особенно Нибуром;
Я начинал его переводить.

Пронской

Мне кажется, что можно бы сравнить
Великого историка с авгуром:
Историк также должен уходить
От шума и приличий современных
На светлый луг холмов уединенных,
Чтоб наблюдать с свободных их высот
Судьбу веков, их вещий крик и лет...

Скачков

Ну, полно, брат, я не терплю сравнений!

Дрянской

За что это?

Скачков

Не трудно их набрать.

Хворов

Сравнения до ложных заключений
Доводят нас, и странно б основать
На них науку, или вывод целый.

Дрянской

В поэзии...

Хворов

Тогда другое дело:
Там место им, они там хороши.

Дрянской

Как, например, сравнение души
С огнем лампады...

Хворов

Или жизни нашей
С несвязным сном...

Скачков

А молодости с чашей
Вина. Друзья! Давайте ж пить вино,

(Пьет)

Пока еще так чисто и прекрасно
Кипит, блестит и пенится оно!

Власьев (смотрит в окно)

Луна взошла и сыплет свет свой ясной
На белый снег! Серебряная ночь!
Вы помните: такая же точь-в-точь
(Задумывается)
Она была, когда мы любовались
На вид Кремля, Кубенской с нами был...

Дрянской

И на своих пегасах...

Власьев

Говорил
Торжественно; мы долго восхищались
Величием и славою Кремля!
И где поэт? Его взяла земля
И не отдаст...

Скачков

Скажи ты мне, мой милой,
Ты, Пронской, полно! Ты опять уныло
Задумался, скажи свой приговор:
Ведь ты читал ту книгу? Мир явлений
Из-за могилы, право, сущий вздор!

Дрянской

Однакоже, друзья, и до сих пор
Не решено...

Пронской

Об этом много мнений:
Защитники таких духовидений
Зашли уже чрезмерно далеко,
Предположив решительно возможность...

Дрянской

А для ума почти равно легко

Доказывать неложность их и ложность,
Не испытав на деле.

Хворов

Так, ты прав,
Весьма легко, когда не испытав...
Я думаю: обман воображенья...
Иль выдумка, ведь Кернер сам поэт.

Скачков

Невежество иль сумасшедший бред.

Дрянской

Но ежели достойный уваженья,
И всем известный человек с умом,
Правдивости и честности примерной,
Как дядя мой, и человек притом
Ученый и ничуть не суеверной,
Сам Тимофей Петрович Волховской...

Хворов

Все пустяки!

Пронской

Так что же дядя твой?

Власьев

Послушаем.

Скачков

Пожалуйста недолго.
Рассказывай! Пора нам новый год
Встречать, не то не встреченный придет...

(Смотрит на часы)

Одиннадцать.

Дрянской

Мой дядя жил за Волгой,
В деревне; был он вообще любим
Соседями, особенно ж с одним
Ближайшим всех, с майором отставным,
С Курковым был он дружен. Сам почтенный
Майор был очень стар и домосед,
Так дядя мой езжал, обыкновенно
По вечерам, к нему играть в пикет;
Они всегда садились в кабинете
Куркова, где висел большой портрет
Хозяина. Майор был на портрете
И в орденах, и в пуклях, и с косой,
И так похож, так дяде полюбился,
Что наконец он выпросить решился
Его себе в подарок. «Нет друг мой, —
Сказал майор, — нельзя. Помилуй, что ты?
Такой портрет прекраснейший! Работы
Левицкого, тебе какая стать,
Сам посуди, картина дорогая!»
— «Так дай же мне его хоть срисовать», —
Сказал мой дядя. «Это речь другая!
Возьми, срисуй; однакож уговор,
Чтоб мой портрет через полгода снова
Был дома!» Дядя взял портрет Куркова,
И у себя повесил; а майор
Чрез три дни умер, и его картина
Осталась дяде, другу на помин.
И быть бы так, да сделалась причина!
Раз дядя мой был дома и один:
Была уж ночь; лакеи спать ложились,
А он сидел за книгой... Слышит: вдруг
По комнате пронесся шум и стук
Шагов, идут, и двери отворились!
Вошел Курков, к стене приставил стул,

Портрет достал, со всех сторон обдул.
Под мышку взял и с ним проворно вышел.
Не струсил дядя: тут же он вскричал
Людей и дворню, дом весь обыскал:
Нигде никто не видел и не слышал,
Кто взял портрет, и как пропасть он мог?
Тут вспомнили, что в эту ночь был срок
Послать портрет, по силе уговора,
В майорский дом. Мой дядя ездил сам
В село Куркова, в кабинет майора
Вошел: портрет покойника был там
На прежнем месте. Я вас уверяю...
Не верю сам, а дядя...

Скачков

Знаю, знаю,
И сам могу... Пожалуй и у нас
В семье хранится этакой рассказ,
Еще от деда, также достоверный...

Хворов

Мы слушаем.

Скачков

У бабушки моей
Был человек, слуга ее, лакей,
Старик Мирон; слуга он был примерный,
Любил мести полы, и мел он их всегда
Так смирно, тихо мел, что господа,
Весьма остро, за то его прозвали
Мироном тихим. Умер он. Так что ж!
Теперь таких усердных не найдешь:
Ленивее и хуже люди стали!
В полночный час, Мирон и мертвецом
Ходил мести полы в господский дом

И мел, как прежде. Многие видали
И много раз, и дед мой видел сам,
И бабушка ходила со свечами
В гостиную и наблюдала там,
Как по полу пыль ехала рядами
К дверям сама, а щетки не видать!
Вот вам, друзья, извольте рассуждать!

Хворов

Все это вздор.

Скачков

А я божиться буду,
Что дед не лгал.

Власьев

Я никакому чуду
Не верю.

Скачков (садится за стол)

Братцы, новый год встречать
Пора! Друзья, садитесь, начинаю
Желания... Да слушайте ж, друзья,
Садитесь все. Во-первых, я желаю,
Начну с себя — себе желаю я,
Чтоб я, Скачков, побольше занимался
Делами службы; чтоб любил труды
Полезные; чтоб реже я влюблялся
И реже бы в Армидины сады
Ходил ловить обманчивые взгляды
Сирен; вперед чтоб не был я сердит,
Когда моим товарищам награды,
Места, кресты, и все так и летит;
Чтоб я сидел за важною работой,
А не вертелся в мелочных чинах.
Теперь, мои друзья...

(Слышен скрип саней)

Власьев

Подъехал кто-то
К крыльцу... нет, нет...

Хворов

На пегих лошадях.

Скачков

Да слушайте ж! Теперь, друзья, желаю,
Тебе, мой милый Пронской...

Власьев

Нет, сюда
Приехал кто-то.

Скачков

Сядьте, господа,
И слушайте меня, я продолжаю:
Тебе, мой Пронской, на твоем веку
Довольно ты любовных треволнений
Препобедил, тебя твой добрый гений...

(Входит Кубенской и обращается к Хворову)

Хворов

Ах, батюшки! **(Вылетая в дверь)** Артемий, табаку!

Кубенской

Здорово, Пронской! Вот и я с друзьями
Опять...

(Все от него отворачиваются в испуге)

Друзья, Скачков!

Скачков

Поди ты! Нет, не я...

Кубенской

Что это вы?.. что делается с вами?
Помилуйте, послушайте, друзья!

Хворов (вбегает)

Кубенской жив, он жив!

Кубенской

Смотрите сами,
Вот я, Кубенской, тот же...

Власьев

Здравствуй, друг!

Пронской

Ты не сердись, Кубенской: нам сказали,
Что умер ты, так мы не полагали...

Дрянской

Вольно ж пугать нас. Этакой испуг!

Хворов

Все думали... а ты явился вдруг,
Все думали...

Кубенской

Я болен был опасно,
Отчаянно...

Дрянской

Да можно бы дать знать...

Кубенской

Был при смерти, однакож умирать
Не умер.

Власьев (обнимает его)

Друг, ты поступил прекрасно!

Кубенской

Я к вам спешил, и вот всего-то с час,
Как я в Москве. Я приглашаю вас,
Друзья, ко мне: мы встретим, как бывало,
Студенчески и этот новый год,
Разгульно, шумно!

Дрянской

Звонко, разудало!

Хворов

Как следует.

Кубенской

Веселый пир пойдет,
Как прошлый раз.

Власьев

И даже веселее
У мертвеца...

Кубенской

Поедем же скорее!
Пора, друзья!

Власьев

Поедем и пойдем.

Дрянской

Подумаешь, вот слухи...

Хворов

Что ж такое!
Не мы...

Кубенской

В Москве прибавят вечно втрое!

Власьев

Какая ночь!

Пронской

Идем же...

Скачков

И поем:
Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus...

(Все подтягивают)

1841

295. СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

(Комната в трактире)

I

Власьев

Войди! Ах! Здравствуй...

Скачков

Здравствуй, брат!

Власьев

Откуда и куда ты?

Скачков

Возвращаюсь
Из дальних стран в Россию.

Власьев

Как я рад
Тебе! Садись!

Скачков

Давно уж я толкаюсь

Меж немцами; пора мне ко своим,
В отечество: отечественный дым...
А ты, здоров? Не так ли?

Власьев

Поправляюсь...
Я хоть куда!

Скачков

Карлсбад тебе помог:
Чудесный ключ!

Власьев

Я им весьма доволен.

Скачков

И есть за что: ты словно не был болен,
Стал молодцом, от головы до ног
Включительно, ты потолстел прекрасно,
Свеж и румян. Ты явишься домой,
Мил и любезен телом и душой.
А между тем ты ездил не напрасно
И для ума, ты бросил высший взгляд
На разные предметы, освежился
От жизни вялой, сонной, прокатился
В Германию. И знаешь ли что, брат?
Женись-ка ты. Покинь свой быт келейной,
Бесплодные работы и мечты
Студентских лет, да смело в мир семейной,
В объятия любви и красоты!
Ты верно счастлив будешь; мне, как другу,
Поверь ты: одинокое житье
Не хорошо, особенно твое
Сидячее, найди себе подругу
Хариту.

Власьев

Я от этого не прочь
И был бы рад...

Скачков

Давно ты здесь?

Власьев

Недавно,
Однакож я все осмотрел исправно:
Мадонну и Корреджиеву Ночь,
Зеленый свод, — все видел.

Скачков

И отсюда
Назад, в Москву?

Власьев

Конечно.

Скачков

И когда?

Власьев

Не знаю сам.

Скачков

Кто ж знает?

Власьев

Да, покуда
Еще никто.

Скачков

Так у тебя всегда,
Да, нет! Скорей в Москву, и я с тобою:
Мы едем вместе, едем и скорей!
Мне срок уже, мы завтра же...

Власьев

Ей, ей,
Я не могу, готов бы всей душою:
Я должен здесь остаться, а потом
И зимовать, быть может.

Скачков

Я, брат, знаю
Тебя: ой, ой! тяжел ты на подъем,
А впрочем я надежды не теряю
Сегодня же тебя уговорить...

Власьев

Здесь у меня есть дело...

Скачков

А какое?
Могу ли знать? И полно: все пустое!
Уж не любовь ли? Ты готов любить...
Ты крайне мягок сердцем.

Власьев

Так и быть:
Тебе открою тайну...

Скачков

Обещаюсь
Хранить ее, и будь уверен, брат,
Что можешь смело...

Власьев

Здесь я дожидаюсь:
Вот видишь ты, любезнейший, хотят
Женить меня.

Скачков

И женят непременно,
И сделают весьма умно, и я
Советую...

Власьев

Хотят женить меня;
И тетки, — так у нас обыкновенно, —
Племяннику на всем лице земли
Невесту ищут.

Скачков

И уже нашли
Любезную, богато-молодую,
Красавицу?

Власьев

Уж верно, не дурную!
Так дело в том, что здесь теперь я жду
Приезда Кемских: познакомлюсь с ними
И сближуся, и ежели найду
Одну из них, согласную с моими
Надеждами: то дело поведу
Скорей к концу; имею повеленье
Особенно принять в соображенье
Зизи, — меньшую; впрочем выбирать
Могу и сам! Как будущее знать?
Быть может, мне судьба определила
Ее; они здесь будут зимовать.
Вот почему, вот, милый мой, в чем сила!

Скачков

Однакоже зима уж настает,
А Кемских нет; пошли снега, морозы:
Пора б на место...

Власьев

Северные розы
Не очень хлипки: место не уйдет.
Признаться, брат, и тайное влеченье
К ним есть во мне, мое воображенье
Уже кипит желанием любви.

Скачков

Кипение похвальное, благое.
Влюбись, мой друг: прекрасное земное
Чарует жизнь, лови его, лови...
Носи в груди тот пламень благородный,
Которым вспыхнешь; береги его
Сохранно, свято, как залог того
Небесного... Итак, судьбе угодно,
Чтобы в Москву скакал я одинок.
Путь холоден, и грязен, и далек
Мне предлежит: помчусь нетерпеливо
И ночь и день, и этак доберусь...

Власьев

А я когда-то на святую Русь!

Скачков

Еще успеешь, — ты теперь счастливо
Останешься, желанное найдешь,
И верно славно зиму проведешь
В мечтах любви, в магическом тумане,
В восторге чувств! (Смотрит в окно)

Какой прекрасный вид!
Трактир хорош?

Власьев

Зато битком набит,
Зато его и любят англичане.

Скачков

Почтеннейший, единственный народ.
Особенно, когда их знаешь дома,
У них — как там все хорошо идет!
Все крепко, стройно, дельно, все цветет!
Я в Лондоне жил долго, мне знакома
Великая владычица морей.
Ах, брат, не нам и говорить об ней!
Ты знаешь ли? Ведь я было пустился
В Америку — мне кстати бы и там
Уж побывать; да просто поленился;
Притом же путь по скачущим волнам,
По океану, я и не решился;
И то сказать: ведь я тогда спешил
На Рейн, его видами насладиться,
Как водится; полазить по горам,
По древним башням, каменным тычкам!
Все это мило! Тут же прокатиться
Хотелось мне по вольным городам:
Хотелось видеть, что такое там?
За то теперь я знаю совершенно
Как добрый немец, рейнские края,
И если б не родные и друзья,
Я жить бы там остался непременно
По крайней мере на десяток лет.
Да, Рейн река! У нас подобной нет.

Власьев

Ты говоришь, как будто бы ты знаешь
Россию...

Скачков

Ты меня не понимаешь.
Я думаю, что нет реки у нас
Классической, хоть матушка Россия
И велика: у нас места другие!
Я помню, я приехал в первый раз
На Рейн; была уж ночь; остановился
Я в домике на самом берегу,
Я ехал долго, очень утомился,
Лег спать; ну не могу, да не могу
Заснуть, всю ночь я безо сна пробился,
Я был взволнован, голова моя
Так и горела; мысль, что вот и я,
И я на Рейне! — эта мысль глубоко
Во мне кипела и заря взошла,
Торжественно-спокойна и светла;
Гляжу в окно: сверкает Рейн широкой
В картинных и веселых берегах;
За Рейном горы в утренних лучах
И там, и там, далеко и высоко,
Старинны башни, замки на горах,
Развалины и прах красноречивый!

Власьев

А ты до них охотник?

Скачков

Не совсем:
Не ревностный, как человек ленивый,
Обозреватель, занятый не тем,
Что он обозревает, — хоть иные
Развалины люблю я, но большие,
Изящные, каких не может быть
Там...

Власьев

На тебя не шутка угодить:
Ты был везде..

Скачков

И вправду! Кто подобно
Мне странствовал и видел все подробно,
Кто видел Рим, и Тибр, и Колизей,
Венецию, Неаполь, кто два года
Таскался по Италии по всей,
Тому вся эта рейнская природа,
Все эти горы, замки, острова
С каштанами и липками, все мало,
Безвкусно, пошло, дико, трын-трава!

Власьев

А почему же?

Скачков

Да! Им не достало
Той сладости, той неги, так сказать,
Той мягкости, которые понять,
Почувствовать заочно, иль словами
Изобразить решительно нельзя.
Италия, вот сторона, моя
Любимая, богатая следами
Великого былого, чудесами
Изящного, веселье и краса
Земли. И что, брат, там за небеса,
Прозрачные и темно-голубые,
И облака румяно-золотые,
Летучие и тонкие... Как жаль,
Что от Москвы до Рима эта даль
Чертовская! Не то бы можно было
Нам ежегодно уезжать туда
От наших зим и жизни преунылой.

Однакоже ты не поверишь, милой,
Что даже там я тосковал всегда
По родине, и сам не понимаю,
Как это, от чего бы? Полагаю:
От слишком частой перемены мест,
Да от езды без дела и без цели,
И я ж таков, что все мне надоест
И скоро! Так-то мне и надоели,
Во-первых, пресловутая страна
Премудрости, науки, вся сполна:
Старинная и новая, пивная
И винная, такая и сякая;
Потом и сам туманный Альбион,
Потом Париж, хотя его соблазны
Невыразимо как разнообразны!
Италия и южный небосклон,
И все картины сладостного юга, —
Все не по мне, все это не мое!
Хочу к себе, мне только там житье,
Хочу туда, где завывает вьюга,
Стучит мороз; пора и мне пожить
Порядочно́, и было б бестолково.
Грешно весь век в чужбине погостить,
Где для меня уже ничто не ново.
Теперь в Москву покуда. — А весной
Пореселюсь в деревню — на покой.
На волю и простор уединенья!
Из толкотни мирской и треволненья
В родную глушь, там крепко углублюсь
В свои дела, привыкну постепенно
Любить хозяйство, сельские труды.
Ах, братец! плуг, взрывающий бразды,
Полезнее меча...

Власьев

О, несравненно!

Скачков

Так еду. Что ж прикажешь ты в Москву
Твоим друзьям?

Власьев

Поклоны, рукожаться!
Скажи, что я не праздно здесь живу,
Что у меня есть разные занятья
Ученые, что скоро возвращусь
Домой; скажи друзьям, что я сержусь
На них за то, что пренесносно мало
В них письменной деятельности.

Скачков

Да,
Я тоже думал, говорил всегда.
Вот например хоть Пронской, славной малой,
Душой, умом, возвышенный поэт,
А проку в нем большого также нет!
Его таланта верно бы достало
На важный исторический предмет,
На драмы, на большие сочиненья!
А что же он? Два-три стихотворенья
Коротеньких Парнасу подарит,
И целый год потом живет их славой,
Покоясь так почтенно-величаво,
Как будто львом немейским он покрыт!
Да, я с тобой согласен совершенно:
У нас талант всегда весьма ленив
И много спит.

Власьев

И видеть предосадно,
Как сам себя он губит беспощадно
Бездействием, хотя самолюбив.

(Слышен звонок)

Скачков

Звонят к обеду?

Власьев

Да.

Скачков

Я рад сердечно:
Я голоден порядком.

Власьев

Мы пойдем
За общий стол.

Скачков

Хорош он здесь?

Власьев

Конечно,
Прекрасный и с прекраснейшим вином.

Скачков

А то немецкий стол бесчеловечно
Безвкусен. Я известный гастроном.

(Уходят)

II

Скачков

О! нет, мой друг, любовь моя была
Не высока, телесная, земная,
И вдаль увлечь меня бы не могла,
Мне только что приятно оживляя
Вечерние прогулки, и прошла

Она, как сон, игра воображенья!
А я весьма доволен этим сном,
И лучшего иного развлеченья
В тогдашнем положении моем
Я не нашел бы; лето жарко было,
И, как нарочно, в окнах у меня
Стояло солнце половину дня
После обеда, и меня палило
Неумолимо; вечера я ждал,
Как радости или свиданья с милой,
И чуть лишь вечер, я уж покидал
Свое жилье, летел вкушать прохладу
В соседний сад, тем паче, что она
С красавицей была сопряжена;
И находил я верную отраду
В тени дерев, в дыхании любви.
Так прожил я спокойно, беззаботно
Два месяца, потом дела мои...

Власьев

Ты будешь пить шампанское?

Скачков

Охотно,

А ты?

Власьев

Нет, я не пью.

Скачков

И, полно, братец, пей!

Власьев

Запрещено.

Скачков

Боишься лекарей?
Поверь ты мне, я это лучше знаю,
Шампанское здоровью не вредит:
Я пью его давно и выпиваю
Помногу, что же у меня болит?
Мне подражай. (Пьет) Почтеннейший, желаю
Тебе, мой друг, чтобы всегда вперед
Ты был далек от горькой чаши вод,
Как я теперь, и пил бы безопасно
Вино, как я.

Власьев

Вино к водам ведет!

Скачков

О нет! Да впрочем на водах прекрасно
Проводят время: там больной народ
Не унывает, лечится гуляя;
Там царствует свобода золотая;
Все запросто, все вместе, все равны:
Там самые высокие чины
Пред малыми чинами не спесивы,
Напротив, тихи, ласковы, игривы
Со всеми, там все пить осуждены
Одну волну, — людей нужда смиряет!
Подобная история бывает
И у зверей: ты знаешь, милый мой,
Что точно так в невыносимый зной
И барс и тигр смиренны, как ягнята,
И с кроткими зверьми за панибрата
На зелени прохладных луговин
Аравии!

Власьев

Как тонко изощряет
Вино твой ум!

Скачков

Оно лишь возбуждает
Его; и так я буду пить один,
И не спеша. Я чашу наслажденья
По капле пью, как Батюшков велит
Весьма умно; ведь он почти забыт,
А я люблю его стихотворенья:
Прекрасны, нежны, пламенны они,
В них сладость меда, благовонье розы
И жар любви; конечно, в наши дни
Иначе пишут, нынче время прозы,
. . . . Проперций и Парни
Из моды вышли, милые созданья!
Желаю я, чтобы твои желанья
Исполнились! Узнай ее, влюбись
В нее, зачем тебе терять напрасно
Дни юности? Немедленно женись,
Ах, что же я, да это ведь ужасно!
Какой же я рассеянный! Едва
Не позабыл: что, братец, какова
Та с пышными, летучими кудрями,
Что за столом, как раз против тебя...

Власьев

Мила!

Скачков

Мила? А я так вне себя
От этих глаз под черными бровями
И длиннотенными ресницами...

Власьев

И взгляд
У ней, как радость.

С к а ч к о в

Ясность молодая
В лице, улыбке.

В л а с ь е в

Целый мир отрад
Пленительных.

С к а ч к о в

Прелестный ангел рая,
Цвет совершенства.

В л а с ь е в

Впрочем и другая,
Ее соседка, очень не дурна
И на нее похожа, знать меньшая
Сестра ее.

С к а ч к о в

Жаль, что она бледна,
Как снег, и смотрит как-то вяло,
Не ласково, бессмысленно, в ней мало
Огня и жизни, это не по мне,
Не хорошо!

В л а с ь е в

Но если бы прибавить
Румянец к этой чистой белизне
Ее лица?..

С к а ч к о в

Да кое-что поправить
В ее лице; кроме того у ней
Ни пышных плеч, ни мраморных грудей,
Той сильной, увлекательной приманки
Для вожделений...

Власьев

Говорят они
По-английски...

Скачков

Должны быть англичанки,
И портер пьют, тем паче милы мне! (Пьет)
Да здравствуют прелестные британки!
Да процветают нежные цветы
Высокой и чистейшей красоты!
Откуда едут Кемские?

Власьев

Не знаю.
Они сперва поехали в Париж,
В Марсель и в Ниццу, их не соследишь;
Итак я их оттуда ожидаю,
Откуда только ветры могут дуть,
Хоть мне тоска.

Скачков

И полно, друг мой, будь
Неколебим. Бывают ожиданья
И тяжелы и горьки для сердец,
Зато легок и сладок их венец.
Тебе любовь свои очарованья
Предназначает, много впереди
Тебе отрад; великодушно жди
Грядущего своей судьбы прекрасной!
Мой друг, в тиши семейного житья,
От бурь мирских далеко безопасной,
Прямое счастье! Часто, брат, и я
О нем мечтаю, только что мечтаю:
Не мне оно! Люблю я блеск и шум
И прелесть мира, и везде скучаю!
Живя и наслаждаясь наобум,

Я чрезвычайно скоро пресыщаюсь
Всем вообще, и потому скитаюсь
Из края в край; мой беспокойный ум
Всегда чего-то ищет; мне с ним мука
Всегда и всюду, так уже давно...
Так и теперь... Зачем? Куда я? Скука,
Одно и то же, то же и одно,
Томит меня, гнетет и гонит чудно
Домой, зачем? Скучать о тех землях,
Где я скучал недавно. Право, страх
Мне и подумать, как я безрассудно,
В каких я пошлых, явных пустяках
Теряю дни и месяцы и годы!
На всем раздолье счастья и свободы,
Как расцветала молодость моя,
Беспечная! Теперь, когда глубоко
В себя вошел я, вижу, как жестоко,
Но праведно судьбой наказан я!
Я чувствую: я жизнию моею
Пренебрегал, я забавлялся ею,
Шалил я ею, как дитя шалит
Премудрыми, священными листами
Небесной книги.

Власьев

Слишком горячит
Тебя вино.

Скачков

Я истинно сердит
Сам на себя, и мрачными глазами
Гляжу на все, и более всего
На будущность мою, где ничего
Отрадного... несчастная картина!
В ней мысли нет! Что ж этому причина?
Увидишь ты: все так и быть должно
Со мной, как есть. Причина: не дано

Мне ровно никакого направленья
Первоначально, и в душе моей
Нет ничему приюта, утвержденья
Достойного; от самых юных дней
Высокие, святые впечатленья
Ей нипочем: они блеснут на ней —
И прочь и прочь, следов не оставляя:
Лишь пустоту! Вот, милый друг, какая
Досталася мне доля бытия
Страннейшая! Вот как воспитан я
Бессмысленно! Не только не развиты
Хорошие способности во мне
Природные, они совсем убиты,
Немилосердно в самой их весне!
Вся жизнь моя одно большое горе,
И я не силен горю пособить!
Решительно могу себя сравнить
Теперь с ладьей на треволненном море;
В туманном небе ни одна звезда
Не светит, страшным ревом непогоды
Наполнен воздух, хлещут бурны воды,
Несут ладью и чорт знает куда!
И эта мысль меня сопровождает
Везде, как тень, а я ли виноват?
Ты видишь!

Власьев

Вижу, хмель в тебе играет,
Но хмель пройдет.

Скачков

О! счастлив много крат
Тот, кто края чужие покидает
Не горестно и в то же время знает,
Зачем свои родимые края
Он покидал...

Власьев

Вот, например, как я
Покинул их; ты смотришь слишком строго
Сам на себя и на земной свой путь:
Живи на свете, просто, как-нибудь,
Как многие, не занимаясь много
Вопросами о жизни и судьбе.
Иначе ты себя лишь раздражаешь,
А пользы нет! И пей.

Скачков

Скажу тебе,
Ты знаешь, нет, ты этого не знаешь!
Ты очень плох и слаб по части вин...
Я думаю, да и не я один,
И многие так думают, что вина,
Когда желаешь всю их прелесть знать,
В виду тех мест и должно распивать,
Где вина те родятся, что картина
Долин, рек, пригорков им родных,
Важна при этом деле, украшая
Их действие и дивной силе их
Содействуя, и душу восхищая
Невыразимо. Точно так читать
Поэта должно там, где развивался
И возрастал он, там, где, так сказать,
Талант его бродил и разливался.
Не мудрено все это испытать
При случае: так, помню я, бывало,
Ах, как меня вино воспламеняло! —
Я разумею рейнское вино,
Бывало, пью, а сам гляжу в окно,
И старец Рейн роскошно предо мною
Блестит, и черный лебедь рейнских вод, —
Так величают немцы пароход

На Рейне, — пенит волны под собою!
Далече горы, за̀мки на горах,
И небосклон в златистых облаках:
Сильнее вдвое душу восхищает
Живая сладость доброго вина,
Когда в виду прелестная страна...

В л а с ь е в (смотрит в окно)

Красавица британка уезжает!

С к а ч к о в (подбегает к окну)

Не может быть. И точно, ведь она!
Вот хорошо! А я еще не знаю,
И кто они? О! надобно узнать!
Они того достойны.
(Выходит и тотчас возвращается)
Поздравляю
Тебя, мой милый, можешь перестать
Здесь дожидаться Кемских! Это были
Они.

В л а с ь е в

Они? Неужели они!

С к а ч к о в

Из Лондона и скачут в Рим!

В л а с ь е в

Жаль мне! (Задумывается)

С к а ч к о в

Так и тебя, мой друг, воспламенили
Глаза.

В л а с ь е в

Ничуть! Ах я чудак, чудак!

Скачков

Теперь тебе не гнаться же за ними.

Власьев

И вот я здесь с надеждами моими,
Как на мели...

Скачков

О, нет! совсем не так!
Утешься, брат! Ведь не с одним с тобою
Случаются невзгоды: такова
Земная жизнь, смирись перед судьбою!
Ей хочется, чтоб ехал ты со мною.

Власьев

Так еду же.

Скачков (пьет)

Да здравствует Москва!

296. ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный —
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

297. К. К. ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
В моей кипели голове,
И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,

У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни, поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам:
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И нынче я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, все сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье:
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами: вы прекрасной
Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:
Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

298. А. А. ЕЛАГИНУ

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни; та година
Достойна-празднична была,
Когда остатки вдохновений
Студентской юности моей
Я допивал в кругу друзей,
В Москве, и полон песнопений,

Стихом блистая удалым,
Восторжен, выше всякой прозы,
Гулял у вас — и девы-розы
Любили хмель мой, — слава им!
А ныне где, каков я ныне?
О! знаю, чувствую: тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда.
Но ежели мои печали
Минуют так, как миновали
Мои златые дни, тогда
Грешно бы, право, на досуге
Не помянуть нам за вином
О том гулянии моем,
Как о минувшем, милом друге.
Не так ли? Я почти готов,
Я рад сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину,
И прямо с майнских берегов
В Москву. Вы ждете — еду, еду,
Скачу, лечу, и вот, как раз
Я к вам, сажуся подле вас, —
И наливай сосед соседу!

299. ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих странах я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет, как нет!
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

300. ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИМ ВОДАМ

Пою вас, балтийские воды, вы краше
Других, величайших морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнее, чище, светлей:
На нём не крутятся огромные льдины,
В щепы разбивая суда;
На нем не блуждают холмы и долины
И горы полярного льда;
В нем нет плотоядных и лютых чудовищ
И мерзостных гадов морских;
Но много прелестных и милых сокровищ:
Привол янтарей золотых
И рыбы вкуснейшей! Балтийские воды,
На вольной лазури своей
Носили вы часто в старинные годы
Станицы норманских ладей;
Слыхали вы песни победные скальда
И буйные крики войны,
И песню любви удалого Гаральда,
Певца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь из немецкой земли,
Когда, сограждане ганзейского братства,
И Псков и Новгород цвели;
И ныне вы носите грозные флоты:
Нередко, в строю боевом,
Гуляют на вас громовые оплоты
Столицы, созданной Петром,
И тысячи, тьмы росписных пароходов
И всяких торговых судов
С людьми и вещами, всех царств и народов,
Из дальних и ближних краев.
О! вы достославны и в новые годы,
Как прежде; но песню мою,

Похвальную песню, балтийские воды,
Теперь я за то вам пою,
Что вы, в ту годину, когда бушевала
На вас непогода, — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину с далекого дна,
И силы пучинной и сумрака полны,
Громады живого стекла,
Качаяся, двигались шумные волны,
И бездна меж ними ползла;
И долго те волны бурлили, и строго
Они разбивали суда,
И долго та бездна зияла, и много
Пловцов поглотила; тогда,
В те страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиных: вы их на невские воды
Примчали, — и берег Невы
Счастливо их принял: за то вы мне краше
Всех южных и северных вод
Морских, и за то уважение ваше
Мой стих вам и честь отдает!

301. Н. В. ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой,
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений

Мирских, от праздности и лени.
От празднословящих бесед,
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной.
У родника стеклянных вод!
А я, попрежнему, в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном,
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада:
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком жидконогой —
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенной
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!

Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем;
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

302. ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный:
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

303. ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу; он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит:
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастлив! он ходит!

1842

304. ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор;
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледяных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор, логовища лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые хо́лмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

305. ИЗРЕЧЕНИЕ А. Д. МАРКОВА

Любил он крепкие напитки, и не мало;
В свободные часы он их употреблял;
Но был всегда здоров и службу исполнял
Добропорядочно, — и дело не стояло

За ним; был духом тверд, глубокомыслен; слов
Не тратил попусту; но речью необильной
Умел он действовать решительно и сильно.
При случае умы своих учеников
Он ею поражал, как громом: так однажды,
Палимый жаждою, он воду пить не стал —
Другой Катон в пустыне! — и сказал,
Поморщившись: «Вода не утоляет жажды».

306. МОРЕ

Струится и блещет, светло, как хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;
Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравно
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

1843—1846

1843

307. ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу: ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горной
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю
Летаю и пою, летаю и пою!

308. ЭЛЕГИЯ

(И. П. Постникову)

В тени громад снеговершинных.
Суровых, каменных громад

Мне тяжело от дум кручинных!
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес и, постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А, вон охлопья серой тучи,
Цепляясь за лес, там и сям,
Ползут пушисты и тягучи
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

309. ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами;
Но и ее уж нет! О! Я бы рад отсель
Лететь, бежать, итти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

310. ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор,
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах:
Я вырос, на светлых холмах и равнинах
Привык побродить, разгуляться мой взор!

Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты туда и сюда;
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,

Далеко: там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые, словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

311. ЭЛЕГИЯ

В Гаштейне общий стол невыносимо худ,
А немец им вполне доволен! Много блюд,
И очень дешево! Он вкуса в них не ищет,
И только будь ему недорога еда:
Он всякой дрянью сыт — и как он рад, когда
С нее же он еще и дрищет!

1844

312. КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

В те дни, как только что с похмелья,
От шумной юности моей,
От превеликого веселья,
Я отдохнуть хотел в виду моих полей,
В тени садов, на лоне дружбы,
В те дни, как тих и неудал,
Уже чиновник русской службы,
Я родину свою и пел и межевал,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гульливой головы,
В те дни стихом из дальня края
Торжественно меня приветствовали вы,
Стихом оттуда, где когда-то
Шла ходко, смело жизнь моя,
Где я гулял молодцевато,
Пил крепкий, сладкий мед студентского житья...
Сердечно мил мне стих ваш бойкой,
Сердечно люб привет мне ваш,
Как мил, бывало, за попойкой
Заздравный крик друзей и звон заздравных чаш.
И что ж? Я не дал вам ответа,

Не отозвался стих на стих!
Но беззаботного поэта,
Меня в те дни уже свирепый рок настиг,
Уж я слабел, я духом падал;
И медицинский факультет
Пилюлю горькую мне задал:
Пить воды за морем! И пил я их пять лет!
Но, вот в Москве я, слава богу!
Уже не робко я гляжу
И на Парнасскую дорогу,
Пора, за дело мне! Вину и кутежу
Уже не стану, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу:
Потехи юности удалой
Не кстати были б мне: не юному челу
Не кстати резвый плющ и роза...
Пора за дело! В добрый путь!
Довольно жизненная проза,
Болезнь гнела меня и мне теснила грудь,
И мир поэта, мир высокой,
Едва ли мне доступен был
В моей кручине лежебокой,
В глухом бездействии, в упадке чувств и сил.
Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом
Я отогнал, и подаю вам руку!
Спасибо вам, что вы в томлении моем
Меня и там не покидали,
У немцев; в дальной стороне
Мою тоску вы разгоняли,
Вы утешительно заботились о мне!
Желайте ж вы мне, чтоб я скоро
Стал бодр, как был, чтоб вовсе я
Стал молодцом, и было б споро
То исцеление... О, братья! О, друзья!
Уже ль дождусь я благодати,

Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати
И гоголем пойду и песню затяну!

313. К. К. ПАВЛОВОЙ

Тогда, когда жестоко болен
Телесно, и жестоко хил
Душевно — я судьбою был
Жить на чужбине приневолен;
Когда под гнетом же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или Гомеровы мольбы, —
И в том моем томленье жестком
Всегда, везде я помнил вас:
На ваш отрадный мне возглас
Всегда готовым отголоском
Я отвечал; и самый Рим,
Со всей громадою высоких
Воспоминаний, дум глубоких,
В душе встающих перед ним,
Палаты, храмы и столбницы,
И все, что ныне говорит
Поэту — мрачно-гордый вид
Самовластительной столицы
Трех поэтических миров
Минувших, и поля пустынны
Кругом ее, — давно-старинный
Упрек сынам ее сынов! —
И самый Рим давал мне волю
Воспоминать об вас; и в нем
Я, вашим счастливым стихом
Любуясь, тягостную долю
Мою нередко забывал. —

Так я ль, теперь, когда оставил
Чужбину, и уже направил
Мечты туда, где я живал...
Так я ль, когда хвораю мене
И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавице, Камене,
Зову ее к себе; когда
Я здесь, в Москве, где так красивы
И так любезно расцвели вы
Для вдохновенного труда, —
И расцвели хвалой и славой —
Где стих ваш ясен, как хрусталь;
Как злато, светел; тверд, как сталь;
Звучит и блещет величаво;
В Москве, где вас, я помню, я
Не раз, не два, и всенародно
Пел горячо и превосходно!
Певец свободного житья,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вам!
И подобает тем стихам
Хвала моя: в ту пору вами
Моя кружилась голова!
Теперь ли я? — какой же буду
Поэт я, если позабуду
Все ваши милые права
На стихотворные творенья
Мои? — Не будет никогда
Мне столь великого стыда,
Столь многогрешного паденья
Не будет мне. Смотрите: вот
Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде

Почти не смея доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде,
Когда лишь только что дышу
Вольнее, и лишь не сурово
Гляжу на свет, — вот жизни новой
Цветы я вам уж приношу!

314. К. К. ПАВЛОВОЙ

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иныя,
Что вам отечество Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Ведь он не всякому по силам!
А почитательницам милым
Чужесловесных дум и книг
Он не доступен — и не знают
Они его — они болтают
Другим, не русским языком
Свои мечты и впечатленья:
И нет на них благословенья.
Они у бога нипочем!
Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гете
Послушны вам, как ваш родной.
Я вас хвалю — и рад я буду,
Когда пойдет ходить повсюду
Моя правдивая хвала

За подвиг ваш, во имя ваше:
Она действительней и краше
И в свете более смела,
Скорей отыщет грешны души:
Да слышит, кто имеет уши!

315. ПОСЛАНИЕ К Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВУ

Да сохранит тебя великий русский бог
На много, много лет. Ты сильно мне помог:
Уж ты смирил во мне презлую боль недуга:
Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И все могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдений
Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала! —
И верь ты мне, ее ни мало не смущает,
Что вижу, слышу я, как тявкает и лает,
И воит на тебя и съесть тебя готов
Торжественный союз ученых подлецов!
Иди своим путем! Решительно и смело
Иди, не слушай их: возвышенное дело
Наук и совести им чуждо, им чужда
Святая чистота полезного труда,
Святая прямизна деятельности чистой.
Так что тебе вся злость, весь говор голосистой
Твоих врагов! Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,

Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса!

316. ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина,
И берег с грудой гор и скал
Дрожали, — и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И все поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов олтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще! Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал,
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал.
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облак унесла:

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!
И песню ту принес он долу,

Священным трепетом объят,
И церковь те слова святыя
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли,
Носись душой превыше праха,
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

317. М. П. ПОГОДИНУ

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое! [1]
Мне с ним раздолье! С ним житье
Поэту! Бойко, быстротечно,
Легко пошли часы мои
С тех пор, как ты меня уважил!
По стихотворчески я зажил,
Я в духе! Словно, как ручьи
С высоких гор на долы злачны
Бегут, игривы и прозрачны,
Бегут, сверкая и звеня
Светлостеклянными струями,
При ясном небе, меж цветами,
Весной: так точно у меня
Стихи мои, проворно, мило
С пера бегут теперь; — и вот
Тебе, мой явный доброхот,
Стакан стихов: На, пей! Что было,

[1] Старинную чернильницу. [*Прим. Языкова*]

Того нельзя же воротить!
Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; — так и быть!
Они теперь напиток трезвый:
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.
И не диковинное дело:
Я сам не тот уже, и смело
В том признаюсь: кто без греха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напиток, поднесенный мной,
Хоть он бесхмельный и не пенный!

318. КН. С. П. ГОЛИЦЫНОЙ

Я слышал, что вы и прекрасны, как роза,
И милы, как роза, утеха полей,
Что жизни подлунной и скука и проза
Чуждаются вас, как полдневных лучей
Чуждается полночь; что так же прекрасны
Вы сердцем, как прелестью вы расцвели,
Что чувства и мысли в вас тихи и ясны,
Как вешнее небо, веселье земли.

Все это я слышал, и слухом поэта,
От всех, и повсюду, и тысячу раз,
И гордо мои песнопевные лета
Я вспомнил, и смело приветствую вас:
О! Будьте всегда таковы; процветайте
Спокойно, и делайте дело свое,
Земная прелестная роза: вплетайте
Небесные розы в земное житье!

319. Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милой,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной.
О! Пой, пленительный певец,
Ласкай чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;
И пой, как соловей поет в затишьи сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье, вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

320. В. Н. АННЕНКОВОЙ

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос!
В те дни, как меж лилей и роз,
Раскидист, свеж, блестящ и ярок,
Цветок веселого житья,
Я полон жизни красовался,
И здесь в Москве доразвивался
И довоспитывался, — я,
В те дни, златые дни, быть может,
И стоил этих двух венков:
А ныне... я уж не таков.
Увы! Болезнь крутит и ежит
Меня, и ест меня тоска;
А вы и ныне благосклонны
К тому, чьи песни самозвонны

Давно молчат, чья жизнь горька,
Кого давно уж, как поэта,
И не приветствует никто!
Лишь вы теперь, — и вам за то
Моя хвала и многи лета!
И много, много дай бог вам
Созданий стройных, сладкогласных,
Прекрасных дум, стихов прекрасных,
Таких всегда, какие нам
Вы так пленительно дарите;
Да будут вечно, как они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цветите!

321. А. Д. ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуясь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,
Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва, едва колышет
Густоветвистую их тень,

Блестит как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы... Вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный, юный стан, вот руки над водою
И груди белые, как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!
Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн,
По звонкому руслу, с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул и сад перед аулом,
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинной
Один возвысился на ней,
Давно-безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собою
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты
И плющ зеленый по скалам
Взвился; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ...

Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!
Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,
Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжа алмазные вершины,
Короны каменных царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!
Но полно рисовать тебе Кавказ?.. Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,
Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной
В страну раздолий и равнин,
Где величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко, красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведет с собою
Красивы, пышны берега
И купы островов над зеркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз

Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ!

322. А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла, —
О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг, —
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне:
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты,
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной; но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

323. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.

Ему не нужен путь разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумной,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.

Блажен!.. как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит, — и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,
И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем, —

Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый...
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет
Он на суде не устоит,
Зане господь не лестно судит
И беззаконного казнит.

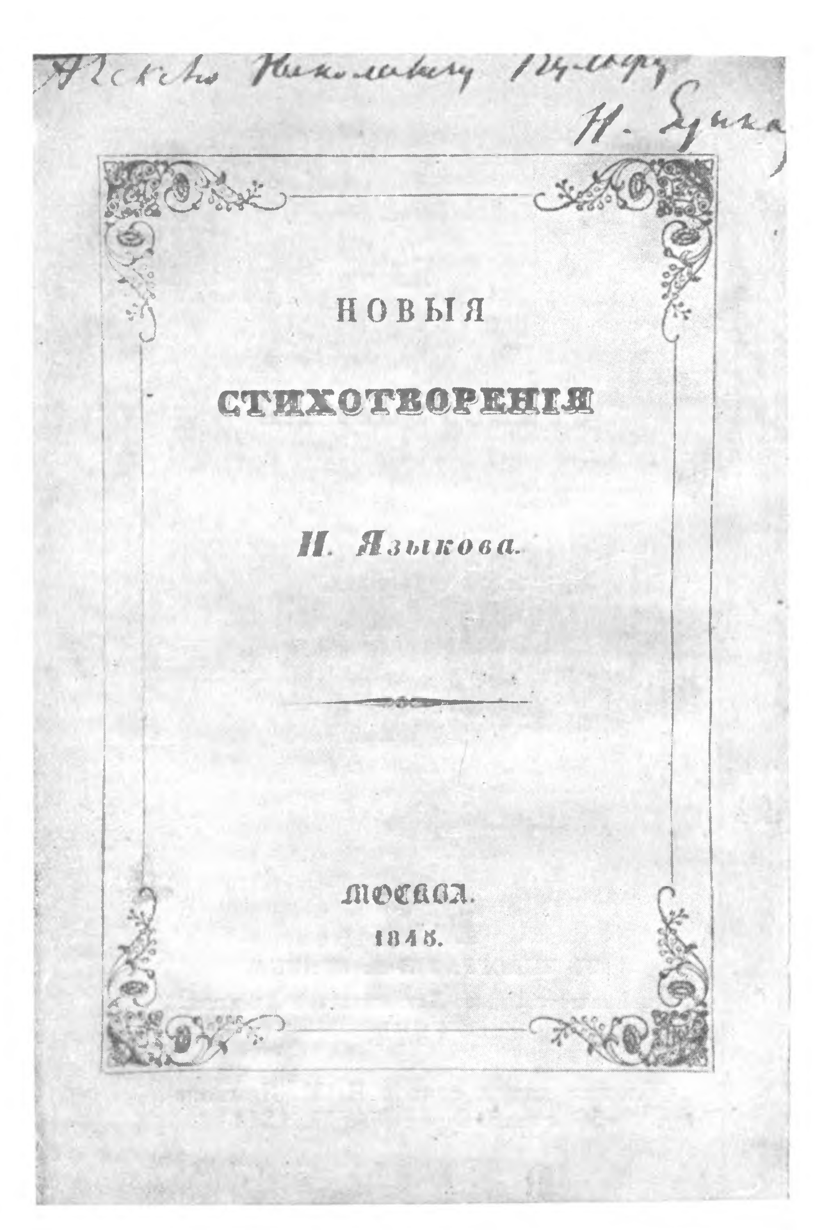
ЙЅ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,
при Императ. Медико-Хирургической Академіи.
1844.

Обложка книги стихов Н. М. Языкова «56 стихотворений». М. 1844

Алексею Николаевичу Вульфу
Н. Языков

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Языкова.

МОСКВА.
1845.

Обложка книги стихов Н. М. Языкова «Новые стихотворения». М. 1845 г. с посвящением А. Н. Вульфу

324. А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты
Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;
Вас и царственная Гера
Не взлюбила б и гнала
Непощадно б и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды
Вам не страшны... Но ей, ей,
Я бы рад краеугольный
Камень храма положить,
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянной
Жаркий, пылкий фимиам.

325. А. В. КИРЕЕВОЙ

Тогда как сердцем мы лелеем
Живые сладкие мечты,
И часто розам и лилеям

И незабудкам красоты
Мы поклоняемся, и нежно
Их величаем и поем,
Полны любви самонадежной,
Сгорая пламенным огнем;
В те дни желаний легкокрылых,
Восторгов, мыслей и стихов,
Счастливых, радостных и милых,
Когда весь мир нам люб и нов,
Гостеприимен и чудесен, —
В те дни разгара чувств и сил,
Я много, много, много песен
Сердечных вам бы посвятил,
Свободно, весело лелея
Живые, пылкие мечты!..
Нет, вы не роза, не лилея,
Вы, просто, чудо красоты!
Я перед вами на колена
Упал бы, трепетный, немой,
Навек, навек, в оковы плена
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза б остановились,
К земле б склонилась голова,
Смешались, замерли б и сбились
Во мне все чувства и слова...
Теперь, мои младые лета
Прошли, решительно прошли;
И вы во мне уже поэта
Смиренномудрого нашли:
Теперь, холодный и бесстрастный
Я вижу только суеты
Везде, во всем. Нет, вы прекрасны.
Вы просто чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили

Лучи огнистых ваших глаз:
Мои глаза остановились,
К земле склонилась голова,
Смешались, замерли и сбились
Во мне все чувства и слова.

326. ОТРОК ВЯЧКО

Действующие лица:

Руальд — старый воин
Вячко, Бермята — отроки

Действие в 968 году, в Киеве, на городской стене

I

ВЕЧЕР

РУАЛЬД И БЕРМЯТА

Руальд

Ты прав, Бермята, больно худо нам:
Есть нечего, пить нечего, и голод
И жажда долго и жестоко нас
Томят и мучат, и, вдобавок к ним,
Еще и та невзгода, что Изок
Стоит у нас необычайно жарок,
И тих, и сух, и душен невтерпеж.
Из края в край, небесный свод над нами
Безветрен и безоблачен, и блещет,
Как золотой, и солнце так и жжет
Луга и нивы. С раннего утра
До поздней ночи бродишь, сам не свой;
И ночью нет тебе отрады: ночь
Не освежит тебя, не успокоит
И спать тебе не даст, вертись и бейся
Ты хоть до слез... такие ж точно дни,
Такие ж ночи, помню я, бывали

В земле Сиканской. Уф! какой там жар,
И вспомнишь, так едва не задохнешься, —
Нет, мне мороз сноснее: от него
Уйдешь к огню и спрячешься в одежду.
Не осовеешь; если ж летний жар
Проймет тебя, так от него и в воду
Ты не уйдешь: и в ней прохлады мало,
И весь ты слаб и вял! Да, худо нам
И больно худо.

Бермята

И реку у нас
Отрезали злодеи печенеги.

Руальд

Все — ничего, лишь уповай на бога,
Да не плошай, да не робей и сам.

Бермята

Оттерпимся, либо дождемся князя
К себе домой из дальнего похода.

Руальд

Досадно мне, что Претич за Днепром
Стоит и ждет того же. Что б ему
Решиться и ударить, всею силой,
На ратный стан поганых печенегов,
И к ним пробиться б. Что тут долго думать?
Бог весть, когда дождемся Святослава?

Бермята

Поди, ему и невдомек про то,
Как мы сидим в осаде, еле живы...

Руальд

А князь далеко, и не может знать
О нашем горе.

Б е р м я т а

Князю что до нас;
Он Киева не любит, он его
Забыл совсем, он променял свой Киев
На чужеземный город, и живет
Там весело — и хорошо ему!
Ох, не люблю я князя Святослава.

Р у а л ь д

За что это?

Б е р м я т а

За то и не люблю,
Что он живет не в Киеве.

Р у а л ь д

Ты молод,
И многого нельзя тебе понять
Своим умом; а я старик, я вижу
Подалее, чем ты, молокосос!
Что Святослав не нравится тебе,
Так это, брат, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Он молодец!

Б е р м я т а

Мне что, что молодец!
У нас их вдоволь: всякой рус — не трус!
Ни ты, ни я нигде мы не уроним,
Не выдадим отцовской славы... Солнце
Давно за лес зашло, а нам на смену
Никто нейдет...

Р у а л ь д

Знать, сходка задержала,
Чья очередь?

Бермята

Да Вячки.

Руальд

Это он,
Что приходил вчера сюда на стену?
Он мне не полюбился: больно горд он,
Его не тронь, — вишь, он новогородец,
Так и спесив, и с ним не сговоришь;
А парень бойкий!

Бермята

Это был не Вячко,
А Спиря. Вячко тоже парень бойкий;
Его ты верно знаешь: он тот самый
Кудрявый, белокурый, быстроглазый,
Что у Ильи Пророка, в расписной
Избе, живет у тетки. Вячко мне
Друг и названный брат; он родом
Из-за Мещеры, из села Рязани.

Руальд

Так, помню, знаю, как его не знать?
Я сам учил его стрелять из лука,
Метать копьем; он малый хоть куда,
Рязанец. Я всегда любил рязанцев,
У нас в походе пятеро их было,
И живо я их помню и теперь:
Народ высокорослый, здоровенный,
Народ мачтовый, строевой, люблю их.

Бермята

Вот Вячко! Ты, брат, легок на помине.
Здорово!

Вячко

Я замешкался, я был
На сходке. Слушай-ко, Бермята,
Ведь ты мне брат, так сделай мне услугу.

Бермята

Изволь, готов и рад я хоть на смерть
За своего.

Вячко

Останься на стороже
Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я к утру ворочусь.

Бермята

Куда ж ты это?

Вячко

Вот куда! На сходке
Судили и рядили старики
О том, что-де нельзя ли как-нибудь
За печенежский стан, к Днепру, а там
Уж и за Днепр — и Претичу словцо
Сказать, что нам давно уж силы нет
Терпеть беду: я вызвался; отец
Висарион благословил меня
На славный подвиг. Я иду — прощай...

Руальд

Ах ты мой милый, ах ты удалец,
Мой ученик! Дай мне тебя обнять;
Храни тебя господь! (Обнимает Вячко)

Бермята

Иди, мой Вячко!
Смотри же ты...

Вячко

Не бойся! Я, брат, знаю,
Что делаю, прощай! (Уходит)

Руальд (кричит вслед Вячке)

Прощай, ты встретишь
Фрелафа, так скажи ему, что мне
Не надо смены.

Бермята

Что? каков мой брат?

Руальд

Надежный парень! и поверь ты мне,
Ему удастся... Все они такие...

Бермята

Добрыня тоже родом из Рязани.

(Помолчав)

Ты говорил про князя Святослава...

Руальд

И говорю, что люб мне Святослав,
Он молодец; он со своей дружиной
За панибрата; ест, что мы едим,
Пьет, что мы пьем, спит под открытым небом,
Как мы: под головой седло, постеля —
Седельный войлок. Ветер, дождь и снег
Ему ничто. Ты сам, я чаю, слышал,
Как он, — тогда он был еще моложе, —
Когда ходили наши на древлян,
Бросался первый в битву. Ты увидишь:
В нем будет прок; он будет государь
Великий — и прославит свой народ.

Да, Святослав совсем не то, что Игорь,
Отец его, — будь он не тем помянут, —
Князь Игорь был не добрый человек:
Был непомерно падок на корысть!
Ведь люди терпят, терпят, — наконец
Терпенье лопнет...

Бермята

Мне княгиня Ольга
Тем по сердцу, что бискупа Лаберта
Из Киева прогнала...

Руальд

Слава ей,
Что приняла она святую веру
От греков.

Бермята

Почему же Святослав
Не принял той же веры?

Руальд

Он бы рад,
Да как ему? Нельзя ж ему перечить
Своей дружине! Праведно и верно
Ему дружина служит; за него
Она в огонь и воду; крепко
Стоит она за князя, так еще б он
С ней ссорился... Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здесь
И сторожи: не спи и не зевай.
Давно уж ночь. Какая ночь, как день!

11

РАССВЕТ

РУАЛЬД И БЕРМЯТА

Р у а л ь д

Прекрасный остров, дивная земля,
Всем хороша. Не слушаешь, товарищ?
Кажись, тебя осиливает сон.

Б е р м я т а

Нет, я не сплю, я слушаю тебя;
Я никогда не пророню и слова
Из твоего рассказа: сладко мне,
Мне весело душой переноситься
С тобой в твои отважные походы:
В толпы бойцов, в тревоги боевые,
В разгульный стан и братский шум и пир
В прохладные, воинские ночлеги;
В чужих полях, при блеске новых звезд,
Летать с тобой, в ладьях ветрокрылатых,
По скачущим, сверкающим волнам
Безбрежного лазоревого моря,
Или, в виду красивых берегов
И городов невиданной земли,
Причаливать — и тут же прямо в бой...
Я слушаю. —

Р у а л ь д

Сиканская земля
Всем хороша: кругом ее шумит
И блещет море, чисто и светло,
Как синий свод безоблачного неба;
На ней оливы, лавры, виноград,
И яблоки с плодами золотыми!
И города из тесаного камня
Обведены высокими стенами,

Богатые и людные, — и села,
И села, все из тесаного камня,
Богатые, и краше, крепче наших
Родимых деревянных городов
И сел. — Одним она не хороша:
Стоит на ней, на самой середине,
Огромная, престрашная гора,
Высокая, высокая, такая,
Что верх ее до самого до неба
Достал, и облака не залетают
На верх ее, и в той горе огонь, —
И есть жерло, и черный дым выходит
Из той горы, и с той горой бывает
Трясение — и молнию и жупел
Она бросает из себя. В ту пору
Находит страшный мрак на землю; ужас
И трепет обнимает человека
И зверя; — люди вон из городов
И сел бегут и, словно как шальные,
Шатаются, и падают, и вопят!
А из горы огонь столбом встает,
Горячий пепел сыплется, и камень
Растопленный течет, и потопляет
Он целые долины и леса,
И города и села; вся земля дрожит
И воет; и подземный гром и гул
Ревет; и нет спасенья человеку
Ни зверю...

Бермята

Как же там живут?

Руальд

Живут себе...

Бермята

Не весело ж там жить!

Руальд

Не весело там — ах ты голова!
Ведь не всегда ж бывает там такое
Трясение. Беды, брат, есть везде,
И нет от них пощады никаким
Странам: одно от всяких бед спасенье,
Одно, везде, для всех людей одно
Спасение: святая наша вера!
Вот и на нас нашла теперь невзгода!
Как быть, терпи...

Бермята

А Вячки нет, как нет!
Давно уж рассветало — где ж он?..

Руальд

Ты, чай, слыхал, как на Царьград ходили
Аскольд и Дир?

Бермята

Как не слыхать! А что?..

Руальд

Свирепая, неслыханная буря
Рассеяла и в море потопила
Почти что всю ладейную их рать.

Бермята

И это знаю.

Руальд

Отчего ж та буря
Взялась?

Бермята

Не знаю, не могу и знать.

Руалъд

А я так знаю! — Вот как было дело:
В то время был у греков царь негодный...
Как бишь его? Василий? не Василий...
Лев? нет, не Лев — какой он лев! Никифор?
И не Никифор, — так вот и вертится
На языке, а нет, не вспомню; царь
У греков был негодный, и такой
Беспутный и смертельный лошадинник,
И был он так безумен, что, бывало,
Война уже под самые под стены
Пришла к его столице, а ему
И горя мало; он о том и слышать
Не хочет; знай себе на скачке: у него
Там день-денской потеха: тьма народу,
И шум и пыль, и гром от колесниц —
Беспрестанно...

Бермята

Посмотри: бежит!
Ведь это Вячко! Точно, это он,
Мой друг и брат мой...

(Входит Вячко)

Вячко

Знай же наших!
Конец беде, уходят печенеги!

Руальд

Рассказывай!

Бермята

Рассказывай скорее!

Вячко

Я запыхался, я бежал сюда.

Что стало силы, — дайте мне вздохнуть..
Ну, отдышался — вот и хорошо...
Вчера я в руки взял узду... и вышел
Из города; тихонько я пробрался
В стан печенегов, и давай по стану
Ходить; хожу, встречаю печенегов,
Кричу им их собачьим языком:
«Не видел ли кто моего коня?»
А сам к Днепру, — и к берегу, и скоро
Долой с себя одежду! — Бух и поплыл.
Злодеи догадались, побежали
К Днепру толпами, и кричат, и стрелы
В меня пускают. Наши увидали!
И лодку мне навстречу, я в нее
Прыгнул, да был таков! И вышел
Я на берег здоров и цел. Господь
Спас и сберег меня. Сегодня,
Как только что забрезжилась заря
На небе, Претич поднял стан свой,
И трубы затрубили; печенеги
Встревожились, встревожился их князь
И Претича встречает: что такое?
«Веду домой передовой отряд,
А вслед за мной, со всей своею ратью
Сам Святослав!» сказал наш воевода.
Перепугался печенежский князь,
И прочь идет от Киева со всею
Своей ордой. Чу! трубы! Это наши!
Идем встречать их.

Бермята

Славно, славно, брат!

Руальд

Спасибо, Вячко! Ты спасенье наше,
Счастливый отрок, честь родной земли!

327. КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно
За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,
Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты.
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой,
И кто неметчине лукавой
Передался. — И вслед за ней,
За госпожею величавой,
Идет блистательный лакей...
А православную царицу,
А матерь русских городов
Сменить на пышную блудницу
На Вавилонскую готов!
Дай руку мне! Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам

Вполне служи, вполне вверяйся
Но не мирволь своим врагам!

328. К НЕ НАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И обнемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русской вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу;

Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу,
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бесмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своей
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык: —
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

329. ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе, без крику и без шуму
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем

Унылом странствии в чужбине, собеседник,
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый, и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он все препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это все плоды его сомнений,
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикой,
Его же лишь Тидид, муж крепости великой
Поднять и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага... таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою, восстановитель мой —
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

330. К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святыя
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап, —

Почтенных предков сын ослушной,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на все, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами,
Друг другу их передаем
Страннoприимными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

1845

331. А. В. КИРЕЕВОЙ

Я вновь пою вас: мне отрадно,
Мне сладко петь и славить вас:
Я не люблю, я враг нещадный
Тех жен, которые от нас
И православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли,
И запад ласково их тянет
В свои объятия... но вы, —
Он вас к себе не переманит
Никак, — нет, вы не таковы:
Вы изменить не захотите
Заветным чувствам; вы вполне,
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, славянской стороне,
И сильно бьется сердце ваше
За нас. И тем милее вы,
Великолепнее и краше,
Вы — украшение Москвы!

332. П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Ты крепкий, праведный стоятель
За Русь и силу праотцов,
Почтенный старец-собиратель
Старинных песен и стихов!
Да будет тих и беспечален
И полон счастливых забот.
И благодатно достохвален
И мил тебе твой новый год!
В твоем спасительном приюте
Да расцветет ученый труд
И недоступен всякой смуте
Да будет он; да не войдут
К тебе: ни раб царя Додона,
Ни добросовестный шпион,
Ни проповедник Вавилона,
Ни вредоносный ихневмон,
Ни горделивый и ничтожный
И пошло-чопорный папист,
Ни чужемыслитель бездонный
И ни поганый коммунист;
И да созреет безопасно
Твой чистый труд, и принесет
Он плод здоровый и прекрасный
И будет сладок этот плод
Всему востоку, всем крещеным;
А немцам, нашим господам,
Богопротивным и мудреным,
И всем иным твоим врагам
Будь он противен; будь им тошно
С него, мути он душу им!
А ты, наш Петр, ты неоплошно
Трудись и будь неутомим!

333. СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ Н. М. КАРАМЗИНУ

(Посвящаются А. И. Тургеневу)

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасной,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной,
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу,
Мертвит и душит навсегда,
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,

И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь, — и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг: — и ясною картиной
В ней обновилась старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая, как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр, и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель, —
И вот наш Грозный, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!

В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепенея,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана, — царь-смиренник молчаливой,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! Набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи — и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопин и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблих чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...

В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые,
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокий,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижный в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой,
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе, — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенной
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

334. А. С. ХОМЯКОВУ

Прими ты мой поклон заздравный!
Тебе, возвышенный поэт
И совопросник достославный,
Желаю много, много лет
Стихом и прозой красоваться,
И цвесть красою чистых дел!
Враги ж твои да сокрушатся
Все, все — и тот, который смел,
В своем неведении глупом,
В разгаре чувств, в кипеньи слов,
Провозгласить бездушным трупом
Русь наших умных праотцов.
Несчастный книжник! Он не слышит,
Что эта Русь не умерла,
Что у нее и сердце дышит,
И в жилах кровь еще тепла;
Что, может быть, она очнется
И встанет заново бодра!
О! как любезно встрепенется
Тогда вся наша немчура:
Вся сволочь званых и незваных,
Дрянных, прилипчивых гостей,
И просветителей поганых,
И просвещенных палачей!
Весь этот гнет ума чужого
И этот подлый, гнусный цех,
Союзник беглого портного,
Все прочь и прочь! Долой их всех!
Очнется, встанет Русь и с бою
Свое заветное возьмет!
Да уничтожатся тобою
И общий наш недоброхот,
Творец бессмыслиц вопиющих,
Он, тот преследователь блох,

Явлений сущих и со-сущих,
Тот юморист-идеолог,
Всегда водяный и туманный,
Почтенный сеятель клевет,
Начальник шайки бесталанной;
И он, и весь его совет,
И нечестивый и беспутный,
И вся заморская их гиль,
Все пропади, как бред минутный,
Как мерзкий сон, как сор и пыль!

А ты надежно правде следуй,
Востоку пламенно служи,
Своенародность проповедуй
И низлагай успехи лжи!..
И будь всегда ты неизменен
И дорог общине своей,
И беспощадно дерзновенен
На немцев, б....... детей!

335. К СЕСТРЕ Е. М. [ХОМЯКОВОЙ]

(В альбом)

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.
Она достойно мужа любит,
Живет одною с ним душой,
Она труды его голубит,
Она хранит его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала, — и любо ей,
Что, меж старейшинами града,

Он знатен мудростью речей,
И что богат он чистой славой,
И силен в общине своей;
Она воспитывает здраво
И бережет своих детей:
Она их мирно поучает
Благим и праведным делам,
Святую книгу им читает,
Сама их водит в божий храм;
Она блюдет порядок дома:
Ей мил ее семейный круг,
Мирская праздность не знакома
И чужд бессмысленный досуг.
Не соблазнят ее желаний
Ни шум блистательных пиров,
Ни вихрь полуночных скаканий
И сладки речи плясунов,
Ни говор пусто-величавый
Бездушных, чопорных бесед,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческих сует.
И дом ее боголюбивый
Цветет добром и тишиной,
И дни ее мелькают живо
Прекрасной, светлой чередой;
И никогда их не смущает
Обуревание страстей:
Господь ее благословляет
И люди радуются ей.

336. И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои песнопенья живые,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будут же годы твои молодые

Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле; и если тебя очарует
Красавица-роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна,
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни, и весь выпевайся,
Красавице-розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

337. К БАРОНЕССЕ Е. Н. ВРЕВСКОЙ

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда гуляка вдохновенный,
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской,
Весь свой разгул души студентской —
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально,
Вы угощали нас двоих
Певцов — и был один из них

Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...
Другой был я, его послушник,
Его избранник и подружник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жжёнки ромовой!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам,
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам.
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета, —
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жжёнки пламенной, за звон,
Каким стучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были полны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон, за то что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,

И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах! Помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

338. С. П. ШЕВЫРЕВУ

Тебе хвала, и честь, и слава!
В твоих беседах ожила
Святая Русь — и величава
И православна, как была,
В них самобытная, родная
Заговорила старина,
Нас к новой жизни подымая
От унижения и сна!

Ты добросовестно и смело
И чистой, пламенной душой
Сознал свое святое дело,
И возбужденная тобой,
Красноречиво рукоплещет
Тебе великая Москва!
Так пусть же на тебя клевещет
Мирская, глупая молва!

Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен;
Русь неугодна их гордыне,
Им чужд и дик родной закон;
Родной язык им непонятен,

Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена.

Так их не слушай — будь спокоен
И не смущайся их молвой,
Науки жрец и правды воин!
Благословится подвиг твой:
Уже он много дум свободных,
И много чувств, и много сил
Святых, родных, своенародных,
Восстановил и укрепил..

339. РОМАНС

Угрюм стоит дремучий лес,
Чернея при луне.
Несется витязь по лесу
На резвом скакуне.

Одет в железо молодец;
С ним верный меч и щит.
Он к девице-красавице
В объятия спешит.

Глаза у ней, как звездочки,
Уста у ней, как мед,
И — речи, речи сладкие,
Как соловей, поет.

И ждет она задумчиво
Милого, и грустит.
Гудит дорога звонкая
Под топотом копыт.

Угрюм стоит дремучий лес;
   Не дрогнет сонный лист.
Несется витязь по лесу —
   И вдруг он слышит свист.

Чего бояться молодцу?
   С ним меч его и щит,
И сила богатырская
   Ему не изменит.

«Ты, знать, дружок, не пробовал
   Встречать меня в бою!
Так выдь! Тебе немедленно
   Я череп раскрою!

Не струшу я, кто б ни был ты —
   Хоть сам рогатый бес!»
Несется витязь по лесу;
   Вот он проехал лес.

И выехал он на поле —
   И полем поскакал,
И пусто поле чистое...
   А свист не перестал!

За молодцом он гонится,
   Такой же, как в лесу:
Не горячись ты, молодец!
   Свист... у тебя в носу.

340. К. К. ПАВЛОВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, певца свободы

И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры
Благодатной, бестуманной
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность,
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славит вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур не благосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую
Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры, и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой

Беззащитного гоня,
И теперь я ваш глубокий
Почитатель, и готов
Вас попрежнему высоко
Славить множеством стихов.
Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

341. ЛИПЫ

> **И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.**
>
> **Карамзин.**

Глава 1

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Петр Ильич Хрулев уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово; думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчетисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блистает он чинами и звездами,
Он и богат, и знатен, и силен,
Чего ж ему, о чем же думал он?

Быть может, он воспоминал тоскливо
Прекрасные, былые дни свои,
И молодость, когда он цвел счастливо
Избытком сил, для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался
В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умен, и мил, и ловок, и остер,
И привлекал к себе огнистый взор
И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он воспоминал те дни,
И думал: «ах, зачем прошли они!»

Они прошли, как сон пустой; а ныне,
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один, и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит,
И знает, что добра из них не выдет;
Тоска ему, невыносимо дик
Его большой Бузанский пашалык:
Сама его столица, как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нем кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.

И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. — «Крумахера ко мне!»
Лакей ушел. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где все еще и пошло и уныло,

Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая,
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?
Где я возьму такую тьму людей?
Бульвар велик; нет, это слишком скоро!
Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день, — да где их столько и набрать?
Лес за семь верст! И лес какой же? Хвойный!
А липы редки в этой стороне,
А нужны липы! Что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно,
И мысли в нем, одна другой черней,
Как волны вод, когда ревет Борей.

Вошел Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объяснил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело —
И чтоб оно без устали кипело:
Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьем из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,

И для поливки буду высылать
Моих пожарных». — «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара», —
Заметил князь. — «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые: ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»
И князь сказал: «Поди же торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».
Ушел Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лег, и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То ясная и яркая, сияет
В лазурном небе; то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет
И лунный свет, в стекле ее живом,
Рассыплется огнем и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задернута налетным облачком.
Земля уснула, будто, райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи.
Сон видит князь: с министром он сидит,

И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,
В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своем,
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь, и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданью своему;
Министр доволен, весело он ходит,
Все хорошо, все нравится ему,
Все сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражен приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощен —
И три раза он видит тот же сон.

Глава 2

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такою ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.

Его жена любила также нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно:
И процветал Алинин сад, предмет
Ее живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной, и сама,
Еще при ней, деревья в нем садила —
Не просто; нет, она была весьма
Замысловата. При сажаньи сада
Не только что прогулка, иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в ее саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб легкий шум густых его ветвей,
При месячном сияньи тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Ее семью и дружбу и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иваныч Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж ее Петр Федорыч Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,
Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер —
Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны

Мстиславские: Елена и Полина, —
Красавицы! А вот семейный мир
Хозяйки: вот ее мамá, Кристина
Егоровна; папá, аптекарь Шмир,
Иван Иваныч; дядя Карл Иваныч;
Вот муж, аптекарь Николай Богданыч
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюбленная, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених ее гулял
И в первый раз ее поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна
Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лиц, и сетчатые тени
Падут на луг, — Алина здесь блуждать
Любила и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенен горой
От северного ветра, многотенен,
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда ее семейная картина.

И двое-трое милых ей гостей
В ее саду, в тени его ветвей,
Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрат
Блехшмидт, портной, его табачный брат;
С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Миною фон Флит,
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной
Сидел у растворенного окна.
Он занимался важно медициной,
И рылся в толстой книге, а жена
Чулок вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах боже мой! Крумахер к нам идет!
Что это значит?» — жалобно сказала
Алина, и хотела выдти вон;
Но в дверь стучат. Так точно, — это он.
И муж ее немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился,
И сел. Сначала он заговорил
О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливмя льет;
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевел к бульвару
Свои слова, и наконец довел

Их и до лип, а тут он перешел
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар и скоро перевесть,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил. — Эта весть
Хозяину пришлася не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву
Он видел в ней; Алина же чуть-чуть
Не обмерла, не смела и дохнуть;
Но Николай Богданыч приободрился,
Вскочил со стула, выступил вперед
И объявил, что лип он не дает,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»
Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним ни мало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил,
И то сказать — Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят, и честный,
И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить, или над ним
Ругаться! Пусть живет благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад — его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.
Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный,

Он этого не сделает. О, нет,
Ты лжешь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошел ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

Глава 3

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея: он курил
Гаванскую сигару, раздевался
Прохладно, и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правою рукой
Крумахера): «Послушай ты, косой,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:
Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное смотри,
Чтобы все шло без шума, тихомолком.
Пожалуйста, получше все уладь!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими, и вырой сотню лип —
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы, и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще, — наш народ лентяй, —
Ступайте же». — Крумахер потянулся,
Прилег к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно — и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся

До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;
Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Еще дымились; рощи и поляны
Сверкали переливною росой,
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрени протяжно приглашая
Благочестивый православный люд...
Крумахер встал, и глядь: к нему ведут
Купца Жернова. «Это что такое?» —
— Лип не дает, кричит и гонит вон! —
«Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уймем».
(И ну его гордовым чубуком!)
«В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему...»
(И отвели несчастного в тюрьму).
«А ты, Мордва, ты, право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный, — ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки: — плох ты, брат!
И больно плох, и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,

Как я велел, все сделай поскорей,
Да, ради бога, будь ты посмелей!» —
Мордва ушел. Работою живою
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нем и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густою
Играл прохладный, вешний ветерок
И падала роса их на песок.

Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина: дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,
Как он пойдет и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут, и плачут и кричат:
«Папа̀, папа̀, иди скорее в сад;
Мама̀ больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». — Он бежит.
И что ж он видит: замертво лежит
Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла:
Несчастный муж! — Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: все делается живо.
Помехи нет ни в чем, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова, —
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле
Бульвар, еще до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,

Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

342. САМПСОН

(А. С. Хомякову)

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья филистимской земли,
Себе на потеху — они и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастной
Пленительных, женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему:
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице, и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, — но смирился,
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели, — и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

DUBIA

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

343. К ***

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеет и хранит мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы
И пылкие умы и рыцарские нравы...
Ах молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила
И первых нежных чувств и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясной,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога —
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,

Каким доступны мы, когда в часы ночные,
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал, хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий—
И словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

344

Увенчанный и пристыженный вами,
Благодарить не нахожу я слов;
Скажу одно: меж царскими венцами
Не видано прекраснейших венцов!
Пусть лаврами украшен я не буду,
Пусть сей венец поэту в шутку дан;
Но — ваш казак — я вечно не забуду,
Как пошутил со мной мой атаман.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

(Стихотворения, написанные совместно с Ив. Киреевским)

345. КУПЛЕТЫ ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ВАВИЛОНСКАЯ ПРИНЦЕССА»

ЧОРТ

Когда счастливый дар поэта
Завесой скромности прикрыт,
И им средь суетного света
Младая дева не блестит,

Когда порыв души прекрасной
Она стихом передает
И похвалы толпы пристрастной
Себе не ищет и не ждет, —

Служенье музам освящает
Очарованье красоты,
И мысль и очи просветляет
Огнем возвышенной мечты.

Когда ж на дело вдохновенья
Она незваная идет,
И все грехи рифмоплетенья
Выносит нагло пред народ,

Тогда в насмешливом народе
Ей все в позор обращено,
Она бессмыслица в природе
И полу нежному пятно.

НЕПТУН

Все, что волны, все, что воды,
Все, что море-океан,
Все, что бури, непогоды,
Надо всем я капитан.

Прежде чем летали флоты
По хребтам седых валов,
Я предвидел анекдоты
Всех отважных моряков.

Про Колумба, Магеллана
Про де-Гаму и других,
Всех героев океана,
Знаменитых и простых.

Вот каков я! Суши, мели,
Камни, скрытые на дне,
Неизбежные доселе,
Все давно известны мне!

Все, что волны, все, что воды,
Все, что море-океан,
Все, что бури, непогоды,
Надо всем я капитан.

Но одно — венца и трона
И трезубца мне милей:
Что почтили Посейдона
Вы любовию своей.

В те часы, как вас пленяли
Сказки витязей морских,
Про меня вы их читали
И меня любили в них.

Я и сам давно волнуюсь,
И любовью к вам дышу,
Потому рекомендуюсь
И руки у вас прошу.

ГЕБА С КУБКОМ

Бывало, я, младая Геба,
В Олимпе чашницей была,
И на пирах напиток неба
Мироправителям лила;
Теперь же боги баснословья
И папа с ведьмой и со мной
За ваше доброе здоровье
Осушим кубок круговой.

ЗВЕЗДА

Я та звезда, под чьим правленьем
На белый свет ты рождена,
Под чьим властительным теченьем
Твоя красуется весна.

Мы, звезды, царственно гуляем
По беспредельности небес,
Судьбами мира управляем,
И нам подвластен сам Зевес.

В его весов святые чаши
Кладем мы жребии людей,

И я сошла в пределы ваши
С моих лазоревых полей, —

Чтобы тебе новорожденной
Открыть грядущий жребий твой:
Он будет светел, озаренный
Тебя хранящею звездой,

И будет ясен и спокоен
И вечно радостен твой взор,
И каждый день твой будет строен,
Как звезд расчисленный собор.

И жизнь твоя пройдет сияя,
Как мы на небе голубом
Проходим, взор обворожая
Своим магическим огнем.

ВЕДЬМА (верхом на помеле)

Я в Киеве узнала,
Что пирушка здесь в селе;
Вот коня я оседлала,
Завизжала, засвистала,
Поскакала, поскакала, —
Прискакала на метле.

Помнишь, барышня-шалунья,
Ты духов к себе звала?
Прилетела я, летунья,
Испугалась ты, шалунья:
«Ах, колдунья! Ах, колдунья!»
И креститься начала.

То-то, барышни, смотрите,
Не пугайте волшебством!
С нашей братьей не шутите!

Если ж вызвать нас хотите,
Не гоните, не гоните,
Не гоните нас крестом!

Вот теперь не испугаю —
Я пришла проведать вас:
В день рожденья вам желаю
Благ, каких сама не знаю;
Поздравляю, поздравляю,
Поздравляю в добрый час!

ТРУБАДУР

Из счастливого Прованса,
Где царем был сам Амур,
Где отечество романса,
Я — бродящий трубадур.
На живых брегах Дюранса
Помню я, что вас видал:
Там вы песни запевали,
Хороводы заплетали,
И оттуда приезжали
Вы к Голицыну на бал.

Как знакомый, в день рожденья
Вам приносит поздравленье
Ваш покорный трубадур:
От живых брегов Дюранса,
Из отечества романса,
Из счастливого Прованса,
Где царем был сам Амур.

АМУР С МЕШКОМ

Знаком я вам иль нет? — Того не знаю,
Хоть ревностно служу у вас в стрелках,

И, егерь ваш, без промаху стреляю,
И в юношу и в старика в очках.

И много жертв сразил во имя ваше,
Их тысячи сидят в мешке моем;
Один старик, чуть жив, пищит в ягдташе:
«Ах, сжальтеся над бедным стариком».

ПАПА С КЛЮЧАМИ

И я пришел в день вашего рожденья,
Подобно сим языческим богам;
Я вам принес мое благословенье,
Чего они принесть не могут вам.
Мне донесли, что ваша кладовая
В исправности и взаперти всегда,
Так вот же вам зато ключи от рая,
Но только с тем, чтоб не спешить туда.

DUBIA

346. [ЭПИГРАММА]

Про графа Строганова слава
Останется одна:
Что им в Москве учреждена
Литературная застава.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. М. ЯЗЫКОВУ

А. Б—ф (Бальдауф)

1. ПОСЛАНИЕ К Н. М. Я.

Я с пламенной душою
На лире золотой
Хвалил младую Хлою,
Пленясь ее красой.
Хвалил — и сердце билось
В груди моей сильней.
Ах! Где любовь прямая?
Коль ангел изменил,
Что ж смертная простая?
Но я уж все забыл...
Мне дружба подсказала:
«Забудь со мной любовь!
Давно любовь я знала:
Она волнует кровь; —
В ней ад — не наслажденье;
Забудь ее, забудь!»
И к дружбе в уверенье
Склонился я на грудь.
Коварная ласкала, —
Мы не разлучны с ней;
Вдруг бездна нам предстала:
Вот опыт для друзей!
«Прости, мой друг, опасно
Здесь проходить двоим!»
Мне спутница сказала
И вмиг из глаз пропала!
Что ж странник? Ах, пред ним

Шумит поток ужасный —
По вековым скалам.
Певец в тоске к струнам
Рукою прикоснулся...
И слабый гул проснулся,
Пронесшись по волнам.
И лира прозвучала:
«Конец! Всему конец!
Где дружба, о слепец!»
Но кротко заблистала,
Вдали на небесах,
Ему звезда спасенья,
Он пел средь восхищенья
Надежду на струнах!
Постой! Помедли, милой,
Прелестный сердцу свет!..
Но скрылся... и унылой
Вотще его зовет!
И скоро ль — не известно,
Найдет обратный путь?
Ах, чтоб звезде прелестной
Еще хоть раз блеснуть!..

А. Дельвиг

2. СОНЕТ

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе итти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с Каменой сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасной
Храню в душе благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовию пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье,

И за себя богов благословил.
Певца пиров я с музой подружил,
И славой их горжусь в вознагражденье.

3. К ЯЗЫКОВУ

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнаньи
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг все для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульной,

Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

Михайловское. 1824 г.

А. Пушкин

4. К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Не пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородной,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

А. Пушкин

5. К ЯЗЫКОВУ

К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.

И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты, —
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев избегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклинаю
Я тяжесть денег и годов.
Прости, певец: играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

А. Пушкин

6. ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

I. ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. XXXI

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог весть, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

II. ОТРЫВКИ ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод:

Судьбы нас снова разлучили
[И нам назначили] поход.
Онегин, очень охлажденный,
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам,
А я от милых южных дам,
От [жирных] устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И — слава богу — от вельмож,
Уехал в тень лесов тригорских
В далекий северный уезд.
И был печален мой приезд.

*

О, где б судьба б ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила, —
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей, —
Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.

*

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы.
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Являлся он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом,
Но там и я мой след оставил,
И, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Е. Боратынский

7. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Языков, буйства молодого
Певец роскошный и лихой!
По воле случая слепого,
Я познакомился с тобой
В те осмотрительные лета,
Когда смиренная диэта
Нужна здоровью моему,
Когда и тошный опыт света
Меня наставил кой-чему,
Когда от бурных увлечений,
Желанным отдыхом дыша,
Для благочинных размышлений
Созрела томная душа;
Но я люблю восторг удалый,
Разгульный жар твоих стихов.
Дай руку мне: ты славный малый,
Ты в цвете жизни, ты здоров;
И неумеренную радость,
Счастливец, славишь ты в пирах;
Звучит лирическая младость
В твоих лирических грехах.
Не буду строгим моралистом,
Или бездушным журналистом;
Приходит все своим чредом:
Послушный голосу природы,
Предупредить не должен годы
Ты педантическим пером;
Другого счастия поэтом
Ты позже будешь, милый мой,
И сам искупишь перед светом
Проказы музы молодой.

Е. Боратынский

8. ЯЗЫКОВУ

Бывало, свет позабывая
С тобою, счастливым певцом,
Твоя Камена молодая
Венчалась гроздьем и плющем

И песни ветреные пела,
И к ней, безумна и слепа,
То, увлекаясь, пламенела
Любовью грубою толпа;
То на свободные напевы
Сердяся в ханжестве тупом,
Она ругалась чудной девы
Ей непонятным божеством.
Во взорах пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щеках,
Был жар хмельной в ее глазах
Или румянец вожделенья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобает:
Лишь для любовника она
Наряд Менады надевает.
Яви ж, яви ее скорей,
Певец, в достойном блеске миру;
Наперснице души твоей
Дай диадиму и порфиру;
Державный сан ее открой,
Да изумит своей красой,
Да величавый взор смущает
Ее злословного судью,
Да в ней хулитель твой познает
Мою царицу и твою.

Д. Хвостов

9. НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ

Пускай летал иль только лазил
Я без удачи на Парнас,
Коль зависти лукавый глаз
Моей поэзии не сглазил,
Прими, восторга сын, поэт,
Которому я благодарен,
Прими классический совет:
Он простодушен, не коварен,
Ты говорил про муз завет:
«Что слава? — Суета сует».
С тобой, Языков, я согласен,
Поэту лести дым опасен,
Но здесь о славе речи нет.

Мирон, настроя глас свирели,
Румянцем юности горя,
Как летом ясная заря,
Не миновал далекой цели,
Услыша гром, увидя кровь,
Воспел и благость, и любовь.
Будь сердца пламень чист в поэте,
Внимая чистых хор певиц,
Он лавр забыл, забыл о лете;
Природы царству нет границ.
Коль взял волшебный жезл природы,
Земля и ад, эфир и воды
В движенье быстром и борьбе,
Языков, рабствуют тебе.

Мир видимый и мир возможный
Умом своим создаст поэт,
Но будет труд его ничтожный,
Коль благодатной искры нет.
Пускай земною славой дышет;
Прелестно чувственность опишет,
Ему не внемлет песней бог,
Один наперсник муз восторг
Отсель на небо преселяет;
Там звезд пылающих чертог,
Там жизни дух все оживляет;
Там вечно-юный дар певца
Влечет к себе умы — сердца.

Новграда бард, не медли боле!
Представь премудрость на престоле,
Греми Екатерины меч;
На Альпы стань, когда Суворов,
Герой молниеносных взоров,
Вещал устами грома речь!

Пускай афинян басни, драки
Отринул вкус, безмерно строг,
Представь Эдипа жалкой рок
От рук свирепого Шемяки!

Кто стал людских дурачеств враг,
Забыв о гордой Мельпомене,
Заметным хочет сделать шаг

В гостиной Талии, на сцене,
Тому Кутейкин, верхолет,
Живой перед лицом совет.

Коринда, друг любви мечтанья,
Таит у светлого ручья
Приют, где прелестей семья
Амуру шепчет час свиданья,
Живописуй, коль можешь ты,
Филиды милой красоты,
Вверяя воздуху стенанье;
Той резвой юности игры
И хороводы и пиры;
Пусть пробка с потолком сразится,
Веселой теша уголок,
Где в чистом хрустале струится
Вина шипящего поток.

Певец, постигши цель искусства,
Славь добродетели цветок,
Гони смешное и порок!
Тебе любви высокой чувства
Откроют истины предел,
Где Пиндар брал запасы стрел.

Языков, не проси совета
У старика глубоких лет,
Но, если нужен, — вот совет:
В десницу взяв доспех поэта,
Напрасно время не губи
В обителях и муз и света,
Советодателя люби.

(1827)

Д. Хвостов

10. В ОТВЕТ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ

на послание его стихами, напечатанное в 1-й книжке «Московского Вестника» 1830 г., в Феврале месяце

Певца Кубры почтил Языков похвалой;
Поэту мил привет от музы молодой,
Которая, паря к вершинам Геликона,
Не бросила стези Гомера и Мирона.

Уже певец Кубры давно то знает сам,
Что, если он когда и с лирой в Лету канет,
Потомства суд его невольно воспомянет,
Поверя огненным Языкова стихам.

Василий Мызников

11. К НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЯЗЫКОВУ

О Волги сын любимый,
Воскреснувший Боян!
Пред строем невредимый
Дух мужества славян!
То водишь в бой ты рати;
То рушишь тяжкий плен;
То гимн для падших братий
Гремишь средь падших стен;
То славишь ты свободу;
То родину поешь;
То мир души, природу, —
И с Томсоном идешь!
Я, песнь твою читая,
Горжусь, что я с тобой —
Певец родного края —
Из родины одной!..
Мне так же волжски воды
Знакомы, как тебе;
За те ж небесны своды
Я сетую к судьбе:

Высокие курганы,
Густой Каймарский лес,
И северной Морганы
Обитель вся чудес,
И мшистый кремль Казани
Ее стремнистый вал —
Стезя кровавой брани —
Могол где гордый пал:
И все там, бард могучий,
Там все святое мне!..

В бору песок сыпучий,
Свинцовый туск в волне

Дороже, чем в чужбине
Мне пурпура отсвет,
Дороже, чем в чужбине
Дев прелести привет!..

И там моя Темира!..
Разлука!.. Адский час!..
Вы все блаженства мира!
Моя отчизна краше вас!

О пой еще пой Волгу,
Языков звучный мой!
Да общую дань долгу
Певцы ей принесут с тобой!

1827 года
Генваря 28 дня
Митава

Д. П. Ознобишин

12. Н. М. ЯЗЫКОВУ

В былые дни, поклонник Феба,
Я пламенно молил у неба:
Чтобы в моей груди младой
Не угасал огнь думы сладкой,
Чтоб муза рифмою живой
Шептала мне свой стих украдкой;
Тогда в рассвете бытия —
Мечтой вся жизнь цвела моя.

Блаженны были те мгновенья,
Мир светских снов и упоенья
Нежданных и завидных встреч!
Все, все прошло волною шумной,
И сердца пыл, увы, безумной,
И вдохновительная речь,
И то, чем дух ласкался юный,
Чем жили, трепетались струны!..

Теперь, как странник, на дорогу
Глядя, твержу я: «Слава богу!
Мой дальний путь пройден, за мной...»
Но дум исчезнул рой крылатый,

Холодный опыт, мой вожатый,
Меня уводит в мир иной;
Там, циркуль взяв для измеренья,
Стопою ценит вдохновенья!..

Но ты, Языков, пробудил
Тот огнь, что я в груди таил;
На вызов твой красноречивый,
Поэт! кому в святой тиши
Знакомы радости души,
Восторгов дивные порывы!
На вызов твой я ожил вновь
Петь юность, дружбу и любовь.

Прими ж, певец, мой благодарный
Стих дружбы нелицеприятный!
Да посетит твой мирный кров
Здоровье — спутник вдохновенья!
Дай вновь нам слышать песнопенья,
Восторг, разгул и шум пиров,
И кверху поднятые чаши,
Вино — былые годы наши!

Ноябрь 1834

П. Вяземский

13. К ЯЗЫКОВУ

Я у тебя в гостях, Языков!
Я в княжестве твоих стихов,
Где эхо не забыло кликов
Твоих восторгов и пиров.
Я в Дерпте, павшем пред тобою!
Его твой стих завоевал;
Ты рифмоносною рукою
Дерпт за собою записал.
Ты русским духом, русской речью
В нем православья поднял тень
И русских рифм своих картечью
Вновь Дерпту задал Юрьев день.
Хвала тебе! Живое пламя
Ты не вотще в груди таил:
Державина святое знамя

Ты здесь с победой водрузил!
Ты под его широкой славой
Священный заключил союз:
Орла поэзии двуглавой
С орлом германских древних муз.
Он твой, сей Дерпт, германо-русский!
По стогнам, в россказнях бесед,
Еще грохочут отголоски
Твоих студенческих побед.
Ни лет поток, ни элементы
Тебе не страшны под венцом,
И будут поздние студенты
Здесь петь о имени твоем.
В Италии читай Виргилья,
В Париже Беранже читай:
Где музы оперились крылья,
Там на полет ее взирай.
Я здесь читал, твердил прилежно
И с полным наслажденьем вновь
Стихи, где стройно и мятежно
Волнуется твоя любовь!
Стихи, где отразились ярко
Твои студенческие дни,
Сквозь кои ты промчался жарко,
Как сквозь потешные огни;
Стихи, где мужественным словом
Отозвалась душа твоя
В однообразьи вечно новом,
Как все глаголы бытия.
Не слушайся невежд холодных,
Не уважай судей тупых:
Сочувствий тайных и свободных
В них не пробудит свежий стих,
К тебе их суд неблагосклонен,
Тем лучше: следственно ты прав!
Один талант многосторонен,
Многоугодлив и лукав!
Но чувство, брошенное скрытно
Залогом жизни в нашу грудь,
Всегда одно и первобытно,
Чем было, тем оно и будь!
Скажите мне: дыханье розы,
Рев бури, гул морской волны,
Веселья сердца, сердца слезы,
Улыбка первая весны,

В часы полночного молчанья
Звездами вытканная твердь,
Святые таинства созданья:
Рожденье, жизнь, любовь и смерть,
И все, что жизни нам дороже,
Чем нам дано цвести, скорбеть,
Не так же ль все одно и то же,
Как было, есть и будет впредь?

Дерпт. Сентябрь 1833

П. Вяземский

14. ПОМИНКИ

ЯЗЫКОВ

Ты, душой не ослабевший
Под болезненным ярмом,
Ты сверкавший, ты гремевший
Огнедышущим стихом.

Складкой русской, краской местной
Ты поэт наш коренной!
Пушкин был отец твой крестный,
А Державин прадед твой.

Грустный узник на чужбине,
Русский дедовских времен,
Ты рвался к родной святыне
Из удушья чуждых стен.

В степь рвался, где Русью веет,
Где шумит сосновый бор,
Где ласкает, душу греет
Кровных братьев разговор,

Там, где виноградник вьется,
Блещет неба синий свод,
Там, где Рейн зеленый льется,
Отражая в лоне вод

Замки древности глубокой,
Гор и стен зубчатых высь,

Вниз по Волге по широкой
Сны и песнь твои неслись.

Хохот твой добросердечный,
Простодушье детских дней,
Ум свободный, нрав беспечный
Были радостью друзей.

Сохранивший до кончины
К песням свежую любовь,
Удаль русской братовщины
И студенческую кровь,

Соблюдавший предков нравы,
Трезвый постник по нужде,
Ты любил пиры, забавы,
Сам же сидя на воде.

И с радушьем старобытным,
Замогильный хлебосол,
Ты друзей к поминкам сытным
Созвал за посмертный стол.

Исполать тебе, дружище,
Не поддался ты судьбе,
И в душах и над могилой
Память вечная тебе!

П. Вяземский

15. ПОМИНКИ

Дельвиг, Пушкин, Боратынский,
Русской музы близнецы,
С бородою Бородинской
Завербованной в певцы,

Ты наездник, ты гуляка,
А подчас и Жомини,
Сочетавший песнь бивака
С песнью нежною Парни!

Ты, Языков простодушный,
Наш заволжский соловей,

Безыскусственно послушный
Тайной прихоти своей!

Ваши дружеские тени
Часто вьются надо мной,
Ваших звучных песнопений
Слышен мне напев родной.

Ваши споры и беседы,
Словно шли они вчера,
И веселые обеды
Вплоть до самого утра,

Все мне памятно и живо.
Прикоснетесь вы меня,
Словно вызовет огниво
Искр потоки из кремня.

Дни минувшие и речи,
Уж замолкшие давно,
В столкновеньи милой встречи
Все воспрянет заодно.

Дело пополам с бездельем,
Труд степенный, неги лень,
Смех и грусти за весельем
Набегающая лень,

Все, чем жизни блеск наружный
Соблазняет легкий ум,
Все, что в тишине досужной
Пища тайных чувств и дум,

Сходит все благим наитьем
В поздний сумрак на меня,
И событье за событьем
Льется памяти струя.

В их живой поток невольно
Окунусь я глубоко,
Сладко мне, свежо и больно,
Сердцу тяжко и легко.

16. Н. М. ЯЗЫКОВУ

ОТВЕТ

Невероятный и нежданный
Слетел ко мне певца привет,
Как лавра лист благоуханный,
Как южных стран прелестный цвет.

Там вы теперь, — туда бывало,
Просилась подышать и я,
И я мечтою улетала
В те благодатные края.

Но даром не проходит время,
Мне принесло свой плод оно,
И суетных желаний бремя
Я с сердца сбросила давно.

И примирилась я с Москвою,
С отчизной лени и снегов;
Везде есть небо над главою,
Везде есть много чудных снов,

Везде проходят звезды мимо,
Везде напрасно любишь их,
Везде душа неукротимо
В борьбах измучится пустых.

О Риме ныне не тоскуя,
Москве сравненьем не вредя,
Стихи здесь русские пишу я,
При шуме русского дождя.

Покинув русскую столицу
Для полугородских полей,
Шлю из Сокольников я в Ницу
Дань благодарности моей, —

Слова сердечного ответа
В родной, далекой стороне, —
За сладкозвучный дар поэта,
За вспоминанье обо мне.

Июнь 1840

17. Н. М. ЯЗЫКОВУ

ОТВЕТ НА ОТВЕТ

Приветствована вновь поэтом
Была я, как в моей весне;
И год прошел, — сознаться в этом
И совестно и грустно мне:
Год — и в бездействии ленивом
Покоилась душа моя,
И на далекий глас отзывом
Здесь не откликнулася я!
Год — и уста мои не знали
Гармонии созвучных слов;
И думы счастья иль печали,
Мелькая мимо, не блистали
Златою ризою стихов.
Кипела чаще даром неба
Младая грудь: была пора,
Нужней насущного мне хлеба
Казалась звучных рифм игра;
В те дни, — прекрасными строфами
Не раз их прославляли вы,
Когда явились между нами
Впервой, счастливый гость Москвы.
Я помню это новоселье,
Весь этот дружный, юный круг,
Его беспечное веселье,
Неограниченный досуг.
Как много все свершить хотели
В благую эту старину!
Шел каждый, будто к верной цели,
К неосязаемому сну.
И разошлись в дали туманной.
И полдня наступает жар,
И сердца край обетованной
Как легкий разлетелся пар!
Идут дорогою заветной;
Пускай же путники порой
Услышат где-то глас приветный,
Ау знакомый за горой!
Немного вас, однноплеменных,
Средь шума алчной суеты,
Жрецов коленопреклоненных

Перед кумиром красоты!
И первый пал!.. И в днях расцвета
Уж и другой лечь в гроб успел!..
Да помнит же поэт поэта
В час светлых дум и стройных дел!
Переносяся в край из края,
Чрез горы, бездны, глушь и степь,
Да съединит их песнь живая,
Как электрическая цепь!

Гиреево. 1842

К. Павлова

18. ЯЗЫКОВУ

Средь праздного, людского шума
Вдруг, как незримый херувим,
Слетает тихо дева-дума
Порой к возлюбленным своим;
И шепчет, оживляя странно
Все, что давно прошло сполна.
Сошлась не раз я с ней нежданно,
И вот, знакомая, она,
В день чудотворца Николая,
Опять является ко мне,
И многое напоминая,
Заводит речь о старине.
Как, пешеходцем недостойным,
С трудом свершив вы путь святой,
Меня стихом дарили стройным
И ложкою колесовой,
И ваш подарок берегу я,
И помню ваш веселый стих.
Хвала тем дням! Вдали кочуя,
И вы не забывали их.
Сменилось все; жилец чужбины,
С тех пор поведали вы нам
Ваш переход чрез Апенины,
К италианским берегам.
Но той страны, где сердце дома,
Неколебимы в нем права:
И вы, услышав: Ecce Roma! [1]
Вздохнули может: где Москва? —

[1] Вот Рим! [*Ред.*]

И снова к ней с любовью детской
Пришли вы после тяжких лет,
Не тот певец уж молодецкий,
Но все избранник и поэт;
Но все на светские волненья
Смотря с душевной высоты;
Но веря в силу вдохновенья
И в святость песни и мечты;
Но снов младых не отвергая,
Но в битве духом устоя. —
Так пусть и я уже другая,
Но не отступница и я.
Заговоря о днях расцвета,
И нынче вспомнив о былом,
Пусть праздник именин поэта
Сердечным встречу я стихом.

1844 г. Май

К. Павлова

19. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Но в мире будь величествен
и свят.
Языков.

What is wright is wright [1]
Byron

Нет! Не могла я дать ответа
На вызов лирный, как всегда;
Мне стала ныне лира эта
И непонятна и чужда.
Не признаю ее напева,
Не он в те дни пленял мой слух:
В ней крик языческого гнева,
В ней злобный пробудился дух.
Не нахожу в душе я дани
Для дел гордыни и греха,
Нет на проклятия и брани
Во мне отзывного стиха.
Во мне нет чувства, кроме горя,

[1] Что правда, то правда. Байрон. [*Ред.*]

Когда знакомый глас певца,
Слепым страстям безбожно вторя,
Вливает ненависть в сердца.
И я глубоко негодую,
Что тот, чья песнь была чиста,
На площадь музу шлет святую,
Вложив руганья ей в уста.
Мне тяжко знать и безотрадно,
Как дышит страстной он враждой,
Чужую мысль карая жадно
И роясь в совести чужой.
Мне стыдно за него и больно;
И вместо песен, как сперва,
Лишь вырываются невольно
Из сердца горькие слова.

1846 г.

Л. Якубович

20. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Торжественный, роскошный и могучий —
Твой стих летит из сердца глубины;
Как шум дубров и Волги вал гремучий,
Твои мечты и живы и полны:

Они полны божественных созвучий,
Как рокот арф и гимн морской волны!
Отчизну ли поет и гордо и правдиво,
Гроба Ливонии, героев племена,

Красавиц иль вино: пленительно и живо
Рокочет и звучит и прыгает струна...
И сердце нежится по воле, прихотливо,
И словно нектаром душа упоена.

П. Ф. Алексеев

21. К Н. М. ЯЗЫКОВУ

СОНЕТ

Как серебро нагорного каскада,
Летя со скал хрустальною дугой,
Твой круглый стих, как жемчуг дорогой,
Дымясь, кипит над соком винограда.

Горды твоей разгульной лиры чада.
Их не дерзнет воспеть певец другой,
Звук ревности под Вакховой ногой
Замрет, как свист, — вот дерзости награда!

Как аромат душистого вина,
За пуншевым столом сладка, шумна
Душа пиров — твоя песнь удалая!

В ней, как звезда на небе зажжена,
Горит в лучах студентов старина,
Душевный пыл и молодость лихая.

Дерпт. 1837

И. С. Аксаков

22. ЯЗЫКОВУ

Мне неожидан был и нов
Твой отзыв дружески пристрастный,
Ты, мира звуков и стихов
Распорядитель полновластный!
Благодарю тебя, поэт!
Мне руку подал ты, как другу,
Твой ободрительный привет
Рассеял в миг тяжелый бред,
Моей души печаль и тугу!..
И рад бы был поверить я
Призывам опыта и дружбы!..
Но знаешь сам: в заботах службы
Тянулась долго жизнь моя!
Потратив годы золотые
В делах усердных и пустых,
Уже ль для подвигов иных
Назначен я?.. Когда впервые,
Средь утомительных трудов,
Мое раздалось песнопенье,
Мне странен был моих стихов
Язык, и ново — вдохновенье!..

Так указать свою судьбу
Дерзнет ли воля молодая,
Вопросов внутренних борьбу
Самонадеянно решая?..

Но, если смутно и темно
В груди таится дарованье,
Да воспитается оно,
Да оправдается призванье!
Да будет мир души моей
Высокой думой настроен,
Да не угаснет пламень сей,
Да буду ввек его достоин!
Да тяжесть нашего греха
И поклонение обману
Могучей силою стиха
Изобличать не перестану!..
Пускай же юности моей
Не возмущают девы-розы,
Веселье бурное страстей,
Любви свежительные грозы!..
Но всюду нам среди пиров
И всяких суетных занятий
Да будут слышны вопли братий,
И стон молитв, и гром проклятий,
И звуки страшные оков!..

1845 г. Калуга

В. Анненкова(?)

23

Когда в разгульной вашей доле
Вам любо вдаль и вдоль лететь —
И любо вам, как птичке в поле,
Летать и петь, летать и петь...
И мы в начале [жизни] смелой
К весне, к мечтам возрождены —
Прилично ль вам больное тело
С душой, исполненной весны?

Когда леса напевов полны,
Везде блаженство, жизни зов —
Родной вам Волги плещут волны
С приволжской песней удальцов —
В родном вам небе прояснело,
С него ль не веют счастья сны?
Прилично ль вам больное тело
С душой, исполненной весны?

Теперь, в Москве первопрестольной,
Родным вы отданы друзьям,
И жизнь, здоровье, мир невольно
Не возвращаются ли к вам?
Не все ль проснулось, налетело,
Как песнь волшебной старины?
Прилично ль вам больное тело
С душой, исполненной весны?

Не здесь ли вы судьбу поэта,
Как жрец, высказывали нам;
Не здесь ли конь ваш в оны лета
Носился бурно по полям,
Узды не зная, резвый, смелой?
И грянут песни старины,
И не убьет больное тело
Души, исполненной весны!

1844

С. Николаевский

24. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Живые твои песнопенья
Я с полным восторгом читал
И чудный огонь вдохновенья
И чувства твои угадал.
Как майское небо прекрасны
И чувства и мысли твои,
И песни твои сладкогласны,
Исполнены нежной любви.
Да будут же дни твои ясны!
Счастливо и долго живи!

Спаси тебя бог от болезни!
Пой сладко в покое, в тиши,
И будут всегда твои песни,
Как ныне, умны, хороши.
Огонь вдохновений небесных
Недаром судьбою нам дан:
Он дан для мгновений чудесных,
Он дан для забвения ран, —
Для помыслов чудно-прелестных
И этот огонь тебе дан!

Ты, даром небесным счастливый,
В Москве православной живешь
И чувствам живым справедливый,
Веселые песни поешь.
Живые твои песнопенья
С веселием слушает Русь...
Один ты — дитя вдохновенья!
И я одного лишь боюсь
Поэтов правдивого мненья...
И, если найдешь вдохновенье
Во мне: я потоком зальюсь.

Припомни те дни золотые,
Когда наш великий поэт
Твои песнопенья живые
Читал, и пропел им привет;
Припомни, как друг его милый,
Друг юности легкой, живой,
Друг юности грустной, унылой,
Дар песен приветствовал твой:
Припомни — и прежние силы
Опять подружатся с тобой.

От тяжких мучений болезни
Спасет навсегда тебя бог;
Твои сладкогласные песни
Нам в этом порука, залог.
На поприще жизни прекрасной
Вступая, — тебе, наш поэт,
Тебе, наш певец сладкогласный,
Я шлю мой сердечный привет.
И знаю: пою не напрасно,
В душе твоей встречу ответ!

11 мая 1846
Москва

Н. А. Арбузов

25. Н. М. ЯЗЫКОВУ

Певец вина и нежной страсти,
Языков! друг ночных пиров,
Я рабски покоряюсь власти
Твоих заманчивых стихов.

Их сила, блеск и переливы,
Восторг их истинный, живой,
Меня свежат, как ток игривый
Вина, воспетого тобой.

И как за пенистою чашей,
Так и за лирою твоей
Все веселей, светлей и краше
Мне в жизни кажется моей!

1851. Сергиевское.

Я. Н. Толстой

26. [ПРИ ОТСЫЛКЕ СТИХОВ ЯЗЫКОВА ПЕРЕВЛЕССКОМУ]

Времен из-под густого моха
Открыты милые стихи.
Давно протекшая эпоха,
Ее невинные грехи,
Студента резвого проделки
От разрушенья спасены:
Забавны, бойки, метки, целки, —
Они являются, как сны
Или как грезы пансиона,
Живой и пламенный рассказ
Блаженной юности проказ
И шалостей во время оно.

Но грустно мне — мой слышен вздох;
Читая радости напевы,
Пиры, банкеты, песни, девы,
Я тяжко восклицаю: ох!
И вопрошаю их: скажите, где вы? где вы?

Париж. 6/18 августа 1838 г.

II. ПАРОДИИ НА СТИХОТВОРЕНИЯ ЯЗЫКОВА

Н. А. Полевой (Буршев)

1. ЗАБУБЕННАЯ ЖИЗНЬ

> Кто за бокалом не поет,
> Тому не полная отрада:
> Бог песен богу винограда
> Восторги новые дает.
> Слова святые: пей и пой!
> Необходимы для пирушки.
> Друзья! где арфа подле кружки,
> Там бога два — и пир двойной...

Лей вино, бесись и пей,
Шаловливая ватага!
Пусть студентов-усачей
Жизнь, как бешеная брага,
Через край бурлит и бьет.
Тот блажен, кто в жизни юной
С Вакхом радостно поет.
И звучит в златые струны
Полупьяный меж друзей!
Так велит тебе, ватага,
Музы бешеной моей,
Забутыльная отвага.

Пусть над пьяным мертвецом
Пьянством тризну совершают,
Обольют его вином,
Засыпая, допивают
Из звенящего стекла
Влагу радости живую!
Мы сожжем ее до тла!
Нашу юность удалую!

Прочь все трезвые труды
Славы, горе и забота!
Не отдам вина полгода
За столетие воды?

Н. А. Полевой (Бессмыслов)

2. А. Н. ТЮТЧЕВУ

А. Т. Х—ву

> **Ну, да! судьбою благосклонной**
> **Во здравье было мне дано**
> **Той жизни мило-забубенной...**
> **Изведать крепкое вино!**
> **Не вспоминай мне, бога ради,**
> **Веселых юности годов**
> **И не развертывай тетради**
> **Моих студенческих стихов!**

По сердцу брат, шалун с умом.
Алмаз в коре неограненный,
Бесед разгульных дикий гром,
Как я, студент недоученный,
Скажи, товарищ удалой,
Где делись ночи гулевые,
Беседы вольности лихой
И дни похмелья золотые?
Они прошли: я помню их,
Когда, с предлинными усами,
Мы чухнов рыжих и смешных
Гоняли сотни чубуками
Из тех приютов, где поэт,
В кругу друзей беспечной лени,
И пил, и пел, и целый свет
Позабывал в укромной сени.
Как моря Финского струя
Летит, сшибаясь чрез каменья,
Так муз приветливых друзья
В один сшибались пыл веселья,
И гул беседы их живой,
Как взрыв сердитого волкана,
Сверкал разрывчатой струей
Среди табачного тумана.
Так было встарь. И где они,
Без страха чаши и стаканов,

Те девы, в тайной тишине
Лелеявшие нас, буянов?
Налитый их рукой фиал
Горячкой радости казался:
В нем мир, казалось, напивался
И с нами вместе пировал.
Судьба забросила поэта
В глухие дальние лета.
Нещадно губит жизни лета
Приличий хладная коса;
На костылях рассудок вялый
Манит погибшую мечту,
В разочарованном быту
Ведет меня, и я, усталый,
За счастье мудрость искупил...
О! как охотно б за бывалый
Ее бокал я уступил!

И. И. Панаев (Новый поэт)

3. К ДРУЗЬЯМ

> **В последний раз приволье жизни братской,**
> **Друзья мои, вкушаю среди вас!**
> **Сей говор чаш, свободный дружбы глас,**
> **Сей крик и шум, разлив души бурсацкой,**
> **Приветствуют меня в последний раз.**

Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?
Тех дней не воротишь. Всему своя пора.
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Из бочек черпая любовь и вдохновенье!
Блажен, стократ блажен... Встречая новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот,
И издалека, к вам, товарищи, взываю!
Примите дружески-бурсацкий мой привет.
Порыв души моей студенческой и чистой, —
Студенческой, друзья (хотя мне *сорок* лет)!
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый.

Н. А. Некрасов

4. ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

> **Благодарю тебя сердечно**
> **За подареньице твое,** [1]
> **Мне с ним раздолье, с ним житье...**

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокаленными устами,
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок не велик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь! Что? Будет?..
Авось прийдет тебе на вкус...
А не прийдет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Не прихотливый, не сердитый,
Подарок старого пииты
Ты приймешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

Н. А. Некрасов (Н. Стукотнин)

5. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

> **Так мы готовимся, о други,**
> **На достохвальные заслуги**
> **Великой родине своей.**

Друг, товарищ, доброхотный!
Помня, чествую, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.

[1] Старинную чернилицу.

Мил мне ты!.. Недаром смлада
Я говаривал шутя:
«Матерь! вот твоя отрада!
Пестуй бережно дитя.
Будет Руси сын почтенной,
Будет дока и герой,
Будет наш — и непременно
Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти,
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд и радостен, и пьян!
Горячо и лихо-славно
Сердце русское твое,
Полюбил ты достославно
Нас развившее питье,
Весь ты в нас!.. Бурлит прекрасно
В жилах девственника кровь,
В них восторженно и ясно
К милой родине любовь
Пышет. Бойко и почтенно
За нее ты прям стоишь...
С ног от штофа влаги пенной,
Влаги русской — не слетишь!
Враг народов иностранных,
Воеватель удалой,
Ты из уст благоуханных
Дышишь родине хвалой,
Доли жаждешь ей могучей...
Беспредельно предана
Ей души твоей кипучей
Ширина и глубина!..
И за то, что Русь ты нашу
Любишь, — речь к тебе держу,
И стихом тебя уважу,
И приязнью награжу.
Будь же вечно тем, что̀ ныне:
Своебытно горд и прям,
Не кади чужой святыне,
Не мирволь своим врагам;
Не лукавствуя и пылко
Уважай родимый край;
Гордо мужествуй с бутылкой —
Ни на пядь не уступай;
Будь, как был!.. За все за это

Да за родину мою,
Да за многи, многи лета
Нашей дружбы — днесь я пью...
Пью... величественно-живо
В торжествующий стакан
Одуряющее диво
Ущедренных небом стран
Льется. Лакомствуя мирно,
Наслаждаюсь, не спеша...
Но восторженностью пирной
Не бурлит моя душа.
Хладных стран заходный житель
Здесь почетно-грустен я:
Не отцов моих обитель
Здесь, — не родина моя!
То ли дело, как бывало,
Други, в нянином дому
Бесподобно, разудало,
Заварим мы кутерьму!..
Чаши весело звенели,
Гром и треск, все кверху дном!
Уж мы пили! Уж мы пели!..
В удовольствии хмельном
Вам стихи мои читал я...
Сотый чествуя бокал,
Им читанье запивал я
И, запивши, вновь читал.
Благосклонно мне внимали...
Было чудное житье:
Други мне рукоплескали,
Пили здравие мое!
Здесь не то... Но торжествую
Я и здесь порой, друзья,
Счастье! фляжку — и большую —
У матросов добыл я
Влаги русской... Как Моэта,
Мне наскучит легкий хмель,
Пью и потчую соседа...
Объяденье! Богатель!
Ровно пьем: цветущ и весел,
Горделиво я сижу...
Он... глядишь — и нос повесил!
Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогий
Немец мой, — сутул, поджар —

Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар...
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает славянина
Силу скромную...
                                        Вина!
На здоровье Руси нашей!
Но, увы мне, о друзья!
Не состукиваюсь чашей
Дружелюбно с вами я —
И не пьется... Дух убитый
Достохвальной грустью сжат,
И, как конь звучнокопытый,
Все мечты туда летят,
Где родимый дым струится,
Где в виду своих сынов
Волга царственно катится
Средь почтенных берегов...
Что ж? Туда!.. Я скор на дело!
Под родные небеса.
Вольно, радостно и смело
Я направлю паруса, —
Мигом к вам явлюсь на сходку:
Припасайте ж старику
Переславльскую селедку
И полштофа травнику!..

Ник. Курочкин

6. ПОСЛАНИЕ К Н. Л. ГНУТУ

Подражание Языкову с четырьмя *благоприобретенными* у него стихами

Плохих певцов плеяде бледной
Тебе судил могучий рок
Нравоучительно-победный,
Хоть жесткий преподать урок!
Чад незаконных Аполлона
Хоть и не весело колоть, —
Но сорных трав и с Геликона
Не запрещается полоть.

Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов,
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков.
Пусть с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Пусть, слыша выстрел, кулики
На выстрел мечутся с реки!

45 Н. М. Языков

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Альбом Киселева — *Альбом и бумаги Н. Д. Киселева, находящиеся в распоряжении внука его Н. П. Киселева*[1].
Б. А. Н. — *Рукописное собрание Библиотеки Академии Наук.*
ИРЛИ — *Институт русской литературы при Академии Наук (бывший Пушкинский Дом).*
Изд. 1833 г. — *Стихотворения Н. Языкова. Спб. 1833.*
Изд. 1844 г. — *55 стихотворений Н. Языкова. М. 1844.*
Изд. 1845 г. — *Н. Языков. Новые стихотворения. М. 1845.*
Изд. Сув. Н. М. Языков. Стихотворения. «Дешевая библиотека» А. С. Суворина, ч. I — II. Спб. 1898.
Изд. Перевлес. — *Стихотворения Н. М. Языкова. Спб. 1858, тт. I—II, под ред. П. Перевлесского.*
Лен. б-ка — *Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина в Москве.*
ИОРЯС, 1911 — *«Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук» 1911, т. XУ, кн. 2 (И. А. Бычков, «Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского»).*
Публ. б-ка — *Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.*
Русск. библиоф. VIII. — *Н. В. Соловьев, «История одной жизни». II.* — *Бумаги Воейковой»* — *«Русский библиофил» 1915, VIII.*
Тетрадь Шенрока — *Копии текстов из альбома Н. Д. Киселева* — *находится в Литературном музее в Москве.*
Яз. арх. — *Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период, под ред. Е. В. Петухова. Спб. 1913.*

[1] Тексты, печатающиеся по автографам данного собрания, предоставлены Н. П. Киселевым.

1819—1821

1. *Послание к Кулибину* (Не часто ль на поверхность моря).

Печатается по тексту «Трудов высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности» 1819, т. V, № 4, стр. 90 — 93, где было напечатано под заглавием: «Послание к К...у», подпись: «Н. Языков».[1] Редакция сопроводила пьесу следующим примечанием: «Общество в поощрение возникающих дарований молодого поэта, воспитанника Горного кадетского корпуса, помещает стихи сии в своем журнале». Позже было перепечатано в «Невск. альманахе» на 1831 г., под заглавием: «К Ан. К—у» (Ан. — очевидно, опечатка), подписано: «Н. Я.»; под тем же заглавием перепечатано в издании Перевлес. и отнесено к 1831 г.

Ст. 46 в «Трудах» напечатан, несомненно, с опечаткой: «Тогда твой голос мирной» — исправляем по тексту «Невск. альманаха»: «лирной».

Кулибин Александр Иванович (1800 — 1837) — сын известного механика-самоучки И. П. Кулибина. Учился вместе с Языковым в Горном кадетском корпусе, позже служил в Сибири. Ему принадлежит ряд работ по горному делу, напечатанных в «Горн. журн.» (1829 — 1836). Сотрудничал в качестве поэта в «Соревнователе просвещения и благотворения» и «Невск. зриг.». В первом помещены «Послание к Очкину» (1819, № 1); «Задумчивость» (ч. V); «Весна несчастного» (ibid.), перевод из Флориана (ч. VIII) и др. Во время пребывания в корпусе Кулибин и Языков очень дружили, очевидно, главным образом на почве общих поэтических интересов, как об этом можно судить по данному «Посланию». В виду крайней скудости свидетельств о ранних годах жизни Языкова и формировании его как поэта, эта

[1] В дальнейшем мы будем отмечать только случаи отклонения от этого основного типа подписи Языкова (как, напр., Н. Я. и др.)

пьеса имеет большой интерес как свидетельство о ранних поэтических опытах и литературных вкусах молодого Языкова.

Упоминание об Оссиане, Фингале, как и вся пьеса в целом, свидетельствует о влиянии оссианизма, через которое прошли почти все поэты начала XIX в.

2. *А. И. Кулибину* (Итак, поэт унылый мой).

Опубликовано В. В. Бушем по автографу из альбома А. Кулибина («Русск. библиоф.» 1916, IV, стр. 81), с датой: «1819, авг. 22». В этом же альбоме, по описанию В. В. Буша, имеются стихи В. Нарежного, сибирского поэта Бальдауфа и др.

Строка о Рифее — упоминание о предстоящей поездке Кулибина на службу в Сибирь.

3. *А. Н. Очкину* (Было время, мой приятель).

Печатается по автографу: запись в альбоме А. Н. Очкина (ИРЛИ), датировано: «1821, мая 6, СПБ»; впервые напечатано в «Невск. альманахе» на 1828 г., без разночтений, с несомненными ошибками в пунктуации и с перестановкой слов в 4-й строке:

Им я жертвовал собой.

В прижизненные издания не входило и появилось только в изд. Перевлес. с приурочением к 1828 г. (у Сув.—к 1827 г.).

Очкин Амплий Николаевич (1791 — 1856) — второстепенный писатель, критик и переводчик, одно время был цензором. Его произведения печатались в «Благонамер.», «Соревноват.», «Сев. пчеле»; в 1826 г. принимал деятельнейшее участие в «Сев. арх.». Позже редактировал «Спб. ведом.».

1822

4. *Послание А. Н. Очкину* (О ты, с которым я от юношеских лет).

Печатается по тексту «Нов. лит.» 1822, кн. XV, стр. 29. В изд. 1833 г. не вошло и было введено только в изд. Перевлес., где оно является начальной пьесой книги.

5. *Посвящение А. М. Языкову* (Тебе, который с юных дней).

Печатается по списку альбома А. М. Языкова (рукою А. М.

[1] К стих. А. И. Кулибина «Послание к А. Н. Оленину» («Соревноват.» 1819, № 3) редакцией сделано следующее примечание: «Общество с удовольствием помещает стихи сии, в которых виден возникающий талант молодого сочинителя, окончившего курс учения в Горном кадетском корпусе и предназначенного на службу за высокие хребты Рифея».

Языкова), датировано: «СПБ. 1822». Напечатано в «Нов. лит.» 1822, кн. XXIII, стр. 156, под заглавием: «К...» и со следующим примечанием издателя (А. А. Воейкова): «Сердечно благодарим молодого поэта за сей прекрасный подарок отечественной публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще словесности». В изд. 1833 г. не вошло; печатный текст имеет следующие разночтения:

Ст. 5: Тобою жизни обученный
8: Мои прелестнейшие сны —
15: Любовь к изящному в душе моей зажгла
17: ~~Учила презирать завистный суд невежд~~
49: Живую радость прошлых дней,

Позже было перепечатано в «Славянине» 1828, ч. V, № 1, под заглавием: «Я. А. М. при посвящении ему тетради стихов своих».

Языков Александр Михайлович (1799 — 1874) — средний из братьев Языковых, любимый брат поэта, имевший огромное влияние на него. Бо́льшую часть довольно большой переписки Языкова как опубликованной, так и не опубликованной составляют письма к А. М. Языкову. А. М. Языков представлял, несомненно, незаурядную фигуру среди дворянской интеллигенции 20 — 30-х гг.: он очень много читал, занимался, брал уроки у лучших тогдашних профессоров: Германа, Арсеньева, Галича.

Как типичный представитель барской культуры, А. М. Языков не сумел найти надлежащего применения своим силам. Одно время он очень увлекался собиранием, вместе с братом Н. М. и П. В. Киреевским, народных песен и собрал огромный материал, переданный им последнему.

Позже всецело отдался хозяйству и жил в Симбирской губ. С ним был знаком Пушкин и очень ценил его. Одно время он, видимо, хотел серьезно заняться литературой. Сохранилось чрезвычайно интересное письмо к нему Н. М. Языкова по этому поводу, довольно ярко характеризующее обоих братьев:

«Тебе надобно перестать сидеть над одними теориями, надобно войти побольше в мир чистой истории и литературы — и жить и обращаться в нем: он вполне освежит тебя и развяжет во благо. Кроме того, что это есть мнение о потребности бытия твоего, заметь еще и то, что в нашем любезном отечестве человек мыслящий и пишущий должен проявлять себя не голым усмотрением, а в образах, как можно более очевидных, ощутительных, так сказать, телесных, чувствен-

ных, ярких и разноцветных! Ты происхождения восточного: в нас еще жива наследственная любовь к пестроте и пышности. Советую заняться тебе pro primo хоть сочинением повестей или замечаний о странах, тобою виденных и изведанных...

... И тут, как везде, всего труднее начать: такова природа человеческая! Так в купании, в сем удовольствии наисладчайшем, так в самом пьянстве: усильно бросаешься в воду; долго ломаешься над первой чашей, а потом уже...» (Яз. арх. в ИРЛИ, письмо от 2 июля 1833 г.).

6. *Моя родина* (Где твоя родина, певец молодой?).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Дерпт», что явно неверно, так как уже в 1822 г. эта пьеса была опубликована в «Нов. лит.» 1822, кн. XXVI, стр. 204. О ней же упоминает А. М. Языков в одном из ноябрьских (между 13 и 18) писем 1822 г. (К брату А. М—у).

В альбоме А. М. Языкова имеется список, дающий следующие разночтения:

Ст. 2: Там ли, где льется роскошная Рона
8: Не там, где струится прекрасная Рона
17: Как звезды сияя красой величавой

Две заключительных строфы в списке отсутствуют. Эта пьеса является первой среди аналогичных стихотворений, посвященных родине. Местный пафос такого типа (культ родины) чрезвычайно характерен для поэзии Языкова и роднит его с целым рядом местных поэтов; но в отличие от них Языков — один из немногих — сумел выдвинуть эту местную тему на основную магистраль русской поэзии. К этому циклу принадлежат: «Чужбина», «Разбойники», «Родина», «П. В. Киреевскому» (Где б ни был ты...), «Н. А. Языковой» и некоторые другие. Последним в этом ряду стоит гимн Волге — стихотворение «К Рейну».

7. *Песнь короля Регнера* (Мы бились мечами на чуждых полях).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1824 г., но эта пьеса была опубликована уже в 1823 г., а написана в 1822 г. В одном из ноябрьских писем этого года Языков запрашивает брата: «Как тебе понравилось песнь Регнера и как ты ее считаешь pro и contra печати...». Опубликовано было первоначально в «Благонамер.» 1823, № XIII, стр. 8 — 9, а затем перепечатано в «Нов. лит.» 1823, кн. V, № XXIII, стр. 110, под

А. М. ЯЗЫКОВ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова

заглавием: «Песнь Регнера (в альбом N. N.)», с разночтениями:

Ст. 10: Когда победивши и хлад и пучины,

10—15: Мы бились жестоко — и жадные мщенья
Враги к нам летели, толпа за толпой;
Их кровью намокла равнина сраженья

17—24 отсутствуют.

30: Потомки, геройством подобные нам

и с добавлением посвящения А. А. Воейковой, в виде *P. S.*, напечатанного, однако, неисправно, с исправлениями редактора, из цензурных соображений (см. примечание к № 33). Эта неисправность побудила Языкова перепечатать еще раз пьесу — в «Вестн. Европы» (1823, № 19, окт., стр. 161 — 162), под заглавием: «Песнь Рогнера», и со следующей припиской издателя: «Стихи сии, напечатанные с неисправленного списка в другом журнале, помещаются здесь по желанию г-на сочинителя». Подпись с опечаткой: «И. Языков».

Эта пьеса является вольным переводом одной из саг скандинавских скальдов о короле Рагнере или Регнере Лодброке (IX в.). По преданию, он был выброшен после кораблекрушения на британский берег, разбит в сражении, взят в плен и брошен в змеиный ров. В. Я. Смирнов считает, что эта пьеса является несомненным и близким подражанием стихотворению Батюшкова «Песнь Гарольда Смелого» (В. Я. Смирнов, «Жизнь и поэзия Н. М. Языкова», стр. 64). Действительно, обе эти пьесы очень близки по форме и характеру (см. Соч. К. Н. Батюшкова, изд. 1887 г., т. I, стр. 238 — 239).

1823

8. *Рок* (Смотрите: он летит над бедною вселенной).

Печатается по автографу, впервые опубликованному Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 61: письмо к А. М. Языкову от 23 марта 1823 г.). По свидетельству А. С. Полякова (запись, вклеенная в первый том изд. Перевлес., наход. в библиотеке В. В. Вересаева), Языков предназначил эту пьесу для «Невск. альманаха» на 1830 г., однако цензура не резрешила ее к печати. В ценз. материалах, хранившихся в рукописном отд. Б. А. Н. (Б. А. Н, № 28. 2. 141; шифр приведен А. С. Поляковым) имеется подлинник пьесы и текст постановления: «...в заседании от 22 окт. 1829 г. .... Комитет признал, что из назначенных для помещения в «Невском альманахе» надлежит исключить только одно (№ 4) под именем «Рок», как заключающее в себе несогласное с началами христианского учения». От автографа ИРЛИ текст «Невск.

альманаха» отличался только (как можно судить по копии А. С. Полякова) следующими разночтениями:

Ст. 19: Полюбишь ты добро, и рок в ожесточенье
21: Иль бросит бледную в бушующее море

Мойер Мария Андреевна (1800 — 1823) — урожд. Протасова, жена профессора Дерптского университета Ив. Ф. Мойера, широко известная по той роли, которую ей пришлось сыграть в биографии Жуковского.

Языков очень любил бывать в доме Мойеров, где собиралась русская интеллигентная молодежь Дерпта. В начале 1823 г. М. А. умерла; в письме, посвященном этому событию, Языков писал: «Смерть сестры Воейковой совершенно расстроила здесь многое, многих и, может быть... нет, лучше угадай. Так жаль, что рок слеп и что он беспрестанно и повсюду доказывает это. Вот что было хотел я написать на смерть этой особы, которой я никогда не забуду, потому что первый раз видел в женщине столько доброты, познаний, вообще великолепную совокупность...». Далее следует текст стихотворения с предварительной припиской: «Это начало пьесы, которая не должна быть кончена и не будет». Образ М. А. Мойер очень отчетливо вырисовывается в ее переписке, опубликованной в «Уткинск. сборн.», М. 1904.

9. *Чужбина* (Там, где в блеске горделивом).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1823, кн. III, стр. 189. См. примечание к № 6.

10. *Мое уединенье* (От света вдалеке).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1823, кн. IV, № XX, стр. 108—112, с разночтением в ст. 14:

от юношеских лет;

ст. 56 — 65 относятся к Ломоносову; 64 — 74 — к Державину; 75 — 91 — к Жуковскому.

Такой тип пьес был очень популярен в русской поэзии первой трети XIX в.: «Мои пенаты» Батюшкова, «Городок» Пушкина и др., с таким же противопоставлением и идеализацией вольной жизни поэта, с перечнем литературных любимцев и т. д.

11. *В. М. Княжевичу* (Они прошли и не придут).

Написано в альбом Владиславу Максимовичу Княжевичу в 1823 г.; в прижизненные собрания стихов самим Языковым не включалось; впервые опубликовано Княжевичем в 1871 г. («Русск. арх.», № 6—7, стр. 1304—1305), датировано: «11 мая 1823 г.», откуда вошло в изд. Сув.

Княжевич Владислав Максимович (1798 — 1873) — университетский товарищ Языкова, малозаметный литературный и журнальный деятель. Впоследствии вместе с своими братьями А. и Д. Княжевичами издавал «Литерат. прибавл. к Сыну отеч.», под заглавием «Библиотека для чтения», составленные из повестей рассказов, анекдотов и т. п. произведений, по преимуществу переведенных с французского и немецкого; в 20-х гг. сотрудничал в «Благонамер.», где поместил ряд стихотворений, в том числе послания к М. Н. Дириной, Боргу и др. В письмах к братьям Языков довольно часто упоминает о Княжевиче. Напр., в письме к П. М. Языкову (от 10 апр. 1823 г.): «Может быть, я приеду к вам вместе с Княжевичем, с которым очень близко подружился я: вместе делаем визиты, гуляем и проч. Хотя очень редкие и очень редко, но все-таки вместе: он очень добрый человек и довольно образованный» (Яз. арх., стр. 65).

12. *В. М. Княжевичу* (Простите мне простое «ты»).

Печатается по тому же источнику («Русск. арх.» 1871, № 6—7, стр. 1305); датировано: «12 мая 1823 г.». В изд. Сув. (II, стр. 156) включено под заглавием: «В—ъ М—ъ».

13. *Чувствительное путешествие в Ревель* (Пред Троицею в будни).

Печатается по тексту «Славянина» 1829, IX, № X, стр. 329 — 337. Первоначально было опубликовано в «Благонамер.» 1823, ч. XXIII, стр. 291—303, под заглавием: «Отрывки из описания путешествия. Из Д *** в Р ***, сделанного от безделья (посвящено М. Н. Д.).» Подписано: «Н. Я.». В конце пьесы пометка: «Продолжения не было». Языков очень неохотно соглашался на печатание этой шутливой пьесы в журнале. «Видно у Измайлова в журнале великий пост,—пишет он братьям (22 авг. 1823 г.), — Княжевич Владислав просит у меня позволения напечатать мое «Путешествие в Ревель», но я боюсь, чтоб оно не слишком поддержало прежний характер «Благонамеренного», и притом, что оно мне не принесет никакой чести в литературе, п. что не все то достойно внимания, что пишется для одного дома и что, может быть, даже оного недостойно» (Яз. арх., стр. 87; см. также стр. 95). В «Благонамер.» пьеса была напечатана с подстрочным примечанием издателя: «Это по требованию любезной девицы молодым поэтом написанное путешествие не было назначено для печати, но сообщено издателю, по усиленной просьбе его, спутником поэта. Ах! если бы почаще доставляли для «Благонамеренного» такие прекрасные стихи». Текст в «Благонамер.» напечатан с многими искажениями и ошибками. В изд. Пере-

влес. (II, стр. 51) опубликована пьеса «Корчма», отнесенная к 1833 г. В действительности это — отрывок из «Чувствительного путешествия» (2-я глава), перепечатанный по «Литерат. прибавл. к Русск. инв.» (1833, № 7). По сообщению Юкельсона, в архиве Дириной хранился автограф этой пьесы, со следующим заглавием: «Путешествие на чухонской паре из Дерпта в Ревель, в стихах лирико-романтических, а пуще всего разномерных. Сочинил пребывающий на помочах у дерптских муз, но намеревающийся со временем водить их самих за нос. Негуляй Язвиков, а примечаниями пополнил Дилитант Петербургского парнаса Велиглав Кузинон. Reval 1823». Велиглав Кузинон — несомненно, В. Княжевич. В пьесе описано подлинное путешествие в Ревель, которое Языков совершил в июне 1823 г. вместе с проф. Перевощиковым и В. Княжевичем. В письме из Ревеля он писал обоим братьям (от 16 июня):

«Дорога наша отсюда была очень-очень скучна: сторона чухонская, изредка где встретишь жилище, и то замаранная корчма, где ни стать, ни сесть, ни пить, ни есть. Мы же ехали на долгих, каждую ночь ночевали и не спали, по причине господ комаров и госпожей мошек» (Яз. арх., стр. 79).

Путешествие в Ревель было очень популярной темой в литературе начала 20-х гг. Сам Ревель был тогда модным курортом, привлекавшим аристократическую публику обеих столиц. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу (от 8 сент. 1825 г.):

«Я своим Ревельским пребыванием был очень доволен и не прочь поселиться в Ревеле года на два, даже и вступить там в службу. Там жить дешево, здорово: там не деревня и не столица, не Франция, но и не Россия. Общество образованное, служба благородная: есть свой быт, есть море, есть солнце, которое что-то освещает. Возвратившись сюда, ступай в Ревельские губернаторы» («Русск. стар.» 1899, IV, стр. 231—232).

Существует целый ряд «Путешествий» в Ревель: А. Бестужева-Марлинского «Поездка в Ревель» («Невск. зрит.», 1821); П. Свиньина «И моя поездка в Ревель» («Отеч. зап.» 1828, № 93); В. Кюхельбекера «Отрывки из Путешествия по Ливонии и Пруссии» (Собр. нов. рус. соч. и перев. в прозе, ч. II, Спб. 1826); Ф. Булгарина «Путешествие по Ливонии» и ряд других. Возможно, что этот ряд «Путешествий и поездок» побудил Языкова спустя пять с лишним лет дать разрешение на перепечатку своего «Путешествия» в «Славянине». Пьеса Языкова построена в плане пародии на распространенный тогда жанр «Чувствительных путешествий», усиленно культивировавшийся эпигонами сен-

тиментализма. И с этой стороны не совсем случайно опубликование этой пьесы именно в «Благонамер.», где этот жанр усиленно пародировался самим Измайловым и особенно П. Л. Яковлевым, автором повести «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту».

14. *Песнь баяна при начатии войны* (Война, война! Прощай, Сиана!).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824 г.», однако оно было опубликовано в 1823 г. в «Благонамер.» (ч. XXIV, стр. 265), с подзаголовком: «Посвящено М. Н. Д—ой» (т. е. Дириной) и затем перепечатано в том же году в «Нов. лит.», кн. VI, № LII, стр. 189—192, под заглавием: «Баян»; в «Благонамер.» с буквенной подписью «θ». Разночтения:

Ст. 6: Дуная волны озарят.

Ст. 15 в изд. 1833 г. читается: «Сам повторю я Святославу»— здесь несомненно следует видеть опечатку и читать так, как в журнальных текстах и в автографе Лен. б-ки в Москве:

Там повторю я Святославу

Автограф Лен. б-ки (из собрания Бецкого) относится к ранней редакции, но имеет разночтение еще в ст. 17:

Умолкнет буря боевая

Последняя редакция — и в автографе альбома Н. Д. Киселева (описание Шенрока).

Как в этой пьесе, так и в аналогичных еще очень заметно влияние исторического сентиментализма Карамзина; отсюда «Баян», «Баян-Услад» и их обрисовка как чувствительных героев.

15. *Песнь барда во время владычества татар в России* (Где вы, краса минувших лет).

Печатается по тексту «Нов. лит.» (1823, кн. VI, № XLVI, стр. 94— 96). Пьеса сопровождена примечаниями от редакции:

К ст. 10: «Поэт разумеет здесь славные в «Летописях» наших времена Олега, Святослава и Владимира Великого».

К ст. 35: «Татарское иго бременило Россию почти три столетия: от несчастного сраженья при реке Калке до сраженья при реке Непрядве, где храбрый Дмитрий Донской разбил Мамая».

К ст. 35: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до

западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их» (Карамзин, «История государства Российского», т. IV, стр. 16). «От времен Василия Ярославича (в период самый ужаснейший) отечество наше походило более на темный лес, нежели государство» (там же, т. V, стр. 340).

В художественной литературе тема «Куликовской битвы» трактовалась обычно в «вольнодумных»— радикальных и даже революционных — тонах; так, напр., «Димитрий Донской», где Рылеев вкладывает в уста своему герою призывы к свободе. Эта тема использовалась в том же плане и другими поэтами, напр., в «Укр. журн.» на 1825 г. было напечатано стихотворение Розалион-Сошальского «Баян на Куликовом поле» (подробнее см. в исследовании: В. И. Маслов, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 246 — 247).

16. *Баян к русскому воину* (О, бранный витязь! Ты печален).

Напечатано в «Нов. лит.» 1824, IX, июль, стр. 42, с датой: «20 авг. 1823 г.»; по описанию Шенрока, автограф этой пьесы в альбоме Н. Д. Киселева имеет иную редакцию последних трех стихов:

Где нет рабов — там нет тиранов.
Ужасен наш мучитель был,
Но русский меч его убил.

«Битва при Непрядве» (1380), известная как «Куликовская битва», относится к периоду упадка Золотоордынской державы, когда отдельные улусные князья уже стали выходить из-под зависимости хана, чем удачно и пользовались московские князья. Одним из таких эпизодов и явилась знаменитая Куликовская битва, где русскими войсками под предводительством московского князя Дмитрия (Донского) была одержана победа над одним из улусных князей — Мамаем. Историография того времени преувеличивала значение Куликовской битвы: в действительности окончательное освобождение от татарской зависимости произошло только в XV в., т. е. через сто лет. Это преувеличенное толкование значения Куликовской битвы и идеализация личности Дмитрия Донского держались очень долго в русской националистической историографии, особенно в школьных учебниках.

17 — 26. Песни.

Весь этот цикл студенческих песен написан Языковым в августе 1823 г. Об этом сохранилось его собственное свидетель-

ство в письме к братьям (от 9 сент. 1823 г.): «Я написал еще около *десятка студенческих песен*, они ей-богу не стоят ни переписания, ни весовых денег (т. е. за почтовую пересылку), как ни малозначительны последние» (Яз. арх., стр. 93). Этот цикл из 10 пьес известен нам в двух списках: 1) в одной из поздних тетрадей, со списками стихотворений Языкова (ИРЛИ): она открывается списком поэмы «Липы», написанной в 1846 г., поэтому мы условно именуем эту тетрадь — тетрадью 1846 г.; возможно, что она составлена уже и после смерти Языкова, и 2) в архиве Н. Д. Киселева: I, II, III, VI, VII, X — автографы; IV, V, VIII, IX — списки. Кроме того, первые четыре песни сохранились в Яз. арх. по списку, сделанному А. М. Языковым с автографической записи в альбоме известного ученого, историка-филолога, проф. Новороссийского университета Филиппа Карловича Бруна (1804 — 1880); последний в 1821 — 1825 гг. учился в Дерптском университете и, видимо, был близок с Языковым. Все эти песни датированы в его записи 21 — 22 авг 1823 г.

В прижизненных изданиях опубликована только III (в изд. 1833 г.); I, II, IV, V — опубликованы Перевлесским (т. II, стр. 289—293); VI — VII — И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911); X — в «Полярной звезде» 1859, V, и перепечатана в сборнике «Свободные русские песни», Кронштадт, 1861 (место обозначено ложно: сборник издан в Лондоне Герценом и Огаревым); VIII—IX печатаются впервые.

III — печатается по изд. 1833 г.; остальные — по автографам и спискам альбома Н. Д. Киселева. Текст изд. Перевлес. имеет некоторые отличия, но так как Перевлесский печатал по спискам, присланным ему из Парижа Киселевым, то эти отличия следует считать просто ошибками, а не разночтениями; в тексте VI, опубликованной И. А. Бычковым, ст.: 25 и 29 читаются: «Друзья, пою ли к небесам», что, несомненно, является ошибкой списка, с которого печатал редактор. X (Гимн) — пародия на «Народный гимн» В. А. Жуковского.

Циклом студенческих песен 1823 г. не ограничивается творчество Языкова в этом направлении. Ряд песен он написал еще в 1827 г. и перед отъездом из Дерпта в 1829 г. Значительное место, которое эта «студенческая» или «бурсацкая» (по выражению того времени) поэзия [1] объясняется обстановкой и

[1] В Дерпте студент звался «бурсак» от немецкого слова «Bursch». Позже «бурсаками» стали звать русских студентов-корпорантов, в отличие от некорпорированного студенчества.

специфическими условиями Дерптского университета, где господствовали нравы и обычаи германских университетов. Языков был не единственный поэт, создатель песен среди дерптского студенчества. Попытку определить место Языкова среди других поэтов Дерптского университета сделал A. Rosenberg в своей статье: «Ein russischer Sänger des alten Dorpat» («Baltische Monatschrift» 1905, XI); см. также Е. Бобров, «К биографии Н. М. Языкова» (Сборник Лит. о-ва при Юрьевском университете, XI, Юр. 1907, V).

Университетский товарищ Языкова А. Н. Татаринов см. №№ 142, 206, 207) в своих «Воспоминаниях» пишет:

«В последнее время на всех наших сходках, в особенности по настоянию Языкова, пелись вместо немецких преимущественно наши народные и цыганские песни. Один москвич, хотя немецкого происхождения и с немецким прозвищем, но с натурою, совершенно обрусевшею в слишком разгульной трактирной московской жизни, руководил нашими хорами. Он был хорошим музыкантом и с гитарою в руке, с ухватками предводителя цыган восхищал всех нас, в особенности же Языкова. Впрочем, и немцам очень нравились наши напевы. Мы иногда катались на лодках вдоль по Эмбаху, и по берегу всегда следовала за нами толпа народа, с жадностью слушая то заунывные, то разгульные наши хоры. На всех пирушках всегда пелись с особенным восторгом и песни Языкова: их клал на музыку тот же немецкий москвич Науман. Некоторые из них были переведены на немецкий язык и доселе (писано в 1855 г.) поются в Дерпте не только русскими, но и немецкими буршами. Иногда вновь сочиненная Языковым песня служила поводом к пирушке. Вообще, — заканчивает автор,— своей поэзией он облагораживал наши часто грубые и однообразные оргии» (Яз. арх., стр. 397 — 398).

Позже Н. М. Языков явился основателем русской корпорации «Рутения», просуществовавшей несколько лет. «Рутения» выдвинула ряд поэтов — продолжателей Языкова; из них особенно выделялся Иванов (см. М. Красовский, «Родной край», Рига 1902), однако ни один не выдвинулся за пределы местной известности. «Рутения» особенно популяризировала специфический культ Языкова. О популярности песен Языкова в Дерпте уже в конце 50-х гг. свидетельствует и роман П. Боборыкина «В путь-дорогу». Роман этот хранит многие автобиографические черты (П. Боборыкин также учился в Дерпте) и очень ярко воспроизводит быт дерптского студенчества и распад созданной Языковым корпорации. Песни Языкова пользовались популярностью и в других университетах того времени. Ср.: «Песни, бывшие

наиболее в ходу между студентами Харьковского университета». Собрал и издал Вл. Александров; «Арфа подле кружки», см. выше; А. Б. «Студенческие песни 1825—1855 гг.» и др.

27. *Платонизм* (Закон: влюбляться лишь душой).

Печатается впервые по автографу в альбоме Н. Д. Киселева; имеется список в ИРЛИ: копия А. М. Языкова с автографической записи Ф. К. Бруна (см. предыд. примечание). Список А. М. Языкова — Бруна имеет разночтение:

Ст. 19: Писал науку наслажденья

28—30. *Записки к А. С. Дириной.*

Печатаются по автографам Публ. б-ки из архива М. Н. Дириной; первоначально опубликованы И. А. Бычковым («Русск. стар.» 1903, март, стр. 477—483). Датированы они сентябрем — ноябрем 1823 г. «Обедать я у вас готов» — 9 сент., «Вы извините, что я вас» — 2 ноября, последняя — 11 ноября.

Об А. С. Дириной — см. примечание к № 35.

31. *Н. Д. Киселеву* (В стране, где я забыл мирские наслажденья).

Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Впервые опубликовано в «Полярной звезде» Герцена (V, 1859), перепечатано в «Русской потаенной литературе», откуда входило в целый ряд нелегальных сборников. Автограф датирован: «2 марта».

Киселев Николай Дмитриевич (1800—1869) — товарищ Языкова по Дерптскому университету, брат известного государственного деятеля П. Д. Киселева, благодаря которому и сделал блестящую дипломатическую карьеру; последние годы был послом в Париже и Италии. Студенческий либерализм, о котором свидетельствуют послания к нему Языкова (см. также № 54), очень быстро выветрился, и, будучи послом, Киселев работал в тесном контакте с III Отделением, энергично преследуя русских эмигрантов; в частности, по его настоянию был произведен обыск у Герцена в 1849 г. Кое-что из рассказов Н. Д. Киселева об его дружбе с Языковым сохранено в записях А. О. Смирновой (А. О. Смирнова-Россет, «Автобиография». Неизданные материалы. Подготовила к печати Л. В. Крестова. Изд. «Мир», М. 1931).

32. *Песнь баяна* (Люблю смотреть на месяц ясный).

Впервые напечатано в «Благонамер.» (1824, XXV, № II, стр. 131), подписано: «Θ». В 1911 г. было напечатано И. А. Быч-

ковым, как не опубликованное, в ряду с циклом студенческих песен (ИОРЯС, 1911). На списке дата: «10 октября».

В той же редакции этот текст — в списке В. Шенрока (из альбома Н. Д. Киселева). По этим спискам печатается в наст. изд.; текст «Благонамер.», имеет разночтения в ст. 5—6:

Порой пленяют слух Баяна
Живые песни соловья

Этот образ, равно как и в редакции списков:

Люблю, задумавшись, с кургана
Напевы слушать соловья

навеян, несомненно, изданием Карамзина «Пантеон российских авторов». На гравюре изображен певец Баян: он слушает соловья и старается подражать ему на лире. Понимание баяна как собственного имени реально существовавшего поэта было очень распространено и дожило до 40-х годов. Ср. Максимович, «История древней русской словесности», кн. 1, 1839, а также «Словарь русских светских писателей», изд. Снегирева, т. I, 1838.

33. *Посвящение А. А. Воейковой «Песни короля Регнера»* (Прошу стихи мои простить).

Печатается по тетради копий ИРЛИ; первоначально было опубликовано в «Нов. лит.» (кн. V, № XXXIII, стр. 111), как «P. S. к «Песне» (см. примечание к № 7). В письме от 26 сент. 1823 г. Языков писал братьям: «Кстати Воейков перепечатал в своих листках мою «Песню Регнера» с припискою к его супруге — эта приписка, как он ко мне пишет, им самим очень худо переправлена в конце, как кажется, по причине слова «божественный», там бывшего и ныне запрещенного» (Яз. арх., стр. 95). Последние два стиха в «Нов. лит.» имеют такую редакцию:

Но музою не вдохновенный
Перед высоким он немел

34. *Ответ на присланный табак* (Скучает воин без войны).

Впервые напечатано И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911) среди неопубликованных студенческих песен Языкова (см. примечание к № 17—26), хотя по содержанию и характеру пьесы очевидно, что она никак не может считаться песней, предназначенной для хорового исполнения. В тетради ИРЛИ 1846 г. и в тетради Шенрока (список с автографа альбома Н. Д. Киселева) имеется список этого стихотворения под заглавием: «Ответ на присланный табак». Несомненно, что оно относится к циклу записок А. С. Дириной. Датирован спи-

сок так же, как и у Бычкова: «13 окт. 1823 г.»; редакции обоих текстов также вполне совпадают.

35. *М. Н. Дириной* (Моя богиня молодая).

Опубликовано Е. В. Петуховым по автографу в альбоме М. Н. Дириной (Яз. арх., стр. 421 — 422), датировано: «22 окт. 1823 г.».

Дирина Мария Николаевна — молодая девушка, жившая в Дерпте вместе со своей матерью А. С. Дириной (которой адресованы напечатанные выше под №№ 28 — 30 записки Языкова); в их доме охотно бывала русская студенческая молодежь, особенно Языков и его ближайшие друзья. М. Н. Дириной, так же как и Воейковой, Языков посвятил целый ряд стихотворений и альбомных посланий, из которых многие были опубликованы уже после ее смерти. Нет оснований видеть в отношениях Языкова и М. Н. Дириной какое-то личное чувство, влюбленность, как это делают некоторые биографы. Н. Д. Киселеву он писал: «Ты хочешь, чтобы я тебе писал больше о Дириных — изволь: я у них давно не был и не знаю, почему, хотя должен признаться, что они после Воейковой занимают здесь первое место в моем знакомстве — по пословице: в безлюдьи — и Фома дворянин» (Письмо от 6 апреля 1824 г.; копия — в тетради Шенрока).

В 1827 г. она вышла замуж за дерптского профессора фон Рейца. Дирина тщательно хранила свой альбом со стихами Языкова и все автографы последнего; ее архив частично перешел в Публ. б-ку (см. «Русск. стар.» 1903; III, ИОРЯС, 1911, а также Отчеты Публ. б-ки за 1902 г.), частью же остался в семье внуков ее, Сарычевых (см. «Ист. вестн.» 1901, т. 86, стр. 363 — 365); эта часть подробно описана Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 416 — 429).

36. *Муза* (Богиня струн пережила).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1824, Дерпт». Первоначально было опубликовано в «Труд. Вольн. общ. рос. люб. слов.» 1824, ч. XXVI, стр. 320.

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата:
Она прекрасных рук в железы не дала
Векам убийства и разврата.
Они пришли: повсюду смерть и брань;
Все рушит дерзостная сила:
Ее бессовестная длань
Олтарь изящного разбила.

Но с праха тлеющих громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал, величествен и млад,
Бессмертный гений вдохновенья.

Сохранилось четыре автографа этой пьесы; из них два опубликованы: в письме к А. М. Языкову от 1 июня 1824 г. (Яз. арх., стр. 137) и в альбоме Воейковой («Русск. библиоф.», VIII, стр. 50 — 51, в отд. изд., стр. 145 — 146); третий автограф (неопубликован.) — в Лен. б-ке, четвертый — в альбоме Н. Д. Киселева. Все они отличны друг от друга. Последний автограф наиболее близок к тексту «Трудов».

В автографе альбома Воейковой:

Ст. 1 — 2 читается, как в изд. 1833 г.
3 » » ред. «Трудов».
4 — 8 » » » 1833 г.
9 — 12: Но там над гробом славных дел
Из тишины опустошенья
Восстал величествен и смел
Бессмертный ангел вдохновенья.

Автографы письма к Языкову и альбома Киселева отличаются от изд. 1833 г. только чтением ст. 3:

Она прекрасных рук в железы не дала

Датировка изд. 1833 г., несомненно, неверна. Перевлесский относит эту пьесу к 1823 г., что принимает и редактор Воейковских бумаг А. С. Поляков («Русск. библиоф.», VIII, стр. 51). Эта дата наиболее правильна, так как в письме к брату А. М. (от 1 июня 1824 г.) Языков говорит о «Музе», как давно написанной вещи; в этом же письме он сообщает о запрещении пьесы цензурой (Яз. арх., стр. 137).

37. *Услад* (Не стонет дол от топота коней).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1825 г., Дерпт», но оно было опубликовано уже в 1823 г. в «Нов. лит.», кн. VI, № LI, стр. 188 – 192, под заглавием: «Баян». Отрывок из большой пьесы с датой: «Дерпт, 12 декабря 1823 г.», с разночтением:

Ст. 85: Дробится греческий булат
88: При шуме дерзостной погони!
105: Он твой, он твой, прелестная Сияна!

По описанию Е. В. Петухова эта пьеса была вписана в один из альбомов М. Н. Дириной; дата: «9 дек. 1823 г.» (Яз. арх., стр. 418). Этот отрывок является частью неосуществленного за-

мысла большой поэмы. «У меня есть в голове план, — писал Языков братьям, — для небольшой или, может быть, большой поэмы: это именно — Баян; начало вы читали; за ним должно следовать сраженье; герой поэмы — певец и воин — остался раненый на поле битвы; его берут в плен, везут в Византию; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после увенчанный славой в Киев, где находит свою любезную изменницей; он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать нравы тогдашних греков, Сицилии и пр.» (Яз. арх., стр. 119).

38. *К халату* (Как я люблю тебя, халат).

Было очень распространено в рукописях. Перепечатывалось в сборниках запрещенных русских стихотворений, напр., «Лютня», II. В легальной печати впервые опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 108 — 109) по автографу (письмо к А. М. Языкову от 18 дек. 1823 г., подлинник в ИРЛИ); по этому же автографу печатается в наст. изд. В той же редакции — в альбоме Н. Д. Киселева (известно по списку в тетради Шенрока).

Несмотря на то, что эта пьеса использовалась в качестве нелегальной революционной поэзии, она, в действительности, чрезвычайно типична для характеристики поверхностного студенческого вольнодумства Языкова. Хотя он и насмехается над «царем, живущим не к стати», но в то же время его «мыслящий студент» не видит в своих мечтах — «кинжалы Занда и Лувеля».

Занд (1795—1820) — немецкий студент, убивший писателя-обскуранта и шпиона русской службы, Авг. Коцебу.

Лувель (1783 — 1820), — рабочий-седельщик, казненный в 1820 г. за убийство сына графа д'Артуа (впоследствии короля Карла X), герцога Беррийского. Убийство это было ответом на политику белого террора, проводимую Бурбонами во время реставрации.

Оба эти имени были символами революционных или, вернее, крайних радикальных тенденций русской молодежи начала XIX в.

39. *Элегия* (О деньги, деньги, для чего).

Впервые опубликовано в изд. Переведес. (т. I, стр. 26).

В Яз. арх. имеется несколько списков (в той же редакции) этой элегии. Один из них датирован: «23 дек. 1823 г.»; с той же датой и в той же редакции — в альбоме Н. Д. Киселева

(автограф; описание в тетради Шенрока). Печатается по списку альбома А. М. Языкова.

1824

40. *Н. Д. Киселеву. К новому 1824 году* (Посланник будущих веков). Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Автограф не датирован; относится, несомненно, к последним дням 1823 или к началу 1824 г.

41. *Элегия* (Скажи, воротишься ли ты).
Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1824, кн. VII, № III, стр. 46. Автограф — в альбоме Н. Д. Киселева; по описанию Шенрока имеет ту же редакцию и датирован: «2 янв. 1824 г.».

42. *Зима пришла* (Как рада девица краса).
Печатается по автографу Публ. б-ки. Было опубликовано в «Невск. альманахе» 1829, с тремя звездочками вместо подписи. Ст. 40 в «Невск. альманахе» напечатан с явной опечаткой: «Восторг и мирты для венца», в автографе — «венка», с которым правильно рифмуется «сладка», «река» (эта опечатка воспроизведена в изд. Сув.). Прочие разночтения:

Ст. 6: Сквозь потемневшего окна
9: Бежит к своей подруге бальной

Автограф датирован: «9 янв. 1824», но уже в записке от 5 января к А. С. Дириной Языков спрашивает: «не прислать ли еще «Зима пришла»?

43. *Еще элегия* (Как скучно мне: с утра до ночи).
Впервые опубликовано И. А. Бычковым по автографу среди цикла записок и посланий к А. С. Дириной («Русск. стар.» 1903, март, стр. 480 — 481); датировано: «5 янв. 1824».

44. *Элегия* (Свободы гордой вдохновенье).
Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Впервые было напечатано в «Полярной звезде» (Лонд. 1859, V) и в сборнике Огарева «Русская потаенная литература». Первые две строфы в печатном тексте имеют иную редакцию:

Свободы гордой вдохновенье:
Тебя не чувствует народ —
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает:

Пред адским игом самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья,
И ум не верует ему.

В автографе и тексте «Полярной звезды» пьеса датирована 1824 г.; эта дата подтверждается также списком ИРЛИ: список Е. И. Шокальской, извлеченный из альбома М. И. Осиповой (Бест. арх., пер. № 5569, л. 97), с пометкой: «Дерпт, 24 янв. 1824 г». Эта пьеса долго приписывалась Рылееву и печаталась в собраниях его сочинений (напр., «Библиотека декабристов», вып. I, М. 1906. Полное собрание сочинений Рылеева, т. I, стр. 160). Впервые на авторство Языкова указал П. А. Ефремов (Сочинения Рылеева, 1872, стр. 375), что вполне подтверждается позднейшими находками.

45. *Элегия* (Еще молчит гроза народа).

Напечатано там же, где и предыдущая пьеса (№ 44). Автограф — в альбоме Н. Д. Киселева. В «Полярной звезде», так же как и предыдущая пьеса, опубликована без заглавия с разночтением в ст. 4:

Таит порывы светлых дум.

46. *Элегия* (Не улетай, не улетай).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1824, кн. VIII, № 3, стр. 16, с разночтением в последнем стихе:

Где-где яснеющей лазури.

Автографы последней редакции — в альбоме Воейковой и альбоме Киселева. Последний имеет дату: «11 янв. 1824 г.» (описание — в тетради Шенрока).

47—51. *Элегии*. Цикл эротических элегий.

Печатается впервые по автографам в альбоме Н. Д. Киселева. Списки этих пьес имеются в Публ. б-ке: бумаги Краевского и Помяловского (без III и V); список V элегии — в бумагах Ф. Кони (ИРЛИ). Кроме публикуемых здесь, во всех сохранившихся списках имеются еще две, воспроизведение которых в печати невозможно. Список в архиве Ф. Кони представляет какую-то особую редакцию, контаминирующую тексты IV и V:

Звонят к обедни
Пойду ли я?
Мне святцы — бредни,
А ектенья — галиматья!
Там служит поп:
. . . .

Какая гадость!
И что за радость
Молиться днем
Перед попом,
Который днем
И в рай годится,
А вечерком
Чужим живится?
Мне изменила
Малютка Лила!
Она вчера
К попу ходила,
И прогостила
Там до утра.
Наш поп — я знаю —
Не очень свят,
И верно рад
Земному раю.
Я воображаю,
Как он ласкал
Мою Лилету
. . . . (опускаем 14 строк)
Звонят к обедне...
Пойду ли я?
Мне святцы — бредни,
А ектенья —
Галиматья!

Эротическая лирика Языкова пользовалась большою известностью; списки его пьес неоднократно встречаются в различных рукописных сборниках эротической лирики. Некоторым пьесам Языкова этого типа подражал Пушкин. В конце августа 1825 г. он пишет Вульфу: «Кланяюсь Языкову — я написал на днях подражание элегии его «Подите прочь» («Письма»... изд. ГИЗ, I, стр. 159). Эта элегия также известна; в некоторых списках она имеет название «Хлоя». Первая строчка ее звучит, однако, несколько иначе, чем у Пушкина; возможно, что в данном случае ошибка редактора, неправильно прочитавшего Пушкинский текст:

Поди ты прочь!
Теперь не ночь;
А также кстати
И нет кровати!
Ах, радость Хлоя,
Позволь... и т. д.

цит. по сборнику «Русская Приапея и Циника», принадлежащему В. В. Сокологорскому (знакомством с этим сборником я обязан дружеской любезности Гр. А. Гуковского).

52. *Романс* (Что делал с Евою Адам).

Печатается впервые, по автографу — в альбоме Н. Д. Киселева.

53. *Романс* (Зачем изорванный сертук).

Печатается впервые, по тому же источнику. Списки этой пьесы неоднократно встречаются в различных рукописных сборниках эротических произведений.

54. *Н. Д. Киселеву* (Скажи, как жить мне без тебя).

Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева; имеется список в альбоме А. М. Языкова, с датой: «14 февр. 1824». Впервые опубликовано в изд. Перевлес. (I, стр. 48), с рядом пропусков по цензурным соображениям. В печатных изданиях (Перевлес. и Сув.) опущены и заменены точками ст.: 7, 8, 10, 15, 16, 19, 20; 9 приведен неполно; ст. 12 напечатан в следующем виде:

Где ездят в долг, дарят не даром

ст. 35:

Меня прельстят утехой льстивой

55. *К.* (Твоя прелестная стыдливость).

Печатается впервые, по автографу в альбоме Н. Д. Киселева; в Яз. арх. имеется список среди стихотворений, переписанных для печати (ИРЛИ). Автограф датирован: «22 фев. 1824. Дерпт».

56. *Слава богу* (О, слава богу, слава богу).

Печатается по тексту «Сев. цветов» на 1826 г. Было перепечатано в «Опыте русской анфологии», 1828, изд. М. Л. Яковлева. В прижизненные издания не входило. В списке тетради А. М. Языкова датировано: «24 февр. 1824, Дерпт». Автограф — в альбоме Н. Д. Киселева, в той же редакции и с датой: «21 февр.».

57. *К **** (Кому достанется она).

Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Впервые опубликовано в «Полярной звезде» (1859, V), откуда было перепечатано в «Русской потаенной литературе» и входило в позднейшие сборники революционных и запрещенных стихотворений. Очевидно, эта пьеса рассматривалась современниками и следующим поколением читателей в одном ряду с «Гавриилиадой» Пушкина. Это основано, конечно,

на недоразумении. В действительности это стихотворение принадлежит к циклу эротических пьес Языкова и относится не к богоматери, а к той же Марии Дириной. Ср. одно из посланий к Вульфу («Мой брат по вольности и хмелю...» и т. д. № 114). В письме к брату от 21 мая 1826 г. Языков пишет: «Вот тебе новость, о которой, по крайней мере, весь Дерпт от мала до велика говорит ныне: часто мной воспеваемая и нередко во мне царствовавшая пречистая дева Мария выходит замуж за немца» и т. д. (Яз. Арх., стр. 252): в этом письме то же уподобление Марии Дириной «нерукотворной Марии».

58. ***Романс*** (Ты видишь ли, барин, вдали дерева).

Печатается впервые, по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. Очевидно, имеет пародическое значение.

59. *Островок* (Далеко, далеко).

Первоначально И. А. Бычковым был опубликован только отрывок по автографу из бумаг М. Н. Дириной, с пометкой: «продолжения не было», и датой: «1824, 16 марта» (ИОРЯС, 1911). Продолжение нашлось позже, в одном из альбомов Дириной: оно опубликовано (по автографу же) Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 426 — 427). Текст, опубликованный Е. В. Петуховым, является не только продолжением и окончанием старого, но вместе с тем и новой его редакцией.

В наст. изд. воспроизводится по тексту Яз. арх.; текст, опубликованный в ИОРЯС, имеет следующие разночтения:

Ст. 12: Ведут к ручейку
13 — 21: Там столик дубовой
С софою дерновой
Стоит у воды:
В ней рыбки играют,
Играя, — мелькают
Туды и сюды.
29—35: Когда же поляны
Оденутся сном
И ночи туманы
Ложатся кругом,
Там Скотта романы
Читает она,
Тиха и одна.

На этой строке текст ИОРЯС обрывается.

60. *А. С. Дириной* (Когда в моем уединенье).

Впервые было опубликовано И. А. Бычковым («Русск.

стар» 1903, III, стр. 481 — 488), по автографу из бумаг М. Н. Дириной. Относится к тому же приведенному выше циклу стихотворений, записок и посланий к матери М. Н. Дириной (см. примечание к №№ 28—30). Записка датирована 3 апр. 1824 г.

61. *Романс* (Конрад одевается в латы).

Печатается по тексту «Невск. альманаха» на 1829 г., подписано: «Н. Я.». В прижизненные собрания сочинений не включалось. В изд. Перевлес. отнесено к 1829 г., конечно, на основании опубликования его в этом году в «Невск. альманахе» (редактор Сув. изд. уточняет дату, перенося ее на год раньше). В действительности же, как это устанавливается автографом в альбоме М. Н. Дириной, данную пьесу следует датировать 4 апр. 1824 г. (см. Яз. арх., стр. 418).

62. *Ливония* (Не встанешь ты из векового праха).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально было опубликовано в «Мнемозине» (1825, № 4), с посвящением «Е. Б. Я.». Вошло в изд. 1844 г. Ст. 27 в «Мнемозине» читается:

Исполненный таинственной отрады

Е. Б. Я. — несомненно, опечатка: следует — Е. П. Я., т. е. Елизавете Петровне Языковой, урожд. Ивашевой, сестре декабриста В. П. Ивашева. В письме от 6 апр. 1824 г. А. М. Языкову поэт пишет: «Я уже отправил к Дельвигу большую пьесу с посвящением Е. П. И[вашевой]: она, ежели поспеет, будет, вероятно, напечатана в вышепоименованном альманахе, а ежели он уже вышел в свет, то в каком-нибудь журнале. Стихи, о которых здесь ведутся слова, составляют предисловие к еще не существующей повести о ливонских рыцарях; ее напишу, когда будет у меня более времени, и напишу непременно» (Яз. арх., стр. 123). Е. В. Петухов ошибочно относит это письмо к поэме «Ала», напечатанной в «Сев. цветах» на 1826 г. Это явно невозможно, так как «Ала» посвящена М. Н. Дириной. Пьеса опоздала к Дельвигу, и Языков передал ее в «Мнемозину» Кюхельбекера, переправив в посвящении фамилию, так как Ивашева к тому времени уже вышла замуж за Петра Михайловича Языкова.

Ливонская тематика была очень популярна в 20-х гг. XIX в. В это время появился ряд «путешествий», «описаний», «исторических повестей» и т. д. (повести Бестужева-Марлинского: «Ревельский турнир», «Замок Венден»; Н. Бестужева: «Гуго фон Брахт», а также Ф. Булгарина, В. Одоевского, В. Кюхельбекера и др.). Это не просто экзотическое увлечение, характерное для романтической школы, как думают некото-

рые исследователи, но за этим скрывается огромный интерес к социально-экономическому быту Прибалтийских стран, входивших в состав Российской империи. Этот интерес особенно характерен для декабристов, в связи с обостренным положением крепостного вопроса в Лифляндии и начавшейся в начале XIX в. реформаторской деятельностью правительства в этом направлении. В начале XIX в. там был проведен в жизнь ряд мер, ограждавших правовое положение крестьянина и ограничивавших помещичье своеволье; так, напр., крестьянину было предоставлено право жаловаться на помещика в случае нарушения последним установленных законов, был учрежден особый крестьянский суд и т. д. Но вместе с тем было произведено полное обезземеление крестьянства, и все эти реформы были типично баронскими. В конце XVIII и начале XIX в. появился ряд выдающихся сочинений, направленных против крепостного права: знаменитая книга Меркеля «Латыши» (Gabriel Merkel, «Die Letten»), вышедшая в 1796 г., заслужившая автору славу «лифляндского Радищева» (на русский язык она была переведена только в 1870 г. в «Чтениях Общ. ист. и древн. рос.»), и его другие работы; сочинение Эйзена фон Шварценберга «Понятие о трех различных устройствах населения государства, основанных на крестьянской собственности, временной аренде и крепостной зависимости»; статьи в журнале Рамбаха («Neue Inländische Blätter»); книга графа де-Брея «Essai critique sur l'histoire de la Livonie» и многие другие. Отрывок из книги де-Брея был переведен на русский язык Марлинским под очень острым заглавием: «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян» («Сын отеч.» 1818, 48, № 38). В. В. Сиповский в статье «Из прошлого русской литературы» («Русск. стар.» 1899, № 5) приводит отзывы рижской цензуры (по делам «Арх. Госуд. совета»), из которых видно, что ряд книг был запрещен в России за указание на тяжелое положение крестьян в Прибалтийском крае. Этот интерес к Ливонии особенно вновь был обострен после 1821 г. в связи с освобождением крестьян в Лифляндии (см. Г. Поска, «Характеристика литературных мнений об освобождении крестьян в Лифляндии», Ж. М. Н. Пр. 1904, X). Этот общий интерес к Лифляндии и ее истории захватил в свою орбиту и Языкова, к тому же этот интерес был подогрет пребыванием его в Дерпте. Почти весь дерптский период ознаменован усиленными занятиями по ливонской истории и замыслами больших исторических поэм из прошлого Ливонии. По письмам Языкова можно судить, что им была собрана огромная библиотека по истории При-

балтийских стран, включавшая все важнейшее на нескольких языках. Однако из исторических замыслов Языкова сохранился только ряд отрывков («Ала», «Меченосец Аран»'. Как свидетельствует приведенное выше письмо Языкова, данная пьеса также должна была явиться вступлением к какой-то еще не осуществленной поэме.

Тяжелый меч наследников Рорбаха. Винно (или Виннанд) Рорбах — первый гроссмейстер ордена меченосцев в Ливонии.

63. *Евпатий* (Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть).

Первоначально опубликовано в «Нов. лит.» 1824, кн. VIII, № XXIV, стр. 189, посвящено А. Н. Т—ву (А. Н. Тютчеву), датировано: «12 апр. 1824», одновременно — в «Соревноват.» 1824, № 8, под заглавием: «Эвпатий». Вошло в изд. 1833 и 1844 гг. — в последнем, сравнительно с изд. 1833 г., сделаны две незначительные поправки: ст. 23 и 24 в изд. 1833 г.:

Иль вздрогнув...
Иль схватит...

в изд. 1844 г. вм. «Иль» — «то»; в ст. 31 изд. 1833 г.: Полмертвого руку.. 1844 г. — Полумертвую руку... В наст. изд. печатается по тексту 1833 г.

Разночтения в «Нов. лит.»:

11· Как башня спрямилась и бурей завыла;
29: О родина, о родина! Под латами чести
33: Как море вздымается, как море шумит,
36: Под топотом конским долина дрожит;
45: Уста уж не кличут нетрепетных братий

В альбоме А. М. Языкова сохранился список, соответствующий тексту 1833 г., отличающийся от него только пунктуацией.

Евпатий Коловрат — легендарный герой «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань», вошедшей в состав некоторых летописей. Халанский, В. С. Миллер и другие исследователи видят в этом рассказе следы недошедшей до нас былины. Карамзин упоминает об этом эпизоде в VIII главе III тома, считая Евпатия историческим лицом.

64. *Ала* (В стране, любимой небесами).

Печатается по автографу в альбоме Воейковой; опубликовано А. С. Поляковым («Русск. библиоф.», VIII, стр. 39—47; «Бумаги Воейковой», 133—135). Самим Языковым был опубликован только отрывок: ст. 1—91 первоначально в «Сев. цве-

тах» на 1826 г., а позже в изд. 1833 г. Вторая часть, конечно, не могла быть опубликована по цензурным причинам. В изд. 1833 г. датировано: «1824, Дерпт».

В изд. 1833 г. следующие разночтения:

Ст. 5 — 8: Там, где в минувшие века
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы;
Где наш свирепый Иоанн,
22: Свобода смелых вызывала
38: Потом покинув шумный свет
46: И взор отвагой не сверкает,
54: Он призвал дочь и говорит:
70: Гремите ж, бранные поля.

Неоконченная поэма «Ала» — один из замыслов, с которыми носился Языков, изучая историю Ливонии (см. примечание к № 62), на этот раз он выбрал эпоху борьбы ливонского дворянства против Швеции, под предводительством Паткуля (1660 — 1707). Спасаясь от преследований шведского короля Карла XI, Паткуль бежал в Россию, поступил на русскую службу и был одним из крупнейших деятелей Петровского времени. Позже был захвачен шведами и казнен в 1707 г.

65. *Отъезд* (Прощай, краса чужого края).

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым по автографу в альбоме М. Н. Дириной от 3 июня 1824 г. (Яз. арх., стр. 427 — 428).

66. *Элегия* (Любовь, любовь).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Благонамер.» 1826, № IX, стр. 168 (позже перепечатано в «Славянине» 1826, ч. III, стр. 146; датировано: «1826»; с вариантом в 12 ст.:

Повязка радостных дождей

67. *Элегия* (Зачем божественной Хариты).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Симбирск». Первоначально в «Нов. лит.» 1825, кн. XIII, авг., стр. 112, под заглавием: «К N.N.», и в «Полярной звезде» на 1825 г. (стр. 107), озаглавлено: «К***» и позже перепечатано в «Литерат. прибавл.» 1833, № 9. Первоначальные редакции отличаются от текста 1833 г.; автограф самой первой редакции в «Бумагах Воейковой» («Русск. библиоф.», VIII; стр. 59—60, отд. изд. стр. 153 — 154):

Зачем божественной Хариты
В ней расцветает красота,
Зачем так пурпурны ланиты,
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Возвышенных, изящных дум,
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум;
Как дочь невежества простая,
Она не любит Пиэрид
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит!
Слуге сует, слуге забвенья
Ее любовь обречена!
Но жизнь любимца вдохновенья
Поймет и скрасит не она:
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает, (в «Нов. Лит.»: ласкает)
Когда высокая волна
Через него перелетает!

68. *Разбойники* (Синее влажного ветрила).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Симбирск». Первоначально опубликовано в «Полярной звезде» на 1825 г., под заглавием: «Отрывок из повести «Разбойники» (с опечаткой в ст. 42: «напускала» — вм. «не пускала»).

Эта пьеса — отражение легенд и рассказов о разбойниках, которыми всегда было богато Поволжье — родина Н. М. Языкова. В сборнике Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края», Спб. 1884 (записаны главным образом в 60-х гг.) приведен целый цикл сказаний о разбойниках: калмыке Ахмете, Быхове, Суворове, Алексее Ехмачинском, Шарюке, Костычеве, Серебрякове (№ 111); последний действовал, по устному преданию, главным образом в Симбирской губ.; см. также Е. Марков, «Домой по Волге».

69. *Катеньке Мойер* (Как очаровывает взоры).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824. Дерпт». Первоначально в «Альб. сев. муз.» на 1828 г.; в альбоме А. М. Языкова имеется список с разночтением в ст. 7—8:

И ураганы забушуют
На сводах вечно голубых

и с пропуском ст. 29.

Катенька Мойер — Екатерина Ивановна Мойер, дочь И. Ф. и М. А. Мойер (см. примечание к № 8); впоследствии вышла замуж за Василия Алексеевича Елагина, брата И. В. и П. В. Киреевских по матери. В 1824 г. Катеньке было всего три года.

70. *К П. Н. Дирину* (Еще ты роком не замечен).

Печатается по тексту изд. 1833 г., где было помещено под заглавием: «К П. Н. Д—ну» и датировано: «1824, Дерпт». Первоначально в «Благонамер.» 1824 г., ч. XXV, № IV, стр. 354: «В альбом П. Н. Д.», и через семь лет вновь напечатано в альманахе «Альциона» на 1831 г. Все редакции идентичны.

Дирин Петр Николаевич — брат М. Н. Дириной, впоследствии военный историк. Ему принадлежат: «Краткая история л-гв. Семеновского полка», очерк «Великая кн. Екатерина Алексеевна» и др.

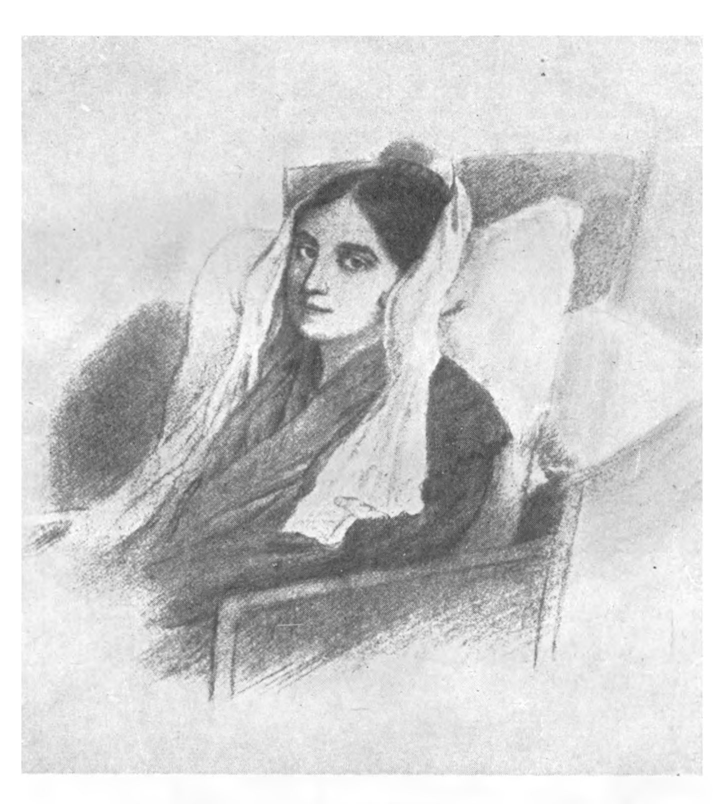
71. *Романс* (Красою небесной прекрасна).

Опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 422) по автографу в альбоме М. Н. Дириной. Стихотворение в альбоме сопровождено рисунком: плачущая женщина, на плечо которой склоняется мальчик, ее сын (Яз. арх., стр. 419). Эта пьеса имеется и в тетради копий, где датирована 1824 г.

72. *Валдайский узник* (Смотрите на меня: я худ).

Печатается впервые, по автографу в архиве Н. Д. Киселева. Пародия на «Шильонский узник» Байрона, появившийся в России в 1822 г. в переводе Жуковского и быстро завоевавший огромную популярность. Многие строки Языкова весьма близко соответствуют тексту Жуковского, напр., глава VIII, пародирующая IX главу «Шильонского узника»: Ср. у Жуковского:

То не было ни ночь ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистной для очей:
То было тьма без темноты;
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед,

А. А. ВОЕЙКОВА
С рис. Ксавье де Местра

А. А. ВОЕЙКОВА
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова

Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

Валдай и его обитательницы имели весьма определенную репутацию, о которой неоднократно упоминают различные путешественники как русские, так и иностранные. Сводку этих упоминаний сделал Б. Л. Модзалевский в связи с письмом Пушкина к Соболевскому («У податливых крестьянок, чем и славится Валдай, К чаю накупи баранок и скорее поезжай» — Пушкин, «Письма», под ред. и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. II, 1928, стр. 197—199). Некоторые намеки в пьесе позволяют сделать предположение, что в основе ее лежат какие-то фактические обстоятельства из личной жизни кого-либо из Языковского круга, но самый выбор для пародии поэмы Байрона-Жуковского чрезвычайно характерен для литературных вкусов Языкова в начале 20-х гг.

1825

73. *Родина* (Краса полуночной природы).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально опубликовано в «Полярной звезде» на 1825 г., с тремя звездочками вместо подписи; автограф первых трех строф воспроизведен в Яз. арх. по письму к П. М. Языковой (от 25 янв. 1825 г.) и по записи в альбоме М. Н. Дириной от 26 янв. (Яз. арх., стр. 428). 2 и 3 ст. 3-ей строфы имеет иное чтение:

Как славы дедовской лета,
И величава и проста

Кроме того, в альбомной записи есть эпиграф:

Wie bin ich froh, dass ich weg bin.
Goethe.

74. *Корчма* (Несется тройка удалая).

Первоначально напечатано в «Литерат. прибавл. к Русск. инв.» 1833, № 7, вследствие чего Перевлесский в своем издании стихотворений Языкова датировал эту пьесу 1833 г., в изд. Сув. она правильно датирована 1825 г. Автограф имеется в альбоме М. Н. Дириной, под заглавием: «Отрывок из путешествия из Дерпта в Петербург», с эпиграфом:

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
Батюшков.

Запись датирована: «1825, февраль, Дерпт». Другой автограф — в письме к брату А. М. Языкову от 4 февр. 1825 г. (Яз. арх., стр. 146 — 148); по тому же автографу воспроизводится и в наст. изд. Тексту пьесы предшествуют следующие строки: «Ты, верно, не знаешь, любезный брат, что я в прошлом годе, оставляя Дерпт, обещал—окаянный!— известной тебе Марии описать стихами мое путешествие; теперь она требовала исполнения — я отвечал, что его нет, но по просьбе ее должен был написать хоть что-нибудь в этом уродливом роде. Вот отрывок из поездки от Дерпта в Петербург».

Текст записи в альбоме М. Н. Дириной имеет некоторые разночтения:

Ст. 14 — 17: Как бесконечное стекло
Прекрасно чисто и светло,
Как своды неба голубое,
Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
24: Он мил: ременкою лихою
26 — 28: Пред обветшалою корчмою,
Вхожу в корчму — она полна:
Какие лица, одеянья!

75. *А. А. Воейковой* (На Петербургскую дорогу).

Первоначально опубликовано в «Альционе» на 1831 г., под заглавием: «А. А. В—ой». В прижизненные собрания стихотворений не включалось. В изд. Перевлес. текст напечатан по «Альционе» с отнесением к 1831 г., однако эта пьеса была уже сообщена Языковым в письме к брату А. М. от 29 (sic!) февр. 1825 г. Напечатано Е. В. Петуховым в Яз. арх. (стр. 158), по тому же автографу воспроизводится и в наст. изд.

Разночтения с «Альционой»:

Ст. 8: Лихая вьюга не гневит
19: Уж долго грешными мечтами

В альбоме А. А. Воейковой имеется список этой пьесы, сделанный рукой владелицы альбома и с шуточной припиской рукой Языкова: «Честь имею заметить, что не я сочинитель стихов сих» Н. Языков. Дерпт, 1825, апр. 7».

Воейкова Александра Андреевна (1797 — 1829) — сестра М. А. Протасовой-Мойер (см. примечание к № 8), жена А. Ф. Воейкова, известная как «Светлана» Жуковского, одна из выдающихся «литературных женщин» 20-х гг.;

в ее «салоне» бывали крупнейшие поэты и писатели того времени.

В исследовательской литературе (А. Н. Веселовский, Н. В. Соловьев, Е. В. Петухов, А. С. Поляков и др.) образ Воейковой представляется настолько идеализированным, что трудно разглядеть подлинные его очертания. Во всяком случае отношение современников было неодинаково. Наряду с восторженным отношением к Воейковой Боратынского, Козлова, А. И. Тургенева известно совершенно отрицательное и резкое отношение к ней Пушкина, упорно отказывавшегося посещать ее салон. Отрицательный отзыв о ней дает и А. П. Петерсон (в беседе с Бартеневым), дерптский друг Языкова. Отношения Языкова к ней были весьма неровные. В его влюбленности было не мало надуманности, литературности; не без основания предполагал он, что Воейкова является в значительной степени агентом своего мужа по выманиванию у него стихотворений для «Славянина» и «Нов. лит.» (журналы Воейкова). Под конец отношения его с Воейковой испортились (см. стих. №№ 80, 81), однако в более поздних стихотворениях и особенно в стихотворениях, навеянных смертью Воейковой, он возвращается к прежнему тону. Трудно судить о характере подлинных взаимоотношений Языкова и Воейковой и о том, в какой мере она действительно оказала влияние на развитие его творчества. Но несомненно, что образ Воейковой, как он вырисовывается в его лирике, чисто литературный. Это своего рода Лаура, Беатриче — женский поэтический гений, одушевляющий творчество.

76. *Меченосец Аран* (Не раз, не два Ливония видала).

Печатается по списку ИРЛИ: копия с поправками автора. Первоначально отрывок из пьесы (соответствующий ст. 37—62) был помещен в майской книжке журнала: «Нов. лит.» 1825, т. XII, стр. 141, под заглавием: «Отрывок из стихотворной повести «Меченосец» (А. А. В—ой)», с рядом явных опечаток; полностью — в «Альб. сев. муз» на 1828 г., «Меченосец Аран» (ч. I). В изд. 1833 г. напечатано с большими купюрами. Языков датирует пьесу 1824 г., но в действительности ее нужно датировать следующим годом. Первое упоминание об этой поэме — в письме к А. М. Языкову от 18 февр. 1825 г., где Языков сообщает о начале работы над ней и приводит несколько строк, «как образчик метра воздвигаемой повести». «В этой первой попытке моей музы в роде повествовательном, — пишет он, — не будет ни главною ни даже посредственною причиною любовь: ты, верно, одобришь в ней это отсутствие страсти пережеванной и

по твоему невысокой. Дело идет, слава богу, надеюсь к Пасхе прислать тебе на искус первую песнь» (Яз. арх., стр. 152); о том же он сообщает и брату П. М. Языкову (там же, стр. 155). Окончена первая часть была весною того же года (Яз. арх., стр. 162). «Аран» — принадлежал к числу любимейших и важнейших замыслов Языкова в дерптский период (см. примечания к №№ 62, 64). В письме от 25 янв. 1825 г. он пишет брату: «Теперь я сильно занимаюсь ливонскою историей: читаю, выписываю, справляюсь и, кажется, скоро буду в состоянии писать о меченосцах, как господин своего предмета. У меня готов план для одной повести, между главными его достоинствами есть и то, что ненадобно видеть места, где было происшествие, т. е. Вендена, ибо замок, развалины которого живы, построен уже гораздо позже героя моей повести» (Яз. арх., стр. 242), и позже: «Ты удивился бы, если б увидал, какую кучу книг собрал я для будущих моих литературных подвигов из Лифляндской истории» (там же, стр. 210).

К ст. 18: «Для слабого владения Христа» — в «Альб. сев. муз» сделано примечание автора: «Ливония».

77. *Пушкину* (Не вовсе чуя бога света).

Печатается по тексту «Современ.» 1837, VI, стр. 374, где оно было впервые опубликовано. Автограф не сохранился. Редакторами изд. 1858 г. и Сув. отнесено к 1837 г., несмотря на явную бессмысленность такого предположения. В действительности это послание было написано в ответ на послание Пушкина от 20 сент. 1824 г.: «Издревле сладостный союз...». Пушкин получил послание Языкова через Вульфа и тотчас же ответил последнему (март 1825 г.): «Послание его [Языкова] и чувствительная элегия — прелесть». Вульф, переписывая пьесу Языкова, пропустил один стих, и Пушкин по этому поводу пишет далее: «В послании, после «Тобой хранимого певца», стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его» («Письма А. С. Пушкина», изд. 1926 г., т. I, стр. 120), таким образом это послание нужно датировать началом (февраль—март) 1825 г. О взаимоотношениях Пушкина и Языкова см. примечание к № 146.

В одном экземпляре VI тома «Современ.», случайно приобретенном Н. О. Лернером, чьей-то рукой вписаны недостающие стихи:

Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И д е р п т с к и х дев и д е р п т с к и х вин,
И прозелит журнальной славы,

Как тароватому царю
За чин почетный благодарен
Его не стоящий боярин,
Так я тебя благодарю.

Н. О. Лернер, «Недостающие стихи в первом послании Н. М. Языкова к Пушкину», «Пушкин и его современники», т. XXIX — XXX, стр. 8. Н. О. Лернер обращает внимание на сходство четырех последних стихов с началом одной из записок к А. С. Дириной (№ 30):

Благословенному царю
Не так за ленту благодарен
Ее не стоющий боярин:
Я вас душой благодарю.

78. *Н. Д. Киселеву. Отчет о любви* (Я знаю, друг, и в шуме света).

Печатается по автографу в альбоме Н. Д. Киселева. В изд. 1833 г. послание датируется 1824 г.; в списке альбома А. М. Языкова дата указана иная: «29 марта 1825». Несомненно, последняя дата более правильна, так как в ней упоминаются «дни поста», в которые произошла некоторая перемена в его отношении к Воейковой.

Разночтения в изд. 1833 г.:

Ст. 31 — 32: И стан и все, что красота
В моей богини сладострастья:
34: Девическая скромность
41: Ах! Сколько грустных сновидений
52 — 53: — Я мучился; вся кровь кипела
А объяснить не захотел
56: И вольнодушна и свята
57: Она усердно помолилась
69: А признаюся откровенно

79. *М. Н. Дириной* (Счастливой милостью судьбины).

Печатается по автографу Публ. б-ки. Опубликовано в «Невск. альманахе» на 1829 г., под заглавием: «М. Н. Д—ой». Список — в альбоме А. А. Воейковой; о происхождении последнего Языков сообщал брату. А. М-у в письме от 14 апр. 1825 г.: «1 апреля именины Дириной, на этот случай написал я пространное поздравленье имениннице, думая возбудить соревнование в ее победительнице; на другой день получил альбом Воейковой и нашел в нем вышеупомянутые стихи, ею переписанные и некоторые из

них подчеркнутые — такие притом, которые, именно на ее счет были сказаны» (Яз. арх., стр. 174). Список этот воспроизведен в изд. М. В. Соловьева («Русск. библиоф.», VIII, стр. 51; отд. изд., т. II, «Бумаги Воейковой», стр. 145—148, там же разрядкой отмечены все подчеркивания и замечания, сделанные Воейковой, — напр., ст. 58 — 69). Список датирован 1 апр. 1825 г.

Ст. 96 Воейковой перепутан с явной ошибкой, обессмысливающей текст: «И все отрады Пиэрид»; эта ошибка сохранена и в тексте «Русск. библиоф.». Текст «Невск. альманаха» имеет следующие разночтения:

Ст. 65: Прощай возвышенное счастье:
69: Кого ж любить ему? Мечты —
77: Я, право, прав, а виноват
91: Когда не сладко наслажденье
95 — 96: Певцу и труд надоедает
И он без дара Пиерид
101: Вас просит, кланяяся вам

Ст. 102 — 107 совершенно отсутствуют; кроме того, в «Невск. альманахе» отсутствует эпиграф.

Эпиграф взят из трагедии Гете «Эгмонт»: Д. IV, явл. 2, но Языков не совсем точно воспроизводит цитату. В подлиннике: «An Treue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzen und Raisonnieren angewohnt».

80. *А. Н. Тютчеву* (Каким восторгом ты пылаешь).

Первоначально опубликовано в «Невск. альманахе» на 1826 г., под заглавием: «К Т—у». Подпись: «Н. Я.» В изд. 1833 г. не вошло, что заставило впасть в ошибку М. И. Семевского, опубликовавшего этот текст (по бумагам Вульфа) как неизданный («Русск. арх.» 1867, стр. 718).

По автографам опубликовано дважды: в Яз. арх. (стр. 166 и 169) в письмах от 1 и 5 апр.

По данному автографу печатается в наст. изд. Разночтения в «Невск. альманахе»:

Ст. 2: Как радостны твои мечты
5: Твоя душа озарена

Стихам предшествуют следующие строки: «Вот тебе анекдот поэтический. Воейкова, не знаю, каким из духов подземного царства возбужденная, подарила в знак памяти Тютчеву перчатку. К моему солюбовнику написал я следующие стихи» (Яз. арх., стр. 165).

Третий автограф — в альбоме Воейковой, где оно записано Языковым в несколько замаскированном виде, что вполне

понятно из предыдущего письма. Вместо посвящения Тютчеву оно озаглавлено: «Сон. К N. (перевод с немецкого)». К этому приписка Языкова: «Ошибка переписчика: это подлинник». Датировано: «22 апр. 1825». Текст Воейковского альбома отличается от остальных автографов и текста «Невск. альманаха».

Разночтения:

Ст. 5 в той же редакции, как в Яз. арх.
13: Дай руку! С гордостью поэта
16: Слова жестокого обета.

81. *Напрасно я любви Светланы...*

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 167), по автографу: письмо к А. М. Языкову от 5 апр. 1825 г. Другие автографы этой пьесы: в Лен. б-ке (в бумагах собрания Бецкого) и в альбоме Н. Д. Киселева; последний известен по списку в тетради Шенрока; все три текста вполне идентичны; текст альбома Киселева отличается заглавием: «К...». Печатается по автографу ИРЛИ. Стихотворение это является прямым продолжением предыдущего. В том же письме, где Языков сообщает брату это стихотворение, он пишет: «Ну, брат, видно мне не вкусить от Воейковой плода запрещенного: она на следующей неделе отсюда уедет, а я до сих пор ничего решительного не сделал, даже не притворился влюбленным и рассеянным (последнее легче). Впрочем, в этот раз она не очень сильно на меня подействовала; прежде я как-то более принадлежал или хотел принадлежать ей, ныне все шло без особенностей; она не произвела ни одного стиха, ни одной любовной мысли моей Музе. Так все изменяется под луною. Мне даже досадна ее благосклонность к моему товарищу, по крайней мере, в отношении к ней. На прошлой почте послал я тебе стихи об анекдоте, — вот еще продолжение, может быть, здесь много преувеличения — ничего, все равно!» (ibid., стр. 167). И более резко — в письме к брату Петру: «Здесь теперь Воейкова, она по прежнему ко мне благосклонна, но я не по прежнему ей услужлив: не знаю, что будет дальше. Она имеет в себе очень много центропривлекательной силы — и для меня. Впрочем, мне нет времени ею, как говорится, поплотнее заняться, притом же едва ли она не res publica» (ibid., стр. 168). Далее следуют стихи о перчатке.

82. *Настоящее* (Вчера гуляла непогода).

Печатается по автографу в альбоме Воейковой; впервые опубликовано в «Истории одной жизни» Н. В. Соловьева,

ч. II, «Бумаги Воейковой» («Русск. библиоф.», VIII, стр. 48; отд. изд., стр. 142).

Та же редакция — в списке тетради Шенрока (по автографу альбома Н. Д. Киселева).

83. *Дерпт* (Моя любимая страна).

Впервые напечатано М. И. Семевским в «Спб. ведом.» 1866, № 168, без заглавия, откуда перепечатано в изд. Сув. уже с соответственным заглавием. Ст. 11 в этом издании отсутствует; ст. 17 напечатан с заменой слова «самодержавному» многоточием. Благодаря, очевидно, последней строчке, входило в сборники запрещенных стихотворений.

По автографу опубликовано дважды: в Яз. арх. (стр. 170 и 171) — в письмах к брату А. М-у и сестре П. М-е (оба от 7 апр. 1825 г.) и в «Бумагах Воейковой» альбомная запись от того же 7 апр., с изменением в ст. 11.

И благодарное стремление

В письме к брату Языков сообщает, что эта пьеса и элегия «Ты меня очаровала» (см. след. №) написаны на заданные (Воейковой) слова (Яз. арх., стр. 170). Таким образом текст Яз. арх. (ИРЛИ) оказывается уже более поздней, окончательной редакцией; в наст. изд. печатается по автографу ИРЛИ.

84. *Элегия* (Она меня очаровала).

Печатается по тексту изд. 1833 г., где было датировано: «1824, Дерпт». Первоначально «в Нов. лит.» 1825, кн. XI, стр. 132 — 133, под заглавием: «К N. N.», и с разночтениями:

Ст. 3: В ней совершенства идеал
5: Напрасно ж я простую долю
9: Любви торжественная сила,

Эта же редакция и в письмах к братьям А. М. и П. М. Языковым от 7 и 8 апр. 1825 г. (Яз. арх., стр. 169 и 173). Так же как и предыдущее, написано на «заданные» слова.

Этот же автограф в альбоме Воейковой, где данная пьеса имеет заглавие «Волна» и сопровождена эпиграфом из Рамлера: «Ich kann mich auch verstellen»; этот эпиграф использован Языковым также в пьесе «Воскресенье» (№ 88). В тетради Шенрока дано описание автографа в альбоме Н. Д. Киселева: от текста изд. 1833 г. он отличается чтением только ст. 9:

Любви торжественная сила

85. *Сон.* 1825 г., апр. 7 (Все негой сладостной объемлет).

Печатается по тому же источнику. Дата автографа: «1825, апр. 8»; опубликано в «Бумагах Воейковой» («Русск. библиоф.», VIII, стр. 53). Наверху карандашная приписка Воейковой: «Маменька еще у Петруши Плещеева это читала — не годится, краденое: у старины». И тут же рукой Языкова: «Неправда: здесь только одно выражение оттуда, а именно второй стих от конца: [я] до сих пор пишу...» (далее неразборчиво). Приписка Языкова заимствована из изданной Г. И. Спасским 1821 г. «Сибирской летописи»: «Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли Русскими, при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествующих оному событий». Данная цитата находится на стр 52 в таком констексте: «Казацы же оскудеша умы своими и не помянуша реченного пророком: не всякому духу веруйте, но испытайте духи: не всяк бо дух от бога есть, есть бо дух божий и дух льстечь». Это изречение в свою очередь является измененной цитатой из первого послания Иоанна. Цитату из «Сибирской летописи» Языков неоднократно приводит и в других случаях в стихах и письмах.

86. *Рецепт* (О память, память, дар счастливый).

Впервые опубликовано по автографу в «Русск. библиоф.» VIII, стр. 45—46; по этому источнику печатается в наст. изд.

87. *Мечта* (Когда петух неугомонной).

Печатается по тому же источнику, что и предыдущая пьеса; опубликовано в «Бумагах Воейковой» («Русск. библиоф.», VIII). Автограф датирован: «1824 апреля 20, Дерпт». Очень характерно для настроений молодого Языкова с его историческими интересами и неглубоким либерализмом. Приведенное начало второй песни какой-то поэмы («Ужасен глас военной непогоды»), вероятно, должно было служить продолжением «Услада».

88. *Воскресение* (Не долго на небе горела).

Печатается по тому же источнику (опубликовано: «Русск. библиоф.», VIII, стр. 40). Примыкает к типу стихотворений: «А. Н. Тютчеву», «Напрасно я любви Светланы» и др. А. С. Поляков (в «Русск. библиоф.») неправильно прочел имя автора цитаты в эпиграфе, напечатав его «Kammler», следует: «Ramler» (Языков пишет неправильно через два *m*) — немецкий поэт XVIII ст., прозванный «немецким Горацием».

89. *Новгородская песнь* (Свободно, высоко взлетает орел).

Печатается по автографической записи в альбоме А. А. Воейковой; опубликовано: «Русск. библиоф.», VIII, стр. 57—58.

Напечатано в «Сев. пчеле» 1825, № 60, от 19 мая, под заглавием «Военная новгородская песня 1170 года». Текст в «Сев. пчеле» подвергся целому ряду исправлений редактора (или цензуры). В изд. 1833 г. Языков первоначально не включил этой пьесы, но В. Д. Комовский, которому было поручено издание книги, настоял на включении ее в состав сборника; однако Языков не прислал исправленной редакции, и Комовский перепечатал вновь текст «Сев. пчелы».

Разночтения:

Ст. 7: На битве за славу и честь
9: Смотрите, как пышен рождается день,
13: Виднее сражаться под яркой зарей;
16: Хоругви заветные блещут

Относится, несомненно, к началу 1825 г., так как пьесы Воейковского альбома не заходят далее мая этого года. Автограф (или список) этой пьесы имеется также в альбоме Н. Д. Киселева, но текст его неизвестен нам. Новгородская тематика очень характерна для политической лирики начала XIX в.; она довольно сильно представлена в лирике Рылеева; идеализация новгородского периода встречается и у других декабристов, напр., у Батенкова. Языков в свой либеральный период также неоднократно обращался к этой теме (ср. «Послание А. С. Пушкину», № 146). Для этой пьесы Языков выбрал очень характерный эпизод из борьбы новгородской буржуазии с южными князьями. С прекращением варяжского водного пути Новгород, недавно освобожденный от феодальной зависимости и княжеской власти, выпадал из торговых интересов Южной Руси. В лице Андрея Боголюбского новый, растущий феодализм пытался вновь подчинить новгородские интересы, но решительная битва с новгородцами была им проиграна (она относится не к 1170, а к 1169 г.). Однако, отбив это нападение, новгородцы позже были вынуждены избрать себе князя по указанию Андрея.

Опубликование пьесы в «Сев. пчеле» явилось для Языкова неожиданностью, и в письме к брату А. М. от 24 мая он спрашивал: «Как попала к Булгарину Новгородская песня? Он ее напечатал с ошибкой, по которой можно думать, что я не знаю русского стихосложения» (Яз. арх., стр. 187).

После напечатания этого стихотворения в «Сев. пчеле» кем-то был сделан донос, что в этой песне нужно видеть намек на современный Новгород и на Аракчеева. По этому поводу цензор, пропустивший стихотворение, вызывался в

министерство народного просвещения и к петербургскому военному губернатору, графу Милорадовичу. Но его объяснения были признаны вполне удовлетворительными, и история эта не имела никаких последствий как для цензора и редактора, так и для самого поэта («Русск. стар.» 1892, VIII, стр. 403 — 404).

90 — 92. *Элегии*.

Печатаются по изд. 1833 г., где датированы: «1824, Дерпт». Этот же цикл из трех элегий и в таком же порядке в изд. Перевлес., где ему придано заглавие: «Три элегии». Первоначально было опубликовано в «Соревноват.» 1825, кн. XXXI, № VII, стр. 98 — 99, но в составе четырех элегий: 1. «Счастлив, кто с юношеских дней»; 2. «Свободен я: уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье»; 4. «Моя камена ей певала»; затем были перепечатаны в «Невск. альманахе» на 1826 г. и по отдельности, вне цикла, в «Нов. лит.» 1826, XV, стр. 93, 94 и 150. В таком же сочетании и порядке, как эти элегии, даны в изд. 1833 г. Языков сообщил их и в письме к брату от 26 апр. 1825 г.: «Вот тебе еще несколько элегий: они писаны для Дириной и ее очень обрадовали. Понимаешь военную хитрость?» (Яз. арх., стр. 178). Однако в альбоме М. Н. Дириной этот цикл из трех элегий — в ином составе: 1. «Поэт свободен»; 2. «Свободен я: уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье» (Яз. арх., стр. 423); в альбоме же Воейковой они записаны в том же составе, как в письме в изд. 1833 г., но с нумерацией: II, III, IV и с датой: «8 апр. 1825».

Тексты изд. 1833 г. письма к брату и альбома Воейковой — без разночтений; запись в альбоме Дириной имеет разночтения во второй элегии («Я знал живое заблужденье»):

Ст. 6: Я понял милости прекрасной
11: В глаза кумира моего
13: Но я пою не для него

В «Невск. альманахе» эта элегия — в ред. 1833 г., но в нем отсутствует ст. 3 («Теперь умчалися они»); первая элегия («Свободен я: уже не трачу») — в ред. «Невск. альманаха» — имеет разночтение в ст. 3: «За нежный взгляд, за пару слов». Автограф третьей элегии («Моя камена ей певала») имеется в Публ. б-ке без разночтений, но с особым заглавием: «Последняя элегия».

В изд. Сув. вместо цикла изд. 1833 г. цикл из пяти элегий в таком составе и порядке: 1. «Поэту радости и хмеля» (см. примечание к № 111); 2. «Свободен я: уже не трачу»; 3. «Я знал живое заблужденье»; 4. «Моя камена ей певала»;

5. «Счастлив, кто с юношеских дней», — таким образом №№ 2—4 составляют цикл изд. 1833 г.

93. *Элегия* (Счастлив, кто с юношеских дней).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1824, Дерпт»; этот же текст — в изд. Сув.; но в последнем эта элегия включена под № V в цикл элегий. Первоначально, с крупными разночтениями — в «Нов. лит.», 1825, кн. XIV, окт., стр. 75, и в «Соревноват.», 1825, XXXI, стр. 98. Автограф, частично отличающийся от первопечатных редакций — в альбоме Воейковой («Русск. библиоф.», VIII, стр. 59), под заглавием: «Жизнь». Приводим эту редакцию целиком:

ЖИЗНЬ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей.
Он рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
Он никому не поверял.
Ему Киприда не отравит
Непобедимой головы
И ниже века не поставит
Его надежды, его молвы.
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю
Твержу: «мой рай, моя краса!»
А вижу лишь мою неволю.

Этот же вариант — в альбоме Н. Д. Киселева (список), но с заглавием «Элегия» и вариантом в ст. 8:

Он никому не доверял.

В 70-х гг. этому стихотворению был придан политический характер, и оно вошло (в этой же первоначальной редакции) в сборник «Запрещенных стихотворений». См. «Лютня», II. «Русская потаенная лирика», Лейпциг 1874.

94. *Молитва* (Молю святое провиденье).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Нов. лит.» 1825, кн. XII, май, стр. 180. К ст. 4 редакцией сделано «обезвреживающее» (в цензурных целях) примечание: «разумеется, против страстей и бурь света». По автографу на-

печатано также в тексте книги об А. А. Воейковой: Н. В. Соловьев, «История одной жизни» (т. I, стр. 104 — 105); с датой: «12 апр. 1825».

95. *Прощание с элегиями* (Прощайте, миленькие бредни).

Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано 1824 г., однако письма к брату и сестре А. М. и П. М. Языковым (Яз. арх., стр. 179, 180 и 181) устанавливают другую дату: апрель 1825 г. В этих письмах Языков сообщает и текст элегий. В печати появилось в 1828 г. («Невск. альманах»). Все редакции идентичны. Сообщая сестре эту элегию, Языков добавляет: «Вот чем кончились мои еремиады, по крайней мере, слава богу, что кончились!»

96. *Нечто* (Теперь мне лучше: я не брежу).

Впервые опубликовано по автографу в альбоме Воейковой («Русск. библиоф.», VIII, стр. 50), с датой: «1825, апреля 28, Дерпт»; по этому же источнику печатается в наст. изд. Эпиграф взят из стих. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость или мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796). (См. Сочинения Н. М. Карамзина, т. I, изд. Акад. Наук, П. 1917, стр. 184).

97 — 98. *В альбом Ш. К.* [*фон-дер-Борг*].

Напечатано по автографу в Яз. арх. (стр. 182; письмо от 3 мая 1825 г.) и «Русск. библиоф.», VIII (стр. 42). В изд. 1833 г. было опубликовано как два самостоятельных стихотворения, под одинаковыми заглавиями: «В альбом Ш. К.». Первое, без разночтений в ред. Яз. арх.; из второго же, являющегося циклом из четырех пьес, Языков опубликовал только две первых, соединив их вместе и опустив четыре первых стиха первой пьесы. Заглавие «Сон» и эпиграф также отсутствуют. Ст. 15 — 22 вошли в «Примечания» к «Моему Апокалипсису» (см. № 111).

Эпиграф — из «Эпиграммы» И. И. Дмитриева, напечатанной впервые в журнале «Утра» (1782, июнь). См. Сочинения И. И. Дмитриева, под ред. А. А. Флоридова, ч. I. Спб. 1893, стр. 99.

Текст этого послания сообщен Языковым в письме Н. Д. Киселеву от 3 мая 1825 г. (копия — в тетради Шенрока): «Это последняя дань Воейковой — она сегодня же отъезжает».

Ш. К. — несомненно, инициалы жены К. фон-дер-Борга, литератора и переводчика, автора статьи об Языкове и ряда переводов его стихов на немецкий язык; Языков одно время жил у него на квартире. Такая расшифровка инициалов производится нами на основании сборника стихотворений П. Ф. Але-

ксеева «Лирические песни и сказки», Дерпт, 1840», где имеется пьеса, посвященная Ш. К. фон-дер-Борг.

99. *К Г. Д. Е.* (Благодарю вас, вы мне дали).

Опубликовано по автографу в альбоме Воейковой, «Русск. библиоф.», VIII, стр. 43; по этому же источнику печатается в наст. изд. Кому посвящено — установить не удалось. Впрочем, возможно, что и это стихотворение посвящено Воейковой; буквенное же заглавие Г. Д. Е. (три буквы по порядку алфавита, быть может, является каким-либо условным обозначением. В подлиннике — по описанию редактора — приписка рукой Воейковой:

Привычка свыше нам дана!
Замена счастия она!

Отрывок («Поэт свободен») является вариантом (вернее всего первоначальным) элегии, автограф которой хранился в бумагах Дириной и воспроизведен Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 423).

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не жар чарующего взгляда,
Не золото и не звезда!
Служа не созданному богу
Он даст ли *нашим* божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?
Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

Этот же текст, в несколько измененной редакции, — в списке альбома Н. Д. Киселева, где он имеет заглавие: «К...».

Отличия этой редакции от текста Дириной:

Ст. 3: Не милость царственного взгляда,
11—12: Словами ль тела вызывать
Его на подвиг вдохновений?

Автограф в альбоме Воейковой датирован: «3 мая 1825 г.».

100. *Эпилог* (Когда-нибудь, порою скуки).

Опубликовано впервые по автографу в альбоме А. А. Воейковой Н. В. Соловьевым в «Истории одной жизни» (т. I, стр. 110) и затем там же в «Бумагах Воейковой» («Русск. библиоф.» 1915, VIII, стр. 45; отд. изд., стр. 139). Запись

датирована: «1825, мая 3, Дерпт»; по этому же источнику печатается в наст. изд. Стихи написаны в день отъезда Воейковой из Дерпта.

101 — 103. *Записки А. С. Дириной.*

Относятся к тому же циклу записок, который был приведен выше среди пьес 1824 г. Опубликованы И. А. Бычковым: I — в ИОРЯС, стр. 21 (без даты: относится к весне 1825 г.), II и III — в «Русск. стар.» 1903, март, стр. 482—483, и датированы 15 мая и 9 июня; печатаются по автографам Публ. б-ки.

104. *М. Н. Дириной* (Я обещал, и был готов).

Впервые опубликованы И. А. Бычковым (ИОРЯС, стр. 10 — 11). Автограф датирован: «9 июня 1825». Печатается по автографу). То обещание, о котором говорит здесь Языков («Объяснить: и тайный смысл моих стихов и горе музы непритворной»), было выполнено позже: это, очевидно, «Мой Апокалипсис» (см. № 111).

105. *Гений* (Когда гремя и пламенея).

Печатается по изд. 1833 г., предназначалось Языковым для альманаха Бестужева и Рылеева «Звездочка», который должен был заменить «Полярную звезду». Ко времени 14 дек. 1825 г. альманах был набран и сверстан, но в свет, конечно, уже не вышел. Текст «Звездочки» по корректурным листам воспроизведен в «Русск. стар.» 1883, № VII, стр. 43 — 100; там же опубликована и пьеса Языкова под заглавием: «Зависть гения». Позже была опубликована в «Нов. лит.» 1826, кн. XV, стр. 39, уже под заглавием: «Гений»; с последним заглавием вошла и в изд. 1833 и 1844 гг. Разночтения первоначальных редакций:

Ст. 3: Огонь отрадный проникал
4: Тревожил душу Елисея;
12: Дела избранные небес.

По автографу текст этой пьесы опубликован в Яз. арх. (стр. 186: письмо к А. М. Языкову от 19 мая 1825 г.); он дает ту же первоначальную редакцию, которая опубликована в «Звездочке» и «Нов. лит.», но ст. 12 читается в автографе, как и в изд. 1833 г.: «Дела избранника небес»; очевидно, чтение «Нов. лит.» — результат опечатки. В изд. Сув. воспроизведена какая-то неизвестная нам редакция, в которой ст. 3 и 12 даны в ред. 1833 г., а ст. 4 — в первоначальной.

106. *Две картины* (Прекрасно озеро Чудское).

Печатается по тексту 1833 г. Первоначально в «Сев. цветах»

на 1826 г. Вошло в изд. 1844 г. В Яз. арх. опубликован автограф (в письме к А. М. Языкову от 16 авг. 1825 г.). Текст автографа также не дает разночтений. В печатном воспроизведении его третья строфа дана с опечаткой: «Из синих вод, как жар огня».

Пьеса «Две картины» — по свидетельству самого Языкова — только фрагмент — отрывок из задуманной большой поэмы, в которой он предполагал «описать суеверия эстов».

107. *Поэт* (Искать ли славного венца).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Моск. тел.» (1826, № 7, стр. 82), датировано: «4 апр. 1826», с разночтением в ст. 8:

Ее прекрасные дела

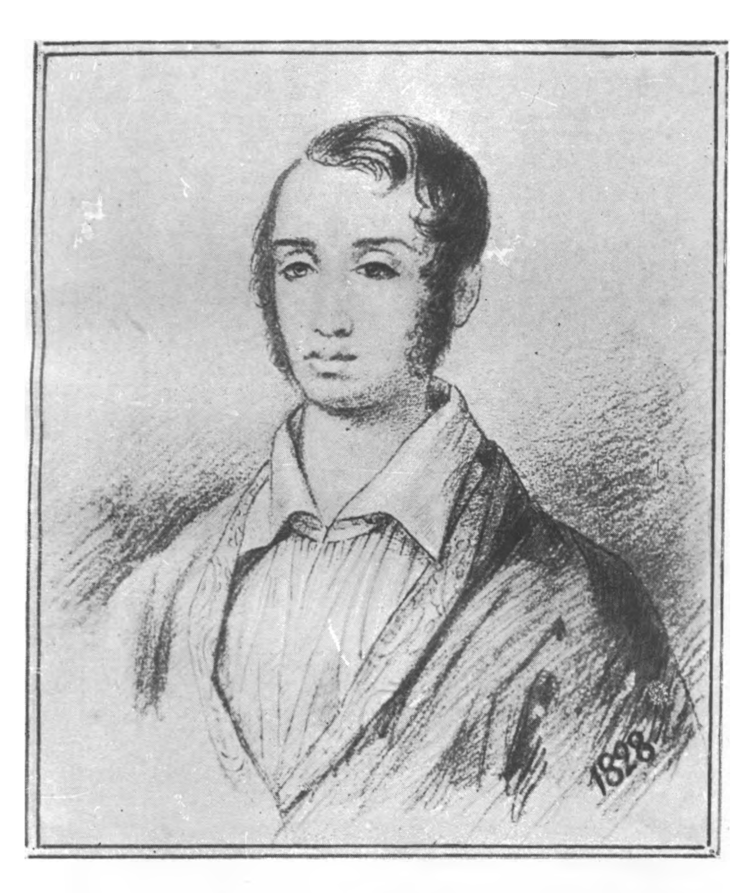
По автографу (письмо к А. М. Языкову от 8 ноября 1825 г.) опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 217); текст автографа идентичен журнальному. В журнале пьеса датирована: «4 апр. 1826»; в изд. 1833 г.: «1824, Дерпт»; но она точно датируется упомянутым письмом. Тексту предшествуют следующие строки: «Моя муза, наконец, проснулась, и вот тебе первое следствие этого счастливого дела». Далее следуют три стихотворения: «Поэт», «Элегия» (Прощай, прелестница моя) и «К Вульфу» (Скажу ль тебе...).

108. *Элегия* (Прощай, красавица моя).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1824 г.; точная дата устанавливается письмом к А. М. Языкову от 8 ноября (см. предыдущее примечание). Первоначально опубликовано в «Моск. тел.» (1826, VIII, № 8, стр. 131) под заглавием: «Прощание». Автограф этой редакции в Яз. арх. (стр. 218, письмо от 8 ноября). Журнальный текст настолько отличается от текста изд. 1833 г., что может считаться особой редакцией, которую и приводим целиком:

ПРОЩАНИЕ

Прощай, прелестница моя!
Он мне знаком, любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь сладкие ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Манил тебя ко храму славы,
Я вдохновенные забавы
Означил именем твоим;
Я счастья ждал: иную долю
Мне провидение дает;—

А. Н. ВУЛЬФ
1828

Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю: —
Так я, забыв любовь мою,
Души безумную неволю,
Теперь и весел и пою.

Этот же вариант в альбоме Н. Д. Киселева: автограф описан Шенроком, но с изменением во 2 ст.:

Он мне знаком, счастливец неги,

109. *К А. Н. Вульфу* (Скажу ль тебе, кого люблю я).

Печатается по изд. 1833 г.: «К А. Н. В—у». 1825, Дерпт. Первоначально в «Моск. тел.» 1827, XIII, № 4, стр. 132. «А. Н. В—у». Автограф первоначальной редакции в письме к брату, А. М. от 8 ноября 1825 г.

Разночтения:

Ст. 9 — 11: За песни страстные, за слезы
Она холодностью дарит,
Но пламенны живые розы
16: Чего они не заменяют.

Другой автограф — в альбоме Н. Д. Киселева; по описанию Шенрока он имеет следующие разночтения:

Ст. 6: Непостоянна и горда
9—12: На песни страстные, на слезы
Она холодностью дарит;
Но пламенны живые розы
Ее пленительных ланит.

Вульф Алексей Николаевич (1805 — 1881) — приятель Языкова и Пушкина, дерптский студент, позже гусар. В 1833 г. вышел в отставку и жил в Тригорском, занимаясь хозяйством и примкнув к кругу реакционного дворянства. Известен его «Дневник» (1828 — 1831) — характерный документ дворянско-крепостнического бытового уклада. Сам Вульф выступает в нем как малопривлекательный тип рационалиста-эротика. Впервые «Дневник» в отрывках был опубликован Л. Н. Майковым в его книге «Пушкин» (1899); затем — с пространным комментарием М. Л. Гофмана в изд. «Пушкин и его современники», т. XXI — XXII (1915) и в 1929 г. под ред. П. Е. Щеголева в изд. «Федерация», с подзаголовком: «Любовный быт Пушкинской эпохи». В предисловии редактор писал: «Дневник» является простодушным и неприкрашенным памятником быта среднего русского дворянина, либерала и владельца крепостных душ 20—30-х гг.

прошлого столетия. «Дневник» Вульфа дает изображение дворянского героя во всю ширь, во всех проявлениях его помещичье-крепостной жизни...» (стр. 6).

110. *К А. А. Воейковой* (Забуду ль вас когда-нибудь).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Благонамер.» (1826, ч. XXIV, № IX, стр. 165 — 166), под заглавием: «К А. А.», и потом в «Славянине» (1828, ч. II, № XXI, стр. 294), озаглавлено: «К В...»; с датой: «14 ноября 1825». В изд. 1833 г. дата: «1824, Дерпт». Автограф опубликован Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 222: письмо к А. М. Языкову от 18 ноября 1825 г.).

В автографе при ст. 5 («И сердце биться научили») в скобках Языков приписал: «Сильный комплимент!» По поводу этих стихов Языков тут же делает очень характерную приписку: «Сделай милость не толкуй в любовную сторону причины этих стихов: здесь одна комплиментика — следствие недостатка времени, духа и обстоятельства для произведения чего-нибудь достойнейшего моей музы, игрушка ума или символ бряцаний» (ibid., стр. 223).

Текст «Благонамер.», видимо, предшествовал редакции письма к брату и последующим. Так как он представляет совершенно отличную редакцию, приводим его целиком:

К А. А.

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Надеждой гордой покорили
Мою застенчивую грудь
И поэтических усилий
Мне вольный указали путь.
Как славы, светлая награда,
Как весть любви, в тяжелый час —
Мне животворная отрада
Воспоминание о вас.
Златые дни, когда внимая
Желанью неги и похвал,
И ярко — вами пробужденный
Во мне — свободный и священный
Огонь поэзии пылал;
Как волны высились, мешались,
Играли быстрые мечты,
Как образ волн — их красоты,
И рост и силы изменялись;
И был я полон божества,

Могуч восстать до идеала;
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала!
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои торжественные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло все: меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к ней без вдохновений:
Мне скучно в поле бытия!
Да воскресит она мой гений,
Да вновь почувствую, кто я.

Текст «Славянина» отличается от изд. 1833 г. только двумя разночтениями:

Ст. 21: Летел я к трону божества
34: И вновь почувствую, кто я

111. *Мой Апокалипсис.* (Когда любви не знаменитой). Опубликовано по автографу И. А. Бычковым (ИОРЯС, стр. 11—20); по этому же источнику печатается в наст. изд. К тексту, писанному рукой Языкова, другой рукой приписано: «изд. второе, исправленное и примечаниями умноженное. 1825, Дерпт, Марии Николаевне Дириной». Тою же рукой написан эпиграф:

Au nom de Dieu, gardez-vous bien
D'aller publier ma mystere.
Lafont[aine]

Перевод:

Ради бога, не выдавайте моей тайны.
Лафонтен

Из этого цикла Языковым была опубликована только четвертая пьеса, под заглавием: «Элегия». Первоначально в «Невск. альманахе» на 1826 г., с датой: «1824, Симбирск», и позже в изд. 1833 г., где датировано: «1825, Дерпт». В изд. Сув. вошла в цикл из пяти элегий (см. примечания к №№ 90—92). В изд. 1833 г. и в «Невск. альманахе» следующие разночтения:

Ст. 2 — 4: И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок;
8: Бездушен был мой идеал;
15 — 16: Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил

Включенная в «Примечаниях» и выделенная курсивом пьеса «Любовь, любовь...» была первоначально записана в альбом А. А. Воейковой и позже вошла составной частью в стихотворение: «В альбом Ш. К.» (см. № 98). Включение и цитирование стихотворений, написанных в апреле — мае 1825 г., указания на отъезд из Дерпта и Воейковой и Тютчева, а также упоминание о неисполненном летнем обещании позволяют относить «Апокалипсис» ко второй половине 1825 г.

112. *Элегия* (Меня любовь преобразила).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально (без разночтений) в «Календ. муз» на 1826 г. По автографу (с незначительными разночтениями в последнем стихе) опубликовано в Яз. арх. (стр. 225: письмо П. М. Языковой от 2 дек. 1825 г.). В изд. 1833 г. датировано: «1824». Как сообщает в этом письме Языков, пьеса написана на заданные слова.

113. *Как живо Геспер благосклонный.*

Опубликовано И. А. Бычковым (ИОРЯС, 1911, стр. 22—23) по автографу в альбоме М. Н. Дириной. По тому же источнику печатается в наст. изд. Так как в альбоме эта запись находится среди пьес, датированных 1825 г. и началом 1826 г., датируем ее предположительно концом 1825 г. После этой пьесы в альбоме непосредственно следует «Вторая присяга» (см. № 124).

114. *А. Н. Вульфу* (Мой брат, по вольности и хмелю).

Впервые опубликовано в изд. Перевлес. (II, стр. 293), под заглавием: «К...», с датой: «1824 г.», откуда перепечатано у Сув. В наст. изд. печатается по автографу ИРЛИ, датированному: «16 дек. 1825». В печатном издании:

Ст. 4: Твоя М—я Д—а
10: Среди заманчивого танца
21 отсутствует
25: Мой пламень в сердце и в стихах

Автограф в альбоме Киселева, по описанию Шенрока, имеет разночтение в ст. 7: «Хочу и жду ее наград».

Во второй половине пьесы («Но то ли моя красавица») речь идет о Воейковой. Т а й н ы й Г л и н к а — Глинка Федор Николаевич (1787 — 1880) — поэт-мистик, одно время принадлежавший к тайному обществу; Е в г е н и й — поэт Боратынский.

115. *Видение* (Вчера, как сумраки по небу).

Печатается по тексту 1833 г., где датировано: «1824 г.», но

Языков сообщает о них, как о новых стихах, в том же письме, где приведен текст «Присяги», т. е. от 16 дек. 1825 г. (см. примечание к предыдущему стихотворению); автограф в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка), где он включен в серию элегий (см. №№ 109, 110).

Ст. 15—20 в нем имеют следующую редакцию:

Все видел я — и я вздыхал,
Я млел, я таял, я стыдился...
Но ты обманешь, идеал!
И тихо я перекрестился,
И сон пленительный пропал!

116. *Дума* (Одну минуту, много две).

Впервые опубликовано М. И. Семевским («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 746), без заглавия и с пропуском ст. 8. Печатается по автографу в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка).

117. *Элегия* (Мечты любви, мечты пустые).

Опубликовано М. И. Семевским, под заглавием: «А. А. В.» («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 747). Печатается по автографу в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка).

118. *К...* (Милы очи ваши ясны).

Опубликовано после смерти Языкова в «Москвит.» (1848, № 9), под заглавием «Послание». В Яз. арх. (ИРЛИ) имеется несколько списков этой пьесы. В тетради стихотворений, переписанных для печати, она была озаглавлена: «К». По этому списку воспроизводится в наст. изд.

119. *К...* (Живые нежные приветы).

Печатается по автографу Публ. б-ки. Относится условно к 1825 г. В тетради со списками стихотворений, видимо, подготовлявшихся к печати, озаглавлено: «К»; сверху красным карандашом (рукой Н. М. Языкова) написано: «так себе, молодо».

Напечатано впервые в «Москвит.» 1849, № 5, под заглавием: «Послание».

120. *Вы скоро и легко меня очаровали.*

Впервые было опубликовано в «Москвит.» 1849, № 2, откуда вошло в изд. Сув. (т. II, стр. 165), с приурочением к последним годам жизни Языкова, однако список имелся в альбоме А. М. Языкова, где находится среди пьес, относящихся к середине 20-х гг. Другой список, также не датированный, находится в Публ. б-ке. Списки идентичны и не имеют разночтений.

121. *Увы, я убежден решительно и верно.*

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым по записи в альбоме А. М. Языкова. Датировано в альбоме 1825 г. К кому относится, неизвестно.

122. *Присяга* (Потупя очи, к небесам).

Впервые опубликовано М. И. Семевским, под заглавием: «Клятвенное обещание» («Русск. арх.» 1867, № 5 — 6, стр. 716 — 717), по автографу из альбома М. Н. Дириной, откуда и вошло в изд. Сув. Позже воспроизведено дважды в Яз. арх. (стр. 227 — 228: письмо к А. М. Языкову от 16 дек. 1825 г. и письмо к сестре П. М. от того же числа (стр. 230 — 231). В письме к брату Языков пишет: «Вот тебе новейшие стихи мои; им заглавие «Присяга»; они записаны в два альбома вдруг — к Д[ириной] и к В[оейковой]». И далее: «слабое подражение печатному листу, на котором расписываются присягавшие новому государю».

В наст. изд. печатается по тексту письма к А. М. Языкову (ИРЛИ). Заглавие «Клятвенное обещание», видимо, дано Семевским по причинам цензурного характера. Семевским же выпущен ст. 16: «самодержавные проказы»; этот пропуск сохранен и в изд. Сув. Кроме того, в обоих изданиях слово «православно» в ст. 33 заменено «правомерно».

123. *Извиненье* (Я не исполнил обещанья).

Отрывок пьесы под таким заглавием, находившейся в альбоме М. Н. Дириной. М. И. Семевский, в распоряжении которого одно время находился альбом, мог опубликовать только начало («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 716); печатать пьесу целиком он не решился вследствие находящихся в ней политических намеков. Датировано: «20 дек. 1825». По тексту «Русск. арх.» перепечатано в изд. Перевлес. и Сув. (II, стр. 157) с отнесением почему-то в рубрику стихотворений неизвестных годов.

В альбоме М. Н. Дириной, описанном Е. В. Петуховым, также находился текст этой пьесы, однако редактор, по непонятной причине, не воспроизвел ее. Среди бумаг Дириной в Публ. б-ке этого текста нет.

1826

124. *Вторая присяга* (Когда печальная от страха).

Впервые опубликовано И. А. Бычковым (ИОРЯС, стр. 23 — 24), с автографа, находящегося в альбоме М. Н. Дириной. Позже было воспроизведено также с автографа (письмо к А. М. Языкову от 14 февр. 1826 г.) Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 239—240); по последнему печатается в наст. изд.

Оба автографа совершенно тожественны, за исключением некоторых разночтений в пунктуации. Датировка обоих текстов также идентична.

Когда ж к ушам россиянина — весь этот абзац относится к декабрьским событиям 1825 г., когда сначала все присягнули Константину, а потом Николаю («А прежняя присяга вздор»), две присяги были и в Дерпте. «Первая присяга» Языкова — стихотворение «Присяга», написанное вскоре по принесении присяги Константину (см. № 122):

125. *П. Н. Шепелеву* (Ты мой приятель задушевный).

Впервые опубликовано М. И. Семевским по рукописному сборнику Вульфа («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 718), откуда перепечатано в изд. Сув. По автографу — в Яз. арх., стр. 240 — 241: письмо к А. М. Языкову от 14 февр. 1826 г., где оно непосредственно следует за «Второй присягой». По этому же источнику — в наст. изд. Другой автограф — в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка), с разночтением в ст. 6:

Но, впрочем, дело не о том

Шепелев Петр Николаевич — один из университетских товарищей Языкова; по свидетельству Alb. Academ. (№ 1881), изучал в Дерптском университете военные науки (см. Яз. арх., стр. 472). Позже занимался в своем имении сельским хозяйством, принадлежал к крылу умеренно-либерального дворянства и сотрудничал в славянофильском журнале Кошелева «Русская беседа», где поместил ряд статей по вопросам освобождения крестьян.

126. *К А. Н. Вульфу* (Мой друг, учи меня рубиться).

Напечатано в изд. 1833 г., где было помещено под заглавием: «К N. N. В — у». Первоначально в «Моск. вестн.». 1827, ч. V, № XVII, стр. 8, под заглавием: «А. В—у», и еще ранее в «Благонамер.» 1826, № X, стр. 204. Сохранилось три автографа: письмо к Вульфу от 27 февр. 1826 г. (Публ. б-ка); письмо к А. М. Языкову от 28 февр. (опубликовано Е. В. Петуховым, Яз. арх., стр. 242) и в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка).

Печатается по автографу Публ. б-ки (письмо к Вульфу), так как в изд. 1833 г. Языков тщательно устранял некоторые личные намеки (ср. № 150: «Аделаиде» и др.). Печатные тексты отличаются от автографов незначительными разночтениями:

В изд. 1833 г. отсутствуют ст. 12—15; ст. 11 читается:

Да незаманчивые сны

В «Моск. вестн.» и «Благонамер.»:

Ст. 6. Доселе в мире видел я
10: Киприды приторную сладость

127. *М. Н. Дириной* (Не в первый раз мой добрый гений). Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 4 апр. 1826 г. (Яз. арх., стр. 245 — 246). Стихотворному тексту предшествуют следующие строки: «1 апреля именинница тебе известная Мария; мне, яко давнишнему ее воспевателю, нельзя было поздравить бесстиховно и вот что вышло». Послание это было напечатано в «Невск. альманахе» на 1828 г., под заглавием: «К М. Н. Д.» и в очень измененной редакции; но в изд. 1833 г. Языков включил первоначальный текст под заглавием: «М. Н. Д—ой», с незначительными изменениями:

Ст. 8: Кипучим тесное мечтам
23 (вероятно, ошибочно): «украсит» вм. — «украсят».

В изд. 1833 г. — пьеса датирована 1824 г. — одна из многочисленных случайных или сознательных ошибок Языкова. Редакция «Невск. альманаха» имеет следующие разночтения:

Ст. 5 — 16: Всегда с улыбкой благосклонной
Вы слушали приветный глас
Моей души, не редко сонной,
Но вечно ревностной для вас;
Теперь, по прежнему, с поклоном,
Веселый вами, вам несу
Мою любовь, мою красу, —
Мой фимиам пред Аполлоном.
И стихотворческий Парнасс
21 — 22: И непритворные моленья
Я воссылаю к небесам
25: Да не встречается вам скука,
Да любят вас богиня звука
27: Под сенью мирной тишины
30: Как утро сладостной весны
31 — 34: Желаю: но мои желанья
Они излишни, вижу я;
И ныне ваши достоянья
Все эти блага бытия.

128. *К П. Н. Шепелеву* (В делах вина и просвещенья). Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально напечатано в «Невск. альманахе» на 1827 г., под заглавием: «К Ш...ву», с тремя звездочками вместо подписи. Редакция последнего отличается от текста изд. 1833 г. некоторыми

разночтениями. Самая первая редакция сообщена в письме к А. М. Языкову от 21 мая 1826 г. (Яз. арх., стр. 252 — 253). Изд. 1833 г. воспроизводит эту первую редакцию, но без последних четырех строк:

Вот все, товарищ; дай мне руку!
Не позабудь: скорее к нам,
Да снова мы любовь, науку,
Вино и горе пополам!

В «Невск. альманахе» следующие разночтения:

Ст. 1 — 2: В трудах на жатве просвещенья
За чарой Вакха, мой Орест!
21 — 24: Чья эротическая сила
Меня, и вьяве и во сне,
Порой мертвила и живила
И ныне царствует во мне?
27: Жива как муза, но едва ли
Так непритворна и верна
30: И грудь, и очи, и уста,
И кудри, словно у Хариты.

Последние четыре стиха в той же редакции, что в автографе письма к А. М. Языкову, но с изменением в предпоследнем стихе:

Да снова мы стихи, науку

В Публ. б-ке хранится автографический список этого послания, датированный 15 мая 1826 г. и являющийся таким образом одним из первоначальных вариантов. Основные его разночтения:

Ст. 17 — 18: Нет, пламенеющий, доселе
И восхищаюсь и горжусь.

129. *Эпилог* (Смотрю умильными глазами).
Впервые опубликовано М. И. Семевским, по рукописному сборнику Вульфа («Русск. арх. 1867, № 5—6, стр. 720), с пометкой: «29 мая 1826 г». По указанию Вульфа, относится к М. Н. Дириной (стр. 729).

130 — 141. *Нравоучительные четверостишия.*
Печатаются по тексту «Невск. альманаха» (№ 1—9: «Невск. альманах» 1827; № 10—12: «Невск. альманах», 1828). Перепечатаны целиком в изд. Сув.; в изд. Перевлес. были воспроизведены только первые девять, со ссылкой в примечании: «Это — пародии на известные четверостишия Дмитриева».Текст второго четверостишия по автографу (письмо

к Пушкину от 19 авг. 1826) опубликован в Отчете Публ. б-ки за 1889 г., стр. 43—44, и перепечатан И. А. Бычковым в «Русск. стар.» 1903, № 3. В примечании к своей статье о Языкове Семевский сообщил, что, «по свидетельству Вульфа, пародии эти сочинены были среди шуток Языковым вместе с Пушкиным в бытность их летом в Тригорском» («Русск. арх.» 1867, стр. 741). Основываясь на этом сообщении, Н. О. Лернер считает, что эти «пародии» (за исключением второй, «Удел гения», которую Языков написал уже после отъезда из Тригорского и сообщил в письме к Пушкину от 19 авг. 1826 г.) более уместны в Собр. соч. Пушкина, чем Языкова. Участие Пушкина в составлении этих пародий было, конечно, значительнее доли, вложенной Языковым, — пишет он, — и, несомненно, Пушкин увлекал Языкова. В творчестве Языкова литературная пародия была случайностью, кажется, единственной; Пушкин с его более развитым чувством юмора и сатирической жилкой оставил нам не мало опытов литературного пересмешничества...» «Их нельзя совсем отнять у Языкова, но Пушкинского в них гораздо более, чем Языковского» («Сев. зап.» 1913, IV, стр. 116—119). Основываясь на этих соображениях, 11 четверостиший были введены в Полное собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгауз и Эфрон, т. VI, стр. 179—181: «Новые приобретения Пушкинского текста», с примечаниями Н. О. Лернера, где он воспроизводит ту же аргументацию.

Соображения Н. О. Лернера не представляются нам убедительными. Нет абсолютно никаких фактических данных для утверждения, что Пушкинский вклад гораздо значительнее Языковского и что именно первому принадлежит инициатива и ведущая роль. Внутренние же убеждения («ex ungue leonem», — как пишет Н.О. Лернер) неоднократно приводили исследователей — особенно пушкинистов — к весьма крупным ошибкам. Внешние обстоятельства свидетельствуют скорее против такого толкования. Эти четверостишия появились в двух книжках «Невск. альманаха» за подписью***, как очень часто подписывал Языков свои вещи, когда не хотел почему-либо выставлять своего имени. Современники очень отчетливо знали, что автором этих пародий является именно Языков, да и сам он неоднократно (в письмах к Вульфу и братьям) упоминает о своем авторстве. Так, напр., по поводу критического отзыва «Моск. тел.» Языков пишет: «Молва гласит, что Полевой ополчился на меня Дмитриева-старца ради, за апологи» («Русск. арх.» 1867, стр. 741). Наконец, если бы они принадлежали обоим поэтам, да еще главным образом Пушкину, едва ли бы мог Языков распоряжаться ими как

своей собственностью; однако именно он посылает их Аладьину для напечатания в «Альманахе», сам определяет их порядок; включает на одно из первых мест «Удел гения», т. е. как раз то четверостишие, которое определенно принадлежит ему одному. Все это было бы невозможно, если бы он не считал себя основным автором.

Наконец, совершенно неверно утверждение об отсутствии в творчестве Языкова пародий: ср. «Валдайский узник», «Чувствительное путешествие в Ревель» и др.

Поэтому едва ли здесь может итти речь о коллективном творчестве в полном смысле этого слова. Во всяком случае несомненное участие Пушкина в этом деле было настолько слабым, что Языков ни разу не усомнился ни в своем праве на авторское распоряжение этими пьесами, ни в своей ответственности за них. И с другой стороны такой образ действий Языкова не вызывал никаких возражений со стороны Пушкина.

«Четверостишия» пародируют незадолго перед тем появившиеся «Апологи» И. И. Дмитриева. Н. О. Лернер очень точно определил те апологи, которые пародированы здесь: «Мораль», «Верное предсказание» — вполне в духе сентенций Дмитриева: «Спокойно жизни путь свершает добродетель...», «Кто любит помогать, тот всякому сродни...», «Что в пользу, то не тяжело...» и т. п. «Мстительность» напоминает «Мщение пчелы» Дмитриева, «Мартышка» точно пародирует «Чадолюбивую мать», «Закон природы» приводит на память сладенькие стихи аполога «Репейник и фиалка». (Полное собр. соч. Пушкина под ред. Венгерова, VI, стр. 181). Первый стих в 5-м четверостишии («Пчела ужалила медведя в лоб») — цитата из Баркова.

142. *К Татаринову* (Хвалю тебя, мой спутник новый). Печатается по автографу альбома А. М. Языкова, где датировано: «1826, авг. 4»; было опубликовано в той же редакции в «Невск. альманахе» на 1832 г., под заглавием: «К Т—ву». В изд. Перевлес. напечатано дважды: т. I, стр. 96, под заглавием: «К Т—ву», и в т. II, стр. 296: «К Татаринову».

Татаринов Александр Николаевич (1810— 1862)— земляк и приятель Языкова, племянник Н. и А. И. Тургеневых, дерптский студент. Emil Anders в своих «Воспоминаниях» («Baltische Monatsschrift» 1892, XXXIX) рассказывает, что Татаринов и Языков ввели его в круг русской литературы, познакомили с Пушкиным и через них «он узнал новую романтическую струю в русской литературе». Впоследствии Тата-

ринов жил в Симбирской губ. и был одним из местных деятелей в «эпоху освобождения», являясь представителем умеренно-либерального дворянства. Татаринову принадлежат любопытные воспоминания о студенческих годах Языкова: они были написаны по вызову Д. Н. Садовникова. По рукописи — из архива последнего (ныне хранится в ИРЛИ) опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 393 — 402). Кроме данного послания, Языков посвятил Татаринову еще два.

А. Н. Татаринов очень часто упоминается в переписке А. И. Тургенева (см. «Дневник и переписка бр. Тургеневых», изд. Ак. Наук, т. VI, Л. 1921).

143. *П. Н. Шепелеву* (Счастлив, кому дала природа).

Впервые напечатано М. И. Семевским по рукописному сборнику А. Н. Вульфа («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 719), в той же редакции у Сув. В наст. изд. печатается по автографу в альбоме А. М. Языкова (ИРЛИ) кроме того, в ИРЛИ имеется еще один список этого послания, с датой: «7 авг. 1826» (дата у Семевского — 6 авг.). Ст. 33 в печатных текстах изменен следующим образом: «Стихом за щеку ущипну»; ст. 27 в «Русск. арх.»: «В Цитерской области Парнаса».

144. *Не вы ль убранство наших дней.*

Впервые опубликовано Н. В. Измайловым в историко-литературном временнике «Атеней», кн. III, Л. 1926, стр. 11, по записи в одной из тетрадей архива Бестужевых (ИРЛИ, перепл. № 5569, л. 97). По тому же источнику печатается в наст. изд. Список датирован: «7 авг. 1826». Дата собственно записана иначе: «7 авг. 1825 г.», но это ясная и несомненная описка; список этот принадлежал ранее Ек. Ерм. Шокальской, рожд. Керн, и извлечен последней из сборника М. И. Осиповой (дочери П. А. Осиповой). Два стиха пьесы в несколько иной редакции:

Рылеев умер, как злодей;
Да вспомянет его Россия

были довольно широко известны и неоднократно приводились в различных заграничных изданиях и в нелегальной русской печати, причем, обычно, они приписывались самому Рылееву. Эта легенда была опровергнута П. А. Ефремовым в его издании сочинений Рылеева (Спб. 1872, стр. 376); там же он указал впервые на Языкова как автора этих строк. «Ему таким образом,— пишет Н. В. Измайлов, — известно было наше стихотворение — только без первых двух стихов, — известен и его автор; но первые два стиха, как мы их знаем, представляют,

вероятно, испорченную в копии редакцию, и в подлиннике, быть может, стихотворение звучало иначе («Атеней», стр. 31).

Н. В. Измайлов категорически утверждает, что Языков «не был лично знаком с Рылеевым», но на чем основано это утверждение, не ясно. Языков был сотрудником Рылеевских альманахов и вполне возможно, что в один из своих коротких наездов в Петербург, куда он приезжал к брату (летом 1824 г., в январе 1825, летом 1825 г.), он мог завязать и личное знакомство с Рылеевым и Бестужевым. Рылеев же рекомендовал Языкова в члены Вольного общества любителей российской словесности (установлено по архивным документам В. И. Масловым, «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», К. 1912, стр. 82).

145. *Виленскому* (Не робко пей, товарищ мой).

Впервые опубликовано М. И. Семевским, по рукописному сборнику Вульфа («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 717), под заглавием: «К В—му», откуда перепечатано в изд. Сув., автограф — в альбоме А. М. Языкова (ИРЛИ), с полным именем адресата и датой: «16 авг. 1826». В наст. изд. — по автографу.

Виленский Николай — уроженец Пензы, один из товарищей Языкова по Дерптскому университету.

146. *А. С. Пушкину* (О ты, чья дружба мне дороже).

Первоначально было опубликовано М. И. Семевским в «Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 721—722, и затем неоднократно перепечатывалось в разных изданиях, связанных с Пушкиным. В 1906 г. было воспроизведено в «Переписке Пушкина» (Соч. Пушкина, изд. Ак. Наук. Переписка под ред. и с примечанием В. И. Саитова, т. I, стр. 365 — 366: письмо Языкова от 19 авг.), там же дано подробное описание автографа. Установление точного текста представляет некоторые трудности, так как Языков, ясно понимая невозможность опубликования послания в таком виде, как он написал, тут же давал варианты, причем в большинстве случаев он зачеркивал карандашом или чернилами сомнительное или внушавшее опасение слово, и над ним писал новое. Так, напр., в автографе ст. 4 зачеркнут чернилами и против него поставлено N3; над словом «царской» было написано карандашом «папской», затем также зачеркнуто; в ст. 13 слово «пророк» зачеркнуто и над ним написано «певец», против всего стиха стоит В; в ст. 24 зачеркнуто: «свободу» и написано «искусства», в ст. 25 слова: «вече, я на...» зачеркнуты, вместо них: «тридевятом», а против всего стиха N3; в ст.33: «простодушная» зачеркнуто и последовательно заменено вариантами: «древняя» («и наша древняя

Москва»), «добрая» («и наша добрая Москва»). Считая эти поправки окончательными, В. И. Саитов ввел их все в текст, однако сам Языков считал их только вынужденной уступкой на случай цензурных придирок. По крайней мере в тетради копий, приготовленных для печати (для изд. 1833 г.), список этого послания лишен этих исправлений и дает полное воспроизведение первой редакции без поправок. Автограф в альбоме А. М. Языкова дает ту же первую редакцию, но с вариантом в ст. 4: вм. зачеркнутого «святее царской головы» — исправлено: «милее всякой головы» в публикации М. И. Семевского этот стих был опубликован в следующей редакции:

Святее всякой головы

В наст. изд. текст воспроизводится в подлинной редакции письма Пушкину без исправлений. В обоих автографах к стиху «Перед скрижалью вдохновений» сделано Языковым примечание: «аспидная доска, на которой стихи пишу». Кроме указанных автографов и списков, имеется еще автограф, принадлежащий М. В. Берг (любезно сообщено Н. Ф. Бельчиковым), датированный 16 авг. 1826 г. и дающий незначительные разночтения в ст. 20.

И я на небе, я на небе.

Список этого послания имеется также в тетради Шенрока (из альбома Н. Д. Киселева), ст. 4 в нем читается: «Святее барской головы». Из описания Шенрока не ясно, что находится в альбоме: автограф или список Н. Д. Киселева.

Вопрос о взаимоотношениях Языкова и Пушкина довольно сложен. Пушкин был одним из первых, сразу же решительно признавших дарование Языкова и усиленно пропагандировавших его. Пушкин же первый обратился к Языкову с посланием (см. примечание к № 77) и усиленно упрашивал Вульфа уговорить Языкова приехать в Тригорское; но Языков долго не решался принять приглашение и только, наконец, в 1826 г. посетил Тригорское, где прогостил все лето (6 недель). Тогда же состоялось и знакомство с Пушкиным, создавшее перелом и в отношении к нему Языкова. В суждениях и отзывах своих о Пушкине до этого периода Языков очень сдержан, холоден, а часто и отрицателен. «Читал ли ты новую пьесу Пушкина «К войне»? — пишет он брату в 1822 г. — стихосложение, как всегда, довольно хорошо: зато ни начала, ни середины, ни конца — нечто чрезвычайно романтическое; наверно в Петербурге ее хвалят, и особливо Погожев, потому что он обыкновенно хвалит то, что хулят люди с познаниями и вку-

сом». В 1824 г. Языков пишет о «Бахчисарайском фонтане»: «Эта поэма едва ли не худшая из всех его прежних: есть несколько стихов прекрасных, но, вообще, они как-то вялы, невыразительны и даже не так гладки, как в прочих его стихотворениях». Особенно характерны его суждения об «Онегине»: «Онегин мне очень, очень не понравился; думаю, что это самое худое из произведений Пушкина» и т. д. Личная встреча с Пушкиным и шестинедельное общение с ним произвели колоссальное впечатление на Языкова, и он долго находился под обаянием личности Пушкина. Восторженные характеристики находятся и в письмах его и в ряде стихотворных пьес (см. «Тригорское», «П. А. Осиповой», «На смерть няни Пушкина» и др.); эта встреча отразилась и в пересмотре самих воззрений на поэзию Пушкина. Тем не менее и после тригорской встречи очень часты отрицательные оценки Пушкинских творений. В частности, он очень холодно встретил «Сказки», явно предпочитая им сказки Жуковского; также отрицательно отнесся к «Повестям Белкина» и проч. Исследователи неоднократно высказывались об этих взаимоотношениях двух поэтов, но все суждения шли исключительно в плане биографо-психологическом и, нужно сознаться, были весьма поверхностны. Так Б. Л. Модзалевский писал о «нечуткости» и «пристрастности» со стороны Языкова, Н. О. Лернер говорил о зависти: «к Пушкину, как к человеку и поэту, Языков относился холодно и с плохо затаенным недоброжелательством, лишь изредко ненадолго поддаваясь личному обаянию Пушкина; вообще Языков злорадствовал неудачам Пушкина, охотно передавал ходившие сплетни о нем, бранил его произведения. В основе этих тяжелых, болезненных отношений лежала горькая зависть...» «(Русск. библиоф.» 1914, I, стр. 85). С. Бобров несколько неожиданно и без всяких обоснований считает, что «недоброжелательство к Пушкину было просто кем-то (кем же?) подсказано чистейшей душе Языкова» (С. Бобров, «Н. М. Языков о мировой литературе», М. 1916, стр. 5). Впрочем, там же он делает и более глубокую попытку разобраться в сущности Языковских оценок Пушкина. Опираясь на суждение А. Белого («Языков весь — утрировка стремлений поэтов начала XIX столетия освободиться от медленности темпов у поэтов XVIII в.»), С. Бобров полагает, что Языков «был исполнен естественной реакции на недостаточную революционность Пушкинской формы» (ibid., стр. 4). Но ясно, что сущность вопроса глубже и вопрос может быть окончательно разрешен только в свете анализа общественно-классовых позиций обоих писателей (см. вступ. статью).

147. *П. А. Осиповой* (Аминь! Аминь! Глаголю вам).

Печатается по автографу ИРЛИ (альбом А. М. Языкова), датировано: «25 авг. 1826 г.». Другой автограф — в Публ. б-ке (бумаги А. Н. Вульфа), с датой: «2 авг». Пушкин в письме от ноября того же года к Вяземскому цитирует первую строчку этого послания («Аминь, аминь, глаголю вам»).

В изд. 1833 г. эта пьеса озаглавлена: «К П. А. Ос—й», и отнесена к 1827 г., напечатана с рядом пропусков, отчасти по соображениям цензурным, отчасти интимного характера. Пропущены:

Ст. 1: Аминь, аминь, глаголю вам!
32—33: Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас
61—65: А вольномыслящий поэт
Наследник мудрости Вольтера и т. д.

В автографе Публ. б-ки ст. 23—29 зачеркнуты и против них на полях (рукой Осиповой?) написано: «Это я бы выпустила». Имеются незначительные разночтения и в автографах:

Ст. 39: Публ. б-ки: Луч денницы разгоняет
ИРЛИ: Луч денницы прогоняет (так и в изд. 1833 г.)
50: Публ. б-ки: Желания пылкие вставали
ИРЛИ: Надежды пылкие вставали (так и в изд. 1833 г.).
53: Публ. б-ки: Желанья лучшие мои
ИРЛИ: Надежды лучшие мои (так и в изд. 1833 г.).

Ст. 19—36 относятся к Воейковой; ст. 61—65 — к Пушкину.

Осипова Прасковья Александровна (1781—1859) — владелица Тригорского, по первому браку — Вульф, мать друга Языкова, Алексея Николаевича Вульфа. Осипова и вся ее семья занимают видное место в биографии Пушкина. Сама она, несомненно, принадлежала к числу самых близких и преданных его друзей. В имении Осиповой Языков провел лето 1826 г., находясь там в постоянном общении с Пушкиным. Это лето он считал одним из лучших своих воспоминаний и неоднократно возвращался к нему в письмах и стихах своих. Так в письме к Вульфу от 17 февр. 1827 г. он писал: «Обитатели Тригорского ошибаются, думая, что я притворялся, когда воспевал часы, мною там проведенные: как чист и ясен день — чиста душа моя! Я вопрошал совесть мою, внимал ответам ее, и не нахожу во всей моей жизни ничего подобного красотой нравственною и физическою, ничего приятнейшего и достойнейшего сиять золотыми буквами на доске памяти моего сердца, нежели лето 1826 г. «(Спб. ведом.» 1866, № 163),

примерно так же он отзывается и в письмах к братьям (Яз. арх., стр. 256).

148. *К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву* (Нам было весело, друзья).

Печатается по изд. 1833 г., с восстановлением ст. 9 и 18 по автографу и «Невск. альманаху». Первоначально напечатано в «Невск. альманахе» на 1827 г., под заглавием: «К друзьям». В изд. 1833 г. заглавие: «К В—у, Т—у и Ш—у».

В «Невск. альманахе» цензурой изъят ст. 6:

На шум народных мятежей.

В изд. 1833 г. он заменен строкой из точек; помимо этого текст «Невск. альманаха» имеет ряд других разночтений:

Ст. 15. Мечты манила величавы
после 20: Во мне рождалось вдохновенье,
Возвышен им, я воспитал
Мое спокойное презренье
Ко гласу ветренных похвал;
Я поклялся молвы приветов
Не слушать в подвиге святом
И по ристалищу поэтов
Промчаться с громом и огнем!
21: В те дни, обманами счастливый,
30: Тогда в восторге перед вами
51: Свободно хвалим, осуждаем
61: Прекрасной родине своей
97: У нас надежды удалые.

Автограф этой редакции хранится в ИРЛИ (альбом А. М. Языкова, дата: «27 авг.»); от ред. «Невск. альманаха» он отличается только чтением ст. 10: «На поединке удалом» (в «Невск. альманахе», так же как и в изд. 1833 г.: «На поединке роковом».) В изд. 1844 г. ст. 107 читается: «Шумя широкими крылами».

149. *Тригорское* (В стране, где вольные живали).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Ст. 3 восстанавливается по указанию письма В.Д.Комовского от 20 янв. 1833 г. (ИРЛИ); в печати этот стих заменен, по требованию цензуры:

Где гордо именем граждан

«Тригорское» написано Языковым осенью 1826 г. (по дате на одном из автографов: «август — ноябрь»; предназначалось для проектировавшегося альманаха Бахтина, но Пушкин передал эту пьесу в журнал Погодина «Моск. вестн.», где она

и была напечатана (1827 г., ч. I, № II, стр. 83—90) под заглавием: «Тригорское», Послание «К А. С. П.» (т. е. Пушкину) крайне неисправно, с целым рядом пропусков и искажений. Так, напр., пропущены ст. 45—52, где говорится о Пушкине; пропущены ст. 63—64:

И ей роскошная дарит
Все, чем возвышенна свобода;

также пропущены ст. 201—208: «Широко зыблются на нем» и т. д.; ст. 238—242: «Как сладко узнику младому»; третий с конца стих напечатан: «Себя беспечного укрыть» вм. — «Себя свободного укрыть» и др. Языков был очень недоволен этими искажениями (см. Яз. арх., стр. 302: письмо к А. М. Языкову от 30 янв. 1827 г.) и позже в изд. 1833 г. восстановил все пропуски и искажения, сделанные Погодиным, внеся в прежний текст ряд своих поправок. В изд. Перевлес. (1858) перепечатан текст 1833 г., в изд. же Сув. почему-то взят сокращенный и явно искаженный текст «Моск. вестн.», но с рядом еще новых разночтений, отсутствующих в тексте «Моск. вестн.» (отсутствуют в изд. Сув. и строки о Пушкине).

Сохранилось два автографа первоначальной редакции «Тригорского»: один — в Публ. б-ке (бумаги Вульфа), другой — в ИРЛИ, опубликованный Е. В. Петуховым в Яз. арх. (стр. 270 и 277: письмо к А. М. Языкову от начала ноября 1826 г.). В обоих автографах подзаголовок тот же, что и в изд. 1833 г.: «Посвящ. П. А. О—ой» (т. е. Осиповой); подзаголовок «Моск. вестн.» («Послание к А. С. Пушкину») самовольно и произвольно внесен редактором. Оба автографических текста совершенно идентичны, если не считать некоторых незначительных разночтений в пунктуации. Разночтения первоначальной редакции следующие:

Ст. 13: Душа высокая водила;
73: За миловидною денницей,
104: Дерев безжизненная сень;
105: Там в поле жатвы, меж скирдами,
119: Одежды прочь! Перед челом
153: На дерне мягком и шелковом,
161: Как персты гибкие мелькали
171: Длиннеет сумрачная тень;
207: Покатит мощные струи
218: Все ясно: цепь далеких гор

«Тригорское» было встречено восторженными отзывами современников. Пушкин писал Языкову из Михайловского 19 ноября 1820 г. «... сейчас видел в а ш е «Тригорское».

Спешу обнять и поздравить вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшего». Еще в более сильных выражениях писал он Вяземскому: «Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вам, он всех нас стариков за пояс заткнет»; о стихотворениях Языкова, посвященных Тригорскому, Пушкин упоминает в «Путешествии Онегина» (см. Приложение № 6).

«Тригорское» характерно также и для исторических интересов Языкова. Таково, напр., начало пьесы. В письме к брату А. М., сообщая ему о намерении поехать к Вульфу и познакомиться с Пушкиным, поэт писал: «Кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, — места священные музе русской, а ты знаешь, как они на меня действуют» (Яз. арх., стр. 249, ср. также «Послание к Вульфу, Тютчеву и Шепелеву»); ст. 13 и сл. упоминают о походе польского короля, Стефана Батория (в 1581—1582 гг.), когда он доходил до Пскова. Главный штаб и его ставка находились как раз в Воронече — древний город, на месте которого позже стояло Тригорское, — оттуда Стефан рассылал грамоты псковичам, убеждая их покориться и сдаться. Одна из таких грамот хранится в настоящее время в Псковском музее.

«Тригорское» почти единогласно признано всей критикой лучшей вещью Языкова. В статье «Лирическая поэзия последователей Пушкина», являющейся одним из самых резких и характерных памятников отношения к поэзии Языкова радикальной разночинной интеллигенции 60-х гг., автор пишет: «В Тригорском уединении Языков нашел гораздо более разнообразия и пищи духовной, нежели в тесном студенческом населении Дерпта. Все осмыслилось для юного поэта через сообщество Пушкина»... «И если б фатальное стечение обстоятельств не отвлекло Языкова в другую сторону, если бы Пушкин вместо непомерных похвал его юношеским опытам пребыл для него другом-учителем, то, без сомнения, талант Языкова получил бы широкое развитие и не впал бы он в те крайности, которыми поражают последующие его произведения» («Моск. обозр.» 1859, кн. II, стр. 180—181).

150. *Аделаиде* (Я твой, я твой, Аделаида).

Печатается по автографу: запись в альбоме А. М. Языкова. Датировано: «12 сентября 1826 г.». Первоначально было напечатано в «Невск. альманахе» на 1829 г., с тремя звездочками вместо подписи в следующей редакции:

Как мысли творческой созданья,
Как сладострастная мечта,
Светла, полна очарованья
Твоя девичья красота;
Ланит и персей жар и нега,
Живые груди, блеск очей
И волны ветренных кудрей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены!
Предайся мне: любви забавы
Я песней звучной воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

В изд. 1833 г. это стихотворение приведено уже в иной редакции:

АДЕЛАИДЕ

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! Ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! Мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою,
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

Датировано: «1825 г.». В несколько иной редакции напечатано с рукописного списка Вульфа М.И. Семевским в «Русск. арх.» (1867, № 5 — 6, стр. 746). В этой редакции оно перепечатано и в изд. Сув. (I, стр. 108) и отнесено также к 1825 г. В изд. Перевлес. оба эти варианта приняты за разные стихотворения и напечатаны с разными заглавиями и под разными годами: 1825 и 1829.

А. С. Поляков в текстологическом комментарии («Радуга», П. 1922) полагает, что «Языкову, а потом и редакторам часто приходилось изменять текст этого послания, дышащего юношеской страстностью и всем зноем молодых нерастраченных

сил, лишь бы только протащить стихи через цензурные рогатки». Это, конечно, неверно. Редакторы ничего не меняли, а просто были введены в заблуждение наличием разных редакций. Сам Языков в данном случае руководился также не цензурными соображениями, но мотивами другого типа. Конец стихотворения говорит об А. А. Воейковой, — Аделаида же, которой адресовано послание, была цирковая наездница в Дерпте; по резкому отзыву одного из университетских товарищей Языкова — «просто публичная, дрянная девка» (Яз. арх., стр. 396). Естественно, что опубликование пьесы с таким сопоставлением имен было бы принято Воейковой за дерзость и оскорбление.

В позднем письме к Вульфу Языков писал: «Видел ли ты Аделаиду Турниер, известную фиглярку? Она снова наделала здесь много шуму, воспламенила сердца, взъерошила головы молодежи... Я нарочно не смотрел ее представления: es war zu risquant». (Публ. б-ка).

И отдаю тебя на хлюст... — смысл этого термина выразительно вскрывается в воспоминаниях бывшего дерптского студента, П. Д. Боборыкина. «Студенческая братия, — пишет он, — держалась в массе тех же нравов. Тут было гораздо больше грубости, чем испорченности: скука, лень, молодечество, доходившее часто до самых возмутительных выходок. Были такие обычаи по части разврата, когда какая-нибудь пьяная компания дойдет до «зеленого змия», что я и теперь затрудняюсь рассказать in extenso, что разумели под циническими терминами «хлюст» и «хлюстованье».

И это было. Я раз убежал от гнусной экзекуции, которой подверглись проститутки, попавшие в руки совсем озверевшей компании» (П. Боборыкин, «За полвека», ред. и примечания Б. П. Козьмина, изд. «Земля и фабрика», 1928, стр. 73).

151. *К Виню* (Невольный гость Петрова града).

Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «К В. Ю.»; под таким заглавием оно включено и в изд. Перевлес. и Сув. В списке стихов, переписанных для печати (ИРЛИ), оно озаглавлено: «К Виню», — и это, несомненно, правильно, так как послание адресовано к студенту де-Виньи (Vigne). Очевидно, в изд. 1833 г. опечатка: вм. «К В — ю». О происхождении этого послания и о самом Вине — дважды в Яз. арх. (стр. 265 и 315). О происхождении этого послания — см. во вступ. статье.

152. *Вечер* (Прохладен воздух был).

Печатается по изд. 1833 г. Дата: «1826, Дерпт». Первоначально в «Славянине» 1827, ч. II, № XXIV, стр. 457.

153. *Сомнение* (Когда зовут меня поэтом).

Печатается по тексту 1833 г. Дата: «1826. Дерпт». Первоначально в «Альб. сев. муз» на 1828 г. Имеется список в альбоме А. М. Языкова (ИРЛИ), дающий ту же редакцию. Автограф — в альбоме М. Н. Дириной (Публ. б-ка).

154. *К Пельцеру* (Свободны, млады, в цвете сил).

Печатается по изд. 1833 г. (с проверкой пунктуации по автографу), где озаглавлено «К П—ру». Первоначально в «Невск. альманахе» на 1828 г., с тремя звездочками вместо подписи, затем без разночтений в изд. 1833 г., в письме к брату А. М. Языкову от 16 дек. 1826 г. (Яз. арх., стр. 288). Адресат послания — Карл Пельцер (Peltzer) — товарищ Языкова по Дерптскому университету.

Разночтения:

Ст. 18: Где мы, надежд высоких полны
31—33: Напьюсь во имя прошлых дней
И песнью громкою прославлю
Поминки юности моей!

155. *Олег* (Не лес завывает, не волны кипят).

Печатается по изд. 1833 г. Датировано: «1826. Дерпт». Вошло в изд. 1844 г. Автограф последней строфы опубликован Е. В. Петуховым (Яз. арх, стр. 299: письмо к А. М. Языкову от янв. 1827 г.). Примыкает к циклу аналогичных поэм на темы легендарного периода древне-русской истории, с неизменным присутствием, в качестве центрального персонажа, певца-баяна.

Первоначально опубликовано в «Сев. пчеле» 1827, № 19, с разночтениями:

Ст. 60: Князь Игорь к себе их сзывал
72: Народы на вызов Олега
88: Как шли по стремнине бушующих вод
90: Как в море порывистый ветер носил!
94: Как бурно, как смело на бреге чужом
98—101: Как там победитель прибил ко вратам
Свой щит, знаменитый от брани,
И как возвратился к своим племенам
С богатством и славы и дани

1827

156. *К музе* (Мой ангел милой и прекрасной).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Славянине» 1827, ч. I, № IV, стр. 80; с разночтением:

Ст. 4: Ты нежила мой пылкий ум.

Автограф текста, помещенного в «Славянине», находится в Публ. б-ке: письмо к Вульфу от «21 янв. 1827», с разночтением в ст. 12:

Твои летали вдохновенья

157. *Песня* (Всему человечеству).

Печатается по автографу: письмо к А. М. Языкову от 20 февр. 1827 г. (Яз. арх., стр 311—312). В изд. Сув. отнесено к 1824 г. и опубликовано с обессмысливающей ошибкой в ст. 27—28:

Но дух возвышается
На громки слова

и с разночтением в ст. 29:

Восторгами нежными.

Последнее также едва ли может быть вариантом, так как соответствующая рифма сохранена: «стаканами».

158. *Песня* (Из страны, страны далекой).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1827 г.. Стала одной из популярнейших студенческих песен, доживших до самого недавнего времени. Е. Бобров («Русск. фил. вестн.» 1907, I, стр. 182) указывал, что 4-я строфа позже пелась следующим образом:

Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных.
Первым счастьем будь вино,
И счастливо и хмельно!
Вино! вино, вино, вино!

В кругах же демократического студенчества эта песня имела следующий вид:

Из страны, страны далекой
С Волги матушки широкой
Ради славного труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Вспомним горы, вспомним долы,
Наши нивы, наши селы,
И в стране, стране чужой,
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем!
Пьем с надеждою чудесной
Из стаканов полновесных!

Первый тост за наш народ,
За святой девиз: вперед!
Вперед, вперед, ~~вперед, вперед~~!

159. *А. Н. Вульфу* (Теперь я в Камби).

Печатается по автографу Публ. б-ки (письмо к А. Н. Вульфу). В изд. 1833 г. опубликована только вторая часть пьесы («Поверь, товарищ»); первая часть («Теперь я в Камби») опубликована в изд. Переверз. (т. I, стр. 104). Как два отдельных стихотворения, они включены в изд. Сув. Автограф, хранящийся в Публ. б-ке, датированный 19 апр. 1927 г., позволяет рассматривать обе эти пьесы как единое стихотворное послание.

Федоров Борис Михайлович (1794—1875) — мелкий писатель-журналист, выступавший и как поэт и как драматург и даже как критик. В литературных кругах к Федорову относились с большим презрением, подозревая с достаточными основаниями в нем также и доносчика. Сохранилась эпиграмма на него, принадлежащая Дельвигу.

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедии тупы,
Трагедии глупы,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

160. *А. В. Тихвинскому* (Любимец музы и науки).

Печатается впервые по списку в тетради копий (ИРЛИ).

Тихвинский Алексей Васильевич — лектор русского языка в Дерптском университете (1825—1837); о нем см. Левицкий, «Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского университета» (т. II, 1903, стр. 369—370). В письме к брату А. М. Языков пишет (18 мая 1828 г.): «Сюда приедет младший учитель, а старшим сделается Тихвинский, который (не тем будь он помянут) на это дело не годится: слаб характером, туп умом и всегда подвержен насмешкам, шуткам и шалостям своих молодых учеников» (Яз. арх., стр. 359). Послание Языкова к Тихвинскому, несомненно, писано во время его пребывания в дерптском пригородном курорте Камби, почему и относится нами к лету 1827 г.

161. *П. А. Осиповой* (Благодарю вас за цветы).

Впервые опубликовано М. И. Семевским: в «Спб. ведом.» 1866, № 163 (отрывок), и полностью в «Русск. арх.» 1867, стр. 739, по рукописному сборнику Вульфа, с пометкой: «1 мая

1827 г.»; однако об этом послании имеется упоминание же в письме от 17 февр. того же года. В наст. изд. печатается по автографу Публ. б-ки (из бумаг Вульфа, датировано: «1 авг. 1827»). Текст «Русск. арх.» имеет разночтения:

Ст. 13: И ныне с грустью безутешной
40: Взываю к вам, и где ж они.

В письме к Вульфу Языков писал по поводу этого послания: «Каковы рифмы: тень ивы и те нивы!» («Спб. ведом.» 1866, № 163).

162. *Катеньке Мойер* (Благословенны те мгновенья).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Славянине» (1827, ч. III, № XXVII, стр. 35), под заглавием: «В альбом Катеньке Мойер», с датой: «1827, мая 15». Та же дата в альбоме А. М. Языкова (список).

163. *К няне А. С. Пушкина* (Свет Родионовна, забуду ли тебя).

Печатается по изд. 1833 г. с исправлением первого стиха по «Сев. цветам» на 1828 г. Автограф, датированный: «17 мая 1827 г. Дерпт», хранится в Публ. б-ке. Первоначально Языков прислал это стихотворение в письме к Вульфу от 18 мая 1827 г. Ст. 1 читался так:

Васильевна, мой свет, забуду ль я тебя?

Вульф, видимо, поспешил поправить поэта, на что тот отвечал: «мне очень жаль, что няня — не Васильевна! Вот новое доказательство той великой истины, что поэту необходимо знать совершенно предмет своего славословия, прежде нежели приняться за перо стихотворное» (Яз. арх., стр. 413).

В «Сев. цветах» пьеса напечатана уже с правильным именем, но в изд. 1833 г. почему-то повторена первоначальная ошибка, очевидно, по вине В. Комовского, который вел издание. Кроме того, в тексте «Сев. цв.» имеется разночтение в ст. 12: «Ходил я навещать великого поэта». Имя Пушкина в изд. 1833 г. обозначено: П....ъ, а в «Сев. цв.» — звездочкой.

164. *Д. Н. Свербееву* (Во имя Руси, милый брат).

Печатается по Яз. арх. (стр. 330—332): письмо к А. М. Языкову от 12 июля 1827 г.; однако в ИРЛИ, где хранится вся переписка, этого письма не оказалось. В изд. 1833 г. помещено под заглавием: «К ***» и с изменением в ст. 43: «И лень, и грусть, и мишура». В той же редакции и в изд. Сув.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799 — 1874) — родственник и друг Языковых. Дом его в Москве наряду с домом

Елагиной-Киреевских является одним из центров дворянской интеллигенции. По своим общественным симпатиям Свербеев был ближе к умеренному западничеству и стремился играть роль объединителя обоих течений. «Записки» Д. Н. Свербеева дают очень ценный материал для биографии и характеристики братьев Языковых.

165. *Ночь* (Померкла неба синева).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Моск. вестн.» (1827, ч. V, № XX, стр. 367), с датой: «15 авг. 1827, Камби». Разночтения:

Ст. 12: Ярмо соблазнов и сует
13: Любви и чувственности милой
18: И страсти и надежды злые!
27: Поднимет божеская сила

Текст этой редакции по автографу опубликован Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 327—328: письмо к А. М. Языкову от 19 авг. 1927 г.). Была перепечатка также в «Славянине» 1827, ч. IV, № XLVI, стр. 260.

166. *Ручей* (Под склоном сетчатых ветвей).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально опубликовано в «Невск. альманахе» на 1829 г., по автографу: письмо к А. М. Языкову от 1 сент. 1827 г. из Камби; опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 340—341). Автор цитированной выше (см. примечание к № 149) статьи об Языкове в «Моск. обозр.» писал: «Ночь», «Ручей» и «Развалины» замечательны удивительным освещением ландшафта, начертанного уже твердой, не ученической кистью...» (стр. 188).

В «Невск. альманахе» разночтения:

Ст. 7: По быстроте твоей живой
27: Да вновь священный луч природы

167. *На скамейке* (в Камби) (Служи тоске уединенной)

Первоначально опубликовано Е. В. Петуховым, по автографу: письмо к родным в Симбирск от 14 сент. 1827 г. (Яз. арх., стр. 342). По тому же автографу воспроизводится в наст. изд.

168. *Графу Д. И. Хвостову* (Почтенный старец Аполлона).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Славянине» (1828, ч. III, № XXXVI, стр. 388), с датой: «1827, июля 29, Камби» (в изд. 1833 г. датировано: «1828, Дерпт»). Хвостов отвечал посланием в «Славянине» же (1828, ч. IV, стр. 30). По поводу этого обмена посланий Языков писал родным

(14 сент. 1827 г.): «Сюда дошли слухи, что в пятом томе его [Хвостова] стихотворений, недавно изданном, содержатся самые галиматьистые; желание иметь оный том — и притом безденежно — побудило меня написать послание к Хвостову. Я получил и послание и пятый том!.. Само собой разумеется, что старик принял их [стихи] за чистые деньги» (Яз. арх., стр. 342). В «Славянине» ст. 32 имеет такую редакцию:

Иль чувством гордости ленивой

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт, имя которого надолго стало синонимом бездарности и графомании. В литературе Хвостов выступил еще в 70-х гг. XVIII в. и в свое время мало чем отличался от других второстепенных писателей своей эпохи, но он остался на том же уровне, с теми же поэтическими требованиями и методами и позже, в эпоху Пушкина — Языкова. Плодовитость же его, искренняя уверенность в своем поэтическом значении сделали его фигуру особенно комической и одиозной. По замечанию одного мемуариста, «все молодые писатели об него оттачивали перо свое». Известны эпиграммы на Хвостова: Державина, Дмитриева, Измайлова, Жуковского, Пушкина, Вяземского, Дельвига, Боратынского, Крылова и целого ряда других. Особенно «популярен» был Хвостов среди «арзамасцев», которые беспрерывно в своих речах и стихах пародировали его произведения, особенно басни (см. сводку эпиграмматической литературы, посвященной Хвостову, в недавно вышедшей книге: «Эпиграмма и сатира», I, 1800—1840. Составил В. Орлов, изд. «Academia», 1932). Многочисленные анекдоты о Хвостове собраны в книге В. Бурнашева, «Наши чудодеи», 1875 (книга вышла под псевдонимом: Касьян Касьянов). В ИРЛИ хранится ряд писем Хвостова к Языкову.

169. *А. М. Языкову* (Теперь, когда пророчественный дар).

Впервые опубликовано М. И. Семевским, по автографу из собрания А. Н. Вульфа («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 735), откуда перепечатано в изд. Сув., с опечаткой в ст. 28: «Ему дано...» вм. — «Ему даровано...» Относится к сентябрю или началу октября 1827 г.; по крайней мере, ответное письмо Языкова на письмо Вульфа, где тот расхваливает эту пьесу, датировано 13 октября этого года. Письмо это очень характерно для настроений и самооценки Языкова: «Благодарю тебя за похвалы моему посланию стихотворному, — жаль только, что в нем выраженные мои желанья и надежды все еще не сбылись и кроме планов, или, вернее, скажу заглавий для будущих подвигов своей музы, я не сочинил ровно ничего! Такова

судьба человеческая! Не знаю, что будет дальше... Я вполне согласен с тобою, что от моего облечения в белую одежду зависит много и чем скорее, тем лучше, но дело в том, что мой характер весь составлен из какой-то беззаботности» («Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 737).

170. *П. А. Осиповой* (Плоды воспетого мной сада).

Впервые опубликовано Семевским, как и предыдущее послание, в «Русск. арх.» 1867, № 5—6, стр. 739, по тому же рукописному сборнику Вульфа, с пометкой: «8 дек. 1827 г.», откуда перепечатано в изд. Сув. Автограф — в Публ. б-ке. Разночтения только в пунктуации. В наст. изд. печатается по автографу.

171. *Воспоминание* (Я не забуду никогда).

Печатается по тексту альбома А. М. Языкова: список с поправками рукой автора. Первоначально в «Альб. сев. муз» на 1828 г., с разночтением:

Ст. 15—16: Какими гордого поэта
Неверный свет лелеять рад.

В изд. 1833 г. эти два стиха имеют такую редакцию:

Какими светского поэта
Вельможи гордые дарят.

Изменение вызвано цензурным вмешательством, как об этом свидетельствует письмо В. Комовского. Ст. 17 в изд. 1833 г. читается:

Мечты могучие живили

Пьеса эта посвящена, как совершенно очевидно по контексту, как и ряд аналогичных других, А. А. Воейковой. В изд. 1833 г. она помечена 1824 г. Но Языков часто ошибочно ставил даты под своими стихами, иногда совершенно сознательно желая связать их с какой-нибудь датой своей биографии. Между тем такое содержание для 1824 г., когда еще только складывались отношения с Воейковой, совершенно невозможно. Эпоха таких минорных-итоговых стихотворений начинается значительно позже. Поэтому на основании появления этой пьесы в печати только в альманахе 1828 г. мы относим ее к концу 1827 г.

172. *Элегия* (Вы не сбылись, надежды милой).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано 1828 г. Первоначально в «Невск. альманахе» на 1828 г. (стр. 212). Список этой «Элегии» — в альбоме А. М. Языкова, также без разночтений.

173. *Кудесник* (На месте священном, где с дедовских дней).

Первоначально напечатано в «Невск. альманахе» на 1828 г. Вошло в изд. 1833 и 1844 гг. Печатается по изд. 1833 г., с исправлением 2-го ст. по списку альбома А. М. Языкова. Вторая строка в печатных изданиях все время перерабатывалась по требованию цензуры: В «Невск. альманахе»:

По праву наследной свободы

в изд. 1833 г.:

Счастливый дарами природы

В «Невск. альманахе», кроме разночтения в ст. 2, имеются еще следующие варианты:

Ст. 25: К народу, — народ от него отстранился
30: Замялся кудесник, смутился душой
32—34: Я сделаю чудо! — «Солгал ты старик!»
И быстро могучей десницей своею
Князь поднял топор свой тяжелый —и в миг

1828

174. *А. Н. Вульфу* (Помнишь ли, мой друг застольной).

Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «К А. Н. В—у», но с исправлениями по автографу ст. 39, являющегося явно искаженным (напечатано: «*право, славная*» вм. — «*православная*»). Это ошибочное написание (или цензурное вмешательство) сохранено во всех изданиях. Первоначально, очень неисправно, и с крупными разночтениями напечатано в «Невск. альманахе» на 1829 г., с тремя звездочками вместо подписи. Автограф первоначальной редакции хранится в Публ. б-ке. Воспроизводим его целиком:

Помнишь ли, мой друг застольной,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной
Вместе праздновали мы?
Хмеля сладостного полны,
Мы лежали и вдали
Двух костров живые волны
Разливались и росли;
Мы смотрели ярким оком
На товарищей; они
В состязании высоком,
Буйно-смелы, легким скоком
Пролетали чрез огни!
В нас кипела, в нас бурлила

Чародейственная сила
Дум разгульных, удалых,
Чистых, гордых и святых!
Помнишь ли, как нежно-пылки
В честь божественной, вдвоем
Пили, били мы бутылки
У пруда перед костром?
Так я жил во время оно,
Здесь, в немецкой стороне,
Романтической, ученой
И когда-то милой мне;
А теперь тоске да лени
Беззаботно предаю
Утро светлых вдохновений,
Юность добрую мою:
Не шумят мои досуги,
Не торопится мой труд...
И порой, как в мой приют
Праздномыслящие други
Ненароком забредут —
Молодцов любезных шайка
Станет в круг середь двора,
Час и два нас тешит свайка,
Православная игра! (в «Невск. альманахе»: право славная)
Разговор небрежно-сонной,
Хохот, спор и крик... Но вот,
На лазурный неба свод,
Светоч мрака благосклонной,
Месяц пышно восстает;
Все уйдут — и я на ложе
Повергаюсь в тишине —
И надежда: завтра тоже
Усладительна ли мне?

Автограф датирован: «21 апреля 1828 г.».21 апреля — день основания Дерптского университета, всегда шумно праздновавшийся студентами. Описание одного из таких праздников находим в письмах Языкова к родным: «21 сего месяца был у студентов праздник основания Университета; ето новость в некотором смысле: прошлого года спрашивались по сему случаю у ректора: он не позволил, и праздника не было — нынче не спрашивались — и праздник был. Как водится, много было пьяных до упаду — я не из их числа; драки значительной не было и вообще все прошло довольно плавно. Я правда постра-

дал, но слегка: прыгал через огонь, опалил брови и пожег фуражку. Надобно все испытать — не так ли, друзья мои?» (Яз. арх., стр. 247—248: письмо от 25 апр. 1826 г.).

В письме к брату от 27 апр. 1828 г. Языков упоминает и о послании к Вульфу: «Дух мой ободряется и крепнет и начинает действовать, как ты заметишь даже из стихов к Вульфу, хотя там и описывается много неприятного, но это не что иное, как поэтическая шутка, аллегория, штука!» (ibid., стр. 355).

175. *А. М. Языкову* (Ты прав, мой брат, давно пора).

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым: письмо к А. М. Языкову от 27 мая 1828 г. (Яз. арх., стр. 360—361). Печатается по автографу ИРЛИ. «Яко пруги» — церковно-славянское выражение, означающее: «как саранча».

176. *А. Н. Вульфу* (Не называй меня поэтом).

В изд. Сув. озаглавлено «Послание о журналистах». Первоначально было опубликовано в альманахе «Эхо» на 1830 г., под заглавием: «Послание к А. Н. В—у» (без подписи, как все произведения, помещенные в этом альманахе), с пропуском ст. 67—79 (о журналах и журналистах) и с разночтениями в ст. 36—40 (посвященных Воейковой). Затем, как неизвестное и неизданное, было напечатано в «Русск. беседе» 1859, № 4, стр. 7, и в третий раз опять в качестве неопубликованного и также с купюрами, напечатано М. И. Семевским в статье «Поездка в Тригорское» («Спб. ведом.» 1866, № 168); напечатано по рукописи и носит заглавие: «А. Н. Вульфу».

В письме к А. Н. Вульфу (1 ноября 1828 г.) Языков характеризует это послание, как «послание о журналистах», отсюда и заимствовано заглавие этой пьесы в позднейших изданиях. До нас дошло два автографа; один в Публ. б-ке (из бумаг Вульфа), другой в рукописном отделении ИРЛИ. Последний автограф, очевидно, тот, о котором упоминает Языков в письме к брату (от 6 июня 1828 г.): «Выходка Полевого произвела на меня свое действие: надобно же ознаменовать ее, первую против моей музы, чем-нибудь стиховным — и вот послание к Вульфу» (Яз. арх., стр. 362). В наст. изд. печатается по автографу Публ. б-ки. Автограф ИРЛИ представляет первую редакцию и имеет варианты внутри самого текста. Ст. 36—40 даны в нем следующим образом:

* *Уныло петая Козловым*
(Предмет поэтов самохвальных)
(Пестро ославленная мной)
Благопрославленная мной

Она теперь, товарищ мой,
(Под небом Франции лиловым)
Одна, одна в пределах дальных
Мила афинскою красой

В примечании (*) к ст. 36 Языков пишет: «Или то, что подчеркнуто или неподчеркнутое: verschiedene Lesearten».

Эпиграф заимствован из знаменитой оды Жан-Баптиста Русско «К счастью» (Ode à la Fortune), очень популярной в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. Переводы ее сделаны Ломоносовым, Сумароковым, Востоковым (см. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснит. примеч. акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Ак. Наук, т. II, стр. 168—173, 246—258).

Самому Вульфу Языков писал (от 7 июня того же года) :«На сих днях привел меня бог увидеть, как ничтожил издатель «Телеграфа» еще в начале текущего года мою музочку. Поэты раздражительны, вообще, а мне надобно же хоть чем-нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентские. Молва гласит, что Полевой ополчился на меня Дмитриева старца ради за апологи» («Спб. ведом.» 1866, № 168; «Русск. арх.» 1867, стр. 741—742). Это сведение вопроса о значении и сущности критики к личному раздражению очень характерно для Языкова, не понявшего ни тогда, ни позже (в 1833 г., когда появилась специальная рецензия на сборник его стихов) принципиальной позиции «Моск. тел.». «Выходка» же Полевого состоит в следующем: в рецензии на «Сев. цветы» на 1828 г., разбирая отдел поэзии, он писал: «Однообразие, которое проявлялось всегда в одних образах и звуках, может не то что наскучить, а по крайней мере, освободить читателя от живых впечатлений» и далее: «переводы Горация во французской рамке г-на Вердеревского, летанье к у д а- т о, потребность ч е г о- т о и набор существительных имен и изысканных странных слов в «русских рассказах» Ф. Н. Глинки; отречение от славы, жалобы на уединение, на безвестность, сравнение с лампадами, со свечами etc. г-на Плетнева; однозвучные подражания библейским песнопениям г-на Ободовского — подражания, в коих не видно следа сильных пламенных подлинников; прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах, старание выискать новый оборот для старой мысли г-на Языкова; грусть, тоска, отчаянная безнадежность в элегиях г-на Туманского — все это, положим, высказанное в самых гладких стихах, но вечно одно и то же приговорится и прислушается» («Моск. тел.»

1828, ч. XIX, стр. 127). Эти строки и имеет в виду Языкова в ст. 46—57.

«Московский вестник» издавался в 1827—1830 гг. М. П. Погодиным и был борцом за романтизм в его немецкой разновидности, являясь органом московской литературной аристократии, культивировавшей немецкую идеалистическую философию, высокое самодовлеющее искусство и проч. Близкое участие в журнале принимал Пушкин и усиленно втягивал в него Языкова, однако последний мало симпатизировал кружку «московских аристократов», составлявших ядро журнала. Только в 1830 г. Языков, лично очень тесно сблизившись с Погодиным и кружком Киреевских, стал постоянным и ревностным сотрудником журнала.

«Атеней» — «Журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов» — издавался в 1828—1830 гг. М. Г. Павловым и составлял правое крыло русской журналистики. «Московским благонамеренным» Языков называет этот журнал, видимо, за его неряшливость. В 1828 г. (ч. 1, № 4) в журнале появилась статья по поводу 4 и 5 глав «Онегина», представлявшая собой образец придирчивой, мелочной и педантической критики. Статья эта возбудила довольно большую полемику в печати, вызвав почти единодушное негодование (см. о ней «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927, стр. 38—39; Пушкин, «Письма», т. II, ГИЗ, 1928, стр. 278—279). Этим и объясняется даваемая журналу характеристика «отступник Пушкина».

«Славянин» — журнал А. Ф. Воейкова, также стоявший на правом фланге русской журналистики. В «Славянине» было помещено очень много стихотворений Языкова; правда, участие Языкова в журналах Воейкова объясняется главным образом воздействием на него А. А. Воейковой, усердно поставлявшей в журнал мужа стихи Языкова, но все же это участие в «Славянине» (о котором он также упоминает в этом послании) свидетельствует, с одной стороны, о слабой еще общественной дифференциации в общественной жизни, а с другой—подчеркивает отсутствие в эти годы четко осознанной политической позиции у Языкова, позволявшей ему одновременно писать либеральные и даже революционные стихи, воспевать государя и сотрудничать в правых органах.

Р. А., Канастер, Вакштаф — названия различных, популярных в то время, сортов табака.

Ст. 33—39 (Но где ж она восторгов сладость и т. д.) относятся к Воейковой.

177. *А. Н. Степанову* (Прощай надолго, милый мой).

Печатается по изд. 1833 г., где было помещено под заглавием: «А. Н. Ст у». Первоначально опубликовано в «Невск. альманахе» на 1829 г. (стр. 22—23), под заглавием: «А. Н. С—у», с тремя звездочками вместо подписи. Разночтения:

Ст. 4: На пользу родины святой!
31—32: Воспоминания благие
Про мир пленительных сует,

Степанов Александр Николаевич — дерптский студент-филолог, принадлежавший к кружку Языкова. Степанов в Дерпте очень много работал, и Языков всемерно покровительствовал ему, выписывая на свой счет нужные ему книги и т. д. Позже Языков предлагал издать на свои средства составляемый Степановым греко-русский словарь. Послание относится, вероятно, к августу 1828 г., так как в этом месяце Степанов уезжал в заграничную командировку (ср. письмо Языкова от 4 авг. 1828 г. — в Яз. арх., стр. 367—368).

178. *А. Н. Вульфу* (Прощай, неси на поле чести).

Первоначально в «Сев. цветах» на 1829 г., затем в изд. 1833 г. Подлинное письмо к Вульфу с текстом данного послания хранится в Публ. б-ке; в письме к брату П. М. Языкову (от 26 сент. того же года) Языков сообщил копию этого послания. Автограф, список и ред. «Сев. цветов» отличаются только пунктуацией и чтением предпоследнего стиха:

И бурных юношей беседы

В наст. изд. печатается по изд. 1833 г. с проверкой пунктуации по автографу.

179. *Дева ночи* (Как эта ночь, стыдлив и томен).

Печатается по изд. 1833 г., первоначально в той же редакции в «Невск. альманахе» на 1829 г. (стр. 277—279); вместо подписи три звездочки. В ИРЛИ хранится письмо Е. Аладьина (издателя альманаха) с благодарностью за эту пьесу (от 11 окт. 1828 г.).

180: *Развалины* (Ночь; тихи небеса; с восточного их края).

Печатается по тексту 1833 г., первоначально в «Невск. альманахе» на 1829 г. (стр. 7—8), с рядом разночтений:

Ст. 4: Чуть дышит ветерок, чуть льются зыби вод
15: И гибли!.. Божество и рай моей мечты
17: Приди, на этот холм луной осеребренный
26: Приди!.. Но я один; безмолвно царство ночи,
28· Чуть дышит ветерок; чуть льются зыби вод.

Эта пьеса вошла и в изд. 1844 г. с изменением в ст. 28 «гордый лес» вм. «горный» (возможно — опечатка).

181. *Отъезд* (Не долго мне под этим небом).

Печатается по тексту изд. 1833 г., где датировано 1829 г. Первоначально напечатано в альманахе Дельвига «Подснежник» на 1829 г., под заглавием: «Эпилог»; это заглавие вызвало ироническую реплику «Моск. тел.»(«эпилог неизвестно к чему»). Ст. 73—80 (включая в счет и строки точек) были напечатаны отдельно в этом же альманахе под заглавием: «А. Н. В—у на отъезд его в армию», в тексте же «Эпилога» этот абзац заменен восемью строками точек со следующим примечанием: «Пропущенные здесь восемь стихов доставлены были прежде отдельно издателям «Подснежника» и помещены на 160 стр.». Автограф этой, первоначально отдельной, пьесы — в Публ. б-ке. Очевидно, первоначально в таком виде она и предназначалась для печати. Позже же эту пьесу Языков включил в текст послания.

Текст «Подснежника» отличается чтением ст. 1 (73):

Еще тебя благословляю

Кроме того, в «Подснежнике» имеются следующие разночтения:

Ст. 2: По здешним долам и полям
14: Здесь мне прелестно день за днем
42: И любопытных тесный сход
45: Свой разыгравшийся народ.
68: И где ж? В К...... наконец
79: А ты, страдалец неги томной,
86: В разгуле, горе и мечтах;

В этой пьесе упоминается ежегодная студенческая пирушка на вольном воздухе в день 9 мая. Живописное описание этого празднования дал П. Боборыкин в романе «В путь-дорогу». Стр. 107—125 относятся, по свидетельству мемуаристов, к одному из крупнейших дерптских ученых, профессору государственного права, Г. Х. Дабелову (1768—1829; в Дерпте профессором с 1819 г.).

По поводу стихотворений Языкова, напечатанных в «Подснежнике» на 1829 г., «Моск. тел.» писал: «Элегия» и «Эпилог» (неизвестно к чему) г. Языкова прекрасны, как шампанское вино с лимбургским сыром. Удалые стихи сего поэта так однообразны и способ его выражения так знаком всем русским читателям, что мы почитаем излишним говорить о новых произведениях юного силача русской поэзии» («Моск. тел.» 1829,

ч. XXVI, стр. 485—486). В той же рецензии иронические отзывы о «Прощальной песне».

М. Гофман датирует эту пьесу 1828 г., ссылаясь на запись в дневнике Вульфа от 9 ноября 1828 г. («Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, стр. 26, 236—238), но в 1828 г. Языков не мог бы упоминать о смерти Дабелова. М. Гофман, несомненно, путает «Отъезд» с посланием к Вульфу «Помнишь ли, мой друг застольной».

182. *(Вот вам Наумов, мой предтеча)*.

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым: письмо от 20 ноября 1828 г. (Яз. арх., стр. 376). Печатается по автографу ИРЛИ.

Наумов Владимир (род. 1810 г.) — земляк Языкова, студент Дерптского университета; после отъезда Языкова был председателем корпорации «Рутения».

183. *Барону Дельвигу* (Иные дни — иное дело!).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. цветах» на 1829 г. (стр. 134—137). В изд. 1833 г. датировано 1829 г.; на экземпляре стихотворений Языкова (1833 г.), принадлежавшем В. Гаевскому (ныне библиотека ИРЛИ), последним исправлено: «1828»; так как Гаевский, работая над биографией Дельвига, имел в своем распоряжении архив последнего, несомненно, эта поправка сделана им на основании каких-либо определенных документов. Кроме того, вероятно, об этой пьесе упоминает А. Вульф в записи дневника от 9 ноября 1828 г.

Дельвиг Антон Александрович (1798—1831) — поэт и журналист, ближайший друг Пушкина, издатель альманахов «Сев. цветы», в которых сумел объединить лучшие силы дворянской литературы, явившись таким образом центром для писателей своего круга. Позже организовал еженедельное периодическое издание — «Литературную газету», явившуюся боевым органом так называемой «литературной аристократии». Языков был деятельным сотрудником этих изданий.

Дельвиг — один из первых печатно признал значение и силу поэтического дарования Языкова, посвятив ему специальный сонет (см. Приложение). По поводу этого сонета Пушкин, находившийся тогда в южной ссылке, писал Дельвигу из Одессы: «Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Боратынского».

1829

184—188. *Песни*.

I—II. Первые две песни впервые опубликованы Е. В. Петуховым по автографическим записям в альбоме М. Н. Дириной

(Яз. арх., стр. 424—425). Первая датирована 2 марта 1829 г., вторая — 23 марта. В альбомном тексте первой песни два первых стиха 4-й строфы выпущены и заменены точками. Нами они восстанавливаются по тексту студенческой песни, приведенной в романе Боборыкина «В путь-дорогу» (т. V, гл. VIII).

III *Когда умру. Смиренно совершите.* Печатается по тексту изд. 1833 г., где озаглавлена: «Песня» и датирована: «1829. Дерпт»; первоначально была опубликована в альманахе «Денница» на 1830 г., под заглавием: «Прощальная песнь», без подписи автора. Сохранилось два автографа: один в альбоме М. Н. Дириной (воспроизведен в Яз. арх., стр. 425—426), под заглавием: «Завещание» и с датой: «22 марта 1829 г.»; другой — в одном из альманахов Воейковой, позже перешедших в семью гр. Бреверн-Гарди. Этот альбом оказался в числе немногих, оторвавшихся от общего собрания бумаг Воейковой и потому не вошедших в описание Н. В. Соловьева — А. С. Полякова; хранится в ИРЛИ. Первоначальные редакции значительно разнятся от печатной, отличаясь между собой мелкими разночтениями. Приводим текст автографа ИРЛИ:

КОГДА УМРУ

1

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальной и святой,
Но мне стихов надгробных не пишите
И мрамора не ставьте надо мной.

2

Но там, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина,
Где весела, как праздничная чаша
Душа кипит свободна и шумна,

3

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните играющим вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И празднуйте о имени моем.

4

Все тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну пропировать дано,
Чья грудь полна свободой удалою,
Кто любит жизнь за песни и вино.

Н. Языков.

Текст «Денницы» воспроизводит эту же редакцию с разночтением в ст. 12, который читается, как и в редакции 1833 г.:

И пьянствуйте об имени моем.
3: И мне стихов... и т. д.

IV. *Разгульна, светла и любовна.* Датирована в альбоме: «23 марта». Печатается по тексту изд. 1833 г. Входила в круг наиболее популярных и излюбленных песен дерптского студенчества, откуда распространилась и в другие университеты; так, напр., она была популярна в 30—40-х гг. в Харьковском университете (см. сборник Александрова).

Происхождение этой песни связано с любопытным старым обычаем, прочно бытовавшим в Дерпте. Красовский в книге «Родной край» (Юр. 1902) рассказывает, что было принято, что студенты приискивают себе во время университетского курса невесту между дочерьми бюргеров, чиновников, профессоров. Жених и невеста дожидались спокойно несколько лет. Женихи-студенты — они носили красочное название Fressenbräutigam — жили до окончания курса в университете насчет родителей и обязывались потом честным словом жениться на своей невесте. Но часто случались и нарушения обещаний. Русских студентов сравнительно мало соблазнял этот немецкий обычай, но такие случаи все же бывали. Так, рассказывает далее автор, «студент Филомафитский (впоследствии профессор Московского университета) вздумал жениться перед поездкой за границу на Марье Петровне. Ее то и воспел Языков» (ibid, стр. 322). «Песня эта, — добавляет далее Красовский, — слышится и теперь (т. е. в конце 90-х гг. XIX в.) и на улицах и в сборищах русских студентов как торжественный гимн, воспеваемый в честь русской красавицы» (ibid.). О популярности этой песни свидетельствует и упомянутый выше роман Боборыкина; там же ироническое описание обычая Fressenbräutigam'ства (кн. V, гл. XXXII).

V. *Прощальная песня* (В последний раз приволье жизни братской).

Печатается по изд. 1833 г., первоначально в «Невск. альманахе» на 1830 г. (стр. 485), с тремя звездочками, вместо подписи; с разночтениями:

Ст. 8: Восторга полн увижу снова я
14: Пиры друзей и пламенное вече
19: Да сладостно, средь удалых бесед
22: А мне, друзья, — отрадою священной
23: Про вас, друзья, про милые места,
25: Где с вами пел: все миг и суета!

Автограф первой редакции (с некоторыми дополнительными, но незначительными разночтениями) — в альбоме Бреверн-Гарди (см. примечание к № 186), там же и нотная запись этой песни.

189. *Песня* (Я жду тебя).

Печатается по тому же источнику, что и первые две песни. Датирована: «9 мая».

190. *А. В. Тихвинскому* (Как знать, куда моя дорога).

Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «А. В. Т—у», но с исправлением цензурных искажений в ст. 21 и 40; исправляется на основании письма В. Д. Комовского от 26 янв. 1833 г.

191. *Послание к А—ву* (Прощай А—в! Я довольно).

Напечатано в альманахе «Комета» на 1830 г. (стр. 207); не вошло ни в одно из собраний стихотворений Языкова. К кому адресовано послание, выяснить не удалось. На экземпляре этого альманаха, находящегося в Публ. б-ке, чьей-то рукой написано карандашом: «Адамову».

192. *К. К. Яниш* (В былые дни, от музы песнопений).

Печатается по тексту изд. 1833 г. «К — е К — е Я —ъ»; первоначально в «Лит. газ.» (1830, № 37), под заглавием: «Кар. Кар. Ян... (В альбом)».

Я н и ш Каролина Карловна, впоследствии П а в л о в а (Каролина Павлова)—известная поэтесса и переводчица, близкая по своей идеологии к славянофильству, хотя и не вполне примыкавшая к нему. Пыталась создать салон, где объединялись бы славянофилы и западники. Современники, главным образом славянофилы, очень высоко ценили К. Павлову как поэта, но западники и, особенно, позднее представители радикального разночинчества относились к ней весьма скептически и неоднократно глумились над ее поэзией (характерен рассказ о ней в «Воспоминаниях» Панаева). Символисты, в процессе реставрации стародворянской культуры, «реабилитировали» и Каролину Павлову. В 1915 г. вышло в изд. К. Некрасова Полное собрание стихотворений К. Павловой, под редакцией и с предисловием В. Брюсова, где он решительно заявлял: «Каролина Павлова принадлежит к числу наших замечательнейших поэтов».

Данная пьеса Языкова открывает собою целую серию посланий его к Павловой; за период их знакомства, с 1829 г. их было написано 8. Сохранилось любопытное письмо Языкова к братьям (от 20 янв. 1832 г.) о Каролине: «Вышепоименованная дева — есть явление редкое, не только в Москве и

России, но под луною вообще. Она знает чрезвычайно много языков: русский, французский, немецкий, польский, испанский, итальянский, шведский и голландский,—и все эти языки она беспрестанно высовывает, хвастаясь ими. Любит громогласить стихи свои, владеть разговором. Довольно недурна лицом: черноокая, пышноволосая, но тоща...» и т. д. (ИРЛИ). Дружеские отношения К. Павловой с Языковым были нарушены после выпадов последнего против Герцена, Грановского и Чаадаева.

193. *Элегия* (Тот не поэт, в ком не пробудит).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Моск. вестн.» 1830, № 1, стр. 8. Вошло в изд. 1844 г.

194. *Элегия* (Язык души красноречивой).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально без разночтений в «Моск. вестн.» 1830, № 4, стр. 375.

195. *Элегия* (Ты восхитительна, ты пышно расцветаешь).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Невск. альманахе» на 1830 г. (стр. 155), с разночтениями:

Ст. 1: Ты восхитительна, ты всем обворожаешь!
2: Как величаво ты и ловко щеголяешь
8: Скажи, кого зовешь и обожаешь ты,
15: Он мил твоей душе: он манием руки
18—24: И в дни, как зимний снег долины устилает
И зеркалом блестит недвижимый залив,
Он, легкие стопы железом окрилив —
Один, на звонком льду, меж темными брегами,
Летает, с края в край, отважными кругами!
О нем мечтаешь ты; твой одинокий сон
Неотразимо им окрашен и смущён.
26: И воздух сумрачный уста твои целуют.

196. *А. И. Готовцевой* (Влюблен я, дева-красота).

Печатается по тексту изд. 1833 г., где оно озаглавлено: «А. И.». Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Деннице» на 1831 г., озаглавлено: «Анне Ивановне»; вошло в изд. 1844 г.

Готовцева Анна Ивановна, впоследствии, по мужу, Корнилова — костромская дворянская поэтесса 20-х гг., очень рано прекратившая свою поэтическую деятельность. Ее поэтическое дарование высоко ценили не только современники, но даже

позже—Белинский. Сведения об ее литературной деятельности подобраны и сведены Б. Л. Модзалевским в «Примечаниях» к «Письмам» Пушкина (т. II, стр. 315—317, изд. ГИЗ, 1928). Кроме Языкова, Готовцевой посвящены послания Вяземским и Пушкиным, — впрочем послание последнего вынуждено у него Вяземским (см. «Письма», loc. cit.).

197. *Графу Д. И. Хвостову* (Итак мне новая награда).

Печатается по изд. 1833 г. Датировано: «1829, Симбирск». Первоначально в «Моск. вестн.» 1830, № 3, стр. 334, с подзаголовком: «при получении от его сиятельства 3 первых томов полного собрания его творений». Автограф этой первой редакции хранится в Публ. б-ке. Разночтения:

Ст. 22: Мне красота веселых дней

Ответ Хвостова на это послание напечатан был также в «Моск. вестн.» (см. Приложение).

198. *Памяти А. Д. Маркова* (Кипят и блещут фински волны).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Невск. альманахе» на 1830 г. (стр. 339), где озаглавлено: « А. Д. М—у», с разночтениями:

Ст. 9: И творческим воображеньем.
18: Угас ты: при чужих водах
26—30: Как сладко мне твои заботы
Питали чувство красоты!
С какою нежностию ты
Лелеял первые полеты
Едва развившейся мечты!
33: Он жив во мне сей дар богов:
37: За много, много светлых дней

Марков Алексей Дмитриевич — преподавал в Горном кадетском корпусе русский и немецкий языки, историю и географию. С Языковым занимался приватно по русскому языку и, видимо, оказал на него большое влияние. Марков заставил его основательно пройти школу русского классицизма. Так, напр., он заставлял Языкова читать, учить наизусть и даже переписывать стихотворения Ломоносова и Державина. Отголоски этого внимательного чтения обоих поэтов отразились очень заметно в лирике молодого Языкова, напр., в стихотворении «Мое уединение» (см. № 10). Марков, видимо, не только старательно развивал в своем ученике любовь к литературе, но и заставлял его работать как поэта. Память Маркова Языков своеобразно почтил еще раз стихотворением «Изречение

А. Д. Маркова» (см. № 305). В рецензии на «Невск. альманах» 1830, Полевой («Моск. тел.» 1830, ч. XXI, стр. 361) очень отрицательно отозвался о пьесе Языкова.

199. *Пловец* (Нелюдимо наше море).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Датировано: «1829 г., Симбирск», что подверждается и перепиской Языкова с Максимовичем. Первоначально опубликовано в альманахе Максимовича «Денница» на 1830 г., с разночтениями:

Ст. 7—8: Как стрела, на скользки волны
Полетит моя ладья!

Одновременно напечатана и в «Лит. газ.» Дельвига (1830, № 33).

«Пловец» вызвал совершенно исключительные восторги современников. «Поздравляю тебя с Пловцом, — писал Языкову И. Киреевский, — Славно брат! Он не утонет. В нем все, чего не доставало тебе прежде: глубокое чувство, обнявшись с мыслью. О силе твоих стихов и говорить нечего. Давно известно, что их куют черти в аду на бриллиантовой наковальне, при всем адском пламени, из чертовского булата, и делают на них насечку из звезд, украденных на небе, чтобы они так и горели, не сгорая. Это давно известно. Но откуда ты взял такую поэзию чувства и мысли? Это не адские...» и т. д. (Неопубликованные письма И. Киреевского к Языкову, хранящиеся в рукописном отделении ИРЛИ). Дельвиг также считал «Пловца» одним из лучших произведений Языкова. Позже «Пловец» вошел в репертуар любимых песен демократического студенчества.

DUBIA (1822—1829)

200. *Дом сумасшедших в Дерпте.*

Печатается впервые по списку Шенрока. Пародия или, вернее, подражание знаменитой сатире Воейкова «Дом сумасшедших».

Рамбах Фридрих Эбергардт (1767—1826) — профессор на кафедре камеральной науки, финансов и политики (политической экономии); был известен и как беллетрист. В университете крупной роли не играл ни как ученый ни как администратор.

Проф. Паррот, Георг Фридрих (1767—1852), впоследствии академик — крупнейший деятель университета и выдающийся для своего времени ученый физик. С именем Паррота тесно связана история первых лет Дерптского университета; он был не только одним из первых ректоров, но играл

и позже крупную роль в деле строительства университета, чему не мало способствовали его личные связи с Александром I, а позже (хотя уже не в такой степени) — с Николаем. М. Корф в книге «Жизнь гр. Сперанского» весьма идиллическими красками рисует взаимоотношения «монарха и скромного ученого», — но, действительно, Паррот имел огромный вес у Александра и неоднократно являлся его советником не только по вопросам народного просвещения, но и по общеполитическим вопросам. По своему политическому миросозерцанию Паррот — убежденный монархист-консерватор; в письмах к царю он настойчиво предостерегает его от каких бы то ни было мероприятий, которые могут хоть сколько-нибудь ограничить самодержавную волю монарха. Правда, он настаивает на целом ряде реформ, но все это должно преследовать одну определенную цель: укрепление монархической власти.

«Theoretische Physik», о которой упоминает Языков, известный труд Паррота «Übersicht des Systemas der theoretischen Physik». 2 Bde, Dorpat, 1809 и 1811.

Эверс (1781—1831) — один из самых выдающихся деятелей Дерптского университета и выдающийся историк, родоначальник теории родового быта и вместе с тем родоначальник буржуазной историографии в России. В своей книге «Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch der Geschichte desselben aus Quellen zu erforschen» (1808) он выступил противником балтийской гипотезы и считал, что основатели русского государства пришли с Черного, а не Балтийского моря. Эту гипотезу и имеет в виду Языков. В позднейших письмах Языков неоднократно упоминает об Эверсе и как ректоре и как ученом, лекции которого он охотно посещал и который, несомненно, имел большое влияние на формирование его мировоззрения.

А. Петерсон — товарищ Языкова по университету; о нем см. примечание к № 238; Зегельбах — вероятно, также кто-нибудь из студентов.

В общем сатира Языкова — не глубока и скользит по поверхности, — тогда еще он не смог разобраться ни в политической, ни в научной сущности теорий осмеиваемых им профессоров и останавливается исключительно на внешних моментах.

201. *Крамбамбули* (Крамбамбули, отцов наследство).

До нас дошли не все студенческие песни Языкова. По сообщению ряда мемуаристов, ему принадлежит также ряд переводных песен, преимущественно немецких студенческих, которые и входили в обиход русского студенчества. Об этом,

напр., свидетельствует А. Н. Татаринов (Яз. арх). Автор статьи «Студенческие корпорации в Спб. университете 1830 — 1840» категорически утверждает: «большинство бурсацких песен, переведенных с немецкого языка, принадлежало Н. М. Языкову» («Русск. стар.», 1881, № 2, стр. 369). Арнольд заявляет о принадлежности Языкову перевода известнейшей песенки «Крамбамбули». В виду несомненной осведомленности мемуариста, включаем в отдел приписываемых Языкову пьес и эту песню. Текст заимствуем из сборника «Песни, бывшие наиболее в ходу между студентами Харьковского университета в 40-х гг. русские и латинские, последние с русскими переводами в стихах, с нотами для пения и с аккомпанементами на рояле. Собрал и издал студент того времени Вл. Александров. Харьков» (стр. 32—33). В этом сборнике имеются и другие песни Языкова, которые, вообще, пользовались популярностью в студенческих кругах далеко за пределами Дерптского университета. Другой перевод «Крамбамбули» дан в сборнике «Арфа подле кружки». «Сборник любимейших студенческих песен, переводных и оригинальных». Составил В. А. Борткевич, Рига 1891. Перевод принадлежит самому издателю.

202. *Поздравление М. Н. Дириной* (Сегодня ваши именины).

Опубликовано И. А. Бычковым (ИОРЯС) в числе прочих Языковских вещей по материалам архива Дириной. Автограф (датирован: «1824, Дерпт») писан не Языковым, но Тютчевым А. Н. и имеет такую подпись:

Н. Я.
и я Андрей Тютчев.

Все это не дает оснований приписывать безоговорочно эту пьесу Языкову, последнюю следует считать коллективной.

203. *Когда б парнасский повелитель.*

Опубликовано Бычковым (ИОРЯС, стр. 21), с таким примечанием: «Эта шутка на 1 апреля (день именин М. Н. Дириной) писана нарочно не рукою Языкова; притом стихи писаны сплошь, как проза, а post-scriptum, писанный прозою, написан отдельными строками, как бы стихи». Но в сущности, не установлено, что все это действительно принадлежит Языкову. Очень возможно, что и здесь мы имеем дело с коллективной шуткой.

204. *Другу* (Не искушай меня бесплодно).

Напечатано в альманахе «Радуга» Пимена Арапова на 1830 г., с тремя звездочками вместо подписи. П. Арапову Языков предназначал для «Радуги» «Пловца», которого и прислал из Сим-

бирска Петерсону для передачи в альманах. Однако это встретило протест со стороны московских друзей Языкова. Максимович писал Языкову (от 13 ноября 1829 г.): «Неужели «Радуге»,где более 50 стихотворений всякой всячины, и соиздателя его Золотого Рожка, и Загоскиных, и М. Дмитриевых, суждено быть счастливее моей Денницы, которая ограничивается только *избраннейшими нашими поэтами*? Позвольте сказать откровенно, за что кидать Вам *Пловца* — такую прелестнейшую вещь, в массу всякой всячины? Когда получен он был, то все им так пленились, что Елагины и я решились единогласно просить Петерсона помедлить отдавать его Арапову, а у вас просить позволения напечатать в моем альманахе, в надежде, что вы по дружбе к ним не рассердитесь за это самовольство, и что Пловцу вашему лучше сидеть в одной лодке с Борисом, чем погружаться в хляби Араповские» (В. Петров, «Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова»... Література, 1927, стр. 131—132). Языков исполнил просьбу Елагиных и Максимовича и передал «Пловца» последнему; однако трудно предположить, что Языков, определенно пообещав Арапову свои стихотворения для «Радуги», не компенсировал его какой-нибудь другой пьесой.Данная пьеса является, несомненно, «Языковской» по своему характеру; по содержанию же она очень напоминает «Послание к А. Н. Вульфу», № 176), эпиграмму в «Эхо» (см. № 201) и некоторые другие. Все это дает основание считать автором этой анонимной пьесы Языкова.

205. *Прочь с презренною толпою.*

Напечатано без подписи в альманахе «Эхо» («Эхо». Литературный альманах 1830. Москва. В типографии С. Селивановского). Особенностью этого альманаха было полно проведенная анонимность всех напечатанных в нем вещей. Издан он был в пользу семьи покойного К. Ф. Калайдовича. «Сев. пчела» писала по этому поводу: «В этом альманахе не написано под статьями, кем они сочинены. Приятное занятие любителю словесности — отгадывать авторов и изощрять вкус и чувство старанием отличить копии от оригиналов». («Сев. пчела» 1830, № 102). В рецензии на этот альманах М. А. Бестужева-Рюмина («Сев. Меркурий» 1830, ч. II, № 94 — 95) был сделан явный намек, что эта эпиграмма принадлежит Вяземскому. Такое же приурочение, правда весьма не в категорической форме, находим у В. П. Бурнашева, причем он считает эту эпиграмму направленной против Белинского, что, конечно, совершенно невозможно хронологически (см. «Мое знакомство с Воейковым». — «Русск. вестн.» 1871, № 10). Вяземскому же приписана она и в

недавней работе В. Н. Орлова, «Эпиграмма и сатира», т. I, 1800—1840. «Academia», 1931.

Однако гораздо более оснований приписывать авторство Языкову. По крайней мере, Белинский, несомненно, прекрасно осведомленный, очень прозрачно намекает на это. В статье «Русская литературе в 1845 г.» он пишет: «Истинным выражением романтического направления были повести Марлинского, с дополнением к ним повестей в роде «Живописца», «Блаженства безумия», «Эммы» и т. п.; потом стихотворения некоторых поэтов, явившихся вместе с Пушкиным и доведших это направление до последней крайности. В нем была и отчаянная фразеология ложных, натянутых страстей и притязательная фразеология немецко-бюргерской мечтательности, пополам с плохо понятым немецко-философским мудрованием, и наша, будто бы, народная удаль чувств и выражений, сбивающаяся несколько на ямщицкое ухарство. Превосходным образчиком последнего может служить следующее стихотворение, напечатанное в «Эхе», альманахе на 1830 г., изданном в Москве». И далее, выписав целиком это стихотворение, Белинский продолжает: «Нельзя не согласиться, что это немножко пошло, немножко — грязно, даже отчасти глуповато; но нельзя не согласиться и с тем, что это только доведенная до крайности та *мило-забубенная* (курсив Белинского) поэзия, которая воспевала удаль бурсацкой жизни и возвышенные стремления разума к чаше с шипучим, — та разудалая поэзия, которою мы с вами, читатель, так восхищались во время оно, и которая теперь еще имеет простодушие претендовать на внимание и почет» (Полное собр. соч., т. X, стр. 102—103). В таких выражениях Белинский неоднократно характеризовал поэзию Языкова; неоднократно писал он и о своем былом восхищении его стихотворениями и проч. Литературная традиция в 50-х гг. также упорно связывала эту эпиграмму с именем Языкова. Так, напр., о ней, как об Языковской упоминает Б. Алмазов, в «Наблюдениях Эраста Благонравова над русской литературой и журналистикой», 1852 г. (Б. Алмазов. Сочинения, т. III, М. 1892, стр. 662). Следует ко всему этому добавить, что, вообще, альманах «Эхо» вышел из среды «Моск. вестн.» и что Языков поместил там «Послание к Вульфу» (см. № 176), очень близкое по содержанию к нашей эпиграмме. [1]

[1] На возможность авторства Языкова впервые обратил мое внимание Ю. Г. Оксман; он же указал мне статью Б. Н. Алмазова. Дальнейшие мои поиски в этой области вполне подтвердили гипотезу Ю. Г. Оксмана.

206. *А. Н. Татаринову* (Здорово, брат! Поставь сюда две чаши).

Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «А. Н. Т—у», с датой: «1829, Симбирск». Первоначально в «Моск. вестн.» 1830, ч. II, № 5, стр. 6. «Ал. Ник. Тат—ву»; датировано: «1830, янв. 30». В изд. Перевлес. вошло с ошибочным отнесением к А. Н. Тютчеву и эта же ошибка перешла изд. Сув.

В «Моск. вестн.» ряд разночтений:

Ст. 12: Все чем судьба пленительна моя
17: Чем действует возвышенный поэт, —
21 — 30: И мнится мне: исполнен вдохновенья
Тебя со мной соединивший час;
О! да хранит десница провиденья
Следы наук, взлелеявшие нас!
Будь нашею отрадою счастливой
Могущество надежды горделивой,
Что станет нам на переход земной
Душевных сил своих и неизменных,
Веселою свободой пробужденных
На празднике у младости живой!

Ст. 45—50: «Наш лучший друг пирует ли он с вами» относятся к В. Ф. Федорову, общему товарищу Языкова и Татаринова по Дерптскому университету, впоследствии профессору астрономии Киевского университета. В 1829 г. принимал участие в экспедиции проф. Паррота (младшего) на Арарат. Подробный рассказ его об этом восхождении — в письме Н. Языкову (Яз. арх., стр. 400 — 402).

207. *К А. Н. Татаринову* (Не вспоминай мне бога ради).

Печатается по изд. 1833 г., где озаглавлено: «К А. Н. Т—у»; датировано также ошибочно: «1829, Дерпт». Первоначально в «Лит. газ.» 1830, № 15: «К Ал.Ник. Тат—ву». В изд. Перевлес. и Сув., так же как и предыдущее, ошибочно отнесено к А. Н. Тютчеву. А. Н. Татаринов в своих «Воспоминаниях об Языкове» пишет: «По возвращении моем из Дерпта в Симбирск он написал мне послание, напечатанное на стр. 214 в первой части его стихотворений, т. е. «Здорово, брат»... (в наст. изд. № 206), но вскоре принес мне другое, говоря, что первое не полно, потому что забыл упомянуть о Воейковой». Под обоими этими посланиями ошибочно напечатано: 1829, Дерпт, вм.: 1830, Симбирск (Яз. арх., стр. 397).

208. *М. В. Киреевской* (В те дни, как путь богоугодный). Впервые опубликовано (частично) М. А. Максимовичем в газете «Парус» 1859, № 1: затем целиком в «Русск. арх.» 1882, VI, и затем в «Русск.стар.»1887,по автографу,принадлежащему В. Н. Поливанову. В автографе Поливанова пьеса озаглавлена: «Ее светлости, главноуправляющей отделением народного продовольствия по части чайных обстоятельств от благородных членов Троице-Сергиевской экспедиции». В наст. изд. печатается по автографу Яз. арх. (ИРЛИ). Автограф датирован: «Москва. У Красных ворот. Мая 11 дня, 1830». Под стихотворением подпись: «Постельничий и походный виршеписец Н. Языков». Об этом хождении в Лавру сохранились письма М. П. Погодина («Русск. арх.» 1882, № 6, стр. 147).

Марья Васильевна Киреевская — дочь А. П. Елагиной, сестра И. и П. Киреевских. М. Гершензон так характеризует ее: «Ревнительница древнего благочестия, дважды собственноручно переписавшая Макарьевский перевод Библии, в то время запрещенный цензурой» (Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М. 1911, стр. V — VI); одна из сравнительно немногих в славянофильской среде считала необходимым освободить принадлежащих ей крестьян (см. письма к ней Ив. Киреевского — в Собр. соч., т. I, М. 1911).

209 — 211. [*Дорожные экспромты*]. Весь этот цикл относится к тому же пешеходному путешествию в Троице-Сергиевскую лавру. Первый («На громовые колодцы в Мытищах») был опубликован М. А. Максимовичем впервые в «Киевлянине» (1850, стр. 216); затем напечатан как неопубликованное в «Русск. инв.» 1857, № 264, откуда вошел в изд. Перевлес. Еще раз вместе с экспромтом по поводу села Воздвиженского опубликован в «Парусе» 1859, № 1. В наст. изд. № 209 печатается по автографу (ИРЛИ).

В рецензии на «Киевлянин» Погодин сообщил (к сожалению, без последнего стиха) экспромт, посвященный селу Алексеевскому. По сообщению Погодина, очевидно, число этих экспромтов было довольно значительно, но остальные не сохранились. Погодин так рассказывает: «Мы ходили все вместе пешком к Троице (Елагины, Киреевские, Языков и проч.). Языков на каждой станции оставил по стихотворению. В Алексеевском он сказал, насколько я помню:

В древни годы царь премудрый
Здесь судил народ свой Алексей;
Он русский, был, он жил без пудры...

Последнего стиха, очень удачно объясненного Пушкиным, не помню.

И. В. КИРЕЕВСКИЙ
С литографии

П. В. КИРЕЕВСКИЙ
Акварель неизвестного художника

В Мытищах стихотворение было посвящено кормилице его высочества цесаревича, где был один прекрасный стих о белых руках жены; в Воздвиженском воспоминание о казни Хованских во времена стрелецких мятежей, которые погибли двойной смертью, еще в нелепой трагедии Раупаха («Москвит.» 1850, ч. III, стр. 90).

Там же Погодин сообщает варианты к первому экспромту:

Ст. 3: Знойной жаждою томим
5: Над долиною Мытищи

Раупах Эрнст (1784 — 1852) — второстепенный немецкий драматург, ученый, живший в течение ряда лет (1816—1822) в России, в качестве профессора Педагогического института. За «вольнодумство» был отставлен от должности (вместе с Галичем и Арсеньевым) и выслан из России (подробно изложен этот эпизод в книге М. И. Сухомлинова, «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», т. I, 1889). Учениками Раупаха был ряд будущих декабристов: Фон-дер-Бригген, А. Муравьев и др. Его литературное наследство довольно многочисленно: он писал трагедии, драмы, комедии, фарсы, мелодрамы и проч. Несколько пьес написано им на сюжеты из русской истории и русского быта: «Die Fürstin Chovansky» (1818); «Theodor und Olga» (1826) — последняя направлена против крепостного права. Отрывки из первой драмы были переведены А. Шишковым и напечатаны в «Телескопе» (1831, т. III); полностью перевод напечатан в кн. «Избранный немецкий театр».

212. *Эпиграмма* (Готовяся прилично выдать в свет).

Печатается впервые по автографу: письмо к А. М. Языкову от 26 мая 1830 г. (ИРЛИ). Относится, по всей вероятности, к Селивановскому — довольно известному в свое время издателю. Ему принадлежит вторая попытка издания Энциклопедического словаря в России. В 1822 — 1826 гг. он выпустил три тома, составляющие ныне огромную библиографическую редкость. Прекращение издания явилось результатом привлечения Селивановского по делу 14 декабря 1825 г. Он был арестован и бумаги его забраны. Хотя он вскоре же был освобожден, но издание уже не возобновлялось.

213. *Элегия* (Мне ль позабыть огонь и живость).

Печатается по тексту «Моск. вестн.» 1830, ч. IV, № 13, стр. 8. Подписано инициалом «У» (быть может, следует читать как латинское Y). Автограф этой пьесы вклеен (бумага 40-х гг., по определению Б. Л. Модзалевского) в альбом гр. А. Е.

Комаровской, по мужу Шиповой. Автограф имеет ту же подпись, что и журнальный текст, и воспроизводит без каких-либо изменений его редакцию (см. Б. Л. Модзалевский, «Альбом А. Е. Шиповой, рожденной графини Комаровской». «Пушкин и его современники», т. XI, 1900, стр. 79—94). В этом же альбоме — список «Элегии» (Толпа ли девочек...), переписанный рукой Гоголя.

214. *Вам нравится обычай амазонский.*

Печатается впервые по списку в альбоме А. М. Языкова. Другой список (в той же редакции) — среди бумаг Яз. арх. — с датой: «8 авг. 1830». На последнем списке сверху рукою А. М. Языкова написано: «Неизвестной».

215. *Водопад* (Море блеска, гул, удары).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Лит. газ.» (1830, № 33, стр. 264), под заглавием: «Пловец». Вошло в изд. 1844 г. В «Лит. газ». следующие разночтения:

Ст. 17: Прибрал он свое весло
20 — 24: Сжал крестом усталы длани
И мелькает малый чолн
На краю ужасной грани,
Над громадой скал и волн!

По поводу этого стихотворения Ив. Киреевский писал: «Пловец» его мне уже был знаком. Это тот же, который хотел спорить с бурей, только теперь он дальше — в океане» (Ив. Киреевский, Полное собр. соч., М. 1911, т. I, стр. 49).

216. *На смерть няни Пушкина* (Я отыщу тот крест смиренный).

Печатается по тексту изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. цветах» на 1831 г. (стр. 53 — 59), под заглавием: «Элегия», с разночтением в ст. 65: «Я отыщу твой крест смиренный», если только это не опечатка.

217. *Подражание псалму CXXXVI.*

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Моск. вестн.» 1830, ч. III, № 11, стр. 191, под заглавием: «Псалом 136», и с очень значительными разночтениями:

1-я строфа: Там, где Евфрата светлы волны
Шумят в отлогих берегах,
Там восседали мы безмолвны,
С слезами скорби на очах.

3-я строфа: Мы ль оскверним воспоминанье
О славной родине своей,
Предав врагу на посмеянье
Святые песни наших дней

4-я строфа:

ст. 14: В них ум и звук родимых стран

и в последней строфе:

ст. 21 — 22: Кто в дом тирана меч и пламень
Ожесточенные внесет,

Этой пьесой открывается цикл религиозных стихотворений Языкова. Впрочем, этот псалом имел, вообще, более глубокое значение. Его переложения часто встречаются и в революционной лирике, главным образом, в лирике изгнанников и ссыльных. Так, напр., очень удачное переложение дано в лирике Ф. Н. Глинки — декабриста, члена тайного общества:

ПЛАЧ ПЛЕННЫХ ИУДЕЕВ

Сиона песни — глас свободы!
Те песни слава нам дала!
В них тайно мы поем природы
И бога дивные дела!
Немей орган наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!
Увы, неволи дни суровы,
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песен не поют!

218. *Подражание псалму XIV* (Кому, о господи, доступны). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Деннице» на 1831 г. Вошло в изд. 1844 г. В ст. 11 исправляем явную опечатку: «поклонялся» вм. след. — «покланялся», а также в ст. 16: вм. «исполина» — «исполины» (последнее согласно указанию автографической записи в альбоме Ю. Н. Бартенева. (см. ИОРЯС, т. XV, вып. 4, 1910). В данном автографе, кроме того, имеются разночтения:

Ст. 9: Кто верой в бога укреплялся
10: Кто сердцем чистым и живым

Датирован автограф: «1830, 30 сентября, Москва». Редактор «Денницы» исправил ст. 19: «Взыграют радостью природы».

По этому поводу Языков писал А. М. Языкову (18 марта 1831 г.): «В Деннице» в мною переложенном псалме (XIV) напечатано вместо «свободы» — «природы», галиматья, родившаяся из глупой трусости Максимовича» («Русск. стар.» 1903, № 3, стр. 529).

219. *Рассвет* (Не полон наш разгул).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально без разночтений в «Деннице» на 1831 г.

220. *Хор, петый в Московском благородном собрании по случаю прекращения холеры в Москве* (Велик господь! Земля и неба своды).

Печатается по изд. 1833 г. Напечатано впервые в объявлении о благотворительном концерте, приложенном к № 17 «Моск. вед.» за 1831 г.: «Искусство всегда бывает дружно с добродетелью. Благородные московские артисты, сострадая к несчастным сиротам, лишенным пристанища в последнее время, решились принести в их пользу самую чистую жертву: служить для облегчения их горестной участи своим талантом. 8 марта, в зале Благородного собрания, дан будет с сею целью большой вокальный и инструментальный концерт.

Часть первая

1. Увертюра.

2. Гимн, благодарственный богу за избавление от постигшего несчастия, сочинение известного композитора нашего А. Н. Верстовского, который сам будет управлять оркестром. Слова Н. М. Языкова».

Далее следует текст стихов Языкова.

Остальных номеров программы не приводим. Погодин в одном из писем к Шевыреву сообщал, что хор, исполнявший кантату Языкова, состоял из трехсот человек.

Эти стихи и особенно факт включения их в издание 1833 г. чрезвычайно характерны для определения тех политических позиций, на которые постепенно начал переходить в 30-х гг. Языков: он не включает в сборник своих стихов ни одного из наиболее вольнолюбивых стихотворений: «Послание к А. М. Языкову» (Тебе, который с юных лет), «Песни баяна» и др. («Новгородская песнь» была включена позже, исключительно по настоянию ведшего издание Комовского), но зато вводит этот, написанный по заказу, торжественный гимн. Этой пьесой Языков как бы подчеркивал новую струю в своей лирике: религиозную и вместе с тем определенно политическую.

Холера тридцатого года была серьезным испытанием. Страшная эпидемия вызвала и ряд сильнейших народных волнений, «холерные бунты», где под формой недоверия к врачам и непризнания санитарных мероприятий выразились недоверие и ненависть к дворянству и правительству. Политическую сторону холерных событий великолепно понимали наиболее чуткие и проницательные современники, напр., Пушкин, Вяземский. Последний писал: «Соберите все глупые сплетни, сказки, и не-сплетни, и не-сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры в нынешних обстоятельствах — выйдет хроника прелюбопытная. В этих с к а з к а х изображен дух народа... И в самом деле, любопытно изучать народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей сказывается здесь решительно. Даже и наказания божия почитает она наказанием власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе десница вышнего, она ищет около себя или поближе под собою виновников напасти. Изо всего, изо всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революцией».

Огромное значение эпидемии отчетливо осознавалось и в кругах, близких Языкову, будущих славянофилов. Погодин даже принял на себя редакцию специального приложения к «Моск. вед.», под названием: «Ведомость о состоянии города Москвы», получившего весьма широкую известность и популярность: «Погодинские бюллетени», как называли это приложение в обществе. Сам Языков писал Погодину: «Принимайте же решительные меры против холеры. Главное: не робейте. Надобно умирать геройски, как на войне» (Н. Б а р с у к о в, «Жизнь и труды М. П. Погодина», III, стр. 199). В этой атмосфере и возник его «Гимн», которому он придавал столь большое значение.

1831

221. *На смерть А. А. Дельвига* (Там, где картинно обгибая). Первоначально было напечатано в «Сев. цветах» на 1832 г., под заглавием: «А. А. Дельвигу», и в «Литерат. прибавл. к Русск. инв.» (1832, № 3). Текст напечатан с цензурными искажениями в первой строфе, о чем Языков сообщает в письме к Комовскому (ИРЛИ). В изд. 1833 г. напечатано с теми же искажениями. В наст. изд. печатается по тексту 1833 г., с восстановлением первоначального чтения по письму к Комовскому.

В «Сев. цветах» и во всех последующих изд. ст. 7 — 12 читались следующим образом:

Ни в чем не видел он кумира
Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстям земным,
Звуча наитием святым.

Смерти Дельвига Языков посвятил также пьесу «Песня» (№ 222).

222. *Песня* (Он был поэт: беспечными глазами).
Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. цветах» на 1832 г. В изд. Сув. ст. 22 читается (неизвестно, по каким основаниям):

Победный звук и памятник златой.

223. *К. К. Яниш* (Вы, чьей душе во цвете лучших лет). Печатается по изд. 1833 г. Первоначально появилось в «Сев. цветах» на 1832 г., под заглавием: «К—е К—е Я—ш», с разночтениями:

Ст. 15: И жаждою священного труда
24: Да здравствуете ж вы

В этом послании речь идет о переводе на немецкий язык К. Яниш стихотворений Языкова. Переводы эти вошли в состав изданного ею сборника «Das Nordlicht» («Северное сияние»). И. В. Киреевский в статье о «Русских писательницах» писал об этой книжке: «Сколько я могу судить, переводы эти превосходят все известные до сих пор с русского на какие бы то ни было языки, не исключая ни Боуринга, далеко превознесенного, ни фон-дер-Борга, оцененного так мало. Впрочем, я не знаю, что мог бы я сказать о таланте молодой переводчицы лучше и больше, что сказал Языков». (Собр. соч., т. II, 1911, стр. 74).

224. *Бессонница* (Что мечты мои волнует).
Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Сев. цветах» на 1832 г.

225. *Им* (Много вашими устами).
Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831, Москва». Вошло в изд. 1844 г. Первоначально в «Сев. цветах» на 1832 г., с разночтением в ст. 6:

Целы, радостны они.

226. *И. В. Киреевскому* (Щеки нежно-пурпуровы).

Печатается по изд. 1833 г.; озаглавлено: «И. В. К. (Об П. В.)»; датировано: «1831, Москва». Вошло в изд. 1844 г. Первоначально под тем же заглавием в «Сев. цветах» на 1832 г. Разночтения:

Ст. 9: Но ее, во мраке ночи,
15: Соблазнительных лобзаний

Об отношениях Языкова и И. В. Киреевского см. примечание к № 230.

227. *Весенняя ночь* (В прозрачной мгле безмолвствует столица).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Одесск. альманахе» на 1831 г., с подзаголовком: «Посв. Т..е Д...е», и с датой: «1831, марта 25». Кроме того, появилось в «Литерат. прибавл. к Русск. инв.» 1831, № 49. Вошло в изд. 1844 г. В «Одесск. альманахе» ст. 12 читается:

Сей полумрак и свежесть теплоты

См. примечание к № 229.

228. *Элегия* (Блажен, кто мог на ложе ночи).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Одесск. альманахе» на 1831 г., где датировано: «26 марта 1831 г.», с разночтением в ст. 1 — 2:

Блажен, кто мог одежду ночи
С тебя, волшебница, спахнуть.

В изд. Сув., неизвестно по каким основаниям, в ст. 7: «нежных персей» — вм. «смуглых», и в 13: «прелесть уст» — вм. «свежесть», как во всех печатных изданиях. См. примечание к следующему номеру.

229. *Перстень* (Да, как святыню берегу я).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально также в «Одесск. альманахе» на 1831 г. и датировано тем же числом, что и предыдущая пьеса. В альбоме А. М. Языкова датировано: «4 июля».

Весь этот цикл (№№ 227 — 229) посвящен знаменитой в конце 20-х и начале 30-х гг. цыганской певице Татьяне Дмитриевне (Демьяновне), более известной под именем «цыганки Тани». Ее имя связано с Пушкиным, который одно время очень увлекался ею и которому она, по биографическому преданию,

пела свадебную песню накануне его венчания. Татьяна Демьяновна дожила до глубокой старости; в 70-х гг. с ее слов были записаны ее рассказы-воспоминания о Пушкине и Языкове. (В. П., «Цыганка Таня о Пушкине и Языкове». «Спб. ведом.» 1875, № 131). Воспоминания касаются главным образом Пушкина, — об Языкове же она говорила мало и неохотно, как о человеке, совершенно ей безразличном, случайно сохранившемся в памяти. Этот цикл характерен как лишний штрих для суждений о подлинной биографичности «автобиографической лирики» Языкова. Искренний и бесхитростный рассказ Тани вполне убеждает, что в отношениях между ней и поэтом абсолютно не было чего-либо подобного той близости и интимности, о которой говорят эти пьесы. Собственно и запомнился-то ей Языков только потому, что он, пьяный, отнял у нее кольцо, которое, позже, через общих знакомых, с большим трудом удалось ей получить от него обратно.

Для характеристики культа цыганщины чрезвычайно ценно одно из писем П. Киреевского, адресованное Языкову: «Недели две тому назад я, наконец, в первый раз слышал (у Свербеевых) тот хор цыган, в котором примадонствует Татьяна Дмитриевна и, признаюсь, что мало слыхал подобного. Едва ли кроме Мельгунова и Чаадаева (которого я не считаю русским) есть русский, который бы мог их равнодушно слышать. Есть что-то такое в их пении, что иностранцу должно быть непонятно и потому не понравится, но, может быть, тем оно лучше» (Архив ИРЛИ. Письмо датировано: «10 янв. 1832 г.»).

230. *И. В. Киреевскому* (Молод ты! Ну, что что молод).

Печатается впервые по автографу ИРЛИ, датировано: «23 сент. 1831 г.». Кроме того, имеются списки, сделанные: А. П. Елагиной (Лен. б-ка) и А. М. Языковым (ИРЛИ — в письме к Комовскому). Оба списка дают ту же редакцию.

К и р е е в с к и й Иван Васильевич (1806 — 1856) — критик и публицист, один из крупнейших теоретиков раннего славянофильства. Критические статьи Киреевского (20 — 30-х гг.) являются одними из первых образцов философской критики в России, — в числе этих статей был и разбор стихов Языкова, опубликованный в «Телескопе». В 1832 г. Киреевский организовал издание журнала «Европеец», закрытого, по приказанию Николая, после второго номера, так как в критических статьях Киреевского были усмотрены либерально-политические тенденции.

Дальнейшая эволюция Киреевского идет по пути развития и заострения идей самобытности и особого призвания русского народа, что и привело его, в конце концов, к аполо-

гии православия и монархизма. Киреевский же дал ту формулу русской и западной культуры, которую славянофилы считали исчерпывающей всю сущность проблемы: «Раздвоение и рассудочность суть последним выражением западноевропейской образованности, цельность и разумность — выражением древне-русской образованности». В 1845 г. Киреевский стал соредактором «Москвит.». Некоторые западники, более всех Герцен, склонны были резко отделять Киреевского, так же как и Константина Аксакова, от остальных славянофилов. Блестящие строки посвящены «драме» Киреевского Герценом в «Былом и думах», однако исторически такое отмежевание Киреевского от его ближайших единомышленников не оправдывается. Более верно оценивал Киреевского Белинский, называя его Дон-Кихотом реакции. По правильному замечанию Плеханова, «из мнений Ив. Киреевского — как и вообще из мнений славянофильской школы — выросла вся реакционная политическая идеология» (Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, М.—Л. 1926, стр. 163).

Языков горячо увлекался личностью Киреевского и находился под сильнейшим его влиянием. Об этом свидетельствует ряд его, еще неопубликованных, писем. В организации «Европейца» он принял самое деятельное участие, усиленно вербуя Киреевскому сотрудников и подписчиков.

231. *Ау* (Голубоокая, младая).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально в «Европейце» (1832, № 1, стр. 86) без строк 51 — 54, исключенных цензурой, как об этом свидетельствует сам Языков в письме к Комовскому от 29 дек. 1831 г. (ИРЛИ).

232. *Е. А. Свербеевой* (Мысль неразгульного поэта).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально было напечатано в «Европейце» 1832, № 1, стр. 85, под заглавием: «Катерине Александровне Свербеевой» (на обложке Е... А... С...), с разночтением в ст. 13:

Доселе пьяными мечтами

Первоначальная редакция сохранилась в автографе: письмо к А. М. Языкову от 18 ноября 1831 г. (ИРЛИ). В нем повторяется указанный выше вариант ст. 13 и, кроме того, ст. 18 читается:

Ее гармония и блеск и чистота

Свербеева Екатерина Александровна, рожд. княгиня Щербатская — жена родственника и друга Языковых,

Дм. А. Свербеева. По поводу этих стихов Языков писал брату, А. М-чу: «в них гораздо больше неправды обо мне самом, чем о ней».

233. *И. В. Киреевскому* (Поэт, вхожу я горделиво).

Первоначально опубликовано в «Русск. стар.» 1886, VII, стр. 171 — 172 (в статье сына Ив. Киреевского — С. И. Киреевского: «Н. М. Языков. 1831 г».). Текст в «Русск. стар.» был опубликован по автографу в альбоме И. В. Киреевского, с датой: «1831, нояб. 21». Стихотворение в 7-й книжке «Русск. стар.» было опубликовано с опечаткой в ст. 24: «Моей кометы удалой», вм.—«Камены». Эта опечатка была исправлена письмом в редакцию в следующем номере журнала.

234. *М. А. Максимовичу* (Свобода странно воспитала).

Опубликовано впервые М. А. Максимовичем в газете Ив. Аксакова «Парус» 1859, № 1. Позже воспроизведено в статье С. Пономарева «Альбом М. А. Максимовича» («Киевск. стар.» 1882, I). Послание датировано: «1831 г., нояб. 29».

Максимович Михаил Александрович (1804 — 1873)— профессор ботаники Московского (1826 — 1843), позже Киевского университетов, украинский фольклорист-этнограф, историк и филолог, один из крупнейших деятелей украинского национального движения. Знакомство Языкова с Максимовичем началось в 1829 г., во время пребывания первого в Москве у Елагиных. Позже у них началась переписка, охватывающая период 1829 — 1846 гг; она опубликована В. П. Петровым: «Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова», «Література», Зб. 1. Киïв. 1928. С 1830 г. Максимович начал издавать альманах «Денница», деятельным вкладчиком которого был Языков, поместивший там ряд своих стихотворений («Пловец», «Наложница», «Рассвет», «Подражание псалму XIV», «А. Н. Вульфу» и др.). Сближало их и общее увлечение гомеопатией; в 1833 г. при деятельном содействии Максимовича Языков организовал издание перевода книги д-ра Гартмана (Dr Hartmann, «Therapie acuter Krankheitsformen nach homöopatischen Grundsätzen»). Вопросы, связанные с этим предприятием, занимают видное место в их переписке. Но главными темами переписки являются вопросы «народной словесности», издания Максимовича, фольклористические сборы П. Киреевского, издания книжек для народа (в 1844 г. Максимович издал известную свою популярную книгу) и т. д. Вообще дружба обоих деятелей, как замечает В. Петров, «имела свой глубокий смысл и внутреннюю логику», их письма наглядно вскрывают «глубокую связь киевского раннего украинофильства с московским славянофильством»,

235. *Воспоминание об А. А. Воейковой* (Ее уж нет, но рай воспоминаний).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831 г. Москва». Первоначально напечатано в «Европейце» 1832, № 2. Вошло в изд. 1844 г. А. А. Воейкова умерла в 1829 г.; о последних днях ее жизни см. Н. В. Соловьев, «История одной жизни».

236. *Конь* (Жадно, весело он дышит).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1831, май». Первоначально было опубликовано в «Европейце» 1832, № 2. Вошло в изд. 1844 г.

237. *Элегия* (Ночь безлунная звездами).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1831, Москва». Первоначально было опубликовано в «Европейце» 1832, № 2.

238. *Пожар* (Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1831 г., Москва». Первоначально без разночтений — в «Телескопе» 1831, т. IV, № 17.

Петерсон Александр Петрович, которому посвящено это стихотворение, — дерптский студент, товарищ Языкова, родственник Елагиных и Киреевских (побочный брат А. П. Елагиной). С ним Языков занимался вместе по русской истории (готовясь к экзамену). «И очень приятно и сладостно», — пишет он по этому поводу. Автор воспоминаний о студенческой жизни Языкова, А. Н. Татаринов, отзывается, впрочем, об этих занятиях несколько иначе. «Этот Петерсон, — пишет он, — тоже старый экс-студент, за несколько лет оставивший университет и воротившийся в Дерпт для получения академической степени, кажется, много вредил занятиям Языкова. Ему надобно было товарища практического, который бы прямо и скоро шел к цели, Петерсон же был, напротив того, вял, фантазер, с каким-то таинственным, мистическим направлением и потому несколько шарлатан...» — «На Языкова он имел большое влияние. Н. М. с какою-то детскою радостью рассказывал нам, как у него с Петерсоном всю ночь кипит самовар, и они, по очереди, до восхода солнца читают вслух Карамзина. Но добро бы читали, а то, кажется, они более рассуждали о великом значении славян, о будущности России, о тупости немцев и бойкости русских и проч.» (Яз. арх., стр. 395). Благодаря Петерсону Языков познакомился и сблизился с семьей Елагиных.

239. *С. С. Тепловой* (Я знаю вас; младые ваши лета).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально было помещено в «Европейце» 1832, № 3 (с опечаткой в заглавии: «С. С. П—ой»), но этот номер журнала в свет уже не вышел, и Языков поместил пьесу в «Телескопе» 1832, т. VIII, № 1, стр. 61, под заглавием: С. С. Т—ой», с разночтением в ст. 19:

Я чувствую, смешался б я пред вами

Т е п л о в а Серафима Сергеевна (ум. в 1861) — второстепенная поэтесса 20-х гг., сестра поэтессы Н. С. Тепловой; отдельного сборника стихов ее не было, а в журналах и альманахах изредка появлялись только отдельные ее пьесы. Ее имя часто очень упоминается в связи с любопытным цензурным эпизодом, который разыгрался в 1830 г.: в «Деннице» С. Теплова напечатала стихотворение под заглавием К***, где оплакивала раннюю смерть какого-то юноши, погибшего в волнах. У кого-то явилось подозрение, что это стихотворение имеет в виду Рылеева или кого другого из декабристов, — началось следствие, в результате которого цензор С. Глинка был временно арестован.

240. *Поэт* (Радушно рабствует поэту).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831 г., Москва». Первоначально было в третьей (не вышедшей в свет) книжке «Европейца» за 1832 г., позже в «Телескопе» 1832, т. VII, № 1, ст. 191.

241. *На смерть А. Н. Тютчева* (Огнем и силой дум прекрасных).

Печатается по изд. 1833 г., «На смерть А. Н. Т — а», 1831, Москва.

Т ю т ч е в Андрей Николаевич, которому посвящен ряд посланий Языкова (см. №№ 80, 148), скончался в 1831 г. в Москве от чахотки.

242. *Кубок* (Восхитительно играет).

Печатается по изд. 1833 г., где датировано: «1831, Москва». Вышло в изд. 1844 г. в числе немногих, повторенных в этом издании. Белинский сделал эту пьесу центральной в своем разборе «56 стихотворений» Языкова. «Вот целое стихотворение — *Кубок* — представляющее апофеозу юности и любви поэта... Вот она — поэзия юности и любви поэта, по идеалу г. Языкова. Чудно пьянствует поэт: а что ж тут чудного, кроме разве того, что и сам поэт также может пьянствовать, как и... приберите сами, читатели, к нашему «и» кого угодно. Мы понимаем, что есть поэзия во всем живом, стало быть, есть она и в питье вина, но никак не понимаем, чтоб она могла

быть в *пьянстве;* поэзия может быть и в еде, но никогда в *обжорстве*. Пьют и едят все люди, но пьянствуют и обжираются только дикари. Подобное антиэстетическое направление наш поэт довел до того, что в одном стихотворении, вспоминая о времени своего студенчества, говорит:

Ну да! судьбой благословенной
Во здравье было мне дано
Той жизни *мило-забубенной*
Изведать крепкое вино.

В другом стихотворении, приглашая друзей на свою могилу, поэт восклицает:

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином!
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте об имени моем!

Спрашивается, каким образом поэт с дарованием, человек образованный и принадлежащий к одному из знатнейших кругов общества — каким образом, мог он дойти до такой антиэстетичности, до такой, выразимся прямее, тривиальности в мысли, чувстве и выражений. Нетрудно объяснить это странное явление: до Пушкина наша поэзия была не только риторическою, но и скучно-чопорною, приторно-сентиментальною. Она или воспевала надутыми словами разные иллюминации или перекладывала в пухлые фразы газетные реляции, а если вдавалась в сферу частной жизни, то или жеманно сентиментальничала или старалась прикинуться сладострастной на манер древних. Нужна была сильная реакция этому риторическому направлению. Разумеется, эта реакция должна была заключаться в натуре, естественности и простоте как предметов, избираемых поэзией, так и в выражении этих предметов. Понятно, что все захотели быть народными, каждый по-своему. Так Дельвиг начал писать русские песни, Языков начал брать слова и предметы из житейского русского мира, запел русским удальцом. Но тут прогресс был только в намерении, а в исполнение забралась та же риторика, которая водянила и прежнюю поэзию. Песни Дельвига были песнями *барина*, который только в стихах носил шапку, заломленную набекрень, а в самом деле одевался, как одеваются все порядочные люди его сословия. В послании Пушкина к Языкову упоминается *о хмельной браге:* ясно, что поэт здесь только прикинулся пьющим этот напиток, а в самом-то деле никогда не пил, а прикинулся, чтоб *казаться* народным. Вообще, о нравственности всех тогдашних поэтов

отнюдь не должно заключать по их стихам в честь вину и пьянству: в этом случае они *риторически* налыгали на себя небывальщину. Этого рода *риторизм* есть главная основа всей поэзии Языкова».

243. *Камби* (Там, где внизу горы, извивистый ручей).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831, Москва». Вошло в изд. 1844 г.

244. *Утро* (Пурпурово-золотое).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831, Москва».

245. *Стансы* (В час, как деву молодую).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831 г., Москва».

246. *Пловец* (Воют волны, скачут волны).

Печатается по изд. 1833 г., датировано: «1831, Москва». Вошло в изд. 1844 г. А. Очкин в своей рецензии на изд. 1833 г. («Сев. пчела» 1833, № 74) отмечал это стихотворение как пьесу, в которой «видны почти все характеристические черты автора».

247. *В. А. Елагину* (Светло блестит на глади неба ясном).

Печатается по изд. 1845 г.: «Василию Алексеевичу Елагину», Москва 1831.

Елагин Василий Алексеевич (1818 — 1879) — брат Киреевских по матери — старший сын А. А. и А. П. Елагиных.

248. *Вино* (Голосистая, живая).

Печатается по изд. 1833 г. Первоначально без разночтений в альманахе «Комета Белы».

249. *Мечтания* (Поэта пламенных созданий).

Печатается по изд. 1833 г. Вошла в изд. 1844 г. Первоначально, в иной редакции, было напечатано в альманахе ««Комета Белы» на 1833 г., под заглавием: «Деве». В последнем вм. ст. 12 — 20:

И вся глубоко ты забылась
В очаровании своем, —
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием.

250. *В альбом Маркевичу* (Украйны некогда свободной).

Печатается впервые по списку в бумагах Языкова (ИРЛИ).

Маркевич Николай Андреевич (1804 — 1860) — украинский поэт и общественный деятель; один из ярких представителей украинского национального движения и национальной романтики. Вместе с Максимовичем, Кулишем, Гоголем

Маркевич усиленно занимался собиранием памятников национального фольклора и истории. Его собрание старинных рукописей, актов и т. п. включало до 6000 номеров, причем к этому собранию Маркевичем было составлено описание. В 1842 г. опубликовал «Историю Малороссии». Как поэт начал выступать в 1817 г. (в «Невск. зрит.»); в 1829 г. вышла в свет первая книга его стихов: «Элегии. Еврейские мелодии», переводы из Байрона и Т. Мура; в 1831 г. — «Украинские мелодии», поэтическое переложение народных украинских преданий и поверий. В проникнутом сильными националистическими тенденциями предисловии Маркевич писал: «Как не найти красот в обычаях малороссийских тому, кто находит, кто от сердца ценит Гомера и всю величественную простоту его». В украинской научной литературе было отмечено сильное влияние на Маркевича «Дум» Рылеева, в частности «Войнаровского» и «Исповеди Наливайки» (см. Твори Тараса Шевченко. Укр. Ак. Наук, т. IV. Журнал [К.] 1927, стр. 689 — 690), но, несомненно, что Маркевич воспринимал революционную поэзию Рылеева в националистическом плане. Послание Языкова, как это очевидно из текста, — ответ на присылку или личный подарок второй книги, почему мы и датируем его 1831 г. Маркевич, несомненно, был лично знаком с Языковым, так как в начале 30-х гг. жил в Москве, вращаясь в кругу литераторов. Между прочим, он был любимым учеником В. Кюхельбекера по пансиону при Педагогическом институте.

251. [*Эпиграмма*] (Виновный пред судом парнасского закона.

Печатается впервые по автографу ИРЛИ: письмо к брату, А. М. Языкову, от 5 окт. 1831 г. Против кого направлено, неизвестно.

252. *Поэту* (Когда с тобой сроднилось вдохновенье).

Первоначально напечатано в альманахе «Комета Белы» на 1833 г. Вошло в изд. 1833 и 1844 гг. В изд. 1833 г. оно открывает сборник и является таким образом, по мысли Языкова, как бы программным. Сохранился автограф — в неопубликованном письме Языкова к Комовскому от 16 дек. 1831 (ИРЛИ). См. также отчет И. П. Б. за 1892 г., стр. 164—165. Кроме того, эта пьеса записана Языковым (3 марта 1832 г.) в альбом Ю. Н. Бартенева (см. Б. Л. Модзалевский, «Альбом Юрия Никитича Бартенева». Изв. отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук).

Во всех изданиях, по требованию цензуры, поэт перерабатывал 13 и 14 строки:

В тексте альманаха:

Приветно ли взойдет тебе денница.
Ужасен ли судьбины произвол.

В изд. 1833 г.: Приветно ли сияние денницы,
Ужасен ли судьбины произвол.

В изд. 1844 г. изменен только ст. 14:

Ужасен ли Саулов приговор.

В наст. изд. пьеса печатается по автографу 1831 г. (письмо к В. Комовскому).

1832

253. *А. П. Елагиной* (при поднесении ей своего портрета). Опубликовано впервые М. А. Максимовичем в «Парусе» 1859, № 1. В наст. изд. печатается по списку альбома А. М. Языкова, где оно датировано: «1 марта 1832 г.».

Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — по первому браку Киреевская, мать Ив. и П. В. Киреевских, родственница и близкий друг Жуковского. Дом Елагиных-Киреевских, наряду с домами Свербеева, Чаадаева, Павловых, был одним из центров московской интеллигенции: «Если бы начать выписывать все имена, промелькнувшие за 30 лет в Елагинской гостиной, то пришлось бы назвать все, что было в Москве даровитого и просвещенного», — пишет биограф бр. Киреевских, Лясковский. То же подтверждает и Кавелин (Собр. соч., т. III, стр. 11—27); позже салон Елагиной принял славянофильскую окраску. Знакомство Языкова с Елагиными началось в 1829 г., когда он остановился у них, приглашенный своим студенческим приятелем и спутником по поездке, А. П. Петерсоном (см. примечание к № 238), родственником Елагиной. Знакомство скоро перешло в тесную и ближайшую дружбу со всеми членами семьи, особенно с бр. Киреевскими. А. П. Елагиной Языков позже посвятил свои «Новые стихотворения» (1845). То большое количество стихов, которое Языков написал в 1830—1831 гг., в значительной степени объясняется влиянием атмосферы, окружившей его в доме Елагиных, установивших в буквальном смысле культ его поэзии. Впрочем, Д. Н. Свербеев в своих мемуарах рисует и оборотную сторону этого влияния. «Когда я, возвратясь из-за границы, — пишет он, — нашел в этой московской среде Языкова, я, к сожалению, убедился, что его уже слишком ублажали. Все его странности, все его недостатки не только извиняли, но находили особенно привлекательными. Так однажды привело меня в негодование предложение довести до опьянения Языкова в небольшом нашем обществе и заставить его в этом положении читать какое-

нибудь особо торжественное произведение его музы. Как я ни упрашивал этого не делать, меня не послушали. Языкова накатили шампанским; он прочел стихи с исступлением, как помешанный» («Записки Д. Н. Свербеева», т. II, стр. 97).

Позже, когда полемические послания против Чаадаева и западников многих оттолкнули от Языкова и вызвали отпор даже в некоторых из близких к нему людей (К. Аксаков, К. Павлова), А. П. Елагина примкнула к тем, кто решительно поддерживал и развивал в Языкове эту сторону. «Все ваше люблю и почитаю, — писала она Языкову незадолго перед смертью его, — но всего лучше, всего красивее ваша негодующая муза. Ее вдохновения — истинны и сильны» (письма А. П. Елагиной к Языкову, хранящиеся в рукописном отделении ИРЛИ. Письмо от 12 дек. 1845 г.).

254. *Е. А. Тимашевой* (Молодая ученица).

Печатается по изд. 1833 г.; первоначально опубликовано в альманахе «Комета Белы» на 1833 г., где было помещено под следующим обозначением: «К ***». В изд. 1833 г. отсутствует ст. 18. Несомненно, в этом следует видеть погрешность типографии и недосмотр лица, наблюдавшего за изданием (книга печаталась в Петербурге под наблюдением приятеля Языкова, В. Д. Комовского), так как все строфы этого послания имеют по ровному (10) числу строк, и, кроме того, при таком чтении 19 ст. оставался бы без рифмы. Ст. 40 в «Комете Белы» читается:

Воля вольного житья.

Тимашева Екатерина Александровна (1798—1881) — незначительная поэтесса, принадлежавшая к великосветскому московскому обществу. Наряду с Языковым ей посвящали стихи: Пушкин, Вяземский, Боратынский, Растопчина.

1833

255. *Д. В. Давыдову* (при посылке ему стихотворений своих).

Печатается по автографу в Лен. б-ке. Впервые опубликовано в сочинениях Давыдова (издание четвертое, исправленное и дополненное по рукописям автора), т. III, М. 1860, стр. 181–182. Датировано: «1833, апреля 17. С. Языково».

Давыдов Денис Васильевич (1784 — 1839) — известный поэт и участник войны 1812 г., где прославился как партизан. Как поэт Давыдов — яркий представитель дворянской аристократической поэзии; его гусарские стихи очень ценились современниками, в том числе и Пушкиным. Давыдов был в дружбе с крупнейшими поэтами своего времени,

причем особенно как поэта ценил Языкова. Ему он писал, что никто из поэтов не может так волновать его душу и «своевольно деспотически владычествовать» над нею, как он. «Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы — мой нравственный отец и командир; один стих ваш — и я в огне боев весело и беспечно. В обеих последних войнах стихи ваши возились мною за пазухой, как волшебная ладонка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа». Письма Д. В. Давыдова к А. М. и Н. М. Языковым опубликованы в «Русск. стар.» 1884, № 7. В 1832 — 1833 г. Языков и Давыдов довольно часто встречались. «Скоро моим соседом будет Языков, — писал Давыдов Вяземскому в июле 1832 г. — Он теперь в своей деревне за 150 в. отсюда, а на-днях, как меня уверяли, переедет на некоторое время к сестре своей, которая за Бестужевым, живущим от меня в 18 верстах» («Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому», П. 1917, стр. 31).

256. *А. Н. Вульфу* (Прошли младые наши годы).

Печатается по списку А. М. Языкова (ИРЛИ); датировано: «15 мая 1833 г.». Является, несомненно, сопроводительным посланием к отправленной Вульфу книге стихов (изд. 1833 г.). Первоначально было напечатано в «Деннице» на 1834 г. («А. Н. В—у»), затем вошло в изд. 1845 г., озаглавлено: «Алексею Николаевичу Вульфу». Автограф неизвестен. В «Деннице» было напечатано с изменениями.

Ст. 3: Моих стихов и друг природы
34: И мне души не угнетай
54: Пиры и шалости любви
69: Почтенный град, где мы учились,

«Мне очень жаль, — писал Языкову издатель альманаха, Максимович (от 11 окт. 1833 г.), — что нельзя напечатать двух стихов противоцензурных: академической с в о б о д ы (уж не п р и р о д ы ли опять курсивом?) и «как раба не угнетай» [Максимович имеет в виду сделанную поправку в пьесе «Подражение псалму XIV»; см. примечание к № 218]. Проповедник свободы академической есть контрабанда в нашей литературе: особенно в текущую минуту... да уж поступитесь мне и словом «ночные» — это уж для меня собственно, ибо я помешался на целомудрии, как вы на гомеопатии». На это письмо Языков отвечал (от 28 окт.): «В стихах можно поставить *природы* вместо свободы вот как, если вы сами не придумаете лучшей выправки

Ты провозвестник и герой
Моих стихов и друг природы

вместо: а как раба не угнетай — хоть: и по возможности читай. Впрочем, во всем этом да будет воля ваша, особенно же в слове ночные, которое вовсе предаю вашему литературному целомудрию» (В. Петров, «Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова»).

В изд. 1845 г. Языков восстановил первоначальное чтение ст. 3, но ст. 34 («а как раба не угнетай») отсутствует совершенно; вероятнее всего это дело цензуры, так как сам Языков едва ли бы оставил бы без рифмы ст. 32 («тебе; люби же и ласкай»). Исключенное Максимовичем слово «ночные» (ст. 54) отсутствует и в изд. 1845 г.

1834

257. *Е. Н. Мандрыкиной* (В младой груди моей о вас воспоминанье).

Печатается по изд. 1845 г. («Елене Николаевне Мандрыкиной», Языково 1834). Первоначально: в «Моск. набл.» 1835, ч. I, стр. 197 — 198; с разночтением в ст. 26:

Нашел товарищей-друзей

Мандрыкина Елена Николаевна — казанская знакомая Языкова, дочь одного из местных генералов.

258. *А. А. Фукс* (Завиден жребий ваш).

Печатается по изд. 1845 г. («Александре Андреевне Фукс, Языково 1834»). Первоначально без разночтений в «Моск. набл.» 1835, ч. III, стр. 476 — 477.

Фукс Александра Андреевна (ум. в 1852 г.) — казанская писательница, поэтесса и этнограф-любительница; жена известного казанского ученого, профессора и ректора университета К. Ф. Фукса. В 1834 г. вышел сборник ее стихотворений. Кроме того, ей принадлежат: «Записки о чувашах и черемисах Казанской губ.» (1840), «Поездка к вотякам» и ряд других произведений беллетристического и этнографического характера. Дом Фуксов в Казани был центром казанской интеллигенции, главным образом дворянской и помещичьей, но куда допускались и не-дворяне. Сохранилось любопытное описание литературного вечера у Фуксов, оставленное известным провинциальным литератором, Н. И. Второвым («Каз. губ. ведом.» 1844, № 48 — 50, см. также: М. Ф. Де-Пуле, «Отец и сын», «Русск. вестн.» 1875, IX, стр. 139—140). В «Каз. губ. ведом.» (1844, № 2) было напечатано ее воспоминание о знакомстве с Пушкиным (во время проезда последнего через Казань); там же опубликованы письма к ней Пушкина. О ней см. Е. Бобров, «А. А. Фукс и

казанские литераторы 40-х годов» («Русск. стар.» 1904, VI, VII).

259. *Д. П. Ознобишину* (Где ты странствуешь, где ныне). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально опубликовано в «Моск. набл.» 1835, ч. IV. В изд. 1845 г. датировано: «1835 г.» («Дмитрию Петровичу Ознобишину, Елань 1835»), однако это послание следует отнести к 1834 г., так как ответное послание Ознобишина, автограф которого хранится в Яз. арх. (ИРЛИ), датировано: «ноябрь 1834» (см. Приложения).

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804 — 1877) — земляк Языкова по Симбирской губ., второстепенный поэт и переводчик, примыкавший к кружку Раича. В 1827 г. издал альманах «Северная лира».

В 60-х гг. был членом Симбирского губернского по крестьянским делам присутствия и издал «Руководство для пользования положением 19 февраля 1861 г.». Ознобишин обладал знанием целого ряда языков и много путешествовал по Европе — этим и объясняются первые строки Языковского послания («Где ты странствуешь, где ныне мой поэт и полиглот»). Очерк жизни и литературной деятельности Д. П. Ознобишина опубликован Н. А. Державиным («Забытый поэт», «Ист. вестн.») 1911, № 9).

1835

260. *Молитва* (Моей лампады одинокой).

Печатается по изд. 1845 г., датировано: «Елань, 1835». Посвящено сестре поэта, Екатерине Михайловне, впоследствии жене А. С. Хомякова (см. примечание к № 335).

261. *П. В. Киреевскому* (Где б ни был ты, мой Петр). Печатается по изд. 1845 г. («Петру Васильевичу Киреевскому». Языково 1835). Первоначально — в «Моск. набл.» 1836, март, кн. I, под заглавием: «П. В. К—у». В изд. Сув. напечатано с опечаткой в ст. 79: «одинок», вм. — «одинак».

Киреевский Петр Васильевич (1808 — 1858) — младший брат Ив. Киреевского, являющийся вместе с ним одним из обоснователей русского словянофильства. Но сам он писал и печатал крайне мало и его влияние шло главным образом путем непосредственного общения. С начала 30-х гг. приступил к собиранию народных песен и посвятил этому всю свою жизнь. Однако при жизни Киреевского была опубликована только очень незначительная часть собранного им и его друзьями и единомышленниками материала. Причем, в первую очередь, он приготовил к печати (что чрезвычайно характерно для его основного умонастроения) сборник

духовных стихов. Значительную роль в этой издательской медлительности играли, конечно, личные «дворянско-обломовские» черты характера. Эта медлительность очень раздражала Языкова, который неоднократно возвращался к этой теме в своих письмах (к домашним, к Максимовичу, Комовскому и др.). Основное собрание «Песен, собранных П. В. Киреевским», начало печататься только в 1860 г., но долго оставалось также не законченным, — последние тома вышли уже в 1911, 1918 и 1930 гг.

Мастерский портрет Петра Киреевского зачертил Герцен.

«Петр Васильевич был еще неисправимее и шел дальше в православном славянизме, — натура, может быть, меньше даровитая [по сравнению с братом, Ив. Вас.], но цельная и строго последовательная. Он не старался, как Ив. Вас. или, как славянские гегелисты, мирить: религию с наукой, западную цивилизацию с московской народностью; совсем напротив, он отвергал все перемирия. Самобытно и твердо держался он на своей почве, не накупаясь на споры, но и не минуя их. Бояться ему было нечего: он так безвозвратно отдался своему мнению и так спаялся с ним горестным состраданьем к современной Руси, что ему было легко... В его угрюмом национализме было полное оконченное отчуждение всего западного» («Былое и думы», ГИЗ, 1931, стр. 454). Языков теснее всего в московском кружке сблизился с П. В. Киреевским и, несомненно, находился под сильным его идейным влиянием. Киреевский сопровождал больного Языкова во время его заграничной поездки, очень преданно и заботливо ухаживая за ним; в рукописном отделении ИРЛИ хранится серия писем П. В. Киреевского к Языкову (готовится к печати).

262. *К* *** (Вами некогда плененный).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Моск. набл.» 1836, май, кн. III, стр. 217 — 219; датировано: «Елань, 1835». К кому относится, установить не удалось.

263. *Д. В. Давыдову* (Жизни баловень счастливый).

Печатается по изд. 1845 г. «Денису Васильевичу Давыдову». В той же редакции оно включено в изд. 1844 г. Первоначально в «Моск. набл.» 1835, кн. III, с рядом разночтений. Последняя редакция воспроизведена и в Сочинениях Давыдова, изд. 1860 г., т. III, стр. 178—181; датировано «Елань, 1835, август». Разночтения:

Ст. 1: Славы звучной и прекрасной
25: Велегромная скоплялась

Ст. 29: Русь! Тебе смертельный зов!
47 — 50: Серебристый русский снег
Покрывает ваши кости,
Ваш погибельный побег;
Долго знать запировались
53: Так вы пали — и остались
55: Знайте ж крепость нашей силы!
Вы зачем сюда пришли?

В Лен. б-ке имеется автограф, дающий ту же редакцию, но с разночтениями в пунктуации.

В ответ на это послание Давыдов писал Языкову: «Благодарю и нет слов у меня достаточно, чтоб возблагодарить вас, любезнейший Николай Михайлович, за поэтический подарок ваш. Неужели вы думаете, что я воспротивлюсь напечатанию сего превосходного произведения вашей неподражаемой лиры? Кто же противится бессмертию, а ты меня мчите в поднебесную, как орел голубя. Что за стих! Что за прелесть! И мощно и торжественно. Впрочем, что же и не прелесть из произведений ваших? Вы меня этим так расшевелили, что я было принялся отвечать вам стихами же; измарал целую десть бумаги и стал в пень, совестясь платить медью за золото» (Сочинения Д. В. Давыдова, изд. 4-е, М. 1860, т. III, стр. 152 — 153).

264. *Сказка о пастухе и диком вепре.*

Печатается по тексту «Моск. набл.» 1835, ч. IV, с исправлением очевидной опечатки в ст. 46: «Робеть не надо — главное не в том», с посвящением Д. Н. Свербееву и датой: «Языково, 1835».

В издании 1845 г. эта пьеса вошла в состав «Сказки о Жар-Птице» в качестве сказки, которую рассказывает сказочник царю Далмату. В последней редакции эта сказка заменена рассказом о чудесном царе — Петре I. Языков ввел текст сказки «о пастухе и вепре» в новую совершенно механически, сделав только некоторые незначительные стилистические изменения. Вставка сделана настолько механически, что Языков забыл даже изменить ст. 97: «И мы уже читали», хотя в новой редакции эта сказка *рассказывается.*

Разночтения:

Ст. 1—48 отсутствуют
56: И был доволен мирною судьбой
93: И горячо отец ее любил
139: Он мигом догадался, в чем тут дело

Ст. 141—142: Схватил топор, им замахнулся смело
И шеищу вепрю перерубил.

159—160 отсутствуют.

Сюжет сказки заимствован Языковым, несомненно, из лубочного сборника: «Дедушкины прогулки или продолжение настоящих русских сказок», Спб. 1786; последующие издания были в 1791, 1805, 1815, 1819 и других годах. Сказки этого сборника выпускались и отдельным изданием.

О сказках в творчестве Языкова см. во вступит. статье.

265. *П. Н. Шепелеву* (Он прищурился спесиво).

Печатается по изд. 1845 г. («Петру Николаевичу Шепелеву»). Первоначально — в «Моск. набл.» 1836, март, 2, стр. 241, под заглавием: «К...» О П. Н. Шепелеве — см. примечание к № 125.

266. *Е. А. Боратынскому* (Покинул лиру ты. В обычном шуме света).

Впервые было опубликовано в «Моск. набл.» 1836, апрель, кн. 1, стр. 434, с датой: «3 марта 1836». В той же редакции включено в изд. 1845 г. (незначительные изменения в пунктуации). Уже после выхода в свет изд. 1845 г. было вновь опубликовано в «Современ.» 1846, т. XLIV, стр. 224. В наст. изд. печатается по тексту «Моск. набл.».

Ст. 5: Счастлив, кто убежал из светских наслаждений.
12: Иди же ты в свои родимые долины
12: Где лепетание ручьев!
24: Она твой долг, твоя звезда!
31: Да многие певцы исчезнут перед нею

Боратынский Евгений Абрамович (1800 — 1844) — крупнейший, после Пушкина, представитель поэзии того времени (см. во вступительной статье). Знакомство Языкова и Боратынского началось в Москве, когда первый жил у Елагиных, и затем перешло в дружбу. Боратынский очень высоко ценил поэзию Языкова. «Мало одного таланта, чтобы писать по-своему, — писал он Языкову, — надо быть вдохновенным сердцем и наличною жизнию. Только твои стихи расшевеливают мою душу. Твои студенческие элегии дойдут до потомства, но ты прав, что хочешь избрать другую дорогу. С возмужалостью поэта должна мужать и его поэзия, без того не будет истины и настоящего вдохновения». Аналогичные отзывы в письмах Боратынского к Киреев-

скому; Давыдов сообщает отзыв Боратынского о «бессмертной свежести» стихов Языкова. Ив. Киреевскому Боратынский писал: «Языков расшевелил меня своим посланием. Оно — прелесть. Такая ясная грусть, такое грациозное добродушие! Такая свежая чувствительность! Как цветущая его муза превосходит все наши бледные и хилые! У наших — истерика, а у ней настоящее вдохновение» («Татев. сборн.», стр. 34). Послание Языкова к Боратынскому — ответ на послания к нему последнего. Внешняя история знакомства и взаимоотношений обоих поэтов изложена в статье А. С. Полякова, «Н. М. Языков и Е. А. Боратынский» («Литерат.-библиологический сборник», П. 1918).

267. *Н. А. Языковой* (Прошла суровая година).

Печатается по изд. 1845 г. («Наталье Алексеевне Языковой», Языково, 1836). Первоначально без разночтений в «Моск. набл.» 1836, ч. IV. Среди бумаг Карташевской (ИРЛИ), среди писем к ней К. Аксакова имеется список этой пьесы, сделанный К. Аксаковым с автографа. Редакция идентична.

Языкова Наталья Алексеевна, рожд. Хомякова — жена старшего брата, Александра Михайловича Языкова.

268. *Я помню: был весел и шумен мой день.*

Впервые опубликовано в «Русск. бес.» 1859, V, вместе со стихотворением «К Е. Н. Вревской» (см. примечание к № 337). В изд. Сув. отсутствует. По списку альбома А. М. Языкова (часть писана рукой А. М. Языкова, часть другой рукой) опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 430 — 431), причем редактор считал это стихотворение неизданным. По тому же списку печатается и в наст. изд. В Яз. арх. (ИРЛИ) имеется испещренный помарками и правками черновик этой пьесы. В черновике имеется еще одна строфа, оставшаяся недоконченной, из которой видно, что это послание предназначалось одной из сестер. Ни черновик, ни список, ни печатный текст не датированы; по содержанию, относится, несомненно, к периоду жизни поэта в своей усадьбе, вследствие чего можно предположительно датировать 1834 — 1836 гг.

269. *Жар-Птица*. Драматическая сказка.

Впервые целиком напечатано Перевлесским отдельным изданием (Спб. 1857), ранее частями печаталось в «Современ.» 1836, т. II. «Драматическая сказка об Иване-царевиче, Жар-Птице и сером волке» (гл. I — VII); гл. VIII — XII — в «Моск. набл.» 1836, ч. VIII; в изд. 1845 г. — гл. I—XIV;

XVI — XVIII, XVIII — XXII — в «Москвит.» 1849, ч. VI, № 22 (декабрь), и там же: № 21 (ноябрь) — гл. XV.

Текст изд. 1845 г. совершенно идентичен изд. 1857 г., за исключением ст. 629—671; 755—775: текст сказки, рассказываемой сказочником (см. примечание к № 261). Журнальные тексты имеют незначительные разночтения:

Ст. 258 (в «Современ.»):
Как тонко, нежно, гибко, что за блеск!

278—280 (в «Соврем.»):
Торжественный, изящный. Позови
Сюда ко мне дворцовых слесарей,
Лейб-рещика и виртуоза. Скоро
Чтоб пришли; я дожидаюсь их.

282 (« »): Летать к нам в сад и все уже в порядке

Ст. 461—469 (в «Моск. набл.»): от слов «Ты знаешь чернь» и кончая: «мятежничать» — опущены.

О месте и роли сказок в творчестве Языкова — см. вступит. статью. Сам Языков остался неудовлетворенным этим своим опытом. Несколько лет спустя возник проект переиздать эту сказку в издаваемой его племянником, Д. Валуевым, «Библиотеке для воспитания», однако Языков категорически отверг это предложение, не желая переиздавать слабую, по его выражению, вещь (неопубл. переп. ИРЛИ). Критикой опубликованные отрывки были встречены, однако, очень сочувственно. Белинский назвал ее «прекрасной», лучшей из всего «что вышло из-под пера Языкова». Отзыв Белинского не должен удивлять, так как он отрицательно относился к такому методу воссоздания народных сказок, который был усвоен Пушкиным. Причины — в общей оценке народной поэзии и понимании народности Белинским.

Самый сюжет Языков заимствовал из популярной сказки «О Жар-Птице и сером волке», известной по многочисленным записям и по лубочным изданиям. Языков, вероятно, знал ее по изданию «Дедушкины прогулки» (1819). В поздних записях она известна в сборниках: Рудченко (т. I, № 54), Худякова (№ 1), у Афанасьева она приведена под № 102. Из современных записей можно указать сборник «Сказки Верхнеленского края» М. Азадовского (№ 14). Текст сказки в большинстве вариантов представляется чрезвычайно устойчивым.

Известна эта сказка и в многочисленных западно-европейских вариантах. У Гримма она приведена под № 57. Богатейший параллельный материал дан в известных примечаниях Больте и Поливки. (J. Bolte und G. Poliwka, «Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen...» Bd. I — III).

270. *Девятое мая* (То ли дело, как бывало).
Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1843, ч. IV, № 7, стр. 1—2. Датировано: «Висбаден, 1839». Вошло в изд. 1844 г.
9 м а я — день именин поэта.

271. *Элегия* (Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены).
Печатается по изд. 1845 г. Первоначально — в «Москвит.» 1844, ч. I, № 1, стр. 24, подпись Языков. Датировано: «3 июня 1839».

272. *Элегия* (Толпа ли девочек крикливая, живая).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ганау. 1839». Первоначально в «Москвит.» 1842, ч. I, № 1, стр. 12; подпись: «Языков»; с незначительными разночтениями:

Ст. 11: Склонилась над ведром, готовясь мыть крыльцо,
17: Великой, громоздкой и длинной-передлинной
34: Взойдет ли ясная весенняя аврора

Последний стих, несомненно, опечатка, так как весь колорит картины говорит именно об осени, а не весне. Список этой пьесы, написанный Гоголем, вклеен в альбом Шиповой (см. примечание к № 213).

273. *Крейцнахские солеварни.* (Предо мной скалы и горы).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Теодорсгалле — Крейцнах 1839».

274. *Элегия* (День ненастный, темный; тучи).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Теодорсгалле 1839». Первоначально в «Современ.» 1842, т. XXIX, под заглавием: «День ненастный», со следующими разночтениями:

Ст: 12: Там блистали на качелях
19: А вчера любитель скромный

275. *Пловец* (Еще разыгрывались воды).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Теодорсгалле 1839». Первоначально «Москвит.» 1841, ч. IV, № 8, стр. 291.

276. *К стихам моим* (Небо знойно, воздух мутен).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Теодорсгалле 1839». Первоначально «Москвит.» 1842, ч. I, № 1, стр. 12; подпись: «Языков».

277. *Гастуна* (Так, вот она, моя желанная Гастуна).
Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница Приморская. Предместье мраморного креста. 1839».

Гастуна — старинное название Гаштейна — долины в Австрии близ Зальцбурга, где расположен курорт с тем же названием. В письмах Языков так описывал Гаштейн: «В Гастейне — горы неприступнейшие; облака, которые у нас обыкновенно носятся на высоте, здесь ходят запросто подле наших окон, цепляясь за сосны и острые скалы. Место угрюмое, дикое, трущобное! Справа и слева у нас в виду горы, стоящие торчмя, покрытые еловым лесом, за который цепляются облака. Прямо перед нашими глазами бежит с этих гор река: вся — грохот, шум и пена, и падает на дно ущелья...»

Gastuna tantum una! — единственная из всех Гастуна.

278. *Иоганисберг* (Из гор, которыми картинный Рейнский край).

Печатается по тексту изд. 1845 г. Датировано: «Ница Приморская. Предместье мраморного креста. 1839». Первоначально опубликовано в «Современ.» 1841, т. XXV, стр. 130, и в «Москвит.» 1842, ч. II, № 3. Включено в изд. 1844 г. В журнальных текстах следующие разночтения:

Ст. 14—18: Ивановой горой зовут ее — она
Почтенней всех других и громче во вселенной:
На ней один растет напиток драгоценный —
Вино, доступное немногим под луной,
Вино первейшее. Струею золотой.

279. *Графу В. А. Сологубу* (Тебя — ты мне родня по месту воспитанья).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница Приморская. Предместье мраморного креста. 1839». Первоначально в альманахе «Утрен. заря» на 1841 г., с датой: «25/13 марта». Разночтение:

Ст. 35: Ты бойся лени: в ней слабеют ум и слово,

Сологуб Владимир Александрович, граф (1813 — 1882) — литератор, принадлежавший к великосветским слоям общества; находился в некоторой близости к Пушкину и даже должен был быть его секундантом в не состоявшейся первой дуэли с Дантесом. Некоторое, очень короткое время примыкал к кружку «Современ.», — к этому периоду относится главное его произведение «Тарантас», давшее широкую картину русской провинции 40-х гг.; однако уже и в этом произведении отчетливо проскальзывали дворянские классовые позиции автора. Эти тенденции еще решительнее обозначились в последующих произведениях Сологуба. Несомненно, это в значительной степени содействовало сближению Соло-

губа с Языковым. С последним его связывало и соседство (Соллогуб был также помещиком Симбирской губ.) и то, что они оба были студентами одного университета. Соллогуб был студентом в Дерпте в 1830 — 1834 гг., т. е. сразу же после отъезда Языкова из Дерпта. «Языкова, — писал он в своих мемуарах, — я уже не застал, но о нем в студенческих кругах сохранилась лучезарная легенда» («Воспоминания В. А. Соллогуба», изд. «Academia», 1931, стр. 264). Соллогуб выступал и в качестве издателя альманахов. В одном из них: «Вчера и сегодня» участвовал и Языков. Полный очерк литературной деятельности и жизни В. А. Соллогуба принадлежит П. К. Губеру (Вступит. статья — к «Воспоминаниям В. А. Соллогуба», изд. «Academia»).

Н. Языкову посвятил Соллогуб свою знаменитую «Серенаду» («Накинув плащ, с гитарой под рукою»), — была напечатана в «Москвит.» (1841, VI, № 11). Попутно заметим: печатный текст очень отличается от позднейшего романса. Текст Соллогуба, в сущности, является студенческой песнью: последняя строфа, напр., имеет такую редакцию:

Мы здесь поем в тиши весенней ночи;
Ты ж, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь опять мечтательные очи,
Не расслыхав воззванья бурсаков
и т. д.

Посвящение Языкову этой пьесы имело таким образом специфическое значение.

280. *Переезд через приморские Альпы* (Я много претерпел и победил невзгод).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница Приморская 1839». Первоначально в «Современ.» 1842, т. XXVII, № 3, стр. 93 — 94, под заглавием: «Переезд через Апенины», со следующими разночтениями:

Ст. 5 — 7: И в ночи темные и в сумрачные дни
Глубокой осени тащили нас кони,
Дрожа от холода и тощи и нерьяны;
11—12: Недавно выплывших из шуму наводненья
То сырость с холодом и скудость отопленья
20: Дочь ветра и зимы, знакомка наша вьюга
22: Над морем северным баюкавшая нас.

281. *Морская тоня* (Море ясно, море блещет).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница. Предместье

мраморного креста 1839 года». Первоначально в изд. 1844 г. с разночтением в ст. 40:

А трудилась сотня рук!

282. *Маяк* (Меж морем и небом на горной вершине). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница. Предместье мраморного креста 1839 года». Первоначально: «Москвит.» 1841, ч. VI, № 12.

283. *Буря* (Громадные тучи нависли над морем). Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница Приморская. Предместье мраморного креста 1839 года». Первоначально в «Современ.» 1841, т. XXIV, и в изд. 1844 г. В автографе, хранящемся в ИРЛИ (датирован: «15 декабря»), разночтения:

Ст. 2: Над морем и скрылся блистательный день
3: И в синюю бездну спустилась глубоко
12: Становится в ряд и ряды говорят!

284. *Малага* (В мои былые дни, в дни юности счастливой). Печатается по изд. 1845 г. (с исправлением явной опечатки в ст. 19). Первоначально в «Современ.», т. XXIV, и в «Москвит.» 1842, ч. I, № 2, стр. 354; подпись: «Языков». Датировано: «Ница, 17 декабря 1839». Вошло в изд. 1844 г. В «Современ.» — следующие разночтения:

Ст. 2: Вино кипучее я пил,
10: Летели весело, легко
11: И улетали удалые (в «Москвит.» — залетали)
13: Шум, песни, спор и крик, и чаши поднимались,
15: И чаши чокались, и звонко разбивались
31: Друзья мои! Куда странна мне юность наша —

285. *Корабль* (Люблю смотреть на сине море). Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1843, ч. IV, № 7, стр. 3, без заглавия; дата: «Ница, 1839, дек. 18». Разночтение:

Ст. 6: Корабль в даль бурных вод уходит величавый

В изд. 1844 г. под общим заглавием: «Корабль» напечатано две пьесы: 1. «Струится и блещет, светло, как хрусталь», выделенное в изд. 1845 г. отдельной пьесой под заглавием: «Море» (см. примечание к № 306) и 2. «Люблю смотреть...» В изд. 1845 г. Языков вновь сделал каждую пьесу самостоятельной, оставив название «Корабль» для последней.

286. *Ница Приморская* (Теперь, когда у нас природный старый друг).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ница. Предместье мраморного креста 1839». Первоначально в «Москвит.» 1841, № 3, стр. 6; датировано: «10 дек. 1839»; вошло в изд. 1844 г.

Разночтения:

Ст. 2: Сугробистых снегов и голосистых вьюг,
17—18: Из отдаленных стран сгоняет Аквилон
Сюда: здесь русский князь, немецкий
важный фон,

287. *Ундина* (Когда невесело осенний день взойдет).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Современ.» 1841, т. XXII, стр. 181, и в «Москвит.» 1841, ч. V, № 9. Датировано: «Ница, Декабря 26, 1839». Разночтения (в обоих журналах):

Ст. 15—16: И не вари из них да сахару да рому
Питья, с которого бывает много грому.

288. *Сержант Сурмин* (Был у меня приятель, мой сосед).

Печатается по тексту изд. 1845 г. Первоначально напечатано в «Москвит.» 1845, ч. I, № 1, стр. 31—35, где датировано: 1839 г.» По поводу «Сурмина» Герцен, полагая, что «Сурмин» написан после полемических посланий против западников, писал в «Отеч. зап.» в статье «Москвитянин и вселенная», под псевдонимом Ярополка Водянского: «Рассказ г. Языкова о капитане Сурмине — трогателен и наставителен; кажется, успокоившаяся от сует муза г. Языкова решительно посвящает некогда забубенное перо свое поэзии исправительной и обличительной. Это истинная цель искусства; пора поэзии сделаться трибуналом de la poésie correctionelle [поэзии исправительной]. Мы имели случай читать еще поэтические произведения, ждем их в печать; это гром и молния; озлобленный поэт не остается в абстракциях, он указует негодующим перстом л и ц а — при полном издании можно приложить адресы». (Полное собр. с ч., под ред. М. Лемке, т. III).

1840

289. *Ницарке* (Если б ты была Юнона).

Печатается по изд. 1845 г. «Датировано: «Ница Приморская. Предместье мраморного креста 1840». Первоначально — в «Современ.» 1842, т. XXVII, под заглавием: «Ницарке»; стр. 109, с разночтением:

Ст. 1 — 4: Если б друг твой был Зевес,
И была бы ты Юнона,
Сад твой, милая Миньона,
Процветал бы не как лес
и в *6*: Осенила б тень дубов.

Изд. Сув. воспроизводит текст 1845 г., но с исправлением в ст. 8: вм. «иакинфы золотые» — «гиацинты золотые».

290. *К. Павловой* (Забыли вы меня! Я сам же виноват).

Печатается по изд. 1845 г., где неправильно датировано: «Вильдбад-Гаштейн 1843»; кроме того, первоначально оно было помещено в «Москвит.» 1841, № 2, стр. 348—350, с датой: «15 февр.», но без обозначения года. Перевлесский относит его к 1840 г.; последнее, несомненно, правильно, так как ответ на это послание Каролины Павловой («Невероятный и нежданный...» см. Приложения) датирован июнем 1840 г.

291. *Морское купанье* (Из бездны морской белоглавая встала).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально, в «Современ.» 1841, т. XXIII, стр. 181, без заглавия, с разночтением в последнем стихе:

Свободна, беспечна, мила, весела!

Кроме того, в «Москвит.» 1841, ч. III, № 6, под тем же заглавием, что в изд. 1845 г. В «Москвит.» отсутствует ст. 9. Последний стих — в ред. «Соврем.».

Датировано: «17 июня 1840». Вошло в изд. 1844 г. В изд. Сув. воспроизведено с опечаткой в ст. 6.

292. *К Рейну* (Я видел, как бегут твои зелены волны).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: 1840, «Ница Приморская. Предместье мраморного креста». Первоначально — в «Современ.» 1841, т. XXI, стр. 219—221, и в «Москвит.» 1841, ч. II, № 3, стр. 3—6; датировано: «1 авг. 1840. Гаштейн».

Разночтения:

Ст. 19: Когда поднимется погода верховая (в изд. 1844 г.: низовая)

60: На плоскодонах и ладьях

П. А. Вяземский в некрологе Языкова писал по поводу этого стихотворения: «Мне не входит ни в голову ни в сердце, что можно положить себе за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу немецкому Рейну. Но понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувством его,

когда вижу, что он остается волжанином в виду красивого Рейна или грозного водопада».

293. *Альпийская песня* (Из тишины глубокой).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Вильдбад-Гаштейн 1840 года».

Первоначально: «Москвит.» 1842, ч. II, № 3; под заглавием «Гастуна», с разночтениями:

Ст. 13—14: Где вечно на вершинах
Белеет бледный снег

294. Встреча нового года.

Печатается по изд. 1845 г.; датировано: «Ница. Предместье мраморного креста. 1840 года». Первоначально в «Москвит.», 1841, ч. II, № 4, стр. 302—315, и ч. III, стр. 23—29; подпись: «Языков».

По поводу этой пьесы В. Смирнов пишет: «Языков, видимо, имел намерение обрисовать то идейное брожение в среде интеллигентной московской молодежи, которое с началом 40-х годов породило горячие и продолжительные споры между славянофилами и западниками» (op. cit., стр. 184). Представителями последних являются Скачков, Пронской, Хворов; славянофилов — Власьев и Дрянской. Некоторые исследователи полагают, что в образе Кубенского изображен Веневитинов; с последним можно согласиться лишь отчасти: возможно, что кое-какие реминисценции облика Веневитинова отразились в портрете Кубенского, но вместе с тем в нем несомненны и автобиографические черты. В современной Языкову литературе пьеса не вызвала почти никаких откликов и прошла незамеченной.

1841

295. *Странный случай.*

Печатается по изд. 1845 г., где датировано: «Ганау, 1841 года». Впервые напечатано в «Москвит.» 1842, т. III, № 5, стр. 1—19. С более точной датой: 6 марта 1841 г. в Яз. арх. (ИРЛИ) имеется список этой пьесы.

В «Москвит.» собеседники отмечены инициалами: Л. и С.

По утверждению В. Я. Смирнова, эта пьеса, так же как и «Встреча нового года», представляется попыткой «охарактеризовать современную Языкову московскую интеллигентную молодежь» (op. cit., стр. 184). Исследователь сопоставляет «Странный случай» с вышедшим в том же году, но несколько позже, романом Лермонтова «Герой нашего времени». В пьесе, несомненно, очень отчетливо отражены автобиографические моменты.

Ст. 145 («Развалины и прах красноречивый») принадлежит Батюшкову.

296. *Вечер* (Ложатся тени гор на дремлющий залив).

Печатается по тексту «Современ.» 1841, т. XXIV. В прижизненные издания, так же как и в изд. Перевлес., не входило. Датируется 1841 г. предположительно; возможно, что относится к более раннему периоду (1839 — 1840).

297. *К. Павловой* (В те дни, когда мечты блистательно и живо).

Печатается по тексту изд. 1845 г. Первоначально — в альманахе «Литературный вечер в пользу семейства Пассека» 1844, с датой: «март 1841, Ганау». Это послание — ответ Каролине Павловой на ее послание (см. Приложение); в том же альманахе напечатан и ответ К. Павловой: «Ответ на ответ» (см. Приложения).

298. *А. А. Елагину* (Была прекрасна, весела).

Печатается по изд. 1845 г. («Алексею Андреевичу Елагину-Швальбах. 1841). Первоначально без заглавия в сборнике «Русск. беседа». Собр. соч. русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина, т. II, Спб. 1841, и в «Москвит.» 1842, ч. I, № 2, стр. 356; датировано: «март. 1841. Ганау».

Разночтение:

Ст. 29: Вы ждите — еду, еду.

Елагин Алексей Андреевич, муж А. П. Елагиной, вотчим Киреевских, и до 1822 г. их единственный учитель; был прекрасно образован философски, у себя в деревне переводил «Письма о воспитании» Шеллинга. В одном из писем 40-х гг. к Языкову сестра его Ек. Мих. Хомякова (см. примечание к № 335) жалуется, что А. А. «не знает бога» (неопубликованная переписка в Историч. музее). Елагин славился, между прочим, как образцовый хозяин.

В 1831 г. А. А. Елагин держал пари с Языковым, вызывая его написать в течение года 2000 стихов. Это пари имело большое побудительное действие для последнего, как он сам об этом свидетельствует в ряде писем к брату, А. М-чу.

299. *Элегия* (Бог весть, не втуне ль я скитался).

Печатается по изд. 1845 г., где датировано: «Швальбах 1841 года». Первоначально в «Москвит.», 1841, ч. VI, № 11; вошло в изд. 1844 г.

300. *Песня балтийским водам* (Пою вас, балтийские воды, вы краше).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Ганау, 1841 года». Первоначально в «Москвит.» 1842, ч. II, № 3, стр. 13; датировано: «20 ноября 1841 г. Ганау»; вошло в изд. 1844 г.; в «Москвит.» ст. 6 читается:

В щепы расшибая суда,

В 1841 г. Елагины ездили за границу для свидания с Жуковским. В пути корабль, на котором они ехали, потерпел сильную аварию и чуть было не погиб со всеми пассажирами. Над этим вынесением узко-семейных переживаний в литературу и над языком этой пьесы издевался Белинский: «О, волны балтийские» — восклицает один из них: — «важно и почтенно уважили вы меня, примчавши из немецкой нехристи к православным берегам пароход с моим другом» (т. XII, 1926, стр. 486).

301. *Н. В. Гоголю* (Благословляю твой возврат).

Печатается по изд. 1845 г. («Николаю Васильевичу Гоголю». Ганау 1841). Первоначально напечатано в «Москвит.» 1842, ч. III, № 6, стр. 229, подпись: «Языков»; под заглавием: «Г***». Вошло в изд. 1844 г. В «Москвит.» отсутствует ст. 25; ст. 33 имеет такую редакцию:

Тогда отрада мне глядеть

С Гоголем Языков впервые встретился и познакомился в 1838 г. во время пребывания на курорте Ганау. С ним вместе они путешествовали по Италии. Гоголь чрезвычайно высоко ценил поэзию Языкова; восторженные отзывы о стихах Языкова находятся в его письмах. В письме к Данилевскому он так характеризует поэзию Языкова, сравнивая ее с Пушкинской: «Стихи Языкова — любовь до брака: они эффектны, огненны и с первого же раза овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг охватит вас, но чем более вглядываешься в нее, тем более она открывается, развертывается и, наконец, превращается в «величавый обширный океан». В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», помещенной в «Выбранных местах из переписки с друзьями», Гоголь писал об Языкове: «Имя Языков пришлось ему не даром. Владеет он языком, как араб диким конем своим, и еще как бы хвастается своею властию. Откуда ни начнет период, с головы ли с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный». Позже, когда в поэзии Языкова начинают сильнее звучать религиозные и славянофильские идеи, отношение Гоголя становится еще

более восторженным; в Языкове он видит уже союзника и в дальнейшем стремится сделать из него ученика и адепта своих религиозно-мистических идей. В этом отношении чрезвычайно характерно письмо к Языкову Гоголя из Баден-Бадена (1843): «Тебе нужно освежение душевное. Дай мне слово говеть, приехавши в Москву, при первом случае, — если в Великий Пост, то на первой неделе. В продолжение говения займись чтением церковных книг. Это чтение покажется тебе трудно и утомительно — примись за него с карандашом в руке; читай скоро и бегло и останавливайся только там, где поразит тебя величавое слово, и наоборот записывай и отмечай их себе в материал. Клянусь, это будет дверью в ту великую дорогу, на которую ты выйдешь. Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе богом. Сделай также следующее заведенье: всякую субботу ввечеру отслужи у себя всенощную... бог скажет все что нужно». Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных высказываний Гоголя, обращенных к Языкову (напр., в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» и др.).

Конечно, не следует преувеличивать значение Гоголевского влияния и приписывать ему какую-нибудь решающую роль в том направлении, которое приняла поэзия Языкова в 40-х гг.; несомненно, и без Гоголя Языков пришел бы к тем же реакционно-консервативным позициям, но Гоголь сыграл некоторую роль в их укреплении, а пожалуй, и в заострении. Так, напр., он яростно приветствовал весь полемический цикл посланий Языкова (К Аксакову, Шевыреву. К не нашим, Чаадаеву).

Взаимоотношения Гоголя с Языковым были изучены В. Шенроком («Вестн. Европы» 1897, XII, стр. 630 — 636); по мнению исследователя, «дружба их не имела той глубокой и прочной основы, которая может заключаться единственно в сходстве характеров и убеждений. Напротив, в внутреннем мире обоих, повидимому, не было достаточно соответствия, и их приязнь опиралась преимущественно на поверхностную личную симпатию и на некоторые внешние причины, так или иначе способствующие их сближению».

Это, конечно, не верно. В. И. Шенрок явно недооценивает близости социально-политических позиций обоих писателей в 40-х гг. В особенности же их сближали идеализация прошлой феодальной культуры и связанные с этим реставрационные идеалы.

Данное послание Языкова к Гоголю, по вероятному предположению Смирнова, ответ на письмо Гоголя от 23 окт. 1841 г.,

где он писал: «Я теперь в Москве... Жизнь наша может быть полно хороша и безбурна... У меня на душе хорошо, светло. Дай бог, чтоб у тебя так было светло и хорошо во все время твоего Ганауского затворничества...» и т. д.

Строки о немце были тогда же очень едко пародированы Некрасовым:

Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогий
Немец мой — сутул, поджар —
Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар...
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает славянина
Силу скромную...

(Послание к другу из-за границы)

302. *Элегия* (На горы и леса легла ночная тень).

Печатается по тексту «Москвит.» 1845, ч. II, № 3, где было опубликовано без подписи автора и не датировано. В изд. 1845 г. не вошло; в изд. Перевлес. также отсутствует. В Яз. арх. (ИРЛИ) имеется письмо Языкова А. М. к родным из Симбирска от 11 февр. 1842 г. В этом письме А. М. сообщает два новых стихотворения Н. М.: «Поденщик» (см. № 303) и настоящую «Элегию», но в иной редакции:

По долам и горам лежит ночная тень
Стемнели небеса, блестит лишь запад ясный
Ты улыбаешься, безоблачно-прекрасный,
Спокойно, радостно кончающийся день

303. *Элегия* (Поденщик, тяжело навьюченный дровами).

Печатается по изд. 1845 г., где датировано: «Ганау 1841». Первоначально опубликовано без разночтений в сборнике «Вчера и сегодня» 1845. В Яз. арх. имеется список этой пьесы, сделанный рукой А. М. Языкова (см. предыдущее примечание). Разночтения:

Ст. 2—3: Смотрю я на него: мне прежних дум моих
Печальных на душу теперь он не наводит

Список датирован: «Декабря 24 нов. ст. 1841, Ганау».

1842

304. *Гора* (Взойди вон на эту безлесную гору).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Вильдбад Гаштейн

1842». Первоначально напечатано в «Москвит.» 1842, ч. V, № 9, стр. 12; включено в изд. 1844 г.

В «Москвит.» следующие разночтения:

Ст. 2: Что выше окрестных, подоблачных гор;
9: Угрюмые пропасти, полные тьмою.

305. *Изречение А. Д. Маркова* (Любил он крепкие напитки). Печатается по тексту изд. 1845 г., где озаглавлено: «Изречение Алексея Дмитриевича Маркова»; датировано: «Вильдбад Гаштейн 1842 г.» Первоначально в «Москвит.» 1842, № 8, стр. 239. Об А. Д. Маркове см. примечание к № 198.

306. *Море* (Струится и блещет, светло, как хрусталь).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Венеция 1842 г.». Первоначально в «Москвит.» 1843, ч. V, № 9, с разночтением:

Ст. 1: Струится и плещет...

В изд. 1844 г. вошло в состав пьесы «Корабль» (см. примечание к № 285).

1843

307. *Весна* (Великолепный день! На мягкой мураве).

Печатается по изд. 1845 г. Датировано: «Рим 1843». Первоначально, без разночтений, в «Москвит.» 1843, ч. V, № 10, стр. 289. Вошло в изд. 1844 г.

308. *Элегия. И. П. Постникову* (В тени громад снеговершинных).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально напечатано в «Москвит.» 1844, ч. IV, № 7, стр. 1. Озаглавлено:«Элегия. И. П. П.», с датой: «10 июня 1843 г. Гастейн».

Постников Иван Петрович — врач, сопровождавший Языкова за границу.

309. *Элегия* (Опять угрюмая осенняя погода).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально, без разночтений, в «Москвит.» 1844, ч. V, № 9, стр. 2, подпись: «Языков». Датировано: «10 июня 1843».

310. *Элегия* (И тесно и душно мне в области гор).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1844, № XI, без разночтений, но под другим заглавием: «Горы», с датой: «Гаштейн 1843, июня 16». Под таким же заглавием вошло и в изд. 1844 г.

311. *Элегия* (В Гаштейне общий стол невыносимо худ.). Печатается впервые по списку, сообщенному А. М. Языковым в письме к В. Д. Комовскому, от 29 июня 1843 г. (ИРЛИ).

312. *Князю П. А. Вяземскому* (В те дни, как только что с похмелья).

Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Современ.» 1844, т. XXXV, стр. 96—98, датировано: «апр. 16 дня 1844», с азночтением:

Ст. 52: Заботились о мне дрожащем и больном

Вяземский Петр Андреевич, князь (1792 — 1878) — поэт, критик и журналист, один из самых ярких представителей так называемой «литературной аристократии» 20—30-х гг. Друг Карамзина, Батюшкова, Боратынского, бр. Тургеневых и особенно Пушкина; в молодости принадлежал к левому крылу дворянской аристократии и был очень близок к декабристам. В 1820 г. подписал известную записку об освобождении крестьян, после чего долго находился в опале. Позже примирился с правительством, вступил на государственную службу и постепенно очутился в рядах консерваторов и реакционеров. К новым демократическим течениям и к деятелям разночинной интеллигенции относился с глубокой ненавистью, вследствие чего в 60-х гг. имя Вяземского было синонимом обскурантизма и мракобесия.

В 1843 г. Вяземский прислал Языкову из Дерпта послание, (см. Приложения), о котором упоминает в данной пьесе Языков. После смерти Языкова Вяземский напечатал в «Спб. ведом.» (1847, № 91) некролог его.

«Я родину свою и пел и межевал» — здесь имеется в виду недолгая служба Языкова в межевой канцелярии. Сохранился документ о его службе: «Канцелярист Николай Языков поступил в канцелярию 1831 сентября 12-го, 1832 г. сентября 17 за № 1757 представлено бывшим главным директором Гермесом г-ну Мин. Юст. о награждении его, Языкова, чином коллежского регистратора, а 18 ноября 1833 г. он, Языков, уволен по прошению от службы» (Цит. по Смирнову, стр. 121).

313. *К. К. Павловой* (Тогда, когда жестоко болен).

Печатается по тексту «Моск. сборн.» 1847, с датой: «18 апр. 1844 г.».

314. *К. К. Павловой* (Хвалю я вас за то, что вы).

Печатается по тому же источнику; дата: «21 апр. 1844 г.».

На эти послания К. Павлова ответила также посланием, напечатанным уже после смерти поэта: «Средь праздного людского шума» (см. Приложения).

315. *Послание Ф. И. Иноземцеву* (Да сохранит тебя великий русский бог).

Печатается впервые по автографу, хранившемуся в Рязанском музее (ныне передан в ИРЛИ). Датировано: «27 апр. 1844 г.».

Иноземцев Федор Иванович (1802 — 1869) — известный врач, профессор, учредитель и первый председатель Общества русских врачей. Был товарищем Языкова по Дерптскому университету; последние годы постоянно лечил Языкова. Иноземцев был, несомненно, также близок к славянофильским тенденциям. Д-р С. А. Смирнов в своих воспоминаниях о Ф. И. Иноземцеве («Русск. арх.» 1886, XII, стр. 558 — 569) говорит, что основной идеей его было стремление создать русскую медицину, освободив ее от немецкой кабалы.

316. *Землетрясение* (Всевышний граду Константина).

Печатается по тексту 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1844, № 10; датировано: «1 мая 1844 г.». Разночтения:

Ст. 9: Во всей просторной Византии
15: Синклит, Сенат, народа волны

Языковым использовано церковное предание о страшном землетрясении в Константинополе: «повсюду шли молебствия—и вдруг, один мальчик был поднят на воздух и вскоре опять спущен невредимо на землю. Мальчик рассказал, что он был на небе, слышал ангелов, которые научили его новой молитве. Когда все повторили эту новую молитву, землетрясение стихло».

В славянофильском лагере это стихотворение вызвало огромный восторг. Гоголь, указывая Языкову «истинный путь» его поэзии, писал: «Не по стопам Пушкина надлежало Языкову обрабатывать и округлять стих свой; не для элегии и антологических стихотворений, но для дифирамба и гимна родился он, это услышали все» (Выбранные места из переписки...) и далее там же...: «уже и в мире Языкова заметно стремление к повороту на его законную дорогу. От него услышали недавно стихотворение «Землетрясение», которое, по мнению Жуковского, есть наше лучшее стихотворение». Под впечатлением «Землетрясения» Гоголь писал и лично Языкову, настаивая, чтоб он продолжал эту линию в своем творчестве и далее: «Ради святого неба, — писал он, — перетряхни старину, возьми картины из Библии или из коренной русской старины, но таким образом, чтобы она пришлась,

именно, к нашему веку, чтоб в нем или упрек или одобрение ему было...»

317. *М. П. Погодину* (Благодарю тебя сердечно).

Печатается по изд. 1845 г. («Михаилу Петровичу Погодину», Москва, 1844 г.) Первоначально было опубликовано в «Москвит.» 1844, № 6; с разночтением в ст. 19:

Того уж нам не воротить.

П о г о д и н Михаил Петрович (1800 — 1875) — известный историк и беллетрист; журналист, издатель «Моск. вестн.» и позже «Москвит.» — центрального органа славянофильства. Погодин явился главным теоретическим представителем официального учения о народности. Тесная связь Погодина со славянофилами заставляла некоторых историков видеть в нем одну из центральных фигур славянофильства. Так, напр., Плеханов в статье «Погодин и борьба классов» (Сочинения, т. XXII) отчётливо показал тесную и органическую связь славянофильства в целом с Погодиным. Однако эту близость и связь не следует преувеличивать. М. Н. Покровский подчеркивает, что «славянофилом в настоящем смысле Погодин никогда не был, как не был и шеллингианцем, хотя в дни юности был близок с шеллингианскими московскими кружками и кое-что от них усвоил...» Особенно настаивает М. Н. Покровский на различном характере исторической концепции Погодина и славянофилов. Последним, пишет М. Н.: «была совершенно чужда полицейская точка зрения на историю...» (Энцикл. слов. А. и И. Гранат, 7-е изд., т. XXXII, М. 1915, стр. 404).

«Послание к Погодину» вызвало резкую отповедь со стороны Белинского, который характеризовал это стихотворение как пример произведений, где «неуважение к печати и грамотным людям доведено до последней степени». Выписав в своей статье это послание целиком, критик пишет: «Скажите, ради здравого смысла: неужели это поэзия, язык богов. Вот чем разрешился романтизм двадцатых годов. Впрочем, и то сказать: «от великого до смешного только шаг», по выражению Наполеона: стало быть, о т н е б о л ь ш о г о д о с м е ш н о г о еще ближе. Это д и в н о - б ы с т р о т е ч н о е стихотворение, звенящее с в е т л о с т е к л я н н ы м и струями пресной и не совсем свежей воды, поднесенной в стакане явному доброхоту стихотворцем, с д е л а в ш и м с я в д у х е о т п о д а р е н ь и ц а, которым уважил его я в н ы й доброхот, — это образцовое проявление заживо умершего таланта не напечатано в числе заветных 56 стихотворений

К. С. АКСАКОВ
Рисунок В. С. Аксаковой

М. П. ПОГОДИН
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова

Н. Языкова [речь идет об изд. 1844 г.] Напрасно, от этого его книжечка много потеряла. По-нашему, уже если печатать, так все, что характеризует и определяет деятельность поэта».

Еще до появления статьи Белинского «Послание к Погодину» было пародировано Некрасовым в стихотворении «Послание к соседу», опубликованном в «Лит. газ.» (см. Приложения).

318. *Кн. С. П. Голицыной* (Я слышал, что вы и прекрасны, как роза).

Печатается по изд. 1845 г. («Княгине Софье Петровне Голицыной», Москва 1844 г.). Первоначально без разночтений — в сборнике «Вчера и сегодня», кн. I, М. 1845 и в «Москвит.» 1845, ч. II.

Голицына Софья Петровна, рожд. Балк — известная московская красавица: по уверению Д. Н. Свербеева, Языков написал эти стихи «по одному приглашению» его (Свербеева), «никогда ее не видав и не имея о ней никакого понятия» («Записки», II, стр. 96). В рукописном отделении ИРЛИ имеется письмо Голицыной Языкову с благодарностью за послание.

319. *Я. П. Полонскому* (Благодарю тебя за твой подарок милый).

Печатается по изд. 1844 г. («Якову Петровичу Полонскому», Москва 1844 г.). Первоначально без разночтений в сборнике «Вчера и сегодня» 1845 и в «Москвит.» 1845, ч. I, № 2.

Полонский Яков Петрович (1820—1898) — известный поэт; в 1844 г. вышла первая книжка его стихов «Гаммы». «Полонский — малый с талантом, — писал Языков Гоголю:— жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное; но это, вероятно, пройдет с летами» («Русск. стар.» 1896, XII, стр. 629. Письмо от 14 декабря 1844 г.).

320. *В. Н. Анненковой* (Мне мил прелестный ваш подарок),
Печатается по изд. 1845 г. Предварительно было опубликовано дважды, без разночтений: в «Москвит.» 1845, ч. II, № 3, стр. 8, без подписи, и в сборнике «Вчера и сегодня» 1845, датировано: «М. 1844».

Анненкова Варвара Николаевна (1795 — 1866) — симбирская поэтесса, ее стихотворения вышли отдельным изданием в 1844 г., под заглавием: «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой».

321. *А. Д. Хрипкову* (Тебе и похвала и слава подобает).
Печатается по изд. 1845 г. Первоначально в «Москвит.» 1845, ч. I, № 1, стр. 24 («Александру Дмитриевичу Хрипкову», с датой: «4 ноября 1844»), с опечаткой в ст. 45: «Давно бес-

славный гроб, воздвигнутый горою»; в изд. 1845 г. опечатка в ст. 35: «Высоко в берег хлыщет» вм. — «хлещет».

Хрипков Александр Дмитриевич — живописец-пейзажист. Его кисти принадлежит известный портрет Языкова в халате. Языков считал это послание одним из удачнейших своих стихотворений. Возражая Гоголю, который был недоволен этой пьесой, он писал: «Ты напрасно думаешь, что Хрипков — живописец вроде Мокрицкого; мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхищался им» («Русск. стар.» 1896, XII, стр. 636. Письмо от 10 мая 1845 г.).

322. *А. П. Елагиной* (Я знаю, в дни мои былые).

Печатается по изд. 1845 г., где напечатано как «посвящение» впереди текста, с римской нумерацией страниц. Датировано: «Ноября 11 дня. 1844 года». По поводу этого издания Языков писал брату (6 апр. 1845 г.):«Сюда вошли все те стихотворения, которые я написал с 1833 по 1845 г. Мало, очень мало. Но сравните мое с тем, что сделали в это время другие русские поэты — мои товарищи, и слава богу здоровые — и вы увидите, что я король перед ними моею стихотворческою деятельностью» (ИРЛИ). По сообщению Н. Ф. Бельчикова, автографический список этой пьесы имеется у М. В. Берг, с разночтением в ст. 15: Так думаю, надеюсь всей душой.

323. *Подражение псалму* (Блажен, кто мудрости высокой).

Печатается по тексту «Москвит.» 1845, ч. I, № 1, стр. 11. В основе — 1-й псалом. В списке тетради А. М. Языкова датировано: «19 нояб. 1844».

324. *А. В. Киреевой* (Сильно чувствую и знаю).

Печатается по списку поэта Н. Ф. Щербины (автограф последнего), сделанному непосредственно из альбома Киреевой.

Первоначально напечатано в «Москвит.» 1845, ч. I, № 2, стр. 55 — 56, под заглавием «А. В. Киреевой» и с датой: «26 нояб. 1844 года». В Москвит.» стихотворение обрывалось неполной 20-й строкой... «Вам не страшны»... после чего следовал ряд строк, состоящих из точек. В полном виде напечатано в «Сборнике лучших произведений русской поэзии», изданном поэтом Н. Ф. Щербиной в 1858 г.

Киреева Александра Васильевна, рожд. Алябьева — одна из первых красавиц великосветского петербургского

общества. О ней упоминает Пушкин в послании «К вельможе».

Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

По поводу этой пьесы Языков сообщал сестре: «Мои стихи о Киреевой цензор не пропустил во 2-м № «Москвит.», потому что этот № выйдет в свет на первой неделе поста, а в стихах говорится о богах языческих» (неопубл. переп. в ИРЛИ).

325. *А. В. Киреевой* (Тогда как сердцем мы лелеем).

Печатается по тому же источнику, что и предыдущее, № 324); первоначально напечатано в «Москвит.» 1845, ч. I, № 2, стр. 56—57.

326. *Отрок Вячко.*

Печатается по тексту «Библиотеки для воспитания» (1845, ч. III), с датой: «27 нояб. 1844». В изд. Перевлес. и Сув. отнесено к 1845 г. Было и отдельное изд. 1845 г. Текст наст. изд. воспроизводится по последнему.

В «Отеч. зап.» (1845, т. XII, отд. V, стр. 35) Белинский поместил коротенький, ядовитый отзыв: «Стихотворение Н. Языкова, помещенное в «Библ. для воспит.» и теперь отдельно напечатанное. Хвала терпению тех, кто прочел его два раза. Мы не заслуживаем этой похвалы...»

В основе содержания этой поэмы Языкова лежит летописный рассказ, относящийся к 6476 (968) г., об освобождении Киева от печенегов во время пребывания Святослава в Болгарии. Некий юноша сумел пробраться через лагерь осаждающих на другой берег Днепра и известить об опасности находящийся там отряд Претича, который и прогнал печенегов. Имя отрока в летописи не названо. В. Я. Смирнов сопроводил эту пьесу курьезным примечанием: «Изображение в пьесе идеальных сторон древне-русской жизни, служивших в истории Руси опорою ее могущества и славы, представляет собою фактическое опровержение отрицательных взглядов западников относительно той же древней жизни» (op. cit., стр. 249).

327. *К. С. Аксакову* (Ты молодец! В тебе прекрасно).

Печатается по тексту в статье Жихарева («Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 46—47 (см. примечание к № 328); по предположению Н. П. Барсукова («Жизнь и труды Погодина», VII, стр. 467), относится к 1844 г. Автограф — неизвестен. Оно является, видимо, первым в ряду антизападнических инвектив Языкова («К не нашим», «Чаадаеву», «Шевыреву»).

Аксаков Константин Сергеевич (1817 — 1860) — старший сын С. Т. Аксакова — поэт, критик, филолог и историк, публицист, один из крупнейших основоположников славянофильства. Именно, Аксаков наиболее остро поставил вопрос о двух разных мирах: России и Запада. В России, по утверждению Аксакова, не было классовой борьбы, которой характеризуется Запад, в России же господствует стремление к христианскому смирению и политическому согласию. Русский народ — по формулировке К. Аксакова — предоставил всю полноту власти правительству, оставив себе внутреннюю свободу. Являясь одним из наиболее последовательных и непримиримых адептов славянофильских идей, Аксаков тем не менее пытался несколько отгородиться от правого крыла славянофильства. В этом отношении он, как и вся семья Аксаковых, боролся за влияние над Языковым. Западники очень ценили К. Аксакова, выделяя из окружавших его союзников. Блестящую характеристику Аксакова дает Герцен в «Былом и думах». «В его [Аксакова] убеждениях [было] не неуверенное пытание почвы, не печальное сознание проповедника в пустыне, не темное придыхание, не дальние надежды, а фанатическая вера нетерпимая, вытесняющая, одностороння, та, которая предваряет торжество. Аксаков был односторонен, как всякий воин; спокойно взвешивающим эклектизмом нельзя сражаться. Он был окружен враждебной средой, — средой, сильной и имевшей над ним большие выгоды, ему надобно было пробиваться рядом всевозможных неприятелей и водрузить свое знамя, какая тут терпимость.

Вся жизнь его была безусловным протестом против Петровской Руси, против петербургского периода во имя непризнанной, подавленной жизни русского народа. Его диалектика уступала диалектике Хомякова, он не был поэт-мыслитель, как И. Киреевский, но он за свою веру пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительны. Он в начале сороковых годов проповедывал сельскую общину, мир и артель. Он научил Гакстгаузена понимать их, и, последовательный до детства, первый опустил панталоны в сапоги и надел рубашку с красным воротом...» (А. Герцен, «Былое и думы», под ред. Л. Каменева, ГИЗ, 1931, т. I, стр. 456). Конец послания («Но ту же руку ты дружелюбно подаешь...») считают обычно направленным против Герцена (так думал и сам Герцен), однако Языков в одном из неопубликованных писем к сестре категорически заявляет, что под «блистательным лакеем» он имел в виду Грановского. Сам К. Аксаков был очень недоволен полемическим циклом Языкова.

328. *К не нашим* (О вы, которые хотите).

Печатается по списку альбома А. М. Языкова. Впервые было опубликовано Жихаревым в его статьях о Чаадаеве («Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 43 — 48), с опиской в ст. 15: «Восприниматель слезной». Разночтения по отношению к списку А. М. Языкова:

Ст. 32: Он странен, дик, он чужд для вас.
47: И не умеете вы с нею

Затем, как неизвестное в печати было опубликовано П. Бартеневым в «Русск. арх.» 1879, № 8, стр. 398 — 399, со следующей вступительной заметкой редактора: «Слишком тридцать лет назад, когда в московском обществе происходила борьба между приверженцами древне-русского просвещения и последователями западно-европейского образования, с обеих сторон было написано несколько произведений, не поступивших в печать. Некоторые из рукописных памятников этого умственного движения сохранились у Никиты Осиповича Эмина, бывшего свидетелем и участником тогдашних одушевленных бесед и горячих прений. К числу их принадлежат и нижеследующие стихи, у которых давность времени уже отняла оскорбляющее значение». Редакции «Русск. арх.» и альбома А. М. Языкова почти идентичны; разночтения только в ст. 4 «Русск. арх.»: Любовь не к истине не к благу». Датировка также одинакова в обеих редакциях: «6 декабря 1844 г.».

Списки этой пьесы довольно многочисленны; в рукописном отделении ИРЛИ хранится несколько списков этой пьесы: один из собрания М. Н. Лонгинова, другой принадлежал Н. А. Котляревскому. В списке Лонгинова рукой последнего сделаны примечания: 1. К словам «жалкой ли старик» — П. Я. Чаадаев; 2. «Сладкоречивый книжник» — Т. Н. Грановский. 3. «Поклонник темных книг и слов» — А. И. Тургенев. Причем первоначально примечание 1 относилось к Тургеневу, а 3 — к Чаадаеву, потом зачеркнуто и дана вышеприведенная редакция. Приурочение к А. И. Тургеневу очень сомнительно.

Стихи Языкова вызвали целую бурю в обществе. Об этом обличительном цикле Герцен упоминает и в «Былом и думах» и в «Дневнике». Это резкое послание вызвало отрицательное отношение и у некоторых представителей славянофильства. Если Гоголь и Погодин превозносили Языкова за эти стихи («Сам бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи «К не нашим»,—писал Языкову Гоголь), то другие из близких к Языкову лиц резко возражали и отмежевывались от этого послания.

Очень важным комментарием к этой пьесе служит письмо Языкова к сестре от 3 янв. 1845 г.: «При суждении моего посла-

ния «К не нашим» критики, может быть, и справедливы, — но, ведь, они вовсе не знают, в чем тут дело и что тут вовсе нет пристрастья: мне нужно было определить то, что знают те, к кому и для кого писано послание. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский, и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило, воспитало и еще [не разборч.] к воспитанию именно то, что они называют своим убеждением. Лекции Шевырева возбуждают в них злость не тем, что он часто обнаруживает непристойные стороны католицизма, а тем, что в этих лекциях зло и неосторожно видно, что наша литература началась не с Кантемира, а возникла с самою Россиею, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитию самой России до Петра. Шевырев в этом смысле просто открыл Америку, а его противники говорят, что они все это знали прежде: они не знали, не знают, не могут и не хотят знать всего, что было у нас писано до Петра и проч. и проч. А в защите правого и могу сказать чистого и даже святого дела — я никакой власти не вижу, какая бы форма этой защиты ни была: един бо дух божий и дух льстеч!»

329. *Элегия* (Есть много всяких мук и много я их знаю).

Печатается по тексту «Москвит.» 1845, ч. I, № 2, стр. 88, датировано: «декабря 7 дня 1844 г.»

«Седовласый врач, о котором упоминает Языков в последних строфах, — знаменитый в то время немецкий врач Копп, у которого лечился он во время пребывания за границей.

330. *К Чаадаеву* (Вполне чужда тебе Россия).

Печатается по списку А. М. Языкова (ИРЛИ). Впервые опубликовано Жихаревым в той же статье, где было воспроизведено послание «К не нашим» («Вестн. Европы» 1871, IX; см. примечание к № 325); затем — в «Русск. арх.» 1875, № 5, стр. III, со следующей припиской редактора: «Прошло более тридцати лет с тех пор, как написаны эти стихи, и от борьбы, их вызвавшей, не осталось ныне никаких личных следов, почему они и становятся достоянием словесной истории. Нам сообщены они братом поэта А. М. Языковым». В ИРЛИ хранятся еще списки этого послания: в альбоме А. М. Языкова и в архиве Лонгинова; есть список и в архиве Чаадаева (сообщено нам Д. И. Шаховским). В изд. Сув. воспроизведена редакция «Русск. арх.». И в ней и в ред. Жихарева ст. 17 читается: «Нам не смешно, нам не обидно»; также чи-

тается он и в списке Лонгинова, однако все остальные списки, в том числе и авторитетный список А. М. Языкова, совершенно ясно устанавливают чтение: «Как не смешно, как не обидно». В тексте, сообщенном Жихаревым, целый ряд разночтений:

Ст: 9: Ты все свое презрел и выдал
11: Но ты стоишь, красивый идол.
15: Твоей насмешливой гордыне
21 — 22: На все, на все, что нам священно,
На все, чем Русь еще жива.

Большинство списков датировано: «25 декабря 1844 г.».

Чаадаев Петр Яковлевич (1794 — 1856) — знаменитый писатель-философ. Среди современных общественных группировок разделял позиции прогрессистов западников и находился в решительной борьбе со славянофилами, особенно обострившейся в 40-х гг., когда было написано послание Языкова.

Основная концепция его изложена в «Философском письме», после опубликования которого в «Телескопе» (1836) он был объявлен по высочайшему повелению сумасшедшим, а поместивший его редактор выслан (на север). Герцен называл это письмо «обвинительным актом против России».

В «Философском письме» Чаадаев ставил вопрос об исторических судьбах России и решал его в тонах глубокого пессимизма. Он подчеркивает в нем изолированность России и ее органическую враждебность всякому истинному прогрессу. «Исторический опыт, — писал он, — не существует для нас; поколения и века протекали без пользы от нас... Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его, не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума и все, что нам досталось от прогресса, мы исказили».

Однако та же изолированность казалась ему залогом будущего, и в «Апологии сумасшедшего», написанной в 1837 г., его мысли о будущем России принимают мессианский характер. «У меня есть глубокое убеждение, — пишет, он — что мы призваны решить большую часть идей, возникших в старых обществах, и ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество». Этот мессианизм, который позже усвоили в той или иной форме некоторые западники, сближает его с славянофилами, что было уже очень четко подчеркнуто Плехановым (Сочинения, т. XXIII, М. 1926, стр. 20).

331. *А. В. Киреевой* (Я вновь пою вас: мне отрадно).

Печатается по автографу, хранящемуся в Публ. б-ке (древнехранилище Погодина); первоначально напечатано было в «Москвит.» 1845, № 3. Датировано в автографе и журнале: «Янв. 14 дня 1845». Список Щербины (см. №№ 324—325) идентичен автографу.

332. *П. В. Киреевскому* (Ты крепкий, праведный стоятель).

Печатается впервые по списку альбома А. М. Языкова. Датировано: «11 февр. 1845». Выражение «почтенный старец», конечно, шутка, так как Киреевскому в то время было всего 35 лет. «Старцем» П. Киреевский нередко именуется и в прочей дружеской переписке.

333. *Стихи на объявление памятнику историографу Николаю Михайловичу Карамзину* (Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный).

Печатается по тексту «Моск. сборн.» 1846. Написано, как это устанавливается неопубликованной перепиской (в ИРЛИ) в январе — феврале 1845 г. Печатание стихотворения встретило, однако, сильное противодействие со стороны гр. Строганова. Тогда Языков обратился в Петербургскую цензуру, которая и разрешила печатание отдельной брошюрой («Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину» (Посвящаются А. И. Тургеневу), 1845. В тип. Авг. Семена. В 8 д. л. 7 стр.). Стихотворение вызвало иронический отзыв Белинского («Отеч. зап.» 1846, т. 44, стр. 47; см. также Полное собр. соч., т. X, стр. 175): «Стихотворение в роде старинных од на торжественные случаи! Подлинно «ничто не ново под луною!» Оды были, оды и теперь есть; вся разница в форме, а не в сущности. Прежние оды не думали о народности и старались парить на манер Пиндара и Горация, двух отъявленных басурманов, которые даже и не знали ни о словенах ни о славянофилах! Теперь не то, г. Н. Языков, сочинитель «Стихов на объявление», не уступая нашим старинным певцам од ни в парении, ни в превыспренности, но превосходя их в риторике, — превосходит их еще в народности...» и т. д. Но вместе с тем Белинский отметил строки о Грозном, найдя их «очень энергическими», и приведя из них обширную цитату. Так как строки о Грозном были главным поводом к запрещению печатания стихотворения в Москве, то тот отзыв и особенно эта похвала очень встревожили московских друзей поэта. М. Погодин перепечатал в «Москвит.» (1846, № 1), в отделе «Новости», стихотворение

Языкова (с большими, правда, купюрами) со следующим «предисловием»: «Надеемся угодить нашим читателям, знакомя их вернее с вновь вышедшим стихотворением г. Языкова, изуродованным т. н. Отечественными Записками, которые, вырвав оттуда несколько отдельных стихов об Иоанне Грозном, назвали их енергическими в своем допесении публике, между тем как эти стихи только в соединении с другими могут быть допущены. Читатели видят, что донесение От. Зап., при всем известном их благородстве и благонамеренности неосновательны». Далее Погодин замечает по поводу самого стихотворения: «Не понимаем, кому принадлежит совершенно бессмысленное и безграмотное заглавие стихотворения: «На объявление памятника! Памятник не объявляет! Разве издатель или кто другой хотел сказать: «На объявление о памятнике!» Но и этого нельзя сказать, потому что объявление о сооружении памятника было сделано двадцать лет назад. Далее стихотворение не посвящено покойному А. И. Тургеневу, а надписано». Однако в «Моск. сборн.» стихотворение появилось под тем же заглавием и с тем же посвящением. Строганов пытался опротестовать действия петербургского цензурного комитета, однако гр. Уваров (министр народного просвещения) подтвердил разрешение, заявив, что не находит в стихотворении «ничего непозволительного, кроме нескольких резких выражений в характеристике Иоанна Грозного». «Впрочем, — писал он, — как в этом изображении представляется в кратких чертах то, что со всеми подробностями изображено в истории Карамзина, то не могу обвинять Петербургского цензора за дозволение этого стихотворения». (Н. Барсуков, «Жизнь Погодина», т. VIII, стр. 211). Открытие памятника Карамзину в Симбирске в 1845 г. было большим триумфом славянофилов, которым удалось добиться приглашения на торжество, в качестве докладчика, Погодина. Попытки самого Погодина и славянофилов получить командировку на открытие памятника от министерства народного просвещения или от Академии Наук оказались безрезультатными, и тогда братьям Языковым (А. М. и П. М.) удалось организовать приглашение Погодина от имени симбирского дворянства. На торжественном обеде после открытия памятника, отвечая на тост в его честь, Погодин ответил тостом за культурное симбирское дворянство: «Да процветет Симбирск! Да являются отсюда беспрерывно к славе отечества преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых («Москвит.» 1845, № 9). Речь Погодина была очень заострена славянофильски. (Она напечатана в «Москвит.» 1846, № 1, под заглавием «Историческое похвальное слово Карамзину,

произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске Августа 23, 1845 г. в собрании Симбирского дворянства академиком Погодиным»). Центральным моментом, вызвавшим шумные восторги слушателей, были слова о «русском духе», который проявился в «предприятии Карамзина»; сравнивая дело Карамзина с действиями Петра, Ломоносова, Суворова, Погодин говорил: «Это — дух всей русской жизни; это дух — не Карамзина, не Петра, не Ломоносова, не Суворова, это — дух русского человека, тот самый дух, перед которым понижаются альпийские горы, заравниваются кавказские пропасти, которого ничто не устрашает, которому нигде не бывает препон, тот дух, который, мы ученые, полуученые, а больше всего недоученые, всеми силами стараемся погасить в латинских формах и немецких формулах, но который, однако ж все еще жив, потому что живущ, а бог милостив...»

Ст. 52 — цитата из Озерова.

334. *А. С. Хомякову* (Прими ты мой поклон заздравный).

Печатается по списку ИРЛИ из собрания М. Н. Лонгинова. Текст списка датирован: «мая 1 дня 1845, Москва». Первоначально было опубликовано в «Русск. арх.» 1886, № 9, стр. 126 («Из стихотворного сборника старого времени») и перепечатано в изд. Сув. Ст. 49 — 52 в печатных воспроизведениях отсутствуют. В списке Лонгинова сделаны примечания, указывающие, что ст. 8 следует относить к Грановскому, а 27 — к Герцену.

Хомяков Алексей Степанович (1804 — 1860) — один из крупнейших деятелей и вождей славянофильства, поэт и публицист-теоретик, блестящий спорщик. Разрабатывал главным образом религиозно-философские проблемы. С Языковым находился не только в большой дружбе, но и в свойстве, так как был женат на его сестре, Екатерине Михайловне Языковой (см. примечание к следующему номеру). Герцен утверждал, что полемические послания Языкова написаны главным образом под влиянием Хомякова. В первый период связей с московскими славянофилами Герцен был склонен считать Хомякова в одном ряду с К. Аксаковым и Киреевским, резко отделяя его от Погодина и Шевырева, за что получил резкую отповедь от Белинского. В начале XX в. были сделаны попытки реставрации идейного наследства Хомякова (Бердяев, Булгаков, Аскольдов). Бердяев, напр., объявил Хомякова «первым русским мыслителем, указавшим верный путь нашей самостоятельной философии».

Стихи об «общем нашем недоброхоте», «творце бессмыслиц вопиющих» и т. д. относятся, как это уже предположил Н. Л.

Бродский («Печ. и рев.» 1923, IV, стр. 24 — 25) к В. Белинскому. Неправильно только утверждение последнего, что послание к Хомякову — ответ на статью Белинского о Крылове. Это послание, конечно, навеяно другой статьей Белинского: «Русская литература в 1844 году», где критик подробно разбирает стихи Языкова и Хомякова; отсюда и выражение: «общий наш недоброхот»; что же касается статьи о Крылове, которая появилась в печати без подписи, то Языков считал ее автором Тургенева (неопубл. переписка в ИРЛИ).

335. *К сестре Е. М. Хомяковой* (Дороже перлов многоценных).

Первоначально опубликовано в «Москвит.» 1845, ч. II, № 4, стр. I, под заглавием: «В альбом», и с датой: «1 мая 1845», откуда и перепечатано с тем же заглавием в изд. Перевлес. (т. II, стр. 275); в изд. Сув. озаглавлено: «Е. М. Хомяковой». Автограф опубликован в 1928 г. в статье Б. Шапошникова («Искусство» 1928, IV). В автографе пьеса озаглавлена: «К сестре К. М. от Н. М. Языкова». Б. Шапошников ошибочно считал пьесу неизданной. Все известные редакции разночтений не имеют и отличаются только в пунктуации. В наст. изд. печатается по тексту, воспроизведенному в журнале «Искусство».

Екатерина Михайловна Языкова, по мужу Хомякова — младшая сестра поэта. (Ей же посвящено стихотворение «Молитва», 1835). Помимо отчетливо сформулированных воззрений на задачи женщины и жены (ср. «Послание к А. В. Киреевой»), в послании к сестре Языков дает высокую оценку славянофильского лидера (...меж старейшинами града он знатен мудростью речей... и т. д.).

336. *И. С. Аксакову* (Прекрасны твои песнопенья живые).

Напечатано впервые в «Современ.» 1846, т. XI, и в этой же редакции перепечатано в изд. Перевлес. (т. II) и Сув. В наст. изд. воспроизводится по автографу ИРЛИ, датированному: «2 ноября 1845 г.». Печатный текст имеет ряд разночтений, вызванных отчасти цензурой, отчасти и художественными соображениями:

Ст. 1—2: Прекрасны твои песнопенья живые,
И сильны, и чисты, и звонки они:
7: Живи ты высокою жизнью поэта
13—14: В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и ею полна
24: Ни хитрая кошка, ни критик осел.

Аксаков Иван Сергеевич (1823 — 1886) — младший сын С. Т. Аксакова, впоследствии видный славянофильский публицист. В 50-х гг. редактировал ряд газет («Парус», «День», «Молва»), в которых развивал умеренно-либеральную программу на славянофильской основе. Выступал с резкими разоблачениями злоупотреблений администрации, оставаясь, однако, всегда на монархических позициях, не принимая даже западно-европейского буржуазного парламентаризма. После польского восстания стал одним из наиболее ярких выразителей националистической политики. В 1845 г. (дата послания к нему Языкова) И. С. Аксаков служил в Калуге, где пытался осуществить свои идеи на действительной службе.

На это послание Аксаков отвечал также стихами (см. Приложения). Но чере̇з некоторое время он писал отцу: «Теперь, когда я понял, что послание Языкова ко мне просто шутка, мне очень досадно, что я ответил так важно и так серьезно». («И. С. Аксаков в его письмах», ч. I. Учебные и служебные годы, т. I. Письма 1829 — 1848 гг., М. 1888, стр. 282 — 299, и прилож., стр. 70).

337. *К баронессе Е. Н. Вревской* (Я помню вас, вы неизменно).

Впервые было опубликовано в «Русск. бес.» 1859, № 5; в изд. Сув. оказалось пропущенным. Напечатано Б. Л. Модзалевским по автографу, обнаруженному им в Тригорском в одной из книг Е. Н. Вревской (Б. Л. Модзалевский, «Поездка в Тригорское», «Пушкин и его современники», вып. I, 1899). Автограф датирован: «11 ноября 1845». В Яз. арх. (ИРЛИ) имеется список этого послания; с этого списка, очевидно, эта пьеса и была опубликована в «Русск. бес.». По данному тексту воспроизводится в наст. изд. От текста, опубликованного Б. Л. Модзалевским, он отличается чтением ст. 13: «Пророк свободы» вм. — «Певец свободы».

В «Русск. стар.» 1903, № 3, стр. 494 — 496, опубликован ряд писем Языкова к Вульфу, касающийся этого послания. Опубликование его в «Русск. бес.» вызвало отзыв министра народного просвещения, который указал, что не следовало бы «допускать в печати наименования покойного поэта Пушкина опальным пророком свободы» («Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 43 — 44).

338. *С. П. Шевыреву* (Тебе хвала и честь и слава).

Печатается по тексту «Современ.» 1846, т. XLII, стр. 117. В рукописном отделении ИРЛИ имеются два списка: один —

в альбоме А. М. Языкова, другой — среди прочих бумаг Яз. арх.; списки дают незначительные разночтения.

Список альбома А. М. Языкова:

Ст. 25—26: Не слушай их, ты будь покоен,
Ты не смущайся их молвой.

Список Яз. арх.:

Ст. 5: В нас самобытная, родная
24—26: А совесть их прокажена
Не слушай их, ты будь спокоен,
Ты не смущайся их молвой,

Шевырев Степан Петрович (1806 — 1864) — профессор истории русской словесности, поэт и критик. Вместе с Погодиным являлся представителем наиболее реакционной части славянофильства. Именно Шевыреву принадлежит известная формулировка основных чувств русского народа, которые позволяют противопоставлять Россию Западу и в которых лежит залог его будущего развития: чувство религиозное, чувство государственного единства и чувство народности. Вместе с Погодиным Шевырев принадлежал к числу лиц, оказавших наибольшее идеологическое влияние на Языкова. Послание к нему написано под впечатлением публичных лекций последнего в Московском университете о древне-русской словесности. Лекции эти были задуманы и читаны как противовес знаменитым «западническим» лекциям Грановского. Первоначально известное в рукописи, стихотворение это (см. примечание к № 324) вызвало гневные отклики западников и восторженные — правой части славянофильства, особенно Погодина и Гоголя. «Стихотворение «Шевыреву»,— писал последний поэту, — очень сильно и станет недалеко от «К ненашим», а может быть, и сравнится даже с ним». Лекции Шевырева посвятил издевательскую статью Герцен «Ум хорошо, а два лучше» («Отеч. зап.» 1844, перепечатано в Полном собр. соч., т. III). Блестящая характеристика Шевырева сделана Чернышевским.

339. *Романс* (Угрюм стоит дремучий лес).

Печатается по тексту «Современ.» 1846, т. XLII, стр. 367. Датировано: «1846 г.». Дружеская шутка по адресу К. Аксакова.

340. *К. Павловой* (В достопамятные годы).

Печатается по тексту «Современ.» 1846, т. XLIII, стр. 220, под заглавием: «К...К... П——вой»; дата: «28 апреля,

1846 г.». К. Павлова была в числе тех, кто очень отрицательно отнессся к полемическим посланиям Языкова. Попытка Языкова восстановить этим посланием старые отношения успеха не имела: К. Павлова отвечала замечательным стихотворением:

Нет, не могла я дать ответа
На вызов лирный, как всегда

(см. Приложения). Некоторые исследователи ошибочно считают эту пьесу К. Павловой ответом на «К не нашим,» она написана в 1846 г. и, несомненно, является ответом на последнее послание к ней Языкова.

341. *Липы* (На пурпуре ленивки драгоценной).
Написаны в апреле 1846 г. Были переданы брату А. М. с посвящением ему повести — для передачи Погодину, однако цензура не пропустила. «Московская цензура, — пишет он брату в письме от 21 апр., — не только не пропустила моих «Лип», но и сказала, что сочинений подобного духа не должно и представлять в нее» («Русск. стар.» 1903, № 3, стр. 538). В печати появились только в 1859 г. в сборнике «Утро»; по этому тексту печатается в наст. изд.

342. *Сампсон* (На праздник стеклися в божницу Дагона).
Печатается по тексту «Моск. сборн.» 1846 (стр. 338), датировано: «1846 мая 1 дня». Автор реакционной книги об Языкове, В. Я. Смирнов делает следующее курьезное примечание к этой пьесе: «В этом стихотворении Языкова также нельзя не видеть намека на выдающихся по своим умственным силам представителей западнического направления, отторгшихся вследствие своих «предательских мнений и святотатственных снов» от народной правды и заветов отечественной истории» (стр. 248). Конечно, едва ли бы Языкову пришло в голову изображать западников в виде могучего библейского богатыря.

НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

343. *Сияет яркая полночная луна.*
Впервые было опубликовано в «Москвит.» 1848, № 5, стр. 44, под заглавием: «Об ней»; в изд. Переелес. не вошло, почему и было вновь опубликовано, как неизданное, в «Русск. бес.» 1859, т. III, под заглавием: «К...» Автограф (без заглавия) — в ИРЛИ; там же список в альбоме А. М. Языкова — также без заглавия. Печатается по автографу. Фактура

стиха характерна для последнего периода жизни Языкова, к этому же периоду относил пьесу и редактор Сув. изд.

344. *Увенчанный и пристыженный вами.*

Впервые опубликовано Ю. Н. Верховским по автографу, хранившемуся в собрании С. А. Рачинского (Е. А. Боратынский, «Материалы для биографии». Под редакцией Ю. Н. Верховского, 1916). К какому времени относится и кому посвящено, установить не удалось.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

(Стихотворения, написанные совместно с Ив. Киреевским)

1831

345 (Куплеты для водевиля «Вавилонская принцесса»). Печатаются впервые по списку, сделанному А. П. Елагиной (Лен.б-ка), — письмо к А. А. Елагину от 6 августа 1831 г.: «В день отъезда твоего или на другой день играли на театре в Ильинском не выученную комедию, потому что ни один из актеров не знал ни строчки своей роли, особливо Лазарева, а impromptu фарсу; Ванюша, Бакунин и Петерсон отличились, Петерсон был директором своего театра и набирал труппу; смешнее этой карикатуры, которую он себе сделал, выдумать нельзя; Ванюша [Ив. Киреевский] и Бакунин приходили в разных костюмах и морили всех со смеху; Лазарева, которая премило всюду способствовала, пела, декламировала и, наконец, от смеха чуть не... Спектакль преузорочной и Ильинское долго помнить будет подвиги жителей своих: бурмистр был особенно в восхищении. Это представление воспламенило представителей: теперь другая пьеса, и вся сочиненная Киреевскими и Языковым, будет 8 августа играться в замке. Бакунин же, огорченный, что ему нет роли, предложил завести Академию, и наши все охотно подписались в действительные члены оной. Пришли статью, так мы изберем и тебя заочно. 4 августа мы пили чай и ужинали у Бакуниных. Все разобрали себе роли разных характеров. Ванюша был сперва военным, потом судьею; Петерсон — ученый, Бакунин — и все esprit и забросал каламбурами, я — журналист и пр. и пр. Вот, между прочим, стихи, которые чорт будет петь 8 августа». Далее на отдельном листке куплеты чорта и на другом листе остальные.

В «Материалах для биографии И. В. Киреевского» В. А. Елагин сообщает, что в 1831 г. Ив. Киреевский совместно с Языковым «написал фарсу» под названием «Вавилонская

принцесса», где проза перемешалась со стихами. Несомненно, это и есть та пьеса, о которой сообщает А. П. Елагина. Подтверждение этой гипотезы в письме ее же от 14 марта, где она описывает мужу уже состоявшийся спектакль и в котором упоминает, между прочим, что Маша [Мария Васильевна Киреевская] играла роль «Вавилонской принцессы». Об этом спектакле вскользь замечает в своих воспоминаниях об А. П. Елагиной К. Д. Кавелин (Собр. соч., т. III, стр. 1127).

В архиве ИРЛИ среди различных бумаг В. А. Жуковского имеется черновой автограф Языкова I, III и IV куплетов. Автограф VI отличается от окончательного списка Елагиной чтением ст. 17:

Где господствовал Амур

в III — переставлены последняя и предпоследняя строфы.

На обороте страницы с текстом куплетов имеются записи (не рукой Языкова), имеющие, несомненно, отношение к данному спектаклю:

Luise d'
Costume de pecheur et de chevalier
Ris — une scene
flamme — costume de sorcier,
Oriflamme — costume de Jeanne d'Arc

На другом сгибе:

Vers — terre
стихи — земля romantique
дом сумасшедших
romantique
Папа — Геба — пера — Амур — Магомет — ведьма

М. Н. Лонгинов сообщает («Моск. вед.» 1858, № 14; перепеч.: Сочинения, т. I, стр. 520—526), что стихотворение, напечатанное в «Деннице» на 1831 г. («Хор из трагедии «Андромаха») за подписью «ва», также является плодом коллективного творчества Языкова и Ив. Киреевского, однако никаких доказательств в пользу этого утверждения не дано. М. О. Гершензон считал автором этой пьесы одного Ив. Киреевского и включил ее в текст Полного собр. соч. последнего (изд. 1911, т. II, стр. 211). Указания Лонгинова вообще не всегда достаточно точны, так, напр., он (в той же заметке) приписывает Языкову послание «К фон-дер-Боргу», напечатанное в «Нов. лит.» (1823, ч. III, кн. 5) за подписью *Я;* между тем последнее принадлежит В. М. Княжевичу.

Подпись: «ва», которой воспользовался Киреевский в «Деннице», вообще больше ни разу не встречается под его произведениями; не пользовался ею и Языков, но она встречается у Каролины Павловой (напр., в «Отеч. зап.» 1839 г.).

DUBIA

346. [*Эпиграмма на графа Строганова*]. (Про графа Строганова слава).

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ): письмо к сестре от 17 января 1846 г. По контексту нельзя точно установить, сообщает ли Языков свою эпиграмму или сочиненную кем-то другим. Но более оснований считать эту эпиграмму, принадлежащей самому Языкову, в то время крайне раздраженного против Строганова в связи с запрещением в Москве его стихов «На объявление памятника Карамзину», пропущенных позже в Петербурге (см. примечание к № 333).

Граф Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882)— попечитель Московского университета; на фоне Николаевской бюрократии выделялся как культурный и либеральный (конечно, весьма умеренный) администратор. В истории Московского университета сыграл некоторую положительную роль, — в частности, значительно содействовал обновлению профессорского состава и решительно поддержал группу западников, чем и объясняются нападки славянофилов. Позже, уже будучи членом Государственного совета, примкнул к наиболее реакционной группировке, явившись соратником М. Н. Каткова и графа Д. А. Толстого.

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЯЗЫКОВУ

1. Напечатано в «Невск. зрит.» 1820, ч. II, апрель, стр. 62. Подпись можно расшифровать как А. Бальдауф, (брат впоследствии известного сибирского поэта Ф. И. Бальдауфа; в то время воспитанник Горного кадетского корпуса, где учился вместе с Языковым и Кулибиным).

2. Напечатано в «Соревноват.» 1823, ч. XXI, стр. 58—59; перепечатано в «Нов. лит.» 1824, кн. VII, стр. 79. Этот сонет является начальной датой литературного признания Языкова. «Певец *Пиров* — Боратынский».

3. Впервые напечатано в неполном виде и с цензурными изменениями в «Литературной газете» 1830, № 16, под заглавием: «Отрывок из послания к Языкову», 1824, Михайловское. В полном виде было опубликовано Ефремовым только в 1868 г. в журнале «Современное обозрение» (1868, № 5) по копии М. Корфа. Список Корфа имеет дату: «20 сент. 1824 г. Михайловское». На это послание Языков ответил своим первым посланием к Пушкину (см. № 77).

4. Впервые напечатано в «Моск. вестн.» 1827, ч. III, № 9, под заглавием: «К Яз...»; затем в «Стихотворениях Александра Пушкина», 1829, ч. II, где датировано 1826 г. Автограф — в рукописном хранилище Всесоюзной библиотеки имени Ленина — с пометкой: «28 авг. Ответ на второе послание Языкова к Пушкину» (см. № 146).

5. Впервые напечатано в «Сев. цветах» на 1829 г., под заглавием: «К Я.», без подписи. Подлинник в письме к Языкову от 14 июня 1827 г. После текста послания следует: «Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Простите. Хотел бы сказать до свидания».

6. Четвертая глава «Евгения Онегина» впервые была опубликована в 1828 г. отдельным изданием: «Евгений Онегин. Роман в стихах: Сочинение Александра Пушкина. Гл. IV и V». Спб. 1828. Строфы об Языкове и Тригорском из «Путешествия» впервые опубликованы П. Бартеневым только в 1887 г. («Русск. арх.» 1887, I, стр. 148).

7. Напечатано впервые в «Европейце» 1832, № 2, стр. 204 — 205; позже Тургенев перепечатал его в «Современ.» 1854, № 10. Относится к 1831 г. В академическом издании М. Л. Гофман опубликовал эту пьесу с ошибкой в ст. 19: «Счастливец, славить ты в правах» вм. — «Славишь ты в пирах», что было уже отмечено в специальной заметке Н. О. Лернера. Боратынский был недоволен этим посланием и очень сожалел, что не мог приостановить печатание его.

8. Напечатано впервые в изд. стихотворений Боратынского 1835 г. Начало печатного текста значительно отличается от первоначальной редакции, сохранившейся в бумагах Языкова (ИРЛИ); текст последней читается следующим образом:

Плющем и гроздием венчая
Чело высокое свое,
Бывало муза молодая
С тобой разгульное житье
И удалую радость пела,
И с ней безумна и слепа,
То забываясь, пламенела
Любовью грубая толпа

и т. д. уже без разночтений, за исключением последнего стиха, который в списке ИРЛИ читается: «Мою царицу и свою».

9. Впервые напечатано в «Славянине» 1827, IV, ст. 30 — 32, как ответ на послание Языкова (см. № 168).

10. Напечатано в «Моск. вестн.» 1830, IV — ответ на второе послание Языкова (см. № 197).

11. Печатается по автографу в бумагах Языкова (ИРЛИ); частично было опубликовано Е. В. Петуховым (Яз. арх., стр. 484). Василий Мызников — провинциальный педагог и поэт; его стихи изредка появлялись на страницах журналов.

12. Печатается впервые (?) по автографу в бумагах Языкова (ИРЛИ). Ответ на послание Языкова (см. № 259).

13. Напечатано впервые в «Новоселье» 1834 (См. послание к Вяземскому Языкова: № 312 и примечание).

14. Напечатано в Полном собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. XI, стр. 8 — 9. Датируется 1853 г. Следующие главы «Поминок» посвящены: 2 — Гоголю, 3 — Жуковскому, 4 — Дельвигу, 5 — А. Перовскому, 6 — Пушкину (неокончена).

15. Первоначально напечатано в журнале М. П. Погодина «Русский» 1867, № 6 — 7. Относится к 1864 г. 10-я строфа имеет в виду последнее распоряжение поэта, о котором, между прочим, подробно рассказывает в некрологе последнего С. Шевырев: «Русское хлебосольство — также черта его характера — видно в последних его распоряжениях. Он заказал все блюда похоронного своего обеда и поручил брату пригласить друзей его и знакомых».

16. Впервые опубликовано в «Москвит.» 1841, № 2. Ответ на послание «Забыли вы меня» (см. № 290).

17. Впервые опубликовано в сб. «Литерат. вечер» 1844 и перепечатано в «Моск. сборн.» на 1847 г. вслед за посланиями самого Языкова (см. № 297). Датировано: «Гиреево, июнь, 1842». К стиху «Уж и другой лечь в гроб успел» сделано примечание: «Первый — Пушкин, другой — Лермонтов; был после того третий — Боратынский. Наконец, и того уже не стало между нами, к кому обращены эти стихи...»

18. Впервые опубликовано в «Моск. обозр.» 1847.

19. Впервые опубликовано в «Моск. сборн.» 1848. Ответ на последнее послание Языкова Ст. 2 исправлен по тексту, опубликованному Жихаревым («Вестн. Европы» 1871, IX): «лирный» вм. — «мирный», как в «Моск. сборн.» и последующих изданиях; автографа этой пьесы не сохранилось.

20. Напечатано в «Московском наблюдателе» 1836, № 2.

21. Напечатано первоначально без подписи автора в «Современ.» 1837, перепечатано в книге стихов:

П. Ф. Алексеев, «Лирические песни и сказки», Дерпт, 1840. Рукопись этого сборника хранится ныне в Публ. б-ке среди бумаг Дириной.

22. Напечатано в изд.: «И. С. Аксаков в его письмах к родным», М. 1887. Ответ на послание Н. М. Языкова (см № 336).

23. Печатается впервые по рукописному тексту в бумагах Языкова (ИРЛИ). Стихотворение не подписано и не датировано. По всей вероятности, принадлежит В. Н. Анненковой и является, очевидно, сопроводительным посланием при книге стихов, вышедшей в 1844 г. (В. Н. Анненкова, «Для немногих»). При таком толковании вполне объясняются начальные строки послания Языкова к Анненковой:

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос

и далее:

В те дни, в златые дни быть может,
И стоил этих двух венков...

т. е. двух подарков: книги стихов и послания.

24. Печатается впервые по автографу в бумагах Языкова (ИРЛИ). С. Н. Николаевский — провинциальный поэт; в 1849 г. выпустил «Ярославский литературный сборник», где, между прочим, опубликовал свои воспоминания об Языкове.

25. Напечатано в книге стихов: Н. Арбузов, «Стихотворения», 1854.

26. Печатается впервые по автографу, принадлежащему Н. П. Киселеву. Я. Н. Толстой — соучастник Пушкина по «Зеленой лампе», близкий декабристам, а позже ставший за границей агентом-осведомителем русского правительства. По сообщению Н. П. Киселева, когда Перевлесский предпринял издание первого полного собрания стихотворений Языкова, он обратился к проживавшему тогда за границей Н. Д. Киселеву с просьбой о предоставлении ему неопубликованных стихотворений Языкова, которые в большом количестве находились у Киселева. Посредником между Перевлесским и Киселевым был Я. Н. Толстой. Настоящее «послание» написано при отправке Перевлесскому стихотворений Языкова, полученных от Киселева.

II. ПАРОДИИ

1 — 2. Напечатаны Н. Н. Полевым в «Моск. тел.» 1829, ч. 29, Смесь; перепечатаны в «Новом живописце», ч. 2, стр. 225 — 228.

3. Напечатано в «Собр. стихотворений нового поэта», Спб. 1855, стр. 6; см. также Полное собр. соч. И. И. Панаева (по изд. 1912 г., т. V, стр. 729).

4 — 5. Напечатаны в «Литературной газете» 1844, № 28, и 1845, № 5. Принадлежность Некрасову и пародическое их значение установлены К. И. Чуковским (см. Полное собр. соч. Н. А. Некрасова, 1930; примечания К. И. Чуковского, стр. 523).

6. Напечатано в «Искре» 1860, № 37. Автор — Ник. Курочкин, писавший под псевдонимом: Преображенский. Н. Л. Гнут — популярный сотрудник «Искры», пародист; настоящая фамилия — Н. Л. Ломан. Подчеркнутые строки являются подлинной цитатой из «Элегии» Н. М. Языкова (см. № 111).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I. Тексты. II. Материалы для истории текста. III. Письма Н. М. Языкова и к Н. М. Языкову. IV. Некрологи и воспоминания. V. Критические отзывы современников. VI. Позднейшие критические отзывы и историко-литературные работы. VII. Материалы для биографии. VIII. Биографические мелочи.

I. ТЕКСТЫ

Стихотворения Н. Языкова, Спб. 1833. На титуле эпиграф:

Wer das Dichten will verstehen,
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen

Goethe

56 Стихотворений Н. М. Языкова, М. 1844.
Новые стихотворения Н. М. Языкова, М. 1845.
Н. М. Языков. Отрок Вячко, М. 1845.
Н. Языков. Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину, Спб. 1845.
Жар-Птица. Драматическая сказка Н. М. Языкова, Спб. 1857. Предисловие П. Перевлесского.
Стихотворения Н. М. Языкова. При них приложены его портрет, facsimile, сведения о его жизни и значении и написанное о нем в разных периодических и других изданиях, ч. I — II, Спб. 1858. [Предисловие и редакция проф. П. Перевлесского].
[Стихотворения Языкова] «Полярная звезда», V, Лондон, 1859.
Русская потаенная литературе XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая с предисловием Н. Огарева. Лондон. Trubner etc., Pater-noster Row. 1861.

Стихотворения Н. М. Языкова, М. 1887.
Стихотворения Н. М. Языкова, т. I — II. Дешевая библиотека А. С. Суворина, №№ 203 — 204, Спб. 1898, с портретом и биографией [под ред. А. А. Флоридова].
Родные поэты. Николай Языков. С приложением его стихотворений (На второй обложке: Николай Михайлович Языков (1803 — 1846). Биографический очерк поэта с приложением его стихотворений, М. 1901.
Н. М. Языков. Жар-Птица. Драматическая сказка. Изд. книгопродавца Клюкина [1901]. В серии «Библиотека сказок».
Н. М. Языков. Лирические стихотворения. Со вступительной статьей Вадима Шершеневича. Акционерное общество «Универсальная библиотека», № 1197 — 1198, М. 1916.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Ефремов П. А. Рецензия на изд. Перевлес. «Библиогр. зап.» 1858, т. I, № 14.
Лонгинов М. То же. «Моск. ведом.» 1858, № 14 [вошло в Полн. собр. соч., т. I, Спб. 1915].
Семевский М. И., Поездка в Тригорское. «СПБ. ведом.» 1866, №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175.
Семевский М. И. Н. М. Языков. Новые стихотворения. «Русск. арх.» 1867, стр. 712 — 748.
Семевский М. И. Альманах «Звездочка» 1826 г. «Русск. арх.» 1869, 053—060.
Княжевич В. М. Два стихотворения Н. М. Языкова. «Русск. арх.» 1871, №№ 7 — 8, стр. 712 — 748.
Жихарев С. П. П. Я. Чаадаев. «Вестн. Европы» 1871, IX, стр. 43 — 48.
Киреевский С. И. Ник. Мих. Языков. «Русск. стар.» 1886, № 6, стр. 171 — 172.
Из собрания автографов В. Н. Поливанова. «Русск. стар.» 1887, X, стр. 224—225.
Отчет Имп. публ. б-ки за 1892 г., Спб. 1895, стр. 164 — 165.
Литературная находка. «Ист. вестн.» 1901, X, 363 — 365 [перепечатка заметки Юкельсона из «Нов. вр.» 1901, № 9148].
Бычков И. А. Из неизданных стихотворений и писем Н. М. Языкова. «Русск. стар.» 1903, № 3, стр. 477 — 496.
Модзалевский Б. Л. Поездка в Тригорское в 1902 г. «Пушкин и его совр.», вып. I, Спб. 1906, стр. 190.

Модзалевский Б. Л. Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожденной графини Комаровской. «Пушкин и его совр.», вып. XI, Спб. 1909, стр. 79 — 84.
Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева. «Изв. отд. русск. яз. и слов.» 1910, т. XV, вып. IV, стр. 200—221.
Отчет Имп. публ. б-ки за 1902 г. Спб. 1910.
Флоридов А. А. Н. М. Языков (заметка). «Русск. арх.» 1911, № 8, стр. 512 [По поводу Отчета Имп. публ. б-ки за 1902 г.].
Бычков И. А. Из неизданных стихотворений Н. М. Языкова и В. А. Жуковского. «Изв. отд. русск. яз. и слов.» 1911, т. XVI, вып. 2, стр. 1—41.
Лернер Н. О. Из поэтического наследия Пушкина. I. Нравоучительные четверостишия Пушкина и Языкова, «Сев. зап.» 1913, № 4, стр. 116 — 119.
Языковский архив... см. отд. III.
Соловьев Н. В. История одной жизни, ч. II. «Бумаги Воейковой». «Русск. библиоф.» 1915, № 8, стр. 39 — 60. Отд. изд.
Буш В. В. Из альбома Кулибина. «Русск. библиоф.» 1916, № 4, стр. 79 — 82.
Верховский Ю. Н. Е. А. Боратынский, М. 1916 [стр. 18].
Н. М. Языков. Аделаиде. С объяснениями А. С. Полякова. «Радуга», П. 1922, стр. 63 — 67.
Лернер Н. О. Недостающие стихи в первом послании Н. М. Языкова к Пушкину. «Пушкин и его совр.», т. XXIX — XX, стр. 8 — 10.
Н. М. Языков [Стихотворение памяти Рылеева]. С примечаниями Н. В. Измайлова. «Атеней». Историко-литературный временник. Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л. 1926, стр. 11, 30 — 33.
Н. П. [Пенчковский Н. Н.]. Из короба собирателя. «Красн. панорама» 1927, № 41 (от 21 янв.).

III. ПИСЬМА Н. М. ЯЗЫКОВА и К Н. М. ЯЗЫКОВУ

Чижов Ф. В. Письмо к Н. М. Языкову. «Современ.» 1846, т. XLIII, стр. 251—269.
Кулиш П. Записки о жизни Гоголя, т. II, Спб. 1856 (гл. XXII: переписка с Языковым).
Письма Н. М. Языкова к Н. Н. Шереметевой. «Библиогр. зап.» 1858, № 20.

Семенский М. И. Новые стихотворения и письма... см. отд. II.

Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине. «Ист. вестн.» 1883, № 12, стр. 520—542.

Садовников Д. Н. Письма Пушкина к Н. М. Языкову. «Ист. вестн.» 1884, № 4, стр. 323 — 328.

Письма Ден. Вас. Давыдова к А. М. и Н. М. Языковым. «Русск. стар.» 1884, № 7, стр. 131 — 148 (перепечатано в Собр. соч. Д. В. Давыдова. Изд. 3-е, 1884).

Письма А. С. Хомякова. «Русск. арх.» 1884, III, вып. 5, стр. 202—210.

Шенрок В. и Гатцук А. А. Николай Васильевич Гоголь в его неизданных письмах. «Русск. стар.» 1889, № 1, стр. 148—158. (VI. Н. В. Гоголь и Н. М. Языков, стр. 148—153; VII. Пропущенные места в письмах Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову, стр. 133—158).

Шенрок В. И. Письма Н. М. Языкова к Н. В. Гоголю. «Русск. стар.» 1896, № 12, стр. 617 — 647.

Письма Н. В. Гоголя. Под ред. Шенрока, ч. I — IV, Спб. 1902, см. также Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. «Просвещение»; изд. Брокгауз и Эфрон, под ред. В. В. Каллаша, т. IX — X, и др. изд.

Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к брату его Александру Михайловичу. «Русск. стар.» 1903, № 3, стр. 529—539.

Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. Спб. 1903, стр. 234—235 (Письмо Языкова Пушкину от 1 — VI — 1836).

Письма кн. П. А. Вяземского Н. М. Языкову и А. И. Тургеневу. «Старина и новизна», XIV, 1911, стр. 508—513.

Сочинения Пушкина. Изд. Академии Наук. Переписка под ред. и с примечаниями В. И. Саитова, тт. I — III, Спб. 1906. Письма Пушкина к Языкову и последнего к Пушкину.

Письма Пушкина см. также в различных полн. собр. соч.: изд. А. С. Суворина, под ред. П. А. Ефремова, т. VIII; изд. «Просвещение», под ред. П. О. Морозова, т. X; изд. Брокгауз и Эфрон, под ред. С. А. Венгерова, т. VI, и др. Отдельное изд. писем: Пушкин. Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I—II,—М.—Л., ГИЗ, 1928; т. III печатается.

Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за Дерптский период его жизни (1822 — 1829), под ред. и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова, изд. Отд. Русск. яз. и слов. Академии Наук, Спб. 1913.

В приложениях:

I. Воспоминания А. Н. Татаринова об Н. М. Языкове (1857), II. Письмо В. Ф. Федорова Н. М. Языкову (1829), III. Письмо Н. М. Лунина к Н. М. Языкову (1829), IV. Из писем Н. М. Языкова к А. Н. Вульфу (1827 — 1829), V. Н. М. Языков (начало статьи Д. Садовникова), VI. Об альбомах с автографами стихотворений Н. М. Языкова, VII. Из библиографии о Н. М. Языкове за Дерптский период его жизни, VIII. Из родословной Языковых.

Рец.: Н. О. Лернер. «Русск. библиоф.» 1914, I, стр. 84 — 85.

Филиппович П., Жизнь и творчество Е. А. Боратынского. «Унив. изв.» 1917 (Киев), стр. 114—115.

Поляков А. Н. М. М. Языков и Е. А. Боратынский. (Неопубликованные письма). «Лит.-библ. сборн.», под ред. Л. К. Ильинского, П. 1918, стр. 60—71.

Воейков А. Ф. Два письма к поэту Языкову. Приготовил к печати Б. Л. Модзалевский. «Литературные портфели», П. 1923, стр. 63—69.

Петухов Е. В. Два письма Е. А. Боратынского к Н. М. Языкову. «Ист.-лит. сб. Посвящается В. И. Срезневскому». Л. 1924, стр. 11—14.

Петров В. Листування М. О. Максимовича та Н. М. Язикова (Роки 1829 — 1846). «Литература» 1928, стр. 131—144.

В примечаниях — отрывки из писем П. В. Киреевского к Языкову.

Шапошников Б. В. Письма Е. М. Языковой о Пушкине. «Искусство» 1928, № 1 — 2, стр. 153 — 168.

Азадовский, Марк Языков перед первой книгой стихов. Переписка Н. М. Языкова с В. Д. Комовским (1831—1833). «Литературное наследство», т. XIV (печатается).

IV. НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Погодин М. Мои воспоминания об Языкове. «Москвит.» 1846, ч. I, № 11 — 12, стр. 254—258.

Шевырев Ст., Николай Михайлович Языков. «Моск. гор. листок» 1847, № 6 —7.

Языков Н. М. [некролог]. «Современ.» 1847, № 2, стр. 189 — 191.

Вяземский П. А., Н. М. Языков. «СПБ. ведом.» 1847, № 91 (перепечатано в Полн. собр. соч., т. II, Языков и Гоголь).

Николаевский С. Воспоминание об Языкове, «Звездочка» 1848, отд. I, ч. 25, стр. 77 — 79.
Николаевский С. Несколько слов в память Языкова. «Ярославск. лит. сборн.» 1850, стр. 72 — 92.
Герцен А. И. Былое и думы, Лонд. 1861; последн. издания: изд. Павленкова, т. II — III; изд. ГИЗ, под ред. М. Лемке, тт. XII — XIV; отд. изд.: Герцен. Былое и думы, тт. I — III, под ред. Л. Б. Каменева, М. 1932 и 1933.
В. П. Цыганка Таня о Пушкине и Языкове. «СПБ. ведом.» 1875, № 31.
Из записок Д. Н. Свербеева. «Русск. арх.» 1889, III, № 9, стр. 140—149.
Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. «Русск. арх.» 1890, № 8.
Anders Emil. Erinnerungen. (Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders) «Balt. Monatschrift» 1892, B. XXXIX.
Арнольд Ю. К. Воспоминания, т. I, М. 1892.
Свербеев Д. Н. Записки, тт. I — II, М. 1905.
Дневник А. Н. Вульфа. 1828—1831. Под ред. М. Л. Гофмана. «Пушкин и его совр.», т. XXI — XXII, П. 1915. Новое изд.: «Дневник Вульфа. Любовный быт Пушкинской эпохи», под ред. П. Е. Щеголева, изд. «Федерация», М. 1929.
Смирнова-Россет А. О. Автобиография. Неизданные материалы. Подготовила к печати Л. В. Крестова, изд. «Мир», М. 1931.

V. КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВ

Плетнев П. А. Письмо к графине С. И. М. о русских поэтах (перепечатано в «Сочинениях и переписке», т. I, стр. 193 — 195).
Киреевский И. Обзор русской словесности за 1829 г. «Денница» 1830 (перепечатано в Полн. собр. соч., М. 1911, т. I, стр. 14—39).
Borg C. v. d. Russische schöne Literatur. Стихотворения Н. Языкова, d. i. Gedichte von N. Jasykow. St.-P. 1833. «Dorpater Jahrbücher für Literatur, Kunst und Statistik... 1833, S. 509 — 514.
Полевой Кс. Стихотворения Н. Языкова (рец.). «Моск. тел.» 1833, ч. VI, март, стр. 228 — 237.
[Очкин, А.] Стихотворения Н. Языкова (рец.), «Сев. пчела» 1833, № 74.
Y—Z [Киреевский И.]. О стихотворениях Языкова. «Телескоп» 1834, т. 19, № 3 — 4, стр. 103 (перепечатано в Полн. собр. соч., М. 1911, т. II, стр. 76—86).

Воейков А. Сплетни. «Литературные прибавления к «Русск. инв.» 1833, № 64.
Греч Н. Обозрение русской литературы в 1833 г. (Письмо в Париж к Я. Н. Толстому). Соч., ч. V, Спб. 1838, стр. 203.
König. Literarische Bilder aus Russland, 1837, S. 164—167. (Русский перевод: «Очерки русской литературы», М. 1860).
Белинский В. Г. Русская литература в 1841 г. «Отеч. зап.» 1842 (перепечатано: Полн. собр. соч., т. VII).
Плетнев П. А. 56 стихотворений Языкова (рец.). «Современ.» 1844, т. XXXVI, стр. 340 (перепечатано: «Сочинения и переписка», т. II, стр. 465 — 466).
56 стихотворений Н. Языкова (рец.). «Лит. газ.» 1844, № 48, стр. 817 — 821.
Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов. «Отеч. зап.» 1845, т. XXXVIII, стр. 62—84 (Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. XII, Л. 1926, стр. 470 — 511; см. также: Н. Л. Бродский. Неизвестная статья Белинского. «Печ. и рев.» 1923, № 4, стр. 9 — 25.
Белинский В. Г. Русская литература в 1844 г. «Отеч. зап.» 1845, т. XXXVIII, отд. V, стр. 1—42 (к Языкову относятся стр. 1—4; перепечатано: Полн. собр. соч., т. IX, Спб. 1914).
[Белинский В. Г.]. Отрок Вячко, М. 1845 (рец.). «Отеч. зап.» 1845, т. XL, отд. V, стр. 35 (перепечатано: Полн. собр. соч., т. IX, Спб. 1914).
[Белинский В. Г.] Новые стихотворения Н. Языкова (рец.). «Отеч. зап.» 1845, т. XLI, отд. VI, стр. 1 — 3 (перепечатано: Полн. собр. соч., т. IX. Спб. 1914).
Водянский Ярополк [Герцен А.]. Москвитянин и вселенная, «Отеч. зап.» 1845, т. XXXIX, стр. 48—51.
[Сенковский О. И.] Новые стихотворения Языкова (рец.). «Библ. для чтения» 1845, т. 72, авг., отд. VI, стр. 1 — 10.
[Плетнев П. А.] Новые стихотворения Н. Языкова (рец.). «Современ.» 1845, т. XXXVIII, стр. 253 (перепечатано: «Сочинения и переписка», т. II, стр. 502 — 503).
[Белинский В.] Стихи на объявление памятнику историографу Николаю Михайловичу Карамзину, 1845 (рец.) Полн. собр. соч., т. X, стр. 175 — 176.
Погодин М. О стихотворении Языкова на открытие памятника Карамзину. «Москвит.» 1846, № 1, стр. 264—268.
Погодин М. Москов. сборн. 1846 (рец.). «Москвит.» 1846, № 5, стр. 177 — 190.
[Белинский В. Г.] Совет москвитянину. «Отеч. зап.» 1846; т. XLII, стр. 116—117 (перепечатано: Полн. собр. соч., т. X, Спб. 1914, стр. 32—33).

[Белинский В. Г.] Современные заметки. Полн. собр. соч., т. XI, стр. 62 — 74.

VI. ПОЗДНЕЙШИЕ КРИТИЧЕСКИЕ ОТЗЫВЫ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОТЫ

Гаевский В. Дельвиг. «Современ.» 1854, кн. 1, стр. 44—48 (Статья III, ч. IV: Дружба Дельвига с Языковым).

Геннади Г. Кое-что о русских поэтах. «Сборник в память А. Смирдина», т. VI, стр. 101—117 (имеется отд. оттиск. 1859).

Добролюбов Н. А. [Рец. на Стихотворения Н. Языкова, под ред. П. Перевлесского]. «Современ.» 1858, III (Март. Нов. кн., стр. 43—49; входит во все полн. собр. соч. Добролюбова).

[Штрандтман]. Лирическая поэзия последователей Пушкина. «Моск. обозр.» 1859, № 2, стр. 99 — 227.

Стоюнин В. Русская лирическая поэзия, т. I, Спб. 1859.

Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе. «Вестн. Европы» 1881—1882. Отд. изд.: 1-е изд.—1882; 5-е изд. — М. 1916.

Waldmann F. Russische Dichter und Schriftsteller in Livland. «Baltische Monatschrift» 1892, B. XXXIX, S. 616 — 618.

Шенрок В. И. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, т. III, М. 1895, стр. 350—370. Гоголь и Языков.

Божерянов Н. И. Н. М. Языков. «Русск. вестн.» 1896, XII, стр. 147 — 158.

Рыбинский В. С. Н. М. Языков. «Филол. зап.» 1897.

Шенрок В. И. Н. М. Языков. «Вестн. Европы» 1897, XI — XII.

Овсянников Н. Один из пушкинской плеяды. «Моск. вед.» 1899, № 258.

Смирнов В. Я. Жизнь и поэзия Н. М. Языкова, Пермь 1900; рецензии: Сиповский В. В. — «Изв. отд. русск. яз. и слов.», т. V, 1900, кн. 3, стр. 1021—1030. Ашевский Н. — «Образ.» 1900, XI, стр. 64—67; «Русск. бог.» 1901, VI, стр. 94—98. [А. Н. Пыпин]. «Вестн. Европы» 1900, стр. 412—417.

Лернер Н. Три молитвы. «Русск. стар.» 1901, XII, стр. 529—532 [о возможном влиянии «Молитвы» Языкова на «Молитву» Лермонтова].

Языков Д. Николай Михайлович Языков. Биографический очерк, М. 1903.

П. М. [Морозов, П. О.] Н. М. Языков. Энц. словарь Брокгауз и Эфрон, т. 81, 1904, стр. 515.

Rosenberg A. Ein russischer Sänger des alten Dorpat, N. M. Jazykow. «Baltische Monatschrift» 1905, B. LX, S. 305 — 327.

Бобров Е. Мелочи из истории русской литературы. IX, об одной студенческой песне Языкова. «Русск. фил. вестн.» 1907, I, стр. 181—183.

Невзоров. Прибалтийский край в русской литературе. Сб. Уч.-лит.-о-ва при Юрьевском ун-те, т. XIII. Юр. 1908, стр. 1—40.

Айхенвальд Ю. И. Н. М. Языков. «История русской литературы XIX в». Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина, т. II, стр. 58 — 62, М. 1909.

Бороздин А. К. Литературные характеристики. Девятнадцатый век, т. I [стр. 330 — 355: Дельвиг. Языков и Боратынский].

Библиотека великих писателей, под ред. С. А. Венгерова. Пушкин, т. III (Н. О. Лернер. Примечания к стихотворениям 1829 г.). То же, т. IV. (Н. О. Лернер. Примечания к стихотворениям 1826 — 1828 гг.), стр. XXXVI — XXXVII, XLIII — XLIV.

Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, К. 1912.

Белый А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба. «Символизм», М. 1910.

Белый А. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре; там же.

Сербов Н. Языков Н. М. «Русск. биогр. словарь. Яблоновский — Фомин, Спб. 1913, стр. 42 — 46.

Садовский Б. Н. М. Языков. «Петроградские вечера», кн. III, Пб. 1914; перепечатано в сб. статей Б. Садовского «Ледоход» 1916, стр. 111—119).

Бобров С. Лирическая тема. XVIII экскурсов в ее области, М. 1914 (первоначально в «Трудах и днях», 1913, № 1— 2), экск. VII — несколько замечаний об эпитете у Языкова.

Асеев Николай, Ночная флейта. Стихи. Предисловие Сергея Боброва, М. 1914.

Бобров С. Дерптские письма Н. М. Языкова. «Записки стихотворца», М. 1916.

Бобров С. Н. М. Языков о мировой литературе, М. 1916.

Поэты Пушкинской поры. Сборник стихов. Под ред. и со вступительной статьей Ю. Н. Верховского, М. 1919.

Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 г., Симб. 1916 [стр. CVII — CXIV: Симбирский пантеон].
Сакулин П. Н. Русская литература. Часть вторая. М. 1929 [об Языкове: стр. 417—419].
Денисов. Языков Н. М. «Большая советская энциклопедия», т. 65, М. 1931.
Азадовский Марк. Языковиана (Судьба литературного наследства Языкова). «Литературное наследство», т. XIV (печатается).

VII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина. «Сев. вестн.» 1877, №№ 68—69 перепечатано: Собр. соч., т. III, 1899, стр. 1115—1132).
Письмо Погодина к Шевыреву. «Русск. арх.» 1882, III, стр. 7 — 126; 177 — 202.
Поливанов В. Н. Василий и Иван Киреевские в письмах к А. М. Языкову. «Русск. стар.» 1883, IX, стр. 629—634.
Чижов Ф. В. Воспоминание. «Ист. вестн.» 1883, XII, стр. 241—269.
Шенрок В. И. Друзья и знакомые Н. В. Гоголя в их к нему письмах. «Русск. стар.» 1889, VII, 313—385 [письмо Чижова к Гоголю об Языкове].
Барсуков Н. Жизнь Погодина, т. I — XXI, 1886 — 1900 [об Языкове: тт. II — VIII. По указателю имен].
Письмо М. А. Максимовича к П. А. Вяземскому. «Старина и новизна», кн. VI, 1901.
Н. М. Языков (К пятидесятилетию со времени его кончины). I. Из письма С. П. Шевырева к Гоголю 30 дек. 1846 г. II. Гоголь об Языкове. «Русск. арх.» 1896, XII, стр. 637—638.
Бобров Е., К биографии Н. М. Языкова. Сб. Учено-лит. о-ва при Юрьевском ун-те, т. XI, Юр. 1907, стр. 18—58.
Поливанов В. Н. К портрету Н. М. Языкова. «Русск. стар.» 1895, CIII; стр. 201—202.
Столяров М. Языков в Дерпте. Сб. Уч.-лит. о-ва при Юрьевском ун-те, кн. II, 1899, стр. 121 — 149.
Шенрок В. Студенческие годы Н. М. Языкова. «Русск. стар.» 1903, 4, стр. 143—153.
Бобров Е. А. А. Фукс. «Русск. стар.» 1904, VI—VII.
Бобров Е. Мелочи из истории русской литературы. Н. Языков и Татаринов. «Русск. фил. вестн.» 1905, 2.

VIII. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

Пругавин А. С. [о могиле Н. М. Языкова]. «Моск. календарь-альманах» на 1897 г.

Анофриев Вл. О могиле Языкова. «Русск. ведом.» 1895, № 137.

П. В. Киреевский. Его письма. «Русск. арх.» 1905, 5, стр. 113—175 [стр. 152—153. Из поездки к больному Языкову].

Поливанов В. Н. Село Языково. К пятидесятилетию кончины поэта Н. М. Языкова. «Ист. вестн.» 1896, XII, стр. 987 — 990.

Поливанов В. Н. К статье «Село Языково». «Ист. вестн.» 1897, III; стр. 170 (см. Его же. Письмо в редакцию. «Симбирянин» 1911, № 1320, от 5 ноября 1911).

Гласко Б. Старые русские помещичьи библиотеки. «Русск. библиоф.» 1912, VI, стр. 23, 30 (Библиотека Н. М. Языкова).

[В старом Языковском доме в Симбирске]. «Русск. библиоф.» 1916, VII, стр. 95 (хроника).

Столпянский П. Н. К истории провинциальных публичных библиотек в эпоху императора Николая I. «Русск. библиоф.» 1912, № 2 [стр. 41: о Симбирской библиотеке].

Стогов Н. Из истории просвещения в Симбирске. Памяти Языковых. «Синбир» 1921, № 1, стр. 9 [об организации библиотеки в Симбирске].

Великий князь Николай Михайлович. «Московский Некрополь», т. III (Р.—Ф.), Спб. 1908, стр. 400.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В настоящий указатель вошли упоминаемые в стихотворениях исторические и литературные имена, заглавия литературных произведений и географические названия. Имена, упоминаемые только в комментарии, в указатель не включены, за исключением тех случаев, когда они органически связаны с текстом стихотворений, например, «Байрон» или «Шильонский узник», как пародируемые в одной из поэм Языкова. В случае, если имена, упомянутые в стихотворениях, в примечаниях упомянуты только библиографически или случайно (например, в какой-нибудь цитате), то последние также в указатель не вводятся. В прямых скобках включены имена, упомянутые в стихотворениях не прямым обозначением, а как-либо описательно («вольномыслящий поэт, наследник мудрости Вольтера»—Пушкин; «Бродяга царствует, воспитанник латинства»—Дмитрий Самозванец; многочисленные упоминания о Воейковой и т. п.). Цифры, набранные курсивом, обозначают страницы примечаний; сокращения: г.—город; р.—река; с.—селение.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. М. ЯЗЫКОВА

(По заглавию и первому стиху) [1]

[1] Цифры, набранные обычным шрифтом, обозначают страницу текста стихотворений, курсивом — примечаний. Заглавия и первые строки вариантные — набраны курсивом.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1824

1825

1827

1828

Dubia (1822 — 1829)

1830

1831

1832

1833

1834

1835

1836

1839

1840

1841

1842

1843

1844

1845

Стихотворения неизвестных лет

Коллективное

Стихотворения, написанные совместно с Ив. Киреевским

Dubia

ПРИЛОЖЕНИЯ:

ГЛАВНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

В ТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ:

	Напечатано:	*Следует читать:*
№ 6, ст. 30, стр. 98	младой	младый
№ 11, ст. 39, стр. 108	вдохновенья,	вдохновенья
№ 13, ст. 86, стр. 111	К которой	В которой
№ 26, ст. 20—22, стр. 131	Вина ж не хмельные Прочь отжени! Пиры полуночные,	Вина ж не хмельные Прочь отжени! Пиры полуночные,
№ 47, ст. 31—32, стр. 154		. . . .
№ 48, ст. 19, стр. 155	награда	награда!
№ 64, ст. 16, стр. 173	твердыню.—	твердыню,—
№ 72, ст. 100, стр. 186	Но сон-изменник, исчезал	Но сон-изменник исчезал,
№ 79, эпиграф, стр. 203	das schwatzen	das Schwätzen
№ 87, ст. 26, стр. 213	дрожали	дрожали;
№ 98, ст. 40, стр. 223	сердце	сердца
№ 99, ст. 32, стр. 224	назначит	назначить
№ 111, ст. 5, стр. 233	виновной;	виновной,
№ 143, ст. 4, стр. 257	свой природе	своей природе
№ 145, ст. 3, стр. 259	чашой	чашей
№ 161, ст. 27, стр. 288	покрытый;	покрытый,
№ 174, ст. 38, стр. 306	свайка.	свайка,

№ 181 ошибочно помещен среди стихотворений 1828 г., следует поместить среди стихотворений 1829 г.

№ 185, заглавие, стр. 325	V.	V. Прощальная песня
№ 197, ст. 20—21, стр. 333	Рамоей Вскаюсь	В моей Раскаюсь
№ 204, ст. 6, стр. 342	ее	ея
Стр. 345	1830—1839	1830—1836
№ 269, ст. 673, стр. 452	Нет погоди! Я слышу... Так звонят!	Нет погоди! Я слышу... Так звонят!
№ 286, заглавие, стр. 522	Ницца	Ница
№ 310, ст. 3, стр. 593	Я вырос, на светлых холмах и равнинах	Я вырос на светлых холмах и равнинах,
№ 317, примечание, стр. 601	чернильницу	чернилицу
№ 328, ст. 3, стр. 624	обнемечить	онемечить
№ 332, ст. 6, стр. 629	забот.	забот,
Стр. 672, стрк. 2 сн.	пиров	*Пиров*

ВО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕ И ПРИМЕЧАНИЯХ:

Стр. 35, стрк. 10 св.	мире	мире»
Стр. 42, стрк. 4 св.	в Пушкину	к Пушкину
Стр. 47, стрк. 11 св.	предоставив	представив
Стр. 823, стрк. 22 св.	по тексту «Моск. набл.»	по тексту «Современ.» в «Моск. набл.» и изд. 1845 г. следующие разночтения:

*Редактор Л. Б. Каменев.
Технический редактор
Н. Н. Филиппов.*

*

*Сдана в набор 9/I 1933 г.
Подписана к печати
20. III 1934 г. Инд. А-1
Уполномоченный Главлита № Б-24118. Тираж
5300 экз. Изд. № 104
Зак. № 312/1288. Форм.
бумаги 82×110 $^{1}/_{32}$. Печ.
лист. 58 + 22 вклейки
Бум. л. 29. по 34000 зн.*

*

*Отпечатана во 2-й типографии «Печатный
Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград.
Гатчинская ул., д. 26.*

*Цена Р. 12. —
Переплет Р. 2.50*